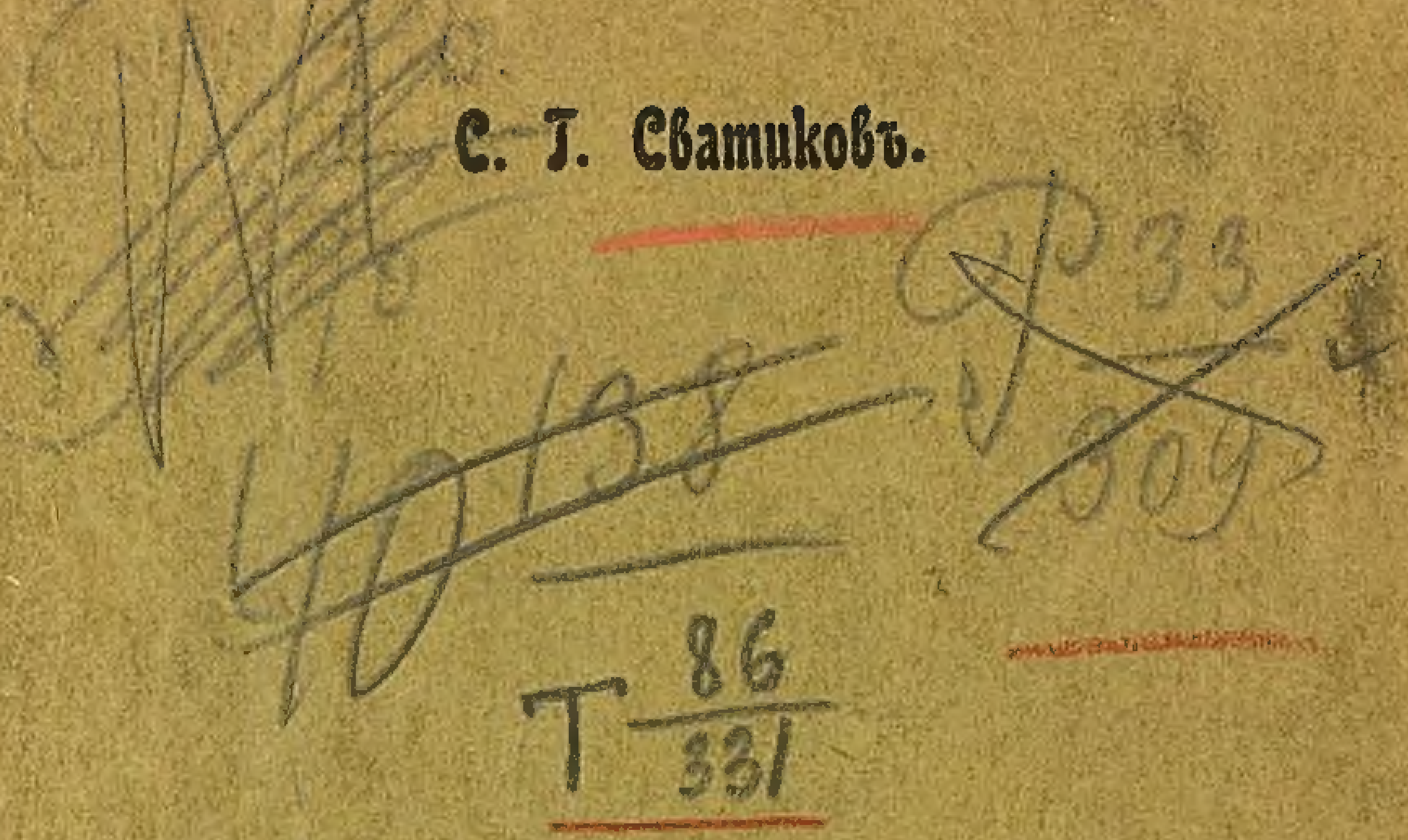

T 86/331



С. Г. Сватиковъ.

Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895).

Цѣна 60 коп.

Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

В. Алексѣевъ—Народовластіе въ древней Руси . . . . 15 к.
В. Алексѣевъ—Земскіе соборы древней Руси . . . . 10 к.
Н. И Дитятинъ—Роль челобитій и земскихъ соборовъ . . . . . . 15 к.
И. И. Дитятинъ—Екатерининская комиссія . . . . 15 к.
Дарестъ—Бельгійская конституція . . . . 7 к.
И. П. Бѣлоконскій—Разсказы. III т. . . . . 60 к.
И. П. Бѣлоконскій—Самоуправленіе и земство . . . . 7 к.
Е. И. Булгакова—Заря будущаго . . . . 25 к.
Е. И. Булгакова—Японія и японцы . . . . 20 к.
А. Ѳ. Быкова—Англія и англичане . . . . 15 к.
В. В.—Великая французская революція . . . . 15 к.
Бебель—Государство будущаго . . . . 10 к.
В. Водовозовъ—Всеобщее избирательное право на Западѣ . . . . . . 5 к.
Гауптманъ—Томъ 2-й (Ткачи и Извозчикъ Геншель) . . . . 30 к.
Феликсъ-Гра—Марсельцы . . . . 25 к.
А. Горбуновъ—Гарантіи личной свободы въ Англіи . . . . 15 к.
Гэдъ—Коллективизмъ . . . . 4 к.
Голубевъ—Роль земства . . . . 10 к.
Н. Дубровскій—Іюль 1830 г. во Франціи . . . . 7 к.
С. Живаго—Страница изъ исторіи народнаго освобожденія въ Швейцаріи 6 к.
Е. Звягинцевъ—Общественное движеніе въ Россіи . . . . 20 к.
Зомбартъ—Соціализмъ въ XIX вѣкѣ . . . . 20 к.
Зомбартъ—Рабочее движеніе въ XIX вѣкѣ . . . . 20 к.
Н. Карышевъ—Экономическія бесѣды . . . . 15 к.
К. Каутскій—Ирландія . . . . 7 к.
К. Каутскій—Противорѣчія классовыхъ интересовъ во Франціи въ 1789 г. 20 к.
К. Каутскій—Развитіе формъ государства . . . . 7 к.
Каутскій—Соціальная реформа . . . . 25 к.
А. Кизеветтеръ—Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вв. 15 к.
А. Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи . . . . 15 к.
А. Кизеветтеръ—Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи . . . . . . 10 к.
А. Кизеветтеръ—Протопопъ Аввакумъ . . . . 8 к.
А. Кизеветтеръ—Кузнецъ-Гражданинъ (изъ эпохи 60-хъ годовъ) . . . 10 к.
Ѳ. Кокошкинъ—Бюджетный вопросъ въ государств. съ предст. правл. . 10 к.
Карѣевъ—Французскіе писатели XVIII в. . . . . 10 к.
Котляревскій—Представительство совѣщательное . . . . 4 к.
П. Лакомбъ—Исторія французскаго народа . . . . 25 к.
Лангманъ—Бартель Туразеръ, драма изъ рабочей жизни . . . . . . 15 к.
Лассаль—Сущность конституціи (2 рѣчи) . . . . 8 к.
Лассаль—Программа работниковъ . . . . 8 к.
Либкнехтъ—О налогахъ . . . . 5 к.
Либкнехтъ—Отъ обороны къ нападенію . . . . 10 к.
В. Мякотинъ—На зарѣ русской общественности . . . . 15 к.
Милюковъ—Верховники и шляхетство . . . . 15 к.
Марксъ—Гражданская война . . . . 10 к.
Д. Петрушевскій—Великая хартія вольностей . . . . 15 к.
А. Пругавинъ—Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости . . 8 к.
С. Прокоповичъ—Длина рабочаго дня по русскому законодательству . . 10 к.
Прокоповичъ—Аграрное движеніе . . . . 10 к.
Рожковъ—Исторія крѣпостного права въ Россіи . . . . 10 .
В. Строевъ—Московское Государство передъ реформами . . . . . . 20 к.
Семевскій—Изъ исторіи общественнаго теченія въ 40-хъ г. . . . . . [illegible] к.
В. С.—Трудъ и Капиталъ. Первонач. свѣдѣнія по политич. экономіи . . 1[illegible]
С. Г. Сватиковъ—Созывъ народныхъ представителей . . . . 10 [illegible]
Сторожевъ—Біографія Грановскаго . . . . 15 [illegible]
Шиппель—Профессіональные рабочіе союзы . . . . 10 к.
В. Щерба—Исторія русской школы . . . . 10 к.
Эркманъ-Шатріанъ—Исторія одного крестьянина . . . . 20 к.

С. Г. Сватиковъ.

Общественное движеніе въ Россіи

(1700—1895).



Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь"
въ Ростовѣ на Дону.

Дозволено цензурою 12 мая 1905 год. Ростовъ на Дону.



Ростовъ на Дону.
Акцiонерная печатня. Типографiя „Донская Рѣчь".
1905.

Предисловіе.

Въ настоящій моментъ вопросъ о народномъ представительствѣ въ Россіи рѣшенъ окончательно и безповоротно. Но для того, чтобы рѣшить въ какія именно формы должно вылиться это представительство, нужно быть знакомымъ не только съ теоретической частью этого вопроса, съ положеніемъ народнаго представительства въ З. Европѣ и его историческимъ развитіемъ на Западѣ, но и съ исторіей вопроса этого въ Россіи. Настоящая работа имѣетъ цѣлью сдѣлать общую сводку всего матеріала по вопросу о проектахъ и попыткахъ измѣненія государсвеннаго строя въ Россіи. Несомнѣнно, что только глубокій анализъ экономическихъ и общественно-политическихъ условій русской исторической жизни дастъ возможность точно объяснить и правильно понять возникновеніе тѣхъ, а не иныхъ проектовъ политическаго переустройства Россіи. Тѣмъ не менѣе, намъ казалось, что даже простое изложеніе политическихъ проектовъ и программъ за послѣднія 200 лѣтъ (1700—1895) дастъ читателю возможность прослѣдить возникновеніе и развитіе на русской почвѣ современныхъ политическихъ программъ. Напримѣръ, теченія монархически-конституціонное и республиканское, централистское и федералистское, требованія двухпалатной и однопалатной системъ, развитіе требованія учредительнаго собранія и всеобщаго избирательнаго права—все это легко можетъ быть прослѣжено по предлагаемой работѣ. Ниже пояснены причины, препятствовавшія намъ изложить полно и безъ пропусковъ, по возможности, всѣ проекты. Главнѣйшіе проекты изложены всѣ. Изъ требованій измѣненія государственнаго строя не упомянуто требованіе свободы слова, заявленное въ 1862 г. въ майскомъ номерѣ газеты «День» И. С. Аксаковымъ, письмо къ императору Александру III Цебриковой (1889 г.),

а изъ конституціонныхъ проектовъ—проектъ кн. Васильчикова (1880—81 г.) и анонимнаго «общества конституціоналистовъ» (1891 г.)—все за отсутствіемъ матеріаловъ. Во всѣхъ проектахъ и программахъ изложена лишь част·, касающаяся *политическаго* переустройства Россіи, вс· касающееся развитія соціальныхъ требованій и тео· исключено *). Исторія политическихъ и соціальныхъ программъ въ Россіи ждетъ еще своего историка.

Настоящая работа написана спѣшно**) и, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, въ провинціи, гдѣ не было возможности пользоваться сносной исторической библіотекой, и изложена на основаніи отрывочныхъ записей, сдѣланныхъ во время работъ (по другому вопросу) въ Британскомъ Музеѣ. Отсюда—недостаточно полное изложеніе проектовъ, пропуски, умолчанія и нѣкоторая несоразмѣрность частей. Все это будетъ, по возможности, исправлено во 2-мъ изданіи. Первая часть работы изложена по гейдельбергской докторской диссертаціи автора на тему «Entwuerfe der Aenderung der russischen Staatsverfassung. Zur Entwicklung der konstitutionellen Ideen in Russland (1730—1819). Heidelberg. 1904, а также по указаннымъ въ текстѣ источникамъ. Вторая часть изложена по неизданнымъ до сихъ поръ въ Россіи источникамъ и матеріаламъ, напр., книгѣ пр. Драгоманова о земствѣ и либерализмѣ, извѣстной запискѣ С. Ю. Витте о земствѣ (1899 г.) и на основаніи самостоятельнаго изученія матеріаловъ (мемуаровъ, политическихъ программъ, брошюръ и т. п.).

С. Сватиковъ.

Ростовъ на Дону.
1905.

---

*) Поэтому въ предлагаемой работѣ лишь вкратцѣ упомянуто о соціалистическихъ теченіяхъ 60-70-хъ годовъ въ русскомъ обществѣ, въ виду отрицательнаго отношенія русскихъ соціалистовъ 60-70-хъ годовъ къ современному государству.

**) Автору казалось возможнымъ, въ виду настоятельной необходимости, въ данный моментъ, дать широкой массѣ читателей очеркъ по исторіи конституціонныхъ проектовъ въ Россіи,—пожертвовать, въ извѣстной с[illegible]ни, научной обработкой историческаго матеріала, требующей за[illegible] большого количества времени. Наиболѣе важные моменты въ р[illegible]тіи русской политической мысли отмѣчены и освѣщены авторомъ, насколько это позволили обстоятельства, въ коихъ авторъ находился при составленіи даннаго очерка.

ГЛАВА I.

Въ московской Руси XVI и, особенно, XVII вѣка формой участія народа (на основѣ сословнаго представительства) въ управленіи страной являются земскіе соборы. Въ смутное время они являются носителями верховной власти: они избираютъ царя; а въ «безгосударное» время отъ земскаго собора, какъ источника верховной власти, идутъ всѣ распоряженія,—все дѣлается его именемъ. Однако, съ ростомъ и укрѣпленіемъ власти московскихъ государей, соборы созываются все рѣже, а къ концу XVII вѣка окончательно исчезаютъ. Послѣдній соборъ, въ истинномъ смыслѣ слова, былъ въ 1653 г.; послѣ него, по разнымъ поводамъ, собирались комиссіи выборныхъ одного какого нибудь сословія, получившія потомъ названіе «неполныхъ соборовъ». Послѣ 1698 г., когда было созвано собраніе депутатовъ всѣхъ сословій (для суда надъ царевной Софьей), прекратились окончательно и эти «неполные соборы» [1]). Уничтоженіе боярской думы и патріаршества при Петрѣ I сдѣлали верховную власть фактически совершенно неограниченной, что немедленно-же нашло себѣ отраженіе и въ юридическихъ актахъ той эпохи—Воинскомъ Уставѣ, Духовномъ Регламентѣ и «Правдѣ воли монаршей». Такъ въ Воинскомъ Уставѣ сказано: «Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію, управлять». (20 ст. Артикула).

---

¹) *Латкинъ*, „Земскіе соборы“; стр. 251.

Въ Духовномъ Регламентѣ, въ началѣ, высказано, что «монарховъ есть власть самодержавная».

Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Ѳеофана Прокоповича существовали «въ народѣ такъ непокойныя головы и страстію прекословія свербящая сердца, что никаковаго уставленія отъ державной власти произносимаго похвалити не хотятъ». Поэтому, для оправданія указа 5 февраля 1722 г. о правѣ монарха назначать себѣ наслѣдника по собственному усмотрѣнію, была написана «Правда воли монаршей», въ которой Ѳеофанъ Прокоповичъ, на основаніи священнаго писанія и западно-европейской науки (въ лицѣ Гоббеса, Пуфендорфа, Гроція), защищаетъ самодержавную и неограниченную власть государя. Однако и Ѳеофанъ ставитъ условіемъ неограниченной власти, чтобы ея велѣнія не были вредны. Несомнѣнно, книга эта сильно способствовала пробужденію политической мысли въ обществѣ, такъ какъ въ ней разбирались доводы въ пользу различныхъ образовъ правленія. Идея земскаго собора, какъ органа при посредствѣ котораго государь могъ совѣтоваться съ «землей», нашла откликъ въ произведеніяхъ крестьянина И. Посошкова [1]), писателя петровской эпохи, который въ своей книгѣ «О скудости и богатствѣ» писалъ, между прочимъ: къ составленію новаго уложенія слѣдуетъ избрать по нѣсколько человѣкъ отъ каждаго сословія до крестьянъ включительно «и написавъ точно новосочиненные пункты *всѣмъ народомъ* освидѣтельствовать самымъ *вольнымъ голосомъ*, а не по принужденію и... предложить Его Императорскому Величеству, да разсмотритъ его умная острота... Сіе мое реченіе многіе вознепщутъ, яко бы азъ

---

[1]) Сочиненія Посошкова изданыя Погодинымъ, М. 1842 т. I, и 1863, т. II.

См. также *Павловъ-Сильванскій*, проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. СПБ. 1897, стр. 80 и сл.; *Брикнеръ*, „И. Посошковъ“. СПБ., 1876, ч. II; *А. Царевскій*, Посошковъ и его сочиненія М. 1883; *А. Пыпинъ*. „Вѣстникъ Европы“, 1894. XII 777.

Его Императорскаго Величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю [1]); азъ-же не снижаю Его Величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды... надлежитъ ту книгу вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была. но всякъ бы себя выстерегъ и чтобы впредь никому спорить было не можно. «Безъ *многосовѣтія* и безъ *вольнаго голоса* никоими дѣлы *невозможно*, понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому-жъ менѣе. Обаче нѣсть такого человѣка, ему-же бы не далъ Богъ ничего».

Идея Посошкова о созывѣ представителей народа для совѣщанія о новомъ Уложеніи осуществилась лишь въ 1767 г. [2]), да и то не вполнѣ. При Петрѣ-же эта мысль и не могла осуществиться, благодаря общему духу его реформъ, построенныхъ на централизаціи, бюрократической опекѣ, и закрѣпощенію народной массы -дворянству, а дворянъ - государству. Тѣмъ не менѣе поставленное въ привиллегированное положеніе сравнительно съ остальной массой народа дворянство - въ теченіе всего XVIII вѣка, стремится къ своему раскрѣпощенію. Съ этой цѣлью оно пользуется дворцовыми переворотами, въ которыхъ главнымъ орудіемъ является гвардія, а двигателями—партіи, на которыя распадается дворянство.

[1]) Эта-же мысль проводится въ словахъ Посошкова, что осуществленію выставленной имъ цѣли („чтобы вся наша Великая Россія *обносилась*, какъ въ духовности, такъ и въ гражданствѣ") именно способствуетъ наличность въ Россіи „самаго властительнаго и всецѣлаго Монарха", а у иноземцевъ „короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди". Однако высказанныя въ книгѣ „О скудости и богатствѣ" мысли были сочтены опасными, и 26 авг. 1725 г. (уже при Екатеринѣ I) „въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ взять подъ караулъ И. Посошковъ... И письма изъ того дому взяты въ помянутую канцелярію и разбираны". 1-го февр. 1726 г. „колодникъ" Посошковъ умеръ въ Петропавловской крѣпости. *Брикнеръ*, ч. I, 70, 72.

[2]) См. гл. II этой книги.

Еще не умеръ Петръ Великій, а собравшіеся во дворцѣ представители высшей знати,—старой-родовитой, и чиновной-новой вели уже споръ, кому наслѣдовать престолъ [1]),—внуку Петра I. Петру Алексѣевичу или супругѣ его Екатеринѣ. Во время дебатовъ предлагалось возвести на престолъ Петра Алексѣевича, а за малолѣтствомъ «*поручить* правленіе имп. Екатеринѣ *вмѣстѣ съ сенатомъ*». Однако, случайные выходцы петровской эпохи настояли съ помощью гвардейской манифестаціи на «*избраніи*» Екатерины, «безъ всякаго ограниченія» [2]). Наиболѣе видный представитель побѣдившей группы, Меньшиковъ, сталъ у власти, но вскорѣ ему пришлось вступить въ компромиссъ съ родовитой знатью, посредствомъ основанія Верховнаго Тайнаго Совѣта [3]). Устроенный изъ 6—8 высшихъ сановниковъ, якобы «для облегченія ея величества въ тяжкомъ бремени правленія», Совѣтъ почти совсѣмъ устранилъ Екатерину I отъ этого «бремени». Члены Совѣта присягали исполнять свои обязанности лишь «по регламентамъ и инструкціямъ Верховнаго Тайнаго Совѣта». При этомъ, въ формулѣ присяги императрица не называется самодержицей, какъ не называется она этимъ титуломъ и въ указахъ, исходящихъ отъ верховнаго Совѣта: никакіе указы «не должны были выходить прежде, *пока они* въ тайномъ совѣтѣ совершенно не состоялись»; никакой указъ, не подписанный, *или* императрицею, *или членами совѣта*, не долженъ былъ исполняться. Наконецъ, по тестаменту (завѣщанію) Екатерины I, передававшему престолъ по ея смерти Петру Алексѣевичу, верховный совѣтъ получаетъ, въ качествѣ регента (правителя), «*полную власть правительствующаго*

---

[1]) Петръ I умеръ не назначивъ наслѣдника.

[2]) *Соловьевъ*, т. XVIII, стр 264, 267—270.

[3]) *Соловьевъ*, XVIII, 284—287, 289—290. При Петрѣ II родовая знать одержала верхъ надъ „новыми людьми“ петровскаго времени, низвергнувъ Меньшикова и захвативъ преобладающее вліяніе въ верховномъ Совѣтѣ.

самодержавнаго государя» [1]). Такое положенiе Совѣта было немедленно правильно оцѣнено иностранными послами. Такъ французскiй посланникъ Кампредонъ писалъ 23 февр. 1726 г. своему правительству [2]: «Легко видѣть, что это первый шагъ къ измѣненiю образа правленiя, которое московиты хотятъ сдѣлать менѣе деспотичнымъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ... Съ этой цѣлью они стараются обезпечить себѣ тѣ привилегiи, которыя они считаютъ цѣлесообразными для образованiя и поддержанiя формы правленiя, на подобiе англiйской».... [3]) Кабинетъ-секретарь Макаровъ выразился въ извѣщенiи Москвы о воцаренiи Петра II. [4]) что «по тестаменту ея величества учинено *избранiе* на престолъ россiйскiй новымъ императоромъ наслѣдственному государю в. к. Петру Алексѣевичу».

Естественно, что Совѣтъ, полновластно правившiй Россiей во все царствованiе императора ребенка, воспользовался моментомъ смерти Петра II, чтобы ограничить верховную власть въ свою пользу.

Петръ II, умеръ въ ночь на 19 января 1730 г., не назначивши, какъ того требовалъ указъ Петра I-го о престолонаслѣдiи, себѣ наслѣдника [5]). Въ эту-же ночь Верховный Тайный Совѣтъ, нѣкоторые изъ сенаторовъ и

---

[1]) Соловьевъ, т. XIX 95—97.

См. также объ отношенiяхъ Екатерины I къ Верховному Тайному Совѣту. *Щегловъ.* Государ. совѣтъ въ Россiи, 1893, стр. 533 –550

[2]) Текстъ у Щебальскаго, Русс. Вѣстникъ, 1859, № 1.; донесенiя Кампредона напечатаны въ сборникахъ Р. Ист. О-ва том. 40, 49, 52, 58, 64, (особенно томъ 64).

[3]) Сборн. Русск. Ист. Общ., т. LXIV, стр. 256. Онъ-же сообщалъ, что „уже составленъ проектъ новой формы правленiя", (ibid. 199—200) созданiе верховнаго совѣта Кампредонъ разцѣнивалъ, какъ „каменъ зданiя для установленiя власти вельможъ" (ibid. 253—4).

[4]) Соловьевъ, XIX, 98.

[5]) Существовалъ впрочемъ „тестаментъ" (завѣщанiе) Екатерины I., по которому Петру II должна была наслѣдовать вел. кн. Анна Петровна „съ десцендентами" (т. е. съ потомствомъ), а за ней Елизавета Петровна „съ десцендентами".

«генералитета» [1]) рѣшили призвать на русскій престолъ герцогиню курляндскую, Анну Ивановну, племянницу Петра I [2]). При этомъ, кн. Дм. Мих. Голицынъ, представитель родовитой знати, настаивалъ на томъ, что «надобно себѣ *полегчить*», «себѣ *воли прибавить*», и пояснилъ, что этого можно достигнуть «пославъ ея величеству *пункты*», т. е. ограничительныя условія, которыя она должна соблюдать по вступленіи на престолъ. Сущность этихъ условій онъ опредилилъ словами: «Станемъ писать пункты, *чтобъ не быть самодержавствію*».

«Пункты» эти, иначе названные «кондиціями» (т. е. условіями) были написаны въ ту же ночь и отправлены въ Митаву. Содержаніе ихъ было слѣдующее:

«Чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о.... распространеніи православныя наши вѣры греческаго исповѣданія; такожде по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ ввосми персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія:

1) ни съ кѣмъ войны не вчинать;

2) миру не заключать;

3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податьми не отягощать;

4) въ знатные чины, какъ въ стацкіе [3]) такъ и въ

[1]) т. е. высшаго чиновничества

[2]) Кандидатура Петра-Ульриха, сына герцога голштейнъ-готторпскаго Карла-Фридриха и Анны Петровны (дочери Петра I), а также Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, старшей сестры Анны Ивановны—была устранена Совѣтомъ. Петръ-Ульрихъ впослѣдствіи вступилъ на русскій престолъ подъ именемъ Петра III-го.

[3]) Статскіе—гражданскіе.

военно-сухопутные и морскіе выше полковничья ранга [1]) не жаловать, ниже къ знатнымъ [2]) дѣламъ никого не определять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта,

5) У шляхетства [3]) живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать;

6) вотчины и деревни не жаловать;

7) въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ не производить;

8) государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать; а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской»!..

25 января 1730 г. Анна Ивановна сдѣлала на подлинникѣ кондицій надпись: «по сему обещаю все безъ всякаго изъятия содержать, *Анна*».

Составленныя представителемъ старо-боярской партіи, кондиціи эти напоминаютъ нѣсколько «ограничительную запись» [4]), при посредствѣ которой бояре смутнаго времени пытались обезпечить себѣ правомѣрное воздѣйствіе на верховную власть при воцареніи Годунова, Василія Шуйскаго, и въ особенности при попыткѣ посадить на престолъ польскаго королевича Владислава [5]). Старая идея

---

[1]) Рангъ—чинъ.

[2]) Знатные дѣла—старинное выраженіе—*важныя* дѣла.

[3]) т. е. у дворянства.

[4]) Нѣкоторые видятъ въ кондиціяхъ сходство съ польскими избирательными капитуляціями (Pacta conventa), которыми польское шляхетство стремилось ограничить избираемыхъ имъ королей и обезпечить свои привиллегіи. См. Ed. **Winkelmann**, Allgem. Verfassungsgeschichte. Leipzig, 1901, стр. 355—56 и 362. Другіе же, какъ Щегловъ находятъ сходство съ „записью“. Щегловъ стр. 585—6.

[5]) Ограничительная запись царя Вас. Шуйскаго обезпечивала личность подданныхъ отъ произвола власти, а Владиславъ согласился, кромѣ того, и на установленіи политическихъ гарантій:—изданіе новыхъ законовъ и введеніе новыхъ налоговъ обусловливалось согласіемъ совѣта бояръ и *всей земли*. Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ тоже давалъ „письмо“, т. е. ограничительную запись, но Алексѣй Михайловичъ записи уже не давалъ. См. *Щегловъ*. „Госуд. сов.“, Яросл., 1893, стр. 447; 450—51; 461—463; *Котошихинъ*, стр. 100.

облечена была, однако, въ новыя формы, позаимствованныя съ запада. Сличеніе текста кондицій съ шведской «формой правленія» 1720 года показало почти полное совпаденіе «пунктовъ» 1730 г. и параграфовъ «формы правленія» и «Королевской присяги» 1720 г. [1]. Кондиціи существенно ограничивали власть государыни въ пользу верховнаго Совѣта. Отказъ Анны отъ брака и назначенія наслѣдника обезпечивалъ «верховникамъ» возможность по смерти Анны, избрать государя, наиболѣе подходящаго для продолженія ихъ власти. Основными признаками ограниченія верховной власти являлись: обѣщаніе безъ согласія совѣта не объявлять войны и не заключать мира (§ 1 и 2), не налагать подати и не производить расходы (§ 3 и § 8), а также отдача военной силы и гвардіи (являвшейся важнымъ факторомъ въ моменты переворотовъ) подъ власть Совѣта. Ограниченіе права государыни производить по усмотрѣнію, безъ согласія Совѣта, кого-либо въ чины или назначать на должность выше полковника по всѣмъ отраслямъ управленія, а особенно по придворному вѣдомству, было явно направлено противъ возможности появленія фаворитовъ, отъ которыхъ страдала Россія при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Единственный пунктъ, говорившій не о правахъ Совѣта, — § 5 обезпечивалъ личную и имущественную неприкосновенность дворянства.

Понятно, что среди дворянства, (которое въ громадномъ числѣ съѣхалось въ то время въ Москву къ предполагавшемуся обрученію Петра II), кондиціи вызвали неудовольствіе.

Одни опасались, «чтобы не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и силь-

---

[1] См. спеціальную роботу шведскаго ученаго Harald Hiärne, Ryska Konstitutionsprojekt år 1730 efter swenska förebilder, въ Historisk Tidskrift 1884, стр. 189—272, также у Милюкова, въ сборникѣ „Къ исторіи русс. интеллигенціи“, стр. 8—11. Ср. **Nordenflycht.** Die schwedische Staatsverfassung in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Berlin. 1861, 253 и слл. *Корсаковъ.* Воцареніе А. I., стр. 270—285, (гл. X).

ныхъ фамилій», другіе готовы были «перемѣнить прежнюю форму правленія» и «сердились на верховниковъ только за то, что они взяли все себѣ, а съ другими не подѣлились». Между тѣмъ, существовалъ цѣлый проектъ политической реформы [1]), написанный кн. Дм. М. Голицынымъ (съ помощью шведа Фика, вице-президента камеръ-коллегіи), и не осуществленный лишь благодаря поспѣшности, съ которой дѣйствовалъ Совѣтъ. По этому проекту:

1) Императрица имѣетъ право самостоятельно и безконтрольно распоряжаться лишь дворомъ, на содержаніе коего отпускается ежегодно 500.000 рублей. Она распоряжается лишь отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для охраны ея личности и дворца.

2) Верховная власть принадлежитъ государынѣ вмѣстѣ съ верховнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ 10—12 чел. принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. (Императрица въ совѣтѣ имѣетъ лишь 2 голоса. Иностранцы не могутъ быть членами совѣта). Совѣтъ рѣшаетъ важнѣйшія дѣла иностранной политики: войну, миръ, договоры; онъ назначаетъ на всѣ должности и командуетъ арміей, непосредственно, или при посредствѣ 2 фельдмаршаловъ, подчиненныхъ совѣту. Для завѣдыванія финансами избирается совѣтомъ имперскій канцлеръ казначейства, обязанный давать Совѣту отчетъ обо всѣхъ безъ исключенія государственныхъ доходахъ и расходахъ.

3) Сенатъ изъ 36 членовъ играетъ роль подчиненнаго Совѣту учрежденія; онъ разсматриваетъ и подготовляетъ дѣла, поступающія въ Совѣтъ.

4) Камера низшаго дворянства, изъ 200 членовъ, должна защищать права своего сословія, въ случаѣ нарушенія ихъ совѣтомъ.

---

[1]) См. текстъ его у *Милюкова*, стр. 13; *Корсакова*, 179—182

5) Палата представителей отъ городовъ[1]), по 2 ч. отъ каждаго, завѣдуетъ торговлей и защищаетъ интересы «простого народа».

Этотъ проектъ напоминаетъ собой шведскій «образъ правленія» не столько 1720 г., сколько старую аристократическую Швецію 1660 и даже 1634 года. Замѣчательно, что въ проектѣ ни слова не сказано о духовенствѣ[2]), а также о крестьянахъ, которые, какъ крѣпостные, очевидно, не должны были участвовать въ представительствѣ. Свободные же крестьяне, государственные, однодворцы и т. п. были совсѣмъ забыты. По плану Голицына, государственный строй долженъ былъ носить сословный характеръ, съ ограниченіемъ государя въ пользу дворянства.

Дворянство, освѣдомленное объ этомъ проектѣ, но не вполнѣ съ нимъ согласное, волновалось, разбилось на группы, которыя выражали свои пожеланія политическаго и соціальнаго характера въ «мнѣніяхъ», поданныхъ въ верховный Совѣтъ[3]).

Основная черта проектовъ—расширеніе численнаго состава Совѣта, посредствомъ избранія туда представителей дворянства. Требовали также замѣщенія мѣстъ въ Совѣтѣ, сенатѣ,—губернаторскихъ и—президентовъ коллегій по избранію соединеннаго собранія дворянства и «генералитета».

---

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ: „палата изъ представителей дворянъ и купечества". Отечеств. Записки. 1872, Февр., стр. 500.; Lady Rondeau, Lettres d' une dame anglaise etc. Rotterdam. 1774; также въ русс. изд. „Письма леди Рондо". 1836 и подъ ред. С. Шубинскаго „Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII ст.", Т. I, Письма л. Рондо СПБ. 1874.

[2]) Устраненіе духовенства изъ плановъ верховнаго Совѣта послужило одной изъ причинъ неудачи попытки 1730 г.

[3]) Мнѣнія эти и проекты см. въ статьяхъ и книгахъ, указанныхъ ниже, а также въ слѣд.: Сборникъ „Утро" на 1859 г.; Памятники новой русск. исторіи В. Кашпирева т. I; Сборникъ истор. матер. и документовъ, относящихся къ новой русск. исторіи XVIII и XIX в. Изд. М. *Михайлова*, СПБ. 1873 стр. 1—6, 374—392. Также у *Корсакова*, глава VI и др.

Всѣ вообще, наконецъ, желали, чтобы выборные отъ дворянства [1]) пересмотрѣли тщательно государственныя нужды и установили основныя черты новаго образа правленія. При этомъ противники неограниченной власти приводили противъ нея слѣдующіе доводы [2]): 1) не безопасно дать одному человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ: если даже онъ будетъ мудръ, кротокъ и справедливъ, онъ не можетъ быть непогрѣшимымъ, и силъ его одного не можетъ на все хватить; если-же онъ дастъ волю своимъ страстямъ, то произойдутъ всевозможныя насилія и гибель невинныхъ; 2) временщикъ при неограниченномъ государѣ, особенно, если онъ низкаго происхожденія или иноземецъ, ненавидитъ и преслѣдуетъ знатныхъ и заслуженныхъ людей, а себѣ ненасытно собираетъ имѣнія; 3) существованіе тайной (розыскныхъ дѣлъ) канцеляріи, которая составляетъ стыдъ предъ дру-

[1]) Дворяне говорили о необходимости рѣшить вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ власти „общенародіемъ". „По закону естественному —говорилъ Татищевъ.—избраніе (новаго государя) должно быть *согласіемъ всѣхъ подданныхъ*, нѣкоторыхъ персонально (лично) „другихъ черезъ повѣренныхъ"... однако, изъ ихъ проектовъ вытекало, что слова „общенародіе" и „всѣ подданные" были лишь обозначеніемъ для всего дворянства; другимъ сословіямъ не было мѣста въ ихъ „общенародіи".

[2]) Корсаковъ, 151. Эти доводы приводились дворянами, которые согласны были съ разсужденіями Татищева, отстаивавшаго самодержавіе. Однако и Татищевъ склонялся къ тому, чтобы, принимая во вниманіе, что Имп. Анна—„персона женская и къ такимъ многимъ трудамъ неудобна, паче-жъ ей знаніе законовъ недостаетъ", —„на время", доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно *нѣчто* для помощи ея величеству *вновь учредить*. Это *нѣчто*, проектированное кн. Черкасскимъ было: 1) *Высшее правительство* изъ 21 ч. (взамѣнъ верховнаго Совѣта). 2) *Нижнее* правительство изъ 100 чел... Полное собраніе всѣхъ ста чел. (по 3 раза въ годъ) называется „высокимъ собраніемъ", а постоянныя происходятъ въ составѣ одной трети членовъ, засѣдающей поперемѣнно въ теченіи 1/4 года каждая. Проектъ ограничивалъ верховную власть въ пользу чиновнаго дворянства.

гими народами и при которой за одно неосторожно сказанное слово пытаютъ, казнятъ, и лишаютъ имѣнія невинныхъ дѣтей.

Верховный Тайный Совѣтъ не сумѣлъ войти своевременно въ соглашеніе съ дворянствомъ, подѣлившись съ нимъ властью. 25-го февраля императрицѣ непосредственно подана была петиція 800 лицъ изъ дворянъ, въ которой они, благодаря Анну за подписаніе кондицій, указывали, что въ кондиціяхъ «заключаются обстоятельства, заставляющія опасаться впредь для народа событій непріятныхъ», что они просили у Совѣта, чтобъ «по большинству голосовъ установлена была правильная и хорошая форма правленія»; Совѣтъ отвѣчалъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ соизволенія ея величества; поэтому присутствующіе «наипокорнѣйше просятъ приказать разсмотрѣть различные проекты, предложенные ими, призвавши одну или двухъ персонъ изъ каждой фамиліи, для установленія такой правительственной *формы*, которая-бы *угодна была всему народу*». Проще говоря, челобитчики просили о созывѣ учредительнаго собранія изъ выборныхъ представителей дворянства. Въ этотъ моментъ произошла бурная манифестація гвардіи въ пользу самодержавія. Анна подписала челобитную, но приказала шляхетству *тутъ-же*, не выходя изъ дворца, въ теченіе дня, выработать преобразовательный проектъ. Тогда дворяне сочли болѣе благоразумнымъ подать отъ имени 150 новое прошеніе, въ которомъ просили государыню «принять САМОДЕРЖАВСТВО таково, каково ея.... предки имѣли», «пункты» уничтожить, возстановить сенатъ въ полной силѣ, и, въ самомъ концѣ, глухо повторяли просьбу «по всемилостивѣвшему подписанію *форму правительства* государства для *предбудущаго* времени нынѣ *установить*». И тогда, какъ говоритъ официальный протоколъ, были затребованы кондиціи и «тѣ *пункт*ы ея величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, изодрать»....

Такова была судьба первой попытки ограничить императорскую власть въ Россіи [1]).

ГЛАВА II.

Съ этого момента задачей правительства стала, предпринятая ради укрѣпленія самодержавной власти, двойная политика: во первыхъ, для подавленія политическаго броженія въ дворянствѣ безпощадная репрессія путемъ казней, ссылокъ, конфискаціи имѣній противъ лицъ, хотя-бы платонически сочувствовавшихъ измѣненію строя, во вторыхъ, удовлетвореніе соціальныхъ требованій дворянства путемъ сокращенія срока обязательной службы дворянъ до 25 лѣтъ [2]), отмѣны закона о единонаслѣдіи [3]), посредствомъ еще большаго закрѣпощенія крестьянъ помѣщикамъ, щедрой раздачи населенныхъ имѣній, и дру-

---

[1]) Матеріалы о 1730 г.: новѣйшая русская работа *П. Н. Милюкова*, „Верховники и шляхетство" въ Сборн.—„Къ исторіи русс. интеллигенціи". 1902; *его-же* ст. „Попытка государств. реформы при воцареніи имп. Анны" въ „Сборн. въ пользу воскресн. школъ" СПБ.; 1894; спеціальная монографія *Д. Корсакова* „Воцареніе имп. Анны", Казань, 1880, и *Щебальскій* въ „Русс. Вѣстникѣ" 1859, № 1; *Е. Карновичъ* Отечеств. Записки 1872—I, II (т. C XIX, 209—237 и 485—516). *Н. Поповъ*. Татищевъ и его время М. 1861, 97—133; *Соловьевъ*. т. XIX; Ernst **Herrmann**. Geschichte des russ Staates. 1849, Bd. IV, 538—546, Записки гр. Миниха, СПБ. 1874. стр. 38—43, 151.; *Чистовичъ*. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, СПБ., 1896; *Щегловъ*, Госуд. совѣтъ, 1893, стр. 573—608.

[2]) Вмѣсто прежней пожизненной обязательной службы.

[3]) Законъ о единонаслѣдіи (1714 г.) или о *майоратѣ* имѣлъ цѣлью создать классъ родовитыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Недвижимое имѣніе должно было переходить по наслѣдству къ одному изъ сыновей владѣльца, по его усмотрѣнію; если-же владѣлецъ самъ не назначалъ наслѣдника, то таковымъ признавался старшій сынъ; при неимѣніи сыновей наслѣдовалъ указанный владѣльцемъ членъ рода, при отсутствіи указаній —ближайшій въ родѣ. Наслѣдницей могла быть и дочь, но мужъ ея долженъ былъ принять фамилію тестя. Законъ встрѣченъ былъ дворянствомъ крайне враждебно, такъ какъ противорѣчилъ русскимъ обычаямъ и гражданскому правопорядку.

тихъ льготъ. Участники попытки ограниченія власти жестоко поплатились, и самое храненіе текста кондицій стало тяжкимъ государственнымъ преступленіемъ. Вышеупомянутыя мѣры соціальнаго характера отвлекли вниманіе дворянства къ деревнѣ, къ провинціи, гдѣ оно заняло привилегированное общественное положеніе. Тѣмъ не менѣе недовольство политическимъ строемъ сказывалось. Въ 1740 г. былъ казненъ кабинетъ-министръ Арт. П. Волынскій. Въ числѣ другихъ было обвиненіе его въ желаніи измѣненія государственнаго строя. Въ бумагахъ его нашли «Генеральный проектъ» [1])—планъ, согласно которому правленіе имперіи должно быть монархическое съ широкимъ участіемъ шляхетства, какъ первенствующаго сословія. Слѣдующей правительственной инстанціей послѣ монарха долженъ быть сенатъ, съ тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ при Петрѣ I; затѣмъ идетъ *нижнее правительство*, изъ представителей низшаго и средняго шляхетства. Сословія духовное, городское и крестьянское получали, по проекту Волынскаго, значительныя привиллегіи и права. Дознаніе выяснило также его слова, въ которыхъ онъ выражалъ зависть свободному положенію польской знати по отношенію къ королю [2]).

На этомъ проектѣ отразилось вліяніе шведско-польскихъ учрежденій, а также шляхетскихъ требованій и пожеланій 1730 г. За весь періодъ 1730—1762 года проектъ Волынскаго является единственнымъ показателемъ того, что политическая мысль, однажды проснувшаяся, не могла быть задавлена ни терроромъ Бирона, ни уступками соці-

[1]) Или „Генеральное разсужденіе".

[2]) О Волынскомъ см. *Шишкинъ*. Отечеств. Записки 1860, II; III, IV; *чтенія* въ И. Об. Ист. и Др. Росс., 1858, т. II, отд. V, стр. 160 и спеціальная работа *Д. Корсакова* „А. П. Волынскій" (Древ. и Нов. Россія, 1876 к. I, 1877 кн. I и II с. 32, 36 и 291—292; *Соловьевъ*, т. XX, 426—27,—„Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ, ни на что не смотрятъ и все имъ даромъ; польскому шляхтичу не имѣетъ и самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся'" (426).

альнаго характера. Правда, необходимость ограниченія власти исчезаетъ изъ сознанія массы рядового дворянства, и сознается лишь немногими лицами изъ высшей аристократіи, тѣмъ не менѣе, однако, попытки повторяются послѣдовательно одна за другой. Говоря о попыткахъ проведенія въ жизнь народнаго представительства въ Россіи XVIII в., нельзя не упомянуть о вызовѣ депутатовъ въ комиссіи для составленія новаго уложенія. Необходимость кодификаціи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, согласно требованіямъ времени, взамѣнъ устарѣвшаго уложенія 1649 г. [1]) чувствовалось правительствомъ въ теченіе всего XVIII вѣка, но чиновничьи комиссіи безплодно возникали и исчезали, смѣняя одна другую. Въ маѣ 1727 г. (при Петрѣ II) Верховный Тайный Совѣтъ предписалъ «выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ за выборомъ отъ шляхетства» [2]) (Полн. Собр. Зак. № 5287) для участія въ комиссіи по составленію уложенія. Вызовъ депутатовъ принятъ былъ дворянствомъ за новую и тяжелую службу, отъ которой всячески уклонялись. Поэтому выборные, съѣхавшіеся къ 1 янв. 1729 г. были распущены, а на мѣсто ихъ должны были быть избраны новые депутаты по два отъ губерніи, подъ контролемъ и отвѣтственностью губернаторовъ. Депутаты собрались уже при Аннѣ, но очевидно, были распущены, такъ какъ уже 1 іюня 1730 года былъ изданъ указъ «начатое Уложенье немедленно оканчивать и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей,..., выбравъ изъ шляхетства и духовныхъ и купечества, изъ которыхъ духовнымъ и купецкимъ быть въ то

---

[1]) Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича, т. е. сборникъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, было дѣломъ земскаго собора 1649 г. Объ этомъ соборѣ см. *Кизеветтеръ*, къ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX в., *В. Алексѣевъ*, земскіе соборы древней Русси. Обѣ книги въ изд. Н. Парамонова „Донская Рѣчь“.

[2]) Соловьевъ, т. XIX, 176.

время, когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ» (П. С. З., № 5567). Очевидно, что правительство Анны, столь строго преслѣдовавшее даже намеки на измѣненіе строя, не видѣло ничего опаснаго въ созывѣ депутатовъ; но и дворянство, съ своей стороны, только недавно еще охваченное сильнымъ политическимъ броженіемъ, отнеслось къ избранію депутатовъ болѣе чѣмъ равнодушно. Причина этого заключается, несомнѣнно, въ томъ, что оно было убѣждено въ безполезности всякаго рода бюрократическихъ комиссій, въ которыхъ депутаты играли-бы роль не болѣе, какъ свѣдующихъ людей. Попытка собрать депутатовъ снова была неудачной. Учрежденная 28 іюня 1754 г. комиссія обратилась въ 1760 г. въ сенатъ съ «доношеніемъ», въ которомъ ссылаясь на законодательный соборъ 1648—1649 и на попытки правительства обращаться за содѣйствіемъ къ обществу въ XVIII в., просила созвать представителей разныхъ классовъ населенія для участія въ составленіи новаго уложенія. Сенатъ согласился съ этимъ и назначилъ срокъ съѣзда депутатовъ на 1 янв. 1762 г. Въ указѣ 1761 г. по этому поводу говорилось, что «какъ оное сочиненіе Уложенія для управленія *всего государства* гражданскихъ дѣлъ весьма нужно, слѣдственно и *всего общества* трудъ въ *совѣтахъ* быть къ тому потребенъ, и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помагать». Предписывалось избрать по 2 чел. отъ шляхетства каждой провинціи и по одному отъ купцовъ. Администраціи предписывалось воздерживаться отъ вмѣшательства въ выборы. Но пока съѣхались депутаты, произошли 2 перемѣны царствованія, и депутаты были распущены [1]). Едва-ли что-нибудь вышло-бы, если-бы даже комиссія и наполнилась депутатами. Болѣе грандіозный опытъ 1767 г. доказываетъ справедливость этой мысли.

---

[1]) *Латкинъ*. Законодательныя комиссіи въ Россіи т. I. СПБ. 1887; *Н. Н. Дитятинъ*. Изъ ист. русс. законодательства XVI—XVIII ст. „Русс. Мысль". 1888, I—IV, X, IX и др.

Новая попытка введенія народнаго представительства была произведена уже при Екатеринѣ II. Вскорѣ послѣ переворота 28 іюня 1762 г., который доставилъ престолъ Екатеринѣ II, Никита Ив. Панинъ, воспитатель Павла Петровича, бывшій въ теченіе 12 лѣтъ посланникомъ въ Стокгольмѣ и проникнувшійся тамъ симпатіями къ конституціоннымъ учрежденіямъ, подалъ государынѣ проектъ реформы высшихъ правительственныхъ учрежденій. Появленію этого проекта предшествовали слухи [1]) о томъ, что онъ, вмѣстѣ съ княгиней Дашковой и многими дворянами, составилъ еще при Петрѣ III условія, на основаніи которыхъ Петръ III долженъ быть устраненъ, а вмѣсто него должна править Екатерина съ ограниченной властью. Очень возможно, что, именно, по настоянію Панина въ торжественномъ манифестѣ о восшествіи на престолъ (отъ 6 іюля 1762 г.) Екатерина заявила: «обѣщаемъ торжественно Императорскимъ нашимъ словомъ... узаконить такія *государственныя установленія*, по которымъ-бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ *границахъ* теченіе свое имѣло»...

Проектъ этихъ «государственныхъ учрежденій» былъ выработанъ и представленъ Панинымъ уже въ іюлѣ 1762 г. [2]), т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ переворота. Во вступленіи Панинъ рѣзко критиковалъ произволъ, царящій въ управле-

---

[1]) **Rulhière**. Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762, Paris, 1797. Стр. 67. Кн. Дашкова, опровергая ошибки и искаженія соч. Рюльера, не опровергала этихъ слуховъ. Архивъ кн. Воронцовыхъ, т. VII. 653—654. См также **Casterà**, Vie de Catherine II, Paris 1797, t. I. 195—6; **Crusenstolpe**, „Der russische Hof", т. II, 109; „Русскій Архивъ", 1886, XXIV, I. 155—156,—*Рашынскій*, „Дворъ и правительство въ Россіи 100 лѣтъ тому назадъ".

[2]) Изложеніе проекта см. *Бильбасовъ*, Исторія Екатерины II, Берлинъ, т. II, гл. VIII; *Щегловъ*, Государствен. совѣтъ въ Россіи, Яросл. 1892, т. I, стр. 653—665; *его-же*, Госуд. совѣтъ въ Россіи при Алекс. I., Яросл., 1895, стр. 56—74; *Даневскій*, Исторія госуд. совѣта, 1859, приложенія, стр. 11—20; *Соловьевъ*, исторія т. XX; *Чечулинъ*, Проектъ Имп. Совѣта, Жур. Мин. Нар. Просв., 1894, № 3; *Сборникъ* Р. Ист. Об., т. VII, 1871, стр. 200.; Русск. Архивъ, 1871, № 9.

нія, указывалъ, что «въ производствѣ дѣлъ всегда дѣйствовала болѣе сила персонъ, чѣмъ власть мѣстъ государственныхъ, и не доставало такихъ начальныхъ основаній правительства», которыя-бы могли охранить его форму, и предлагалъ учредить Императорскій совѣтъ, «какъ верховное мѣсто лежисляціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста, истекать будетъ собственное монаршее изволеніе»... Совѣтъ долженъ былъ состоять изъ 6—8 членовъ, изъ коихъ четверо должны были занимать посты министровъ («или статсъ-секретарей»)—по дѣламъ иностраннымъ, внутреннимъ, военно-сухопутнымъ и военно-морскимъ (§ 1—2). Всѣ дѣла, восходящія къ монарху, сосредоточиваются въ Совѣтѣ; докладъ по этимъ дѣламъ долженъ дѣлать въ Совѣтѣ соотвѣтственный статсъ-секретарь; послѣ того, какъ Совѣтъ постановитъ рѣшеніе, государыня кладетъ свою окончательную резолюцію (§ 5—8). Характеръ измѣненія государственнаго строя имѣли постановленія о томъ, что часть членовъ совѣта (6)—должны быть несмѣняемыми, а сенатъ долженъ состоять изъ членовъ, назначаемыхъ отъ короны и несмѣняемыхъ, частью-же, и притомъ наиболѣе значительною, изъ членовъ, избираемыхъ дворянствомъ. Сенату предоставлялось важное право «имѣть свободность представлять на высочайшія повелѣнія», если они, при осуществленіи, могутъ «утѣснить» государственные законы или благосостояніе народа.

По поводу этого проекта многіе совѣтники Екатерины высказали свой взглядъ (противъ проекта), причемъ наиболѣе рѣзко писалъ фельдцейхмейстеръ Вильбоа [1], который правильно замѣтилъ, что авторъ, хотя и подъ предлогомъ защиты монархіи, стремится въ скрытой

[1]) Мнѣніе Вильбоа см. **Blum**. Des Grafen J. J. Sievers Denkwürdig Reiten, 4 Bd—e, Leipzig, 1857, Bd. I, стр. 144; Бильбасовъ, т. II, 138; Государственный Архивъ, X, 4, лист. 48.; *Данскій*, прил. 11—20 „свободность сената представлять Е. И. Величеству на собственныя Е. Велич. повелѣнія есть нѣкоторое сокращеніе самодержавія Е. Величества“.

формѣ къ аристократическому правленію. По мнѣнію Вильбоа, русскій монархъ долженъ быть самодержавнымъ. Императорскій-же Совѣтъ ставитъ подданныхъ слишкомъ близко къ монарху, такъ что у подданныхъ можетъ явиться желаніе раздѣлить власть съ монархомъ.

Манифестъ о созданіи Совѣта, написанный Панинымъ, содержалъ въ себѣ обѣщаніе императрицы создать неизмѣнные образъ и порядокъ, согласно которымъ государство будетъ управляться на все времена подъ императорской самодержавной властью. Екатерина подписала манифестъ послѣ долгихъ колебаній 28 дек. 1762 г. Но въ послѣдній моментъ она рѣшила, что при существованіи Совѣта заявленіе манифеста о самодержавной власти можетъ оказаться безсодержательной фразой, и въ тотъ-же день надорвала заготовленный и подписанный манифестъ.

Такимъ образомъ, конституціонно-аристократическая попытка Панина не удалась, хотя его желанія шли не такъ далеко, какъ требованія верховниковъ и шляхетства въ 1730 г. Точно также и Совѣтъ вмѣстѣ съ реформированнымъ сенатомъ были-бы, по его проекту, лишь жалкой и безцвѣтной копіей шведскаго рейхсрата и рейхстага по конституціи 1720 г. Однако Екатерина провидѣла возможность, что и эти учрежденія могутъ посягнуть на ея власть, и такъ какъ ея положеніе было уже укрѣплено, то она и отвергла проектъ Панина.

Въ секретной инструкціи генералъ-прокурору сената кн. Вяземскому (въ февр. 1764 г.) Екатерина указывала на существованіе въ сенатѣ партіи конституціоналистовъ (въ 3 пунктѣ инструкціи есть прямой намекъ на Панина) [1]. Она писала, что воспоминаніе о «недавнихъ событіяхъ» можетъ быть пріятно честолюбію нѣкоторыхъ сенаторовъ; но пока она жива, она все оставитъ по старому, какъ этого требуютъ ея обязанности; «россійская имперія есть столь

[1]) „Иной думаетъ для того, что былъ долго въ той или другой землѣ, то вездѣ по политикѣ той или другой его любимой земли все учреждать должно"... Сб. Рус. Ист. Общ., VII, стр. 345—346.

обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей»!..

Въ 1767 г. произошло событіе, которое привлекло къ себѣ вниманіе всей Европы. Въ Москвѣ собрана была комиссія для составленія новаго уложенія изъ представителей различныхъ слоевъ русскаго народа. Въ Европѣ событіе это было принято многими за начало конституціоннаго правленія въ Россіи [1]). Дѣйствительно, въ манифестѣ о созывѣ комиссіи (14 декабря 1766 г., П. С. З., т. XVII, № 12,801), Государыня напоминаетъ о манифестѣ 6 іюля 1762 г. и обѣщаніи установить неизмѣняемыя государственныя учрежденія. Затѣмъ говорится о необходимости неизмѣняемыхъ законовъ, для созданія которыхъ необходимо лучше познакомиться съ желаніями и нуждами народа. Для этой цѣли повелѣвалось прислать депутатовъ отъ Сената, Синода, коллегій и всѣхъ канцелярій, кромѣ губернскихъ и воеводскихъ, «также изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ имперіи», причемъ всѣ эти депутаты должны быть снабжены особыми «наказами» отъ своихъ избирателей. «Сихъ депутатовъ», —заявлялъ манифестъ, мы созываемъ не только для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они имѣютъ быть въ комиссію... для заготовленія проекта новаго Уложенія. «Симъ учрежденіемъ»,—говорилось дальше,— нашему народу опытъ даемъ нашего чистосердечія, великія *довѣренности* къ оному и прямыя материнскія любви».

Несмотря на многія выраженія манифеста, которыя давали поводъ думать, что собраннымъ въ громадномъ числѣ представителямъ будетъ предоставлена хотя нѣкоторая доля рѣшающаго голоса въ установленіи новыхъ законодательныхъ нормъ и созданіи твердыхъ государственныхъ учрежденій,—уже въ «Наказѣ» написанномъ Екате-

---

[1]) Такъ, Дидро—еще въ 1773 г., гостя у Екатерины, восхвалялъ созывъ комиссіи, какъ „благородный актъ отказа Государя отъ законодательной власти". *Милюковъ.* Очерки по ист. русс. культуры, т. III, 2, стр. 286.

риной для комиссіи ясно и точно говорилось, что не можетъ быть и рѣчи объ ограниченіи власти.

§§ 9 12 Наказа (гл. II) гласили слѣдующее:

§ 9. «Государь есть самодержавный, ибо никакая другая какъ только соединенная въ его особѣ власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства».

§ 10. «Пространственное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ».

§ 11. «Всякое другое правленіе не только было-бы въ Россіи вредно, но и въ конецъ раззорительно».

§ 12. «Другая причина есть та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ» [1]).

Такая постановка вопроса предопредѣлила совѣщательную роль комиссіи и, до нѣкоторой степени, ея судьбу.

Избирательное право построено было на основаніяхъ довольно оригинальныхъ, но, по тому времени, не совсѣмъ уже плохихъ. По отношенію къ городскому населенію выборы были безсословны.

Каждый городъ посылалъ по депутату. Затѣмъ, въ остальной массѣ, депутаты были сословными представителями, а именно--отъ дворянства по одному депутату отъ уѣзда; отъ однодворцевъ —по депутату отъ провинціи; отъ пахотныхъ солдатъ и отъ разныхъ службъ служилыхъ людей по одному депутату отъ каждой провинціи; отъ черносошныхъ и ясашныхъ крестьянъ—по одному депутату отъ каждой провинціи; отъ инородцевъ—по одному депутату отъ провинціи; отъ казацкихъ войскъ потребное

[1]) Интересно также опредѣляла Екатерина II политическую свободу (liberté politique), каждую она переводила на русскій словами: „государственная вольность“. Это—„во гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что каждый изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію: и чтобы люди имѣли сію вольность надлежитъ быть закону такову, чтобы одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись-бы всѣ однихъ законовъ“.

число депутатовъ. Словомъ, всѣ сословія, кромѣ духовенства и крѣпостныхъ крестьянъ, должны были имѣть представительство въ комиссіи. Выборы отъ дворянъ и городовъ были прямые, отъ сословій—трехстепенные: погостный (приходскій) сходъ избиралъ погостнаго повѣреннаго, съѣздъ погостныхъ повѣренныхъ избиралъ уѣзднаго повѣреннаго; уѣздные повѣренные -депутата отъ провинціи. Возрастъ дворянскихъ и городскихъ избирателей—25, а избирателей остальныхъ сословій—30 лѣтъ.

Избиратели должны были удовлетворять слѣдующему имущественному цензу (размѣръ коего не былъ опредѣленъ): дворянинъ долженъ былъ *дѣйствительно* владѣть своимъ имѣніемъ въ уѣздѣ; горожанинъ- быть хозяиномъ, владѣльцемъ дома въ городѣ; членъ каждой изъ остальныхъ сословныхъ группъ владѣльцемъ дома и земли въ своемъ погостѣ.

Депутатомъ могъ быть всякій избиратель не менѣе 30 лѣтъ, при этомъ женатый (или вдовый, но съ дѣтьми) и, наконецъ, «честнаго и незазорнаго поведенія», не банкротъ и т. д.

Женщины отъ избирательнаго права устранены, кромѣ дворянокъ, подававшихъ голосъ письменно.

Изъ 536 депутатовъ оказалось: 161 отъ дворянъ 208 отъ городовъ, 54 отъ казаковъ, 79 отъ крестьянъ и 28 «депутатовъ» отъ правительственныхъ учрежденій.

Торжественно открытая 30 іюля 1767 г. комиссія была распущена 18 декабря 1768 г. подъ предлогомъ турецкой войны, затѣмъ засѣданія ея отсрочивались нѣсколько разъ; офиціальнаго закрытія не послѣдовало; о ней забыли. Этотъ грандіозный опытъ народнаго представительства потерпѣлъ неудачу, благодаря тому недовѣрію, на которомъ построена была дѣятельность комиссіи съ самаго начала, какъ въ главныхъ чертахъ, такъ и въ мелочахъ. Боялись проявленія со стороны депутатовъ какихъ-нибудь требованій о правѣ рѣшающаго, а не совѣщательнаго только голоса, требованія опредѣленныхъ правъ для комиссіи

и т. п. Опасенія политическихъ притязаній были напрасны. Дворянство, удовлетворенное рядомъ уступокъ соціальнаго характера въ періодъ 1730—1762 года, помышляло лишь о закрѣпленіи за собой привиллегированнаго положенія, особенно въ области крѣпостного права, мѣстнаго управленія и землевладѣльческаго хозяйства. Есть свѣдѣнія, что лишь немногіе депутаты понимали, что установленіе неизмѣняемыхъ законовъ, ради чего они были призваны, несовмѣстимо съ личнымъ усмотрѣніемъ. Такъ, одинъ изъ депутатовъ отъ татаръ поставилъ вопросъ, будутъ-ли издаваться указы послѣ введенія въ жизнь созданнаго комиссіей уложенія, и, послѣ утвердительнаго отвѣта, выразилъ свое удивленіе словами: «Къ чему-же тогда законы, если по прежнему будутъ выходить и указы»?... Но это былъ, очевидно, исключительный случай. А. С. Пушкинъ назвалъ эту комиссію «фарсой депутатовъ». Тѣмъ не менѣе и этой «фарсѣ» былъ положенъ конецъ, когда обнаружилось, что участники ея вовсе не согласны быть «машиной для голосованій» по желанію власти и выступаютъ со своими собственными, хотя и не конституціонными, но ясно сознанными и настоятельными требованіями. Примѣръ французскаго учредительнаго собранія не стоялъ еще предъ глазами, но 1730 годъ былъ все еще памятенъ.

Комиссія, уже фактически не существовавшая, но, на бумагѣ, яко-бы *временно* распущенная, нашла себѣ защитника и ходатая въ лицѣ Дидро, который въ 1773 г. убѣждалъ императрицу вновь созвать Комиссію [1]). Мало того, указывая на то, что хорошіе монархи, какъ Петръ I и Екатерина II, - рѣдкія явленія, да и хорошій монархъ можетъ стать плохимъ, Дидро находилъ нужнымъ принять противъ этого мѣры. Для этого недостаточно «созвать націю» и составить законы. Законы суть писанная бумага; за ними должно стоять «физическое существо, постоянное, неизмѣнное, оно должно говорить и дѣйствовать, тогда какъ мраморъ нѣмъ и непроченъ»... Такимъ тѣломъ (corps)

[1]) *Милюковъ*. Очерки по исторіи русской культуры, т. III, ч. 2, стр. 280—288.

послужитъ Комиссія, если сдѣлать ее постоянной и дать право провинціямъ назначать туда своихъ представителей.

«Вы, значитъ, совѣтуете мнѣ устроить парламентъ на англійскій образецъ», спросила его Екатерина...

Дидро находилъ, что Комиссія, даже превращенная въ постоянное представительное учрежденіе, «никогда не могла-бы получить такой силы; развѣ только при отдаленныхъ потомкахъ, она пріобрѣла-бы недостатки и преимущества англійскаго парламента». Однако, Дидро считалъ нужнымъ обезпечить Комиссіи «всю ту прочность и организацію, какія совмѣстимы съ общественнымъ спокойствіемъ». Отъ власти зависитъ, какую часть верховныхъ правъ она передастъ будущей постоянной Комиссіи. Но отчужденныя разъ въ ея пользу права необходимо оградить отъ произвола преемниковъ. Пусть Комиссія не вмѣшивается ни въ военныя дѣла, ни въ иностранную политику, ни въ финансы; пусть она только охраняетъ существующіе законы и подготовляетъ новые. Пусть она, однако, имѣетъ право петицій, и пусть тѣ петиціи Комиссіи, важность которыхъ для общественнаго блага будетъ доказана повтореніемъ ихъ, обязательно будутъ удовлетворяемы. Мысли Дидро о Комиссіи не были осуществлены, но, впослѣдствіи, Екатерина вернулась къ нимъ (въ 1775 и 1787 г.).

Матеріалы по исторіи комиссіи 1767 г.: *С. М. Соловьевъ*, разсказы изъ русской исторіи XVIII в., 1767-й годъ. „Русск. Вѣстникъ" 1861, № 10; *А. Щаповъ*, Земскій соборъ 1648—1649 г. и собраніе депутатовъ 1767 г. „Отечеств. записки" 1862, № 11; *Дитятинъ*, Екатерининская комиссія 1767 г. въ „Сборникѣ статей по исторіи русскаго права", въ Юридич. Вѣстн. 1872, т. I; и отд. изданіе Н. Парамонова „Донская Рѣчь"; *Сергѣевичъ*, статья въ „Вѣстн. Европы", 1878, № 1; „матеріалы для исторіи комис. „Русск. Вѣстникъ" 1861, № 12; *Лазаревско*, „Малорос. шляхетство въ 1767 г." „Русск. Вѣстникъ" 1863, т. 46; *Д. Полѣновъ*, „ист. свѣдѣнія о Екатерининской комис." СПБ., 1769—75; *Бланкъ*, Екатерин. комис. 1767 г. „Русск. Вѣстн." 1876; „Общественные идеалы въ Ек. эпоху". „Вѣстн. Евр." 1876 № 1; *Брикнеръ*, Большая комиссія, Журн. Мин. Народ. Просв., 1881, ч. 217 и 218; *Багалѣй*, къ исторіи Ек. комис. „Кіевск. Старина" 1885, № 9; *Латкинскій*, новыя данныя и т. д. „Журн. Мин. Нар. Пр." 1887 г. 251; *Я. Абрамовъ*, сословныя нужды и проч. „Сѣверн. Вѣстникъ" 1886 г.; Сборн. И. Русск. Истор. Общества, томы IV, VIII, XIV, XXXVI, XLIII, LXVIII; см. также *Кизеветтеръ*, къ исторіи законодательства въ Россіи. Ростовъ н-Д. 1904. изд. Н. Парамонова „Донская Рѣчь".

ГЛАВА III.

Проектъ измѣненія государственнаго строя явился не со стороны Комиссіи, а нѣсколько лѣтъ спустя, со стороны Никиты Ив. Панина, которому не удалась попытка 1762 г. Ему, по прежнему, хотѣлось «ограничить самовластіе твердыми аристократическими институціями» (учрежденіями. Судя по нѣкоторымъ (не вполнѣ провѣреннымъ) историческимъ свѣдѣніямъ, въ 1773—4 году, «Н. И. Панинъ, братъ его П. И. Панинъ, кн. Дашкова [1]), кн. Н. В. Репнинъ, кто то изъ архіереевъ и многіе изъ тогдашнихъ вельможъ и гвардейскихъ офицеровъ вступили въ заговоръ съ цѣлью свергнуть съ престола царствующую безъ права Екатерину II и вмѣсто нея возвести совершеннолѣтняго Павла, который зналъ объ этомъ, согласился принять представленную Панинымъ конституцію, утвердилъ ее своею подписью и далъ присягу въ томъ, что, воцарившись, не нарушитъ этого коренного закона, ограничивающаго самодержавіе. Душой заговора была супруга Павла, в. к. Наталія Алексѣевна»... Заговоръ былъ, будто-бы, открытъ, причемъ за него поплатилась в. к. Наталія Алексѣевна. Нѣкоторые излѣдователи, какъ Шильдеръ, придаютъ несомнѣнно существовавшему конституціонному проекту и особенно «введенію» къ нему значеніе политическаго завѣщанія Панина своему воспитаннику, въ моментъ ихъ разставанія по случаю совершеннолѣтія и женитьбы Павла.

Проектъ конституціи написанъ былъ, подъ руководствомъ Панина, секретаремъ его, писателемъ Денис. Ив. Фонвизинымъ. «Введеніе» къ проекту сохранилось до сихъ поръ. Оно начинается словами: «Верховная власть ввѣряется государю для единаго блага ихъ подданныхъ. Подобно тому, какъ Богъ сотворилъ для себя вѣчные, неизмѣн-

---

[1]) О кн. Дашковой есть свѣдѣнія, что она соглашалась на освобожденіе крѣпостныхъ подъ условіемъ введенія народнаго представительства.

ные законы, которыхъ онъ не можетъ преступить, не переставая быть Богомъ, точно также государь, подобіе Бога, преемникъ на землѣ высшей его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, какъ постановя въ государствѣ своемъ правила непреложныя, основанныя на благѣ общества и которыхъ не могъ-бы нарушить самъ, не переставъ быть достойнымъ государемъ. Безъ сихъ правилъ или, точнѣе объясниться, безъ непремѣнныхъ государственныхъ законовъ непрочно ни состояніе государства, ни состояніе государя»... «Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо его попеченію, его правосудію, его достоинству, что онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому вручаетъ дѣло управленія, и что, слѣдственно, ихъ преступленія, имъ терпимыя, становятся его преступленіями»... «Гдѣ произволъ отдѣльнаго лица равносиленъ высшему закону, тамъ масса народная не объединена крѣпкими связями. Сила, которая порождаетъ несправедливость, насиліе, тиранію, исходитъ не отъ Бога, а отъ людей. Если народъ находитъ средства разорвать наложенныя на него цѣпи, на основаніи того-же права, по которому онѣ на него возложены то онъ хорошо дѣлаетъ, если ихъ разрываетъ. Властитель не можетъ существовать безъ народа, а народъ можетъ отлично обойтись безъ властителя, Слѣдовательно, первоначальная власть принадлежала народу, и теперь не спрашиваютъ болѣе о томъ, что̀ даруетъ властитель народу, но о томъ, какую власть народъ вручаетъ властителю. Неестественно было-бы представить себѣ, чтобы народъ давалъ своему властителю право быть несправедливымъ»...

«Право деспота—есть право сильнаго, точно такъже, какъ право разбойника; но сила не есть право. Основа права есть внутреннее признаніе общепризнанной нормы; это признаніе обязываетъ къ добровольному подчиненію. Тиранъ, каковъ-бы онъ ни былъ, остается тираномъ, и право народа спасать свое существованіе остается вѣчно непоколебимымъ».

Затѣмъ слѣдуетъ позаимствованное у Монтескьё опредѣленіе политической свободы. Основу политической свободы составляютъ «вольность и собственность». Священные законы, которые опредѣляютъ вольность и собственность, а также форму, въ которой осуществляется публичная власть,—суть основные законы. Они должны точно устанавливать права и обязанности, какъ властителя, такъ и подданныхъ».

Затѣмъ авторъ «введенія» говоритъ о современномъ ему положеніи Россіи, высказываетъ свои недоумѣнія по поводу государственнаго строя Россіи: «Россія—не деспотическое государство, потому что народъ никогда не предоставлялъ властителю править собой произвольно. Она также не монархическое государство, потому что въ ней нѣтъ *основныхъ законовъ*; также не аристократическое—потому что въ Россіи высшія административныя власти служатъ лишь безвольнымъ орудіемъ произволу монарха. На демократію-же не можетъ походить страна, въ которой народъ живетъ во тьмѣ глубокаго невѣжества и безмолвно влачитъ иго жестокаго рабства... Благодѣтельный и просвѣщенный властитель долженъ начать съ того, чтобы немедленно-же обезпечить всеобщую безопасность посредствомъ основныхъ законовъ».

Замѣчательны въ этомъ «введеніи» характеристика господства временщиковъ и смѣлое обличеніе крѣпостного права [1]).

Самый проектъ не сохранился, но, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, онъ имѣлъ цѣлью «основать политическую свободу сначала для одного дворянства», посредствомъ учрежденія верховнаго сената, часть несмѣняемыхъ членовъ котораго назначалась-бы отъ короны, а большин-

[1]) „Представьте себѣ государство, гдѣ люди составляютъ собственность людей, гдѣ человѣкъ одного состоянія имѣетъ право быть вмѣстѣ истцомъ и судьей надъ человѣкомъ другого состоянія, гдѣ каждый, слѣдственно, можетъ быть *или* тиранъ, *или* жертва"...

ство состояло-бы изъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія. Синодъ также долженъ входить въ составъ общаго собранія сената. Дворянскимъ собраніямъ, губернскимъ и уѣзднымъ, предполагалось дать право совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять о нихъ сенату и предлагать ему новые законы. Выборъ какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ долженъ былъ производиться въ этихъ-же собраніяхъ. Сенатъ былъ-бы облеченъ законодательной властью, а императору оставалась-бы власть исполнительная съ правомъ утверждать принятые сенатомъ законы. Въ проектѣ упоминается также о необходимости постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Этотъ проектъ построенъ по шведскому образцу («Форма правленія» 1720 г.). Возможно, что этотъ конституціонный проектъ [1]) не остался безъ вліянія на Учреждение о губерніяхъ» (1775 г.), которое предоставило широкую сферу дѣятельности въ мѣстномъ управленіи, и на «Жалованную грамоту дворянству (1785) [2]), которая окончательно создала (временно установленныя съ декабря 1766 г.) дворянскія корпоративныя собранія по губерніямъ и уѣздамъ съ охраной личности и имущества дворянъ, съ правомъ петицій предъ монархомъ и т. п.

---

[1]) Матеріалы о проектѣ 1773—4 г. см. *Шильдеръ*, „Имп. Павелъ I", гл. VIII, стр. 182; *М. Фонвизинъ*, примѣчанія къ книгѣ „Histoire de Russie, par Enneaux et Chennechot, Paris, 1835, изданныя подъ заглавіемъ „Записки" и пр., Лейпцигъ, 1861, переизданы Касправичемъ, 1880, Лейпцигъ, въ VII т. „Матеріаловъ для исторіи возрожденія Россіи" и съ сокращеніями въ „Русс. Старинѣ 1884, т. XLII, стр. 31—66 и 281—302; *В. И. Семевскій* „Ист. Обозрѣніе" СПБ., 1897, т. IX, 248—8; „Свободное Слово" изд. Л. П. Блюммера, Берлинъ, 1862, вып. I; E. Herrmann, Geschichte etc., т. IV.

[2]) Жалованная грамота дворянству, данная въ 1785 г. имп. Екатериной, подтвердила дарованное указомъ о вольности дворянства 1762 г. освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы (причемъ право на землю и крестьянъ, отданныхъ дворянству въ былыя времена подъ условіемъ именно службы государству, было сохранено за дворянами). Кромѣ того грамота дала дворянамъ свободу отъ личныхъ

Въ 1775 г. было обнародовано «Учрежденіе о губерніяхъ», въ которомъ интересна, съ точки зрѣнія нашей темы, попытка обезпечить личную неприкосновенность гражданъ. «Понеже личная безопасность каждаго вѣрноподданнаго весьма драгоцѣнна есть человѣколюбивому монаршему сердцу»... Такими словами начинался § 395, учреждавшій совѣстные судьи (изъ судьи и двухъ представителей соотвѣтственнаго сословія), къ которымъ могъ обращаться всякій, «кто содержится въ тюрьмѣ болѣе 3 дней, и въ тѣ три дня ему не объявлено, за что онъ содержится въ тюрьмѣ или онъ въ тѣ 3 дня не допрашиванъ»... По полученіи прошенія совѣстный судъ долженъ былъ, не выходя изъ присутствія, послать повелѣніе объ освобожденіи (§ 401). Этотъ § 401 включенъ въ «Учрежденіе» подъ явнымъ вліяніемъ идей Блэкстона, изложенныхъ въ комментаріяхъ къ законамъ Англіи («Commentaries on the laws»)... [1]) Но эта статья англійскаго Habeas Corpus совершенно не привилась на русской почвѣ; сомнительно даже, чтобы она примѣнялась. По крайней мѣрѣ, совѣстные суды, «*за недостаткомъ дѣлъ*», съ 1828 г. подверглись уничтоженію. Явное дѣло, что личная неприкосновенность была и безъ нихъ *хорошо* обезпечена въ Россіи.

Къ тому-же 1775 г. относится проектъ реформы си-

податей, свободу отъ тѣлесныхъ наказаній, неприкосновенность дворянскаго достоинства (которое отнынѣ могло быть отнято лишь по высочайшему утвержденному приговору суда), право быть судимымъ только равными, право владѣть вотчинами, не служа за это государству, исключительное право владѣть населенными имѣніями, отмѣну конфискацій дворянскихъ имѣній за преступленія, право петиціи, т. е. ходатайствъ о нуждахъ непосредственно предъ верховной властью и др. права.

[1]) Сравн. Blackstone, Commentaries, кн. I, гл. I, отд. 3. Личная неприкосновенность, о 4 Writs для отмѣны незаконнаго ареста; Habeas Corpus Writ. Въ нѣмецкомъ изданіи (1822 г.) см. кн. I, 57; кн. III, гл VIII, часть 2; кн. IV, гл. XV, 8; томъ II, стр. 71, 345. О вліяніи Блэкстона на Екатерину см. *Милюковъ*, Истор. русс. культуры, гл. III, 2, стр. 319—323.

стемы центральныхъ учрежденій, въ которой Екатерина, очевидно, подъ вліяніемъ мыслей Дидро, хотѣла отвести мѣсто и законодательной комиссіи.

Объ этомъ упоминается въ письмѣ Екатерины II къ московскому главнокомандующему кн. М. Н. Волконскому: «Окромѣ трехъ государственныхъ коллегій, прочія исчезнутъ. Сенатъ останется. При немъ будетъ палата, дабы сенатъ имѣлъ, гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ. *Въ палату оборотить я намѣрена комиссію уложенія*». Къ идеѣ о переустройствѣ Сената Екатерина вернулась въ 1787 г. Въ это время ею былъ составленъ указъ о сенатской реформѣ. Текстъ указа пока неизвѣстенъ, но можно предположить, что въ запискѣ Безбородко (1799) переданы подлинныя выраженія указа. Здѣсь, послѣ замѣчаній объ устройствѣ высшихъ судовъ, совѣстнаго и уголовнаго, есть фраза: «все собраніе депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзираніе правъ государственныхъ... Когда издается новый законъ, то проектъ онаго посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ на ревизію въ общее сената собраніе и, наконецъ, утверждается самодержавною властью». По прямому смыслу этого мѣста, подъ «всѣмъ собраніемъ *депутатовъ*» приходится разумѣть собраніе однихъ только *сословныхъ депутатовъ* вышеупомянутыхъ высшихъ судовъ. Но, даже при такомъ пониманіи, остается несомнѣннымъ, что въ этой ограниченной формѣ собранія депутатовъ сохранился здѣсь слѣдъ той «палаты» при сенатѣ, въ которую Екатерина хотѣла еще въ 1775 г. превратить свою Комиссію уложенія. [1]).

Но и въ 1788 г. затѣянная, не безъ задней мысли, война съ Турціей приводитъ Екатерину къ мысли о томъ, что «не время теперь дѣлать реформы» (т. е. реформировать сенатъ). Тѣмъ болѣе «не время» было «реформы дѣлать», въ періодъ французской революціи, когда Екатери-

---

[1]) О реформѣ сената позаимствовано у Милюкова, т. III, 2, стр. 332.

ну больше всего безпокоилъ вопросъ: «Подпишетъ-ли христіаннѣйшій король *противохристіанскую* конституцію? Самой своею подписью онъ отлучитъ самого себя»... Подписаніе конституціи повлекло за собой разрывъ Россіи съ Франціей. Однако, въ 1796 г. Екатерина снова возвращается къ сочиненію «Устава о сенатѣ», [1]), причемъ въ проектъ 1775 г. вводятся вышеупомянутыя ограниченія. Тѣмъ не менѣе, совпаденіе, во времени, проектовъ о реформѣ сената съ проектами устранить Павла отъ наслѣдованія привело современниковъ къ мысли, что готовится конституція. [2])

«Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своего государства, и если-бы она могла заставить наслѣдника престола войти въ ея виды и намѣренія и склониться на то, чтобы сдѣлаться конституціоннымъ государемъ, она умерла-бы спокойно и безъ опасеній за будущее благоденствіе Россіи. Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными, и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть въ вѣрности конституціи, *уже начертанной*, и въ этомъ случаѣ наслѣдникомъ былъ-бы назначенъ сынъ его Александръ, съ условіемъ, чтобы онъ соблюдалъ новую конституцію. Слухи о подобномъ намѣреніи ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего достовѣрнаго. Однако-же говорили съ увѣренностью, что 1 янв. 1797 г. будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ»...

Слухи эти имѣли нѣкоторое основаніе: извѣстно, что вѣстникъ о внезапной смерти Екатерины II былъ принятъ Павломъ сперва за вѣстника о готовящейся обрушиться на него карѣ, въ видѣ лишенія престола и т. п... Точныхъ

---

[1]) См. Богдановичъ, Ист. Александра I, т. I, 131.

[2]) Записки Саблукова, „Русс. Архивъ“, 1869, стр. 1882—3.

данныхъ о проектѣ этой *«уже начертанной* конституціи» нѣтъ, однако, вполнѣ естественно, что Екатерина, зная хорошо умственный и нравственный складъ Павла Петровича, хотѣла такъ или иначе, оградить страну отъ того «времени произвола, наводившаго страхъ и трепетъ» (выраженіе Пыпина), которое пережила Россія въ 1796 1801 г., и которое Екатерина такъ вѣрно предугадала. Возможно, что рѣчь шла не о конституціи, въ буквальномъ смыслѣ слова, но объ основныхъ законахъ, обязательныхъ для главы государства.

Къ числу проектовъ народнаго представительства принадлежитъ также проектъ, поданный Екатеринѣ въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка профессоромъ права московскаго университета Ф. Г. Дильтеемъ [1]). Въ этомъ проектѣ предлагаетъ онъ устроить собраніе народныхъ представителей съ правомъ обсуждать законы и общую политику государства; при этомъ собраніе являлось какъ-бы охранителемъ законовъ и могло даже своимъ постановленіемъ низложить того монарха, который нарушилъ-бы основные законы. Созывъ собранія долженъ былъ происходить каждыя 5 лѣтъ.

Въ запискахъ и сочиненіяхъ историка кн. М. М. Щербатова встрѣчается не мало мѣстъ, свидѣтельствующихъ о сочувствіи автора измѣненію государственнаго строя въ пользу дворянства [2]).

Въ статьѣ «Разныя разсужденія о правленіи» онъ говоритъ, что «всѣ правленія (окромѣ самовластнаго) имѣютъ ихъ полезности и пороки... (т. I, 336)... «я не знаю, можно-ли по справедливости *самовластіе* именемъ правленія именовать, понеже сіе есть мучительство, въ

---

[1]) Проектъ этотъ найденъ въ архивахъ В. И. Семевскимъ и до сихъ поръ еще не обнародованъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ были даны въ рефератѣ Вас. Ив.—20-го нояб. 1904 г. въ залѣ Павловой, въ СПБ.

[2]) Политическія сочиненія кн. М. М. Щербатова, подъ редакціей И. П. Хрущова, 1896. СПБ., т. I, 1898—т. II.

которомъ нѣтъ иныхъ законовъ и иныхъ правилъ, окромя безумныхъ своенравій деспота (самовладѣтеля)... въ самовластномъ правленіи народъ является быть здѣланъ для государя... деспотъ (одаренный добродѣтелями) весьма мало блага народу здѣлаетъ, если не испровергнетъ самовластія... И, дѣйствительно, какіе законы могутъ быть полезны для такого народа, который, я уже не упоминаю о дарованіяхъ щастія, но и самую жизнь имѣетъ только тогда, пока угодно деспоту дозволить ему оной пользоваться, навсегда лишенъ величайшаго дара природы, т. е. вольности... При самовластіи народъ стонетъ въ неволѣ... науки, сіи украшенія разума, не имѣя вольности мыслить, бѣгутъ сихъ мѣстъ искать благорастворелнѣйшихъ воздуховъ (ibid., 387).

Самовластіе или деспотичество. Правленіемъ его назвать не можно, ни въ родѣ оныхъ помѣстить, ибо оно не что иное есть, какъ злоупотребленіе монаршической власти: потому что монархія должна имѣть свои основательные законы и сохранять всѣ установленные, а самовластіе, послѣдуя единому своему хотѣнію, по волѣ своей всѣ законы разрушаетъ... Самовластіе, ни на что не взирая, возмущаетъ во всѣхъ частяхъ жизни и спокойство каждаго гражданина: ибо въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли кто тутъ спокоенъ быть, гдѣ никого поставленны законы не защищаютъ?... (ibid, 389). Все, что къ деспотичеству, сему нечистому сосуду, ни коснется, все ядомъ симъ заражается, и все обращается въ общественный вредъ. Учреждены-ли какія правительства, -тѣ все взираютъ болѣе на произвольное хотѣніе деспота или его любимцевъ, нежели на постановленные и пребывающіе законы: учредится-ли какое собраніе чиновъ государственныхъ или помѣстныхъ, въ нихъ нѣтъ вольности, духу соединенія, нѣтъ любви къ отечеству и обществу, но всѣ пресмыкаются, не смѣя и воззрить на любезную свободу, ниже помыслить о взаимственныхъ правахъ, связующихъ общества; ибо сей есть, между прочимъ, порокъ деспотичества, что деспотъ

деспота производитъ, и таковыми членами государство наполняется, а часто и самый первый деспотъ, нижними его окруженный, связью оныхъ становится»... Упомянувъ далѣе о «мрачныхъ темницахъ Тайной канцеляріи», Щербатовъ предлагалъ «для обезпеченія безопасности личной» допустить по всѣмъ дѣламъ 1) участіе защиты въ предварительномъ слѣдствіи (!), и 2) ввести «аглинское узаконеніе габеасъ корпусъ» (ibid, 418) [1]).

Въ сочиненіи своемъ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» (т. II) Щербатовъ безпощадно вскрывалъ всѣ пороки высшихъ сферъ отъ Петра I до Екатерины II. По его мнѣнію, нравы исправились-бы тогда, когда мы имѣли-бы государя... «могущаго имѣть довольно великодушія и любви къ отечеству, чтобы составить и предать основательныя права государству и довольно твёрда (го), чтобы ихъ исполнять».

Его мысли о политическомъ строѣ въ Россіи нашли себѣ отраженіе въ статьѣ «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголанныхъ словъ» [2]).

«Я охуляю, заявлялъ Щербатовъ, самый составъ нашего правительства, называя его совершенно самовластнымъ и такимъ, гдѣ хотя писанные законы есть, но они власти государей и силѣ вельможъ уступаютъ (стр. 249). Тако деспотичество, не взирая ни на законы, ни на благоразуміе, ни на самую благопристойность играетъ жизнію и честію подданныхъ. Самое наслѣдство престола не утверждено [3]), и бѣдная Россія, яко вотчина, или какого приватнаго человѣка имѣніе,—не по крови и не по праву рожденія,—можетъ по самовластнымъ прихотямъ царствующаго государя въ наслѣдство переходить (с. 250). Воззримъ на самое сочиненіе законовъ и на наложеніе нало-

---

[1]) О „габеасъ корпусъ" см. *Горбуновъ*. Гарантіи личной свободы въ Англіи, 1905. Ростовъ н-Д., изд. „Донск. Рѣчь" Н. Парамонова.

[2]) Политич. соч., т. II, 247.

[3]) Намёкъ на петровскій законъ о правѣ монарха назначать себѣ преемника. Съ 1797 г. существуетъ законъ о престолонаслѣдіи.

говъ, не всѣ-ли они въ кабинетѣ государевомъ, по большей части крѣпко охраняемомъ отъ проницаній истины и свѣдѣнія о бѣдности народной, сочиняются и располагаются государемъ и ближними его совѣтниками, которые дворъ считаютъ своимъ отечествомъ. Упражнены въ дворскихъ проискахъ имъ некогда и не хотятъ ни истины, ни состоянія народнаго познать... Охуляю я наши законы; поелику они не токмо съ согласія народнаго, но ниже съ согласія главнаго правительства сочиняются; охуляю тѣмъ, что оные ясно показуютъ, что при составленіи ихъ ни о состояніи, ни о пользахъ, ни о нуждахъ народныхъ, ни свѣдѣнія, ни попеченія не прилагается (с. 251).

Надлежало мнѣ таперя говорить о правительствахъ, но какъ у насъ по самому непомѣрному деспотичеству не законы дѣйствуютъ въ правительствахъ, но преклоненіе двора и воля вельможъ, то прежде и должно о сихъ говорить... (252).

Охуляю я собраніе депутатовъ для сочиненія уложенія (1767), поелику оно не съ тѣми мыслями было учинено, чтобы вольность тутъ владычествовала, и чтобы твердое намѣреніе было до конца сію комиссію довести. Охуляю я, что оная въ началѣ турецкія войны была распущена съ торжественнымъ обѣщаніемъ, чтобы по окончаніи войны паки собраться, которое безъ исполненія осталось, къ безчестію и отнятію вѣры словамъ монаршимъ и къ оскорбленію Россіи... (254—255). Охуляю я безъ разбору чинимый выборъ въ намѣстники, а паче изъ военныхъ не знающихъ законовъ, ни судебныхъ обрядовъ, и терпѣніе ихъ пороковъ при такой великой данной имъ власти, чрезъ что они почти деспоты въ своихъ намѣстничествахъ учинились и удручили разумы народные, истребляютъ благородныя мысли и въ родъ рабства благородныхъ приводятъ (!)... (258). Охуляю я писаніе законовъ самою Монархинею, писанныхъ во mракѣ ея кабинета, коими она хочетъ исполнить то, что невозможно, и уврачевать то, чего не знаетъ... (259).

Ежели мнѣ пріятели мои скажутъ, что къ чему служатъ всѣ мои слова. Они несчастіямъ народнымъ не помогаютъ, деспотичество не менѣе дѣйствуетъ, любимцы и вельможи не менѣе сластолюбивы, лѣнивы, незнающи, злы становятся, и правительствы не менѣе наполнены незнающими законовъ грабителями народными пребываютъ. Знаю все сіе, но знаю, что все сіе отъ нашего рабскаго и подлаго терпѣнія происходитъ, а мое желаніе и есть, показывая твердость, постараться вдохнуть ее и въ другихъ недовольно чувствующихъ отягчающее ихъ иго,—оное имъ чувствительно содѣлать, дабы сопрягшись любовію къ отечеству люди потщились страждущему отечеству руку помощи подать.

Такимъ языкомъ умѣли писать и въ Россіи XVIII вѣка.

Сознаніе необходимости измѣненія государственнаго строя, выразившееся въ теченіе XVIII в. въ цѣломъ рядѣ проектовъ въ пользу дворянско-аристократическаго представительства, проникало въ русское общество также съ Запада. Предреволюціонная французская литература и философія XVIII в. оказывали сильное вліяніе на образованныхъ людей екатерининской эпохи. Идеи естественнаго права и народнаго верховенства невольно приводили къ ощущенію разлада между идеаломъ и русской дѣйствительностью. Уже въ 1790 г. прозвучалъ голосъ Радищева, которому суждено было начать своими страданіями и своими идеями то радикально-демократическое движеніе, которое постепенно расло, ширилось и, въ теченіе послѣдующаго XIX вѣка, стало преобладающимъ надъ узко эгоистическимъ, конституціонно-дворянскимъ теченіемъ.

Въ 1773 г. въ С.-Петербургѣ вышелъ переводъ книги Мабли ((Observations sur l'histoire de la Grèce) подъ заглавіемъ «Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ». Переводчикомъ этой книги, изданной на средства имп. Екатерины II, былъ А. Н. Радищевъ [1]), который снабдилъ переводъ своими примѣ-

[1]) О Радищевѣ см. кн. Сухомлинова, а также *Мякотина*, „На зарѣ русской общественности“. Ростовъ н-Д., 1901, изд. Н. Парамонова „Донская Рѣчь“.

чаніями. Въ своихъ примѣчаніяхъ онъ разсматриваетъ государство, какъ возникшее изъ народнаго договора, и высказывается рѣшительно въ пользу идеи народнаго суверенитета (верховенства). Слово **despotisme** переводитъ онъ какъ «самодержавство» и поясняетъ: «Самодержавство есть наипротивнѣйшее естеству человѣческому состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣнно, но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то-же, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества» [1]).

Но особенно яркое выраженіе нашли себѣ радикально-демократическіе взгляды Радищева въ его знаменитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» (СПБ, 1790), за напечатаніе котораго онъ такъ жестоко поплатился. Въ этомъ сочиненіи онъ высказывается противъ самовластія государей и требуетъ свободы слова [2]). Въ той-же книгѣ

[1]) *Сухомлиновъ.* „Радищевъ, 1883, стр. 26—27, а также въ XXXI-мъ вып. изд. Академіи наукъ. Чрезвычайно характерны взгляды Радищева, высказанные въ его книгѣ „житіе Ѳ. В. Ушакова" (воспоминанія о студенческой жизни въ Лейпцигѣ), изд. въ СПБ. 1789 г., въ сб. „XVIII вѣкъ", изд. Бартенева. (стр. 63—4, 20—21)".

[2]) „Пускай печатаютъ все, кому что на умъ взойдетъ. Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ... Какой вредъ можетъ быть, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза, польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣднѣйшаго гражданина"...

помѣщена его ода «Вольность». Въ ней онъ рисуетъ слѣдующій идеалъ государственнаго и общественнаго строя:

„Возникла обща власть въ народѣ,
Соборный всѣхъ властей удѣлъ;
Ей общество во всемъ послушно,
Повсюду съ ней единодушно;
Для пользы общей нѣтъ препонъ.
Во власти всѣхъ свою зрю долю,
Свою творю, творя всѣхъ волю:
Вотъ что есть въ обществѣ законъ"...

Въ остальныхъ строфахъ этого произведенія высказывается сочувствіе народу, возстающему противъ угнетателей.

Такъ, напримѣръ, обращается онъ къ Кромвелю съ слѣдующими стихами:

„Я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,
Что власть въ рукѣ своей имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ,
Но возвѣстилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себя народы:
Ты Карла на судѣ казнилъ"....

Мы видѣли, что книга съ примѣчаніемъ Радищева о «самодержавствѣ» была издана на средства императрицы. Точно также Екатерина II явилась защитницей драматурга А. П. Николева, когда администрація хотѣла запретить къ постановкѣ одну изъ его трагедій за стихи:

„Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца"....

Но зато, извѣстія о великой французской революціи заставили исчезнуть и ту, небольшую сравнительно, терпимость, которую проявляла Екатерина II по отношенію къ политическому вольнодумству, и конецъ ея царствованія прошелъ въ тяжелой реакціи.

Пострадалъ Радищевъ [1]) (1790 г.), черезъ 2 года поднято было гоненіе на «мартинистовъ», при чемъ Н. И. Новиковъ былъ посаженъ на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Точно также наказанію былъ-бы подвергнутъ и драматургъ Я. Б. Княжнинъ который написалъ въ 1789 г. трагедію «Вадимъ Новгородскій», въ которой основатель русскаго государства трактовался, какъ узурпаторъ [2]), и восхвалялась политическая свобода. Трагедія была напечатана въ 1793 г. въ 39-й части «Россійскаго Өеатра», издававшагося Академіей наукъ. Пьеса эта возбудила гнѣвъ Екатерины, а въ особенности стихи о власти самодержавной.

№ 39 «Росс. Өеатра» и отдѣльные оттиски «Вадима» были уничтожены; авторъ-же, какъ оказалось, умеръ въ 1791 г.

Въ 1792 г., въ февралѣ, по особому указу имп. Екатерины II схвачены были 2 студента московскаго университета В. Колокольниковъ и М. Невзоровъ [3]) и возвращавшіеся изъ Гёттингена, «сыскныхъ дѣлъ мастеръ, великій инквизиторъ Россіи». Шешковскій допрашивалъ ихъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости—отчего произошла французская революція, /сіе чудовищное

---

[1]) Приговоренный къ смерти за изданіе книги своей, „наполненныя самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми выраженіями противу сана и власти царской",—Радищевъ былъ помилованъ и сосланъ въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, на 10-ти лѣтнее безысходное пребываніе.

[2]) Узурпаторъ—лицо противозаконно захватившее власть въ свои руки.

[3]) Матеріалы объ этой исторіи *Осмнадцатый Вѣкъ*. Ист. Сб., изд. Бартенева. М. 1868, кн. I. стр. 395 и др.; записки *И. В. Лопухина*, изд. Герцена, Лондонъ, 1860 стр. 63 и др., также въ изд. Русс. Архива, 1884; „Вѣстникъ Европы", 1867, т. IV, отд. VII, стр. 61, „Вѣстн. Европы", 1868, IV.

произведеніе просвѣщенной политики», а также, были-ли они въ Парижѣ, въ національномъ собраніи, и не имѣли-ли какихъ сообщеній съ членами этого собранія. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ ходили слухи, будто бы эти студенты «были изъ русскихъ въ числѣ депутатовъ въ національномъ собраніи съ поздравленіемъ французовъ съ революціонными ихъ предпріятіями». Въ 1795 г. профессоръ московскаго университета І. В. Л. Мельманнъ былъ высланъ заграницу за преподаваніе философіи Канта [1]).

Всѣ эти репрессіи явились, какъ слѣдствіе страховъ за власть и жизнь, вызванныхъ (неосновательно) французскими событіями. И. В. Лопухинъ въ своихъ запискахъ (Лондонъ, 1860) говоритъ, что «дворъ ополчился на мартинистовъ» (масоновъ): говорили, что «у нихъ въ системѣ заводить вольность», что «они привлекаютъ къ себѣ народъ, и въ такомъ намѣреніи щедро раздаютъ милостыню»... Священникъ Самборскій, наставникъ в. к. Александра Павловича, писалъ въ концѣ 80-хъ годовъ: «Вольноглаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалившееся примѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему отечеству наиужаснѣйшее кровопролитіе ... [2]).

Есть свѣдѣнія (В. Каразина, Сегюра) о томъ, что революціонныя событія во Франціи нашли откликъ въ Россіи. Въ мемуарахъ Сегюра сообщается, что паденіе Бастиліи, взятой 14 іюля 1789 года возставшимъ парижскимъ народомъ, вызвало взрывъ радости въ Петербургѣ не только среди иностранцевъ, но и «среди негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ (les bourgeois) и нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ болѣе высокаго класса».... «Посреди улицы поздравляли другъ друга, обнимались, точно ихъ избавили отъ тяжкой цѣпи, сковывавшей ихъ самихъ».

Есть извѣстія, что сочиненія Радищева и Княжнина

[1]) О Мельманнѣ см. „Чтенія" и т. д., 1861, кн. 4 (39); 1863, кн. 2, (45) „Русс. Архивъ", 1872, т. І, записки Ѳ. П. Лубяновскаго.

[2]) „Русс. Старина", 1898, № 11, стр. 452.

были разобраны на расхватъ въ книжныхъ лавкахъ. Стало-быть уже были группы читателей ихъ произведеній и сторонниковъ ихъ взглядовъ. Вообще къ концу XVIII вѣка создаются,—преимущественно въ дворянскихъ кругахъ, но также и въ другихъ среднихъ слояхъ народа группы интеллигенціи, которая воспитывается на произведеніяхъ западно-европейскихъ писателей, воспринимаетъ ихъ взгляды и идеалы и, въ области политической, склоняется, къ либерализму и даже радикализму. Однако, значеніе этой нарождающейся общественной группы сравнительно ничтожно и безопасно для государственнаго строя, хотя правительство, усиленно вначалѣ покровительствовавшее насажденію просвѣщенія и нарожденію этой группы, и становится сперва равнодушно, а потомъ и подозрительно -враждебно по отношенію къ ней.

Ходъ историческихъ событій опредѣляется соотношеніемъ реальныхъ общественныхъ силъ. Одной изъ главныхъ силъ въ XVIII вѣкѣ является дворянство, и исторія попытокъ ограничить верховную власть тѣсно связана въ XVIII вѣкѣ, да и въ значительной части XIX вѣка съ исторіей дворянства, которое слѣдуя преимущественно узко эгоистической сословной политикѣ (съ классовымъ оттѣнкомъ, въ виду отношенія его къ крестьянству, какъ рабочей силѣ) стремится создать себѣ привиллегированое положеніе за счетъ народной массы. Съ одной стороны, оно стремится все болѣе къ раскрѣпощенію себя отъ службы государству, къ завоеванію себѣ основныхъ правъ личности, а также дѣлаетъ попытки обезпечить себѣ правомѣрное и постоянное вліяніе на государственную власть въ сферѣ законодательства и управленія; съ другой стороны, всѣ вышеуказанныя права стремится оно получить въ свое исключительное пользованіе, за счетъ другихъ сословій, особенно-же крестьянства, которое къ концу XVIII вѣка оказывается закрѣпощеннымъ дворянству не ради службы государству, но во имя права собственности помѣщиковъ

на самую личность крестьянъ. Политическое недовольство дворянства удовлетворяется уступками верховной власти въ области соціальной: крестьяне поступаютъ въ полную собственность дворянъ, и крѣпостное право принимаетъ характеръ личнаго рабства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря раздачѣ дворянамъ свободныхъ (государственныхъ и иныхъ) крестьянъ, громадныя массы народа становятся рабами (въ царствованіе Екатерины II было роздано 800,000 душъ и при имп. Павлѣ—600,000 душъ крестьянъ). XVIII вѣкъ подъ вліяніемъ страха, вызваннаго въ правительствѣ французской революціей, а также личному составу правительственныхъ сферъ, кончается (особенно при Павлѣ I) реакціей, сметающей всѣ достигнутыя дворянами результаты столѣтней борьбы за раскрѣпощеніе сословія. Это обостряетъ въ обществѣ вкусъ къ политическимъ гарантіямъ и даетъ новый толчекъ политической мысли въ направленіи ограниченія произвола и установленія воздѣйствія населенія на власть въ законодательной сферѣ. Поэтому начало XIX вѣка ознаменовывается цѣлымъ рядомъ конституціонныхъ проектовъ и попытокъ.

ГЛАВА IV.

Въ ночь съ 11-го на 12-ое марта 1801 г. императоръ Павелъ скончался скоропостижно. На престолъ взошелъ молодой Александръ I. Царствованіе этого государя совпадаетъ съ эпохой небывалаго до тѣхъ поръ развитія политической мысли въ русскомъ обществѣ. Нельзя отрицать того, что личность имп. Александра имѣла большое вліяніе на развитіе конституціонныхъ идей и стремленій въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ его лицѣ взошелъ на престолъ государь, который серьезно думалъ объ ограниченіи самодержавія, неоднократно дѣлалъ къ тому попытки, и въ своей варшавской рѣчи (15/27 марта 1818 г.) вполнѣ опредѣленно обѣщалъ даровать Россіи конституцію. Не забудемъ того, что онъ далъ конституцію соединеннымъ

съ Россіей Царству польскому и великому княжеству Финляндскому и способствовалъ введенію конституціи въ великомъ герцогствѣ баденскомъ [1]) и во Франціи 1814 года [2]). Цѣлый рядъ весьма сложныхъ причинъ общественнаго, частью-же личнаго характера, воспрепятствовалъ проведенію въ жизнь либеральныхъ мечтаній Александра. Но его образъ мыслей и его многократныя попытки ввести конституціонный образъ правленія, въ связи съ общимъ политическимъ развитіемъ русскаго общества, были причиной того, что когда во вторую половину царствованія ясно обозначилась реакція, то русское общество (въ лицѣ декабристовъ) взяло выработку конституціонныхъ проектовъ въ свои руки и даже попыталось провести свои проекты въ жизнь. Такимъ образомъ, чтобы яснѣе понять, почему конституціонные проекты александровской эпохи выливались въ ту, или иную форму, а также отчасти, почему они остались на бумагѣ, не перейдя въ жизнь, (поскольку это зависѣло отъ личности Александра), мы должны, хотя и вкратцѣ, упомянуть о жизни и воззрѣніяхъ Александра до вступленія его на престолъ.

Александръ былъ воспитанникомъ Ф. Ц. Лагарпа [3]), швейцарца, республиканца по убѣжденіямъ, который основанія политическаго воспитанія своего ученика избралъ труды Монтескье, Локка, Гиббона, Руссо и др. Сравненіе вышеупомянутыхъ авторовъ съ учебными тетрадями Александра даетъ возможность легко узнать, что Лагарпъ старался внушить воспитаннику идеи, царившія тогда въ Зап. Европѣ. Здѣсь можно найти теорію раздѣленія властей, доказательства въ пользу избирательнаго принципа въ замѣщеніи престола предъ наслѣдственнымъ, —убѣжденія, что человѣческія несчастья происходятъ отъ недостатка

---

[1]) См. von **Weech**, Die Geschichte der badischen Verfassung.

[2]) См. Сеньобосъ. Политическая исторія З. Европы, т. I, гл. V.

[3]) О Лагарпѣ см. *Сухомлиновъ* „Изслѣдованія и статьи" etc. СПБ. 1889, т. II, Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель имп. Алекс. I. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій. „Le gouverneur d' un prince", Paris, 1903.

хорошихъ законовъ и учрежденій, теорію народнаго суверенитета,—короче—все, что провозглашалось въ важнѣйшихъ произведеніяхъ политическихъ мыслителей конца XVIII в. Дѣйствіе Лагарпа на политическое міровоззрѣніе Александра было громадно. Стоитъ, напримѣръ, сравнить отрывокъ изъ письма Лагарпа съ словами правительственнаго акта, изданнаго вскорѣ по вступленіи Александра.

Лагарпъ писалъ [1]): «Воздавая Антонинамъ принадлежащую имъ дань хвалы, потомки съ горечью упрекаютъ ихъ томъ, что они не утвердили благо народное на непоколебимыхъ основаніяхъ, которыя могли-бы сдерживать необузданный произволъ Коммодовъ, Каракаллъ и Геліогабаловъ»... Онъ старался убѣдить Александра въ томъ, что его обязанность избѣжать подобной ошибки по отношенію къ Россіи.

Александръ-же, вскорѣ по вступленіи на престолъ, писалъ въ рескриптѣ на имя предсѣдателя Комиссіи составленія законовъ [2]): «Поставляя въ *единомъ законѣ* начало и источникъ народнаго блаженства [3]) и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но *одинъ законъ* можетъ утвердить ихъ *навѣки*», Александръ обращалъ свое вниманіе прежде всего на Комиссію *законовъ*. [4]) Явно, что второе заявленіе есть лишь видоизмѣненіе перваго.

Рано разлученный со своимъ воспитателемъ (вслѣдствіе брака) Александръ все-же усвоилъ либеральныя идеи XVIII в, хотя въ очень общей и неясной формѣ.

---

[1]) Сухомлиновъ, т. II, 119.

[2]) Богдановичъ, ист. Имп. Алекс. I, т. I, стр. 48.

[3]) Интересна надпись на медали по случаю коронованія. „Законъ—залогъ блаженства всѣхъ и каждаго“.

[4]) Въ томъ-же рескриптѣ имп. Александръ указывалъ на хаотическое положеніе и безпорядочный, безсвязный ходъ русскаго законодательства, слѣдствіемъ чего являлись, „всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго; мракъ облежащій равно судью и подсудимаго; безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи, и удобность премѣнять ихъ по первому движенію прихоти или *самовластія*“....

Мы должны, между прочимъ, замѣтить, что въ 1792 г. Екатерина II прочла ему французскую конституцію 3 сент. 1791 г. и объяснила ему ее пунктъ за пунктомъ, равно какъ и причины французской революціи [1]). Цѣнныя указанія о воззрѣніяхъ Александра въ возрастѣ 18—19 лѣтъ даетъ въ своихъ мемуарахъ [2]) другъ его юности, кн. Адамъ Чарторыйскій, который былъ немного старше Александра и смотрѣлъ на жизнь болѣе разсудительно. Въ своемъ разговорѣ съ кн. Адамомъ въ 1796 г. къ великому его удивленію, Александръ заявилъ о своихъ симпатіяхъ къ Польшѣ; далѣе, что онъ ненавидитъ деспотизмъ повсюду, гдѣ и въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся», «что онъ любитъ свободу, которая должна быть достояніемъ всѣхъ людей», что онъ «съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французской революціей», и хотя относился отрицательно къ ея ужаснымъ заблужденіямъ, однако желалъ успѣха и былъ радъ республикѣ [3]). Чарторыйскій полагалъ, что «еще никто въ Россіи не былъ способенъ раздѣлять подобныя мысли или даже понять ихъ» [4]).

Тяжелое положеніе Россіи въ концѣ царствованія Екатерины и сознаніе безсилія внести порядокъ въ хаосъ русской администраціи повели сперва Александра къ мысли отказаться отъ трона.

[1]) *Шильдеръ*, назв. соч., т. I, стр. 100, 269.

[2]) Czartoryski, Adam (princ). Mémoires, 1887, Paris, Ch. IV, стр. 96—97; а также „Alexandre I et le prince Czartoryski", Paris, 1865. стр. X—XXVIII; по русски „Русс. Архивъ" 1871, стр. 697 и сл.

[3]) Мнѣнія его (Александра) были мнѣнія юноши 1789 г., который хотѣлъ-бы видѣть повсюду республики и считаетъ эту форму правленія единственной, сообразной съ желаніями и правами человѣчества... Онъ утверждалъ, между прочимъ, что наслѣдственность есть учрежденіе несправедливое и нелѣпое, что верховная власть должна быть ввѣряема не по случайности рожденія, а по подачѣ голосовъ націей, которая сумѣла-бы выбрать наиболѣе способнаго управлять ею"... Mém. **Czartoryski**, 102—103; *Шильдеръ*, т. I, 116, 119; *Пыпинъ*, Обществ. Движеніе, 2 изд., 1885, стр. 30—35.

[4]) Mémoires, стр. 97.

Въ своемъ письмѣ къ Лагарпу (отъ 26 февраля 1796 г) [1]) Александръ писалъ:

«Я вспоминаю о томъ, о чемъ Вы мнѣ говорили, когда мы были вмѣстѣ, но это не могло измѣнить принятаго мною намѣренія отказаться позже отъ моей должности [2]). Она становится съ каждымъ днемъ невыносимѣе вслѣдствіе всего того, что происходитъ вокругъ меня. Невообразимо, что творится: всѣ грабятъ, не встрѣчаешь почти ни одного честнаго человѣка, это ужасно!.. Я, хотя и военный, жажду лишь мира и спокойствія и охотно промѣнялъ-бы свое званіе на ферму рядомъ съ Вашей»...

Въ томъ-же году (10 мая 1796) въ письмѣ къ князю В. П. Кочубею [3]) Александръ высказалъ слѣдующія мысли: «Въ нашихъ дѣлахъ царствуетъ невѣроятный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются плохо, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія стремится только къ расширенію границъ. Возможно-ли для одного человѣка при такомъ ходѣ вещей управлять имперіей, и тѣмъ болѣе улучшить вкоренившіяся въ нее злоупотребленія; это превосходитъ силы не только человѣка, одареннаго подобно мнѣ обыкновенными способностями, но даже генія... Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, отказавшись отъ этого многотруднаго мѣста [4]), (я не могу еще опредѣленно указать срокъ этого отреченія), я съ женой поселюсь на берегахъ Рейна, гдѣ я буду спокойно жить въ качествѣ частнаго человѣка».

Въ этотъ-же періодъ своей жизни Александръ особенно энергично оспаривалъ наслѣдственный принципъ въ престолонаслѣдіи, говоря, что это учрежденіе несправедливо, нелѣпо, что верховная власть должна быть дарована не случаемъ рожденія, но приговоромъ всего народа, ко-

---

[1]) *Шильдеръ*, п. с., т. I, стр. 111.

[2]) De me défáire de ma charge.

[3]) *Шильдеръ*, русск. текстъ т. I, стр. 112—114; франц. текстъ т. I, приложенія, 277.

[4]) Ayant une fois rénoncé à cette place scabreuse.

торый лучше всего—въ состоянiи избрать наиболѣе способнаго къ управленiю государствомъ. Эта мысль такъ крѣпко воспринята была Александромъ, что, какъ вспоминалъ Наполеонъ на о. св. Елены, ему стоило большого труда и времени, во время свиданiя ихъ въ Тильзитѣ, (1807) выяснить Александру вредъ и противорѣчивость его идеи [1]).

Въ эту эпоху около Александра начинаетъ создаваться небольшой кружокъ, которому суждено было сыграть позже извѣстную роль. подъ названiемъ «негласнаго комитета»; это были кн. А. Чарторыйскiй, молодой графъ Пав. Ал. Строгановъ. Н. Н. Новосильцевъ. Они старались отговорить Александра отъ его мысли объ отреченiи, что имъ и удалось, хотя, вначалѣ и не вполнѣ. Каковы были первоначальныя цѣли кружка можно видѣть изъ письма Александра къ Лагарпу отъ 27 сент. (18 окт.) 1797 г. [2]) «Это письмо будетъ вручено Вамъ г. Новосильцевымъ, который ѣдетъ спецiально для того, чтобы посѣтить Васъ и просить у Васъ совѣта и указанiй относительно обстоятельства чрезвычайной важности: созданiя счастья Россiи посредствомъ введенiя *свободной конституцiи* [3]) (en y établissant une constitution libre». Дальше идетъ описанiе ужаснаго положенiя Россiи при тогдашнемъ военно-деспотическомъ режимѣ [4]). Александръ напоминаетъ Лагарпу о своемъ постоянномъ намѣренiи оставить Россiю и говоритъ, что «въ настоящее время онъ не видитъ никакихъ средствъ исполнить это намѣренiе, и, кромѣ того, печальное положенiе Россiи заставляетъ мысли его обратиться въ другомъ направленiи»...

---

[1]) Шильдеръ, т. I, 239.

[2]) Письмо впервые обнародовано Шильдеромъ, „Александ. I“, т. I. 280—82.

[3]) Курсивъ подлинника.

[4]) „Я самъ,—говоритъ Александръ,—вынужденъ заниматься военными мелочами и терять все мое время на исполненiе обязанностей унтеръ-офицера“...

«Я думалъ, что, если наступитъ черёдъ царствовать мнѣ, то я сдѣлаю несравненно лучше, если я, вмѣсто того, чтобы удалиться изъ родины, буду работать надъ ея освобожденіемъ, и тѣмъ не допущу ее въ будущемъ сдѣлаться игрушкой въ рукахъ безумцевъ. Это навело меня на тысячи размышленій, которыя показали мнѣ, что это было-бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она произведена была-бы законной властью, которая перестала-бы существовать, какъ только конституція была-бы закончена, и народъ избралъ-бы своихъ представителей. Такова моя идея»....

Далѣе говоритъ онъ объ общемъ съ друзьями рѣшеніи переводить полезныя книги и распространять ихъ, съ цѣлью просвѣтить, съ помощью ихъ, умы.

«А когда придетъ мой черёдъ, тогда нужно будетъ стараться, само собой разумѣется *постепенно* [1], создать народное представительство, которое составило-бы свободную конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась-бы».... «А я удалюсь въ свой уголокъ, гдѣ буду жить довольный и счастливый, видя счастье моей родины»... «Я надѣюсь, что Вы одобрите наши планы... Да поможетъ намъ Богъ въ достиженіи нашей цѣли, сдѣлать Россію свободной и оградить ее отъ покушеній деспотизма! Это мое единственное желаніе, и я охотно посвящу всѣ мои силы и мою жизнь этой столь дорогой для меня цѣли»...

Такимъ образомъ, идея отреченія отъ престола уступаетъ мѣсто въ головѣ Александра мыслямъ о введеніи въ Россіи конституціи, составленной учредительнымъ собраніемъ. Вскорѣ, однако, приходитъ онъ къ мысли поручить выработку конституціи кому-либо изъ своихъ друзей.

Въ 1797 г въ Москвѣ, во время коронаціи, Ново

[1]) „Peu a peu s'entend".

Уже въ этой оговоркѣ можно видѣть зародышъ того принципа „постепенности", который былъ постоянной причиной нерѣшительности Александра въ тотъ моментъ, когда оставалось только привести въ исполненіе выработанную уже конституцію.

сильцевъ прочелъ Александру изложеніе своихъ мыслей «о совѣтахъ молодому монарху, вступающему на тронъ». Эти мысли, изложенныя въ очень общей формѣ, понравились Александру [1]). Постепенно налаживалось у друзей и дѣло книгоиздательства. Но этимъ «тайнымъ конституціоналистамъ» недолго пришлось разсуждать вмѣстѣ о будущемъ счастьѣ Россіи.

Общій военно-деспотическій характеръ царствованія въ связи съ недовѣріемъ къ сыну имп. Павла, который еще не забылъ плановъ Екатерины II устранить его и замѣстить Александромъ, имѣли послѣдствіемъ то, что члены кружка вынуждены были разлучиться другъ съ другомъ. Новосильцевъ отправился въ Англію, (гдѣ жилъ до 1801 г.), Чарторыйскій же былъ назначенъ посланникомъ при дворѣ короля Сардиніи, (у котораго тогда не было ни подданныхъ, ни земли). Предъ отъѣздомъ кн. Адама Александръ обратился къ нему съ просьбой написать для него проектъ воззванія, въ которомъ изложены были-бы его заявленія въ моментъ восшествія на престолъ.

«Онъ не давалъ мнѣ ни минуты покоя», говоритъ Черторыйскій, «пока я не изложилъ на бумагѣ мысли, постоянно его занимавшія... Поспѣшно, какъ умѣлъ, написалъ я проектъ этого воззванія. Это былъ рядъ общихъ положеній, въ которыхъ я изложилъ неудобства образа правленія, при которомъ Россія существовала до сихъ поръ и всѣ выгоды того, который хотѣлъ ввести Александръ: благодѣянія свободы и справедливости, которыми будетъ наслаждаться Россія, когда будетъ устранено все, что этому мѣшаетъ; наконецъ, рѣшеніе Александра отречься отъ власти послѣ исполненія этой высокой задачи, съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто признанъ будетъ наиболѣе достойнымъ обладать властью, былъ призванъ укрѣпить и улучшить великое дѣло»... Александръ принялъ съ самой горячей благодарностью этотъ проектъ, (о которомъ Чарторыйскій

[1]) Czartoryski, Mem., стр. 156—157.

говоритъ въ воспоминаніяхъ, что это былъ «наборъ красивыхъ разсужденій и фразъ»), но позже онъ ни разу не упоминалъ объ этомъ произведеніи кн. Адама.

Однако, несмотря на тяжкій деспотизмъ Павла, который тяготѣлъ не только надъ всей страной, но и надъ приближенными и семьей (въ томъ числѣ надъ в. кн. Александромъ), несмотря на то, что кружокъ друзей былъ разсѣянъ, въ душѣ Александра постоянно оставались эти неопредѣленно либеральныя мечтанія, которыя такъ противорѣчили всему окружающему и которыя онъ долженъ былъ тщательно скрывать ото всѣхъ, кромѣ немногихъ посвященныхъ. Два года спустя (1799 г.) онъ продолжалъ (въ разговорѣ съ В. П. Кочубеемъ) неустанно повторять свое желаніе «видѣть наше правительство построеннымъ на началахъ здраваго разума», о необходимости преобразовать образъ правленія и систему управленія [1]. Кочубей обратился къ своему дядѣ, престарѣлому канцлеру Безбородко, который изложилъ свои мысли по интересовавшимъ Александра вопросамъ. У Безбородко встрѣтилъ Александръ мнѣніе, совершенно противоположное своимъ взглядамъ.

«Россія должна быть государствомъ самодержавнымъ, —писалъ Безбородко, малѣйшее ослабленіе самодержавія повлекло-бы за собой отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія»... Далѣе высказываетъ онъ мысли о самоограниченіи самодержавнаго монарха основными законами: «Но государь самодержавный, если одаренъ качествами сана его достойными, чувствовать долженъ, что власть дана ему безпредѣльная не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобы держать въ почтеніи и исполненіи законы предковъ своихъ и самимъ имъ установленные; словомъ, изрекши законъ свой, онъ, такъ сказать, самъ первый его чтитъ и ему повинуется, дабы другіе и помыслить не смѣли, что отъ того уклониться или избѣжать могутъ»....

[1]) Шильдеръ, I, стр. 172.

Далѣе слѣдовалъ проектъ реформы сената, который написанъ былъ еще при Екатеринѣ, но не осуществился, благодаря французской революціи.

Уже по отрывкамъ изъ бесѣдъ в. к. Александра съ съ кн. Чарторыйскимъ можно видѣть, что ему «недоставало той ясности идей, которая дала-бы его мыслямъ логическую неизбѣжность твердаго убѣжденія». [1]). Взгляды его, рѣзко противорѣчившіе всей современной ему дѣйствительности, особенно въ періодъ 1796—1801 г., принимали все болѣе смутный, сантиментально-либеральный оттѣнокъ. Рисуя себѣ широкіе, грандіозные планы переустройства Россіи, онъ часто останавливался впослѣдствіи надъ проведеніемъ въ жизнь мѣръ, которыя облегчали-бы правовое положеніе подданныхъ и могли-бы быть осуществлены при сохраненіи его неограниченной власти. Это отсутствіе убѣжденности и энергіи было причиной того, что многіе изъ его широко-задуманныхъ плановъ были осуществлены лишь на половину, другіе-же, въ томъ числѣ политическое освобожденіе Россіи, такъ и не осуществились. Между тѣмъ, несмотря на то, что взгляды в. к. Александра были извѣстны лишь немногимъ, тяжелая русская дѣйствительность заставляла всѣхъ обращать свои взгляды на Александра, и будущее царствованіе его возбуждало надежды, что, наконецъ, для Россіи наступитъ время, когда, вмѣсто произвола, получитъ силу законъ и безправному народу дана будетъ разумная общественная свобода. [2]).

Общеизвѣстно рѣзко отрицательное отношеніе императора Павла I къ французской революціи [3]), духъ коей

---

[1]) *Пыпинъ*, Общ. движ., стр. 35.

[2]) Memoires secr. sur la Russie, Paris. An. VIII—X (1800—2), II, 23—24.

[3]) При извѣстіяхъ о французской революціи вел. кн. Павелъ сказалъ:—„что они тамъ толкуютъ' я тотчасъ все-бы прекратилъ пушками“. Екатерина II отвѣтила ему: „vous êtes une bête féroce. (Ты—дикій звѣрь) или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями? Если ты такъ будешь царствовать, то *не долго продлится* твое царствованіе“...

Шильдеръ, „Павелъ I“, стр. 248.

преслѣдовалъ онъ въ Россіи всѣми мѣрами. отъ него зависѣвшими. Въ эту, именно, эпоху русскимъ запрещено было называть себя *гражданами*; они стали «обывателями», точно такъ-же, какъ «*отечество*» превратилось въ «родину».

Несомнѣнно, не до составленія конституціонныхъ *проектовъ* было въ эпоху, когда одно употребленіе слова «представители» въ примѣненіи къ извѣстному разряду предметовъ [1]) навлекало гнѣвъ, такъ какъ это слово было «якобинское», ибо, хотя отдаленно, напоминало о «*народныхъ* представителяхъ». Зато, совершенно невыносимый режимъ зародилъ, благодаря злоупотребленіямъ власти, мысли о необходимости ограничить эту власть твердыми законами, у многихъ лицъ, которые раньше о томъ и не помышляли. Даже такіе люди, какъ консервативнѣйшій потомъ Карамзинъ, находили, что «государь не менѣе подданныхъ долженъ исполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ»... «Въ сіе царствованіе ужаса... общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное *остервененіе* противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности»...

Накоплявшееся въ теченіе 4 лѣтъ произвола, наводившаго страхъ и трепетъ, чувство, что дальше жить такъ нельзя, нашло себѣ исходъ въ *катастрофѣ* 11-го марта 1801 г. Эпоха ужаса была *насильственно* прекращена.

Существуютъ свѣдѣнія, [2]) что лица наиболѣе проявившія себя въ мартовскіе дни 1801 г., а именно: петербургскій генералъ-губернаторъ, гр. Паленъ и вице-канцлеръ Никита Петровичъ Панинъ, бесѣдовали съ вел. кн. Алек-

[1]) Павелъ I разгнѣвался на Нелединскаго за то, что тотъ сказалъ ему: „вотъ представители (уральскихъ) лѣсовъ“ о рощѣ, встрѣтившейся въ дорогѣ. См. Бартеневъ, „XIX вѣкъ“, т. II, стр. 272.

[2]) *Пыпинъ*, Общ. движеніе, 1885, стр 57. О томъ-же въ „Запискахъ декабристовъ“, вып. 2—3, стр. 130,—говорится: „въ 1801 г. гр. Н. П Панинъ и гр. Паленъ хотѣли водворить конституцію. Изъ заговорщиковъ желавшіе только перемѣны государя — награждены; искавшіе прочнаго устройства отдалены на вѣкъ“..

сандромъ о возможности отреченія имп. Павла отъ престола и о необходимости даровать конституцію, при чемъ Александръ далъ будто-бы свое согласіе на дарованіе конституціи. Въ знаменательную ночь 11—12 марта, когда Александру принесено было извѣстіе о *внезапной*, неожиданной для него, *смерти* имп. Павла, гр. Паленъ, князь Платонъ и графы Николай и Валеріанъ Зубовы, возвѣстили Александру о восшествіи его на престолъ и напомнили объ обѣщаніи имъ данномъ. Но трое изъ сообщниковъ гр. Палена, ген.-адъют. Ѳ. П. Уваровъ, командиръ Преображенскаго полка ген.-м. Талызинъ и адъютантъ Александра кн. П. М. Волконскій, потребовали въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ провозглашенія Александра самодержцемъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, обратиться за поддержкой къ Преображенскому полку, стоявшему вблизи, на Марсовомъ полѣ, подъ ружьемъ.

Вышеизложенный эпизодъ, еще не провѣренный строгой исторической критикой [1]), однако очень характеренъ для того момента, ибо если даже это и слухъ, то онъ хорошо передаетъ настроеніе современнаго общества, мечтавшаго не только о перемѣнѣ личности, но и самой системы.

ГЛАВА V.

Смерть Павла и воцареніе Александра были встрѣчены по всей Россіи взрывомъ общей радости. Русское общество привѣтствовало въ Александрѣ освободителя отъ тяжкаго режима, стѣснявшаго не только общественную, но и личную жизнь гражданъ. Манифестъ о восшествіи на престолъ заявлялъ о желаніи государя управлять «по законамъ и сердцу Екатерины», и это означало разрывъ съ недавнимъ прошлымъ. «Всѣ радовались, потому что отъ Александра именно ждали новаго правленія, гдѣ на мѣсто произвола и насилія явился-бы наконецъ законъ и спра-

[1]) Благодаря тому, что событія 11 марта 1801 г. все еще не изложены въ исторической литературѣ съ необходимой точностью [illegible]

ведливость» [1]. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ показателей, какія ожиданія, возлагались на Александра, является письмо, которое было найдено Александромъ на письменномъ столѣ черезъ 10 дней послѣ воцаренія. Въ этомъ письмѣ неизвѣстный авторъ обращался, какъ маркизъ Поза [2], къ своему государю съ цѣлой программой новаго царствованія. Письмо, написанное восторженнымъ, но искреннимъ тономъ выставляло слѣдующія завѣтныя пожеланія: «Онъ (т. е. имп. Александръ) дастъ намъ непреложные законы. Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердитъ онъ ихъ въ роды родовъ: онъ скажетъ Россіи: се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣдниковъ ненарушимый во вѣки!.. И Россія войдетъ, наконецъ, въ число державъ *монархическихъ* [3], и желѣзный своенравія скипетръ уже не возможетъ сокрушить скрижалей ея завѣта»... [4].

Далѣе авторъ указываетъ способъ, при посредствѣ котораго должно создать конституцію: медленно, сообразуясь со всѣми обстоятельствами, не разрушая изъ стараго того, что еще хорошо, послѣ обсужденія ея съ совѣтниками, «подъ завѣсомъ строжайшей скромности». Онъ втайнѣ составитъ, писалъ авторъ письма, но торжественно, предъ лицомъ внимающей вселенной, издастъ государственное *Уложеніе*, основу законовъ, которые *сами* нечувствительно могутъ *предварить* ея обнародованіе. Онъ повелитъ напослѣдокъ въ пространствѣ Россіи избрать «старцевъ» достойныхъ безпредѣльнѣйшей довѣренности своихъ согражданъ. «Онъ составитъ *коренное учрежденіе*, изберетъ ему блюстителей и, поставивъ ихъ внѣ сферы често-

---

[1]) Пыпинъ, с. 60.

[2]) Маркизъ Поза—герой трагедіи Шиллера „Донъ-Карлосъ". Онъ обращается къ своему государю—испанскому королю Филиппу, со смѣлыми обличеніями царящихъ въ государствѣ непорядковъ и съ горячей рѣчью о свободѣ, нужной подданнымъ

[3]) Монархическими называли тогда конституціонныя государства

[4]) Тексты письма у Герцена („Ист. Сборникъ" и изд. Павленкова, т. V, с. 413—4), и у Шильдера (т. II, прил., 325) разнятся между собою.

любія и боязни, удѣлитъ имъ избытокъ своей власти да охраняютъ святая святыхъ Отечества» [1]). «Онъ вѣдаетъ, что довѣренность къ правительству, утверждаемая извѣстностью непремѣнныхъ законовъ, одна рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою, что она есть, «источникъ благоденствія»... «Онъ положитъ единожды твердое основаніе государственному достоянію», опредѣлитъ возможности и повинности подданныхъ всякаго состоянія и скажетъ: «*симъ* обязаны вы взаимно между собою, *симъ* обязаны казнѣ, *симъ* обязаны престолу моему—ни болѣе ни менѣе, кромѣ чрезвычайныхъ нуждъ государства»....

Далѣе, говоря о вѣрѣ въ правосудіе, авторъ требуетъ учрежденія суда, избраннаго народомъ, ведущаго свои засѣданія при открытыхъ дверяхъ и имѣющаго право оглашать свои рѣшенія [2]). Высшее попеченіе о воспитаніи народа должно было быть довѣрено народному собранію, какъ *охранителю законовъ*. Дальнѣйшія пожеланія касаются разныхъ сторонъ русской жизни, и между прочимъ необходимости освобожденія крестьянъ.

Это письмо, несмотря на то, что политическія требованія были высказаны въ немъ въ очень умѣренной формѣ, цѣнно для насъ, какъ указаніе на то, что русская политическая мысль не была окончательно подавлена, но продолжала жить и своеобразно развиваться.

Авторомъ его оказался В. Н. Каразинъ [3]), имя котораго

[1]) „Онъ приметъ и другія мѣры, почерпнутыя изъ опыта вѣковъ, для утвержденія *правъ* своихъ подданныхъ. Онъ-то первый употребитъ самовластіе на обузданіе самовластія, первый, кто по чистѣйшему движенію сердца пожертвуетъ человѣчеству собственными выгодами.

[2]) Это осуществилось не ранѣе 1864 г.

[3]) Письмо Каразина, напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ изд. Герцена, въ его „Истор. Сборникѣ“ (1857—61), въ собраніи произведеній Герцена загран. и легал. (т. V. 413); въ „Матеріалахъ для истор возрожденія Россіи“ изд. Каспровича, Лейпцигъ, 1880; Шильдеръ, т. II; въ „Le gouverneur d'un prince“, Paris, 1903, Une épisode de la vie d' Alexandre. Alexandre et Karasine, стр. 212—13. Отрывки въ Вѣстн. Евр., 1901 г. Янв.

занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія. Замѣчательно, что и у Каразина была эта несчастная мысль, что конституціи должны писаться не гласно, создаваться не всѣмъ народомъ, но нѣсколькими довѣренными лицами и подъ «покровомъ тайны».

Въ рукописяхъ и письмахъ того времени имѣются указанія на необходимость измѣнить государственный строй, высказанныя и другими лицами.

Достойны вниманія въ этомъ отношеніи взгляды русскаго посла въ Лондонѣ гр. Сем. Р. Воронцова, который высказывался за конституцію, но далеко не былъ согласенъ съ тогдашнимъ настроеніемъ русскаго общества. Въ своемъ письмѣ [1]) къ сыну, Мих. Сем. Воронцову (Лондонъ, 3 мая (21 апр.) 1801 г.), онъ писалъ: «Страна слишкомъ обширна, чтобы государь, будь онъ хоть вторымъ Петромъ Великимъ, могъ все дѣлать самъ при существующей формѣ правленія безъ конституціи, безъ твердыхъ законовъ, безъ несмѣняемыхъ и независимыхъ судовъ. Самой природой образа правленія онъ принужденъ отдаться въ распоряженіе министра-временщика, который становится благодаря этому великимъ визиремъ» [2]).

Русскій государственный строй Воронцовъ противопоставляетъ англійскому. Съ горькой насмѣшкой говоритъ онъ о соотечественникахъ, которые «счастливы, какъ никогда, вырвавшись изъ жесточайшаго рабства, и воображаютъ теперь, что они добились свободы», которые «такъ легкомысленны, что забываютъ объ ужасномъ деспотизмѣ, подъ которымъ они должны были трепетать, только потому, что имъ дано позволеніе носить круглыя шляпы и сапоги съ отворотами» [3]).

[1]) „Архивъ кн. Воронцовыхъ", Москва, 1880 т. XVII, стр. 5. О братьяхъ А. и С. Воронцовыхъ см. Czartoryski, Mémoires, стр. 301—1.

[2]) Мысль, повидимому, взята у Монтескьё, Духъ законовъ, кн. V, гл. XVI.

[3]) Эти принадлежности костюма, какъ *революціонныя*, были при Павлѣ воспрещены.

«Вы увидите, что эти люди въ ихъ разговорахъ въ массѣ настолько-же свободны, насколько раньше были подавлены, молчаливы и запуганы. Если ихъ теперешній государь добръ, то эти люди увѣрены, что они теперь дѣйствительно свободны, и не помышляютъ о томъ, что тотъ-же человѣкъ можетъ измѣниться характеромъ или имѣть преемникомъ тирана. И теперешнее состояніе страны не болѣе какъ временное прекращеніе тираніи (!); наши соотечественники подобны римскимъ рабамъ во время сатурналій, послѣ которыхъ они снова впадали въ прежнее рабство». Этотъ рѣзкій приговоръ Воронцова надъ тогдашнимъ общественнымъ настроеніемъ вполнѣ оправдался въ исторіи. Но все-же его должно было смягчить, въ виду присутствія въ обществѣ людей, которые, какъ Каразинъ, думали и объ огражденіи Россіи въ будущемъ отъ произвола.

Извѣстіе о смерти Павла было сигналомъ сбора для всѣхъ друзей Александра. Увѣряли, что Строгановъ послалъ Новосильцеву лишь слѣдующія строчки: «Arrivez, mon ami. Nous allons avoir une constitution». («Пріѣзжайте, мой другъ, у насъ будетъ конституція») [1]. Чарторыйскій получилъ письмо отъ самого Александра. Вскорѣ прибылъ также Лагарпъ. Хотя у Александра былъ уже проектъ манифеста (1797 г.), написанный Чарторыйскимъ, но онъ не былъ обнародованъ. Первому изъ друзей пришлось бесѣдовать съ Александромъ о необходимыхъ реформахъ—гр. П. А. Строганову (23 апр. 1801 г.) [2]. Разговоръ происходилъ въ формѣ довольно несвязной. «Я сказалъ ему, что я считаю необходимымъ сперва посвятить вниманіе управленію, прежде чѣмъ перейти къ выработкѣ конституціи, въ собственномъ смыслѣ слова, (avant de faire une constitution proprement dite), и что первая работа должна безусловно предшествовать второй. Александръ сказалъ, что

[1]) Это не вполнѣ вѣрно. См. Богдановичъ, т. I, с. 80.

[2]) Шильдеръ, т. II, приложеніе, (изъ бумагъ Строганова).

«важнѣйшій фундаментъ, котораго должна коснуться работа, это установленіе общеизвѣстныхъ правъ гражданина» [1]. По взглядамъ Строганова всѣ эти права можно было выразить въ одномъ единственномъ положеніи: «Каждому гражданину должны быть обезпечены его собственность и неограниченная возможность дѣлать все то, что не можетъ повредить другому». Вообще-же взгляды Александра показались Строганову, выраженными въ слишкомъ неясной и общей формѣ (vaguement prononcé). Строгановъ старался всѣми силами внушить Александру, что «реформы должны быть единственно дѣломъ его величества, такъ чтобы никто не зналъ о существованіи подобной работы, и чтобы никто, кромѣ тѣхъ, кто будетъ удостоенъ особаго довѣрія его величества въ этомъ дѣлѣ, не могъ себѣ даже представить, что его величество зянятъ подобнымъ предпріятіемъ» [2].

Черезъ нѣсколько дней (9 мая 1801 г.) Строгановъ подалъ Александру докладъ [3] о необходимыхъ государственныхъ реформахъ, въ которомъ проектировалъ учрежденіе особаго тайнаго комитета [4]. Александръ согласился съ докладомъ, и такимъ образомъ возникъ тотъ негласный комитетъ», который сыгралъ такую большую роль въ первые годы царствованія. Въ этомъ «комитетѣ общественнаго спасенія» (Comité du salut public), какъ называлъ его Александръ, самое большое вліяніе имѣлъ т. н. тріумвиратъ, изъ Новосильцева, Чарторыйскаго и Строганова.

Кромѣ нихъ постоянное участіе въ работахъ коми-

---

[1]) Очевидно, Александръ говорилъ о декларацін правъ человѣка и гражданина, подобной той, которая была провозглашена въ 1789 г. французскимъ національнымъ учредительнымъ собраніемъ.

[2]) Мы видимъ, что и со стороны друзей Александра весьма энергично поддерживается требованіе *тайно* вырабатывать конституцію.

[3]) Богдановичъ, т. I, 132.

[4]) О комитетѣ см. Czartoryski, Mém., 267, 270.

тета принималъ кн. В. П. Кочубей: очень часто спрашивалось мнѣніе Лагарпа.

Уже въ первомъ засѣданіи комитета выяснилась задача, ему предстоявшая. Нужна была «реформа безобразнаго зданія управленія имперіи» (reforme de l'edifice informe du gouvernement de l'Empire) Александръ желалъ [1], чтобы члены комитета изучили сперва всѣ существующія въ Европѣ конституціи и затѣмъ на основаніи ихъ написали-бы конституцію (уложеніе, въ широкомъ смыслѣ слова) для Россіи. Послѣднюю часть бралъ онъ на себя и рѣшилъ обнародовать конституцію не раньше, чѣмъ будетъ реорганизовано все государственное устройство. По его мнѣнію, весь трудъ долженъ былъ совершиться такимъ образомъ, чтобы вся масса законовъ представляла единое цѣлое безъ противорѣчій и неясностей, такъ чтобы каждый могъ знать свои права, а произволу поставлены были границы. Такой способъ дѣйствій показался Александру наиболѣе удобнымъ, и въ согласіи съ основными мыслями Александра, комитетъ постановилъ: 1. познакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ имперіи, 2. предпринять реформу управленія, и 3. увѣнчать эти различныя учрежденія обезпеченіемъ, которое можетъ представить *конституція* основанная на истинномъ духѣ народа [2]).

Уже въ первомъ засѣданіи Александръ выказалъ *нетерпѣніе* и желаніе перейти прямо къ административному отдѣлу и началъ говорить о сенатѣ [3]). При этомъ онъ предложилъ свой проектъ, который былъ отвергнутъ комитетомъ; проектъ состоялъ въ томъ, чтобы каждый изъ губернаторовъ имѣлъ право указывать на 2 кандидатовъ

---

[1]) Богдановичъ, I, 132—3.

[2]) Протоколы комитета см. *Богдановичъ*, I, приложенія; *[illegible]*, „Вѣстникъ Европы“, [illegible], т. I. (Первая эпоха преобразованія А. I (1801—5); полностью напечатаны въ соч. в. к. *Николая Михайловича*, „Гр. П. А. Строгоновъ“, 1903, т. II (не использов.).

[3]) Богдановичъ, I, прил., 39.

для составленія общаго списка, изъ котораго должны были позже быть избираемы сенаторы [1]).

Не касаясь дѣятельности комитета вообще, я укажу здѣсь на 2 интересныхъ проекта, которыми занимался комитетъ: это проектъ своего рода конституціонной хартіи («грамоты») и проектъ преобразованія сената. Для коронаціи Александра назначенъ былъ сентябрь 1801 г. Было рѣшено въ день коронованія обнародовать манифестъ, который хотя и не увидѣлъ свѣта, однако заслуживаетъ вниманія. Это проектъ «всемилостивѣйшей грамоты русскому народу» [2]), составленный Трощинскимъ или А. Воронцовымъ. Идея этой «грамоты» внушена, очевидно, Александру I тѣмъ проектомъ, который былъ набросанъ Чарторыйскимъ въ 1797 г., хотя между содержанiемъ этихъ актовъ нѣтъ ничего общаго. Въ этой грамотѣ говорилось, что Александръ, при своемъ вступленіи на престолъ, выразилъ свою волю и свое намѣреніе приложить всѣ свои силы и старанія къ тому, чтобы сдѣлать Россію счастливой, управляя народомъ по *основнымъ законамъ*. По случаю коронованія Александръ считаетъ своей обязанностью сообщить своимъ подданнымъ, что «всегда первый и единый нашъ предметъ будетъ: благополучіе, спокойствіе и сохраненіе цѣлости Россійскаго государства».

Не менѣе считаетъ онъ своей обязанностью признать ту истину, что «не народы сдѣланы для государей, а сами государи промысломъ Божіемъ установлены для пользы и благополучія народовъ, подъ державою ихъ живущихъ, а потому узаконяемъ и обѣщаемъ императорскимъ

[1]) Мысль позаимствованная у Сіейса; черезъ короткое время она была осуществлена въ Senatus-consulte (16 термидора X года)- 4 авг. 1802 г; см. также франц. конституцію 1799 г., Art. 7. Эта-же мысль (о замѣщеніи сенаторскихъ мѣстъ по выбору дворянства) была высказана въ петиціи 150 чел. о возстановленіи самодержавія 25 февр. 1730 г.; см. также C. **Richter**, Staats-und Gesellschaftsrecht der französischen Revolution (1789—1804) Bd. I, Th. I, стр. 426.

[2]) Шильдеръ, II, 75—78.

нашимъ словомъ за насъ и преемникомъ нашихъ, яко коренным законом, слѣдующія статьи».....

(Засимъ слѣдовали 26 статей). Нѣкоторыми изъ этихъ статей подтверждалось только то, что было отмѣнено или измѣнено при Павлѣ I, такъ, напримѣръ, дворянская грамота, городовое положеніе, общія права собственности, личная неприкосновенность, гражданская и уголовная давность, уничтоженіе конфискаціи имѣній, право выѣзда заграницу и проч.

Екатерининскимъ «учрежденіемъ о губерніяхъ» (§ 401) предоставлялось каждому, кто былъ арестованъ (кромѣ тѣхъ, кто содержался подъ стражей по обвиненію въ оскорбленіи величества, въ измѣнѣ, убійствѣ, воровствѣ и разбоѣ), если, въ теченіе трехъ дней по арестованіи, онъ не будетъ призванъ къ допросу, жаловаться въ совѣстный судъ, по повелѣнію котораго онъ долженъ быть отпущенъ на поруки. Грамота шла въ этомъ отношеніи дальше, она содержала слѣдующія по этому предмету положенія: 1. Всякій, обвиняемый въ преступленіи, долженъ сохранить всѣ свои права въ полной неприкосновенности, пока не состоялся законный приговоръ о признаніи его виновнымъ. 2. Каждому обвиняемому предоставляется право избрать себѣ защитника и право отвода судей по законнымъ поводамъ, въ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ. 3. Всякій, посаженный въ заключеніе имѣетъ право требовать своего освобожденія, если онъ въ теченіе трехъ дней не будетъ представленъ въ судъ къ допросу, съ правомъ затѣмъ начать искъ противъ задержавшаго его лица. 4. Наказаніе за оскорбленіе величества должно быть установлено лишь за извѣстное дѣйствіе, но ни въ коемъ случаѣ за слова или сочиненія. 5 Никто не можетъ быть вторично привлеченъ къ суду за проступокъ, въ коемъ онъ уже судебнымъ приговоромъ оправданъ. 6. Казна въ тяжбѣ съ частными лицами въ смыслѣ судопроизводства подчинена съ ними равнымъ образомъ одинаковымъ правиламъ. 7. Отнынѣ никакіе прямые или косвен-

ные налоги не могутъ быть налагаемы иначе, какъ высочайшимъ указомъ правительствующему сенату.

Далѣе шло обѣщаніе соблюдать, въ общемъ, законы, покровительствовать торговлѣ, создать новые пути сообщенія. «Каждый россійскій гражданинъ, было сказано въ грамотѣ, да пользуется невозбранно свободою мысли, вѣры или исповѣданія, богослуженія, слова или рѣчи, письма и дѣянія, поколику они законамъ государственнымъ не противны и никому не оскорбительны». Каждый долженъ быть судимъ только членами своего сословія. Далѣе давалось обѣщаніе, что при изданіи законоположеній по судебной части въ этихъ пунктахъ не будетъ сдѣлано никакихъ измѣненій. Въ случаѣ если-бы измѣненія вызывались-бы серьезными причинами, то они должны считаться дѣйствительными лишь тогда, когда императоръ утвердитъ ихъ на основаніи доклада о томъ сената, по общему совѣщанію съ коллегіями. Грамота обсуждалась въ засѣданіяхъ негласнаго комитета 14 и 23 іюля 1801 г.

Въ комитетѣ Новосильцевъ [1]) по поводу привиллегій дворянства настаивалъ на томъ, чтобы правами, даруемыми грамотой, не пользовались дворяне, которые не умѣютъ читать и писать, потому, что они не имѣютъ понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Точно также эти привилегіи не должны распространяться на тѣхъ, кто потерялъ честь принимать участіе въ дворянскихъ собраніяхъ вслѣдствіе жестокаго своего обращенія съ крестьянами. Императоръ, съ своей стороны, хотѣлъ создать строгое различіе между тѣми, кто былъ полезенъ государству своей государственной службой, и тѣми, кто проводилъ жизнь въ бездѣльѣ. Онъ былъ того мнѣнія, что особыя привилегіи должны принадлежать лишь тѣмъ, кто личными заслугами пріобрѣлъ на то право; ни въ коемъ случаѣ не должны онѣ (привилегіи) принадлежать сословію, какъ таковому; государь замѣтилъ, что онъ возстановляетъ дворянскую грамоту противъ собственной воли, вслѣдствіе

---

[1]) Богдановичъ, т. I, приложеніе, стр. 43.

исключительности ея правъ, которая всегда была ему противна. Ему отвѣтили, что ничто не мѣшаетъ со временемъ распространить эти права и на прочія сословія; и онъ, кажется, былъ доволенъ этимъ замѣчаніемъ.

Гр. Ал. Воронцовъ предложилъ совершенно уничтожить паспорты и шлагбаумы. [1]). Вообще онъ стремился въ проектируемыхъ статьяхъ грамоты провести въ русскую жизнь начала, позаимствованныя изъ «Habeas Corpus», въ особенности принципъ личной неприкосновенности. Когда проекты этихъ статей грамоты обсуждались въ комитетѣ (25 іюля 1801 г.) Новосильцевъ высказался противъ нихъ подъ предлогомъ, что прежде чѣмъ вводить подобное право (личной неприкосновенности), надо хорошенько подумать, не будетъ-ли иногда правительство вынуждено нарушить это правило—и въ такомъ случаѣ лучше вовсе не принимать его.

Александръ согласился съ Новосильцевымъ, и было рѣшено составить новый проектъ. Такъ, или иначе, но «всемилостивѣйшая грамота» не была обнародована. Коечто изъ предполагавшагося въ грамотѣ было сдѣлано, но это было лишь возстановленіемъ созданнаго Екатериной, но разрушеннаго Павломъ. Новые-же принципы остались на бумагѣ и не были осуществлены.

Въ составленіи грамоты, какъ мы видѣли, принималъ участіе гр. А. Р. Воронцовъ, бывшій подобно брату Семену Р. (посланнику въ Англіи) горячимъ сторонникомъ англійской конституціи. Въ проектированной грамотѣ несомнѣнно важными представляются обѣщанія обезпечить личную неприкосновенность, а также свободу совѣсти, мысли, слова и печати, -словомъ, тѣ основныя права человѣка и гражданина, которыя въ связи съ ограниченіемъ

[1]) Шлагбаумъ—застава при въѣздѣ въ городъ, на которой въ прежнія времена досматривали паспорта и подорожныя путешественниковъ *внутри* Россіи. Мѣра эта чрезвычайно стѣсняла передвиженіе.

правъ государя въ законодательномъ отношенiи и съ устройствомъ независимаго суда, давали основанiе видѣть въ нихъ первую ступень къ введенiю конституцiоннаго государственнаго строя. Ничто, однако, не было осуществлено.

Нѣкоторый интересъ представляетъ широко задуманный, но почти не написанный планъ государственнаго устройства составленный гр. П. Строгоновымъ, относящiйся къ 1802 г. [1]). Изъ этого проекта сохранились 12 главъ (около 90 параграфовъ) подъ именемъ «Перваго отдѣла первой части общаго уложенiя» (т.-е. конституцiи) [2]), хотя названiе первой главы гласитъ: «О Е. В. Императорѣ, *Самодержцѣ* всероссiйскомъ и его правахъ», однако въ § 11 сказано, что онъ (т.-е. императоръ) утверждаетъ основанiя права, законы общiе и частные, отмѣняетъ законы, оказавшiеся неудобными (lois incohérentes), объясняетъ законы неимѣющiе точнаго смысла, исполняя все сiе, *какъ указано въ § 11 11.* Хотя въ текстѣ именно этихъ параграфовъ не достаетъ, однако редакцiя § 11 показываетъ, что именно здѣсь въ §§ 12—15 устанавливались предѣлы законодательной власти монарха, ибо иначе § относительно законодательной власти былъ-бы соединенъ съ тѣмъ параграфомъ, въ которомъ точно обозначено, что императору принадлежитъ *вся* сила исполнительной власти. Также ограниченiемъ императорской власти являлось опредѣленiе, что государь можетъ осуществлять свое право помилованiя лишь въ тѣхъ предѣлахъ, пока онъ не нарушаетъ этимъ интересовъ частныхъ лицъ (§ 21) [3]). Далѣе § 22 проекта устанавливаетъ, подобно

[1]) Богдановичъ, т. I, приложенiе, къ гл. III, стр. 91.

[2]) Богдановичъ, т. I, стр. 135.

[3]) Подобнаго закона не существуетъ въ Россiи до сихъ [illegible] и государь не связанъ какими либо обязательствами въ рѣшенiи вопроса о помилованiи, независимо отъ какихъ-бы то ни было интересовъ частныхъ, общественныхъ или государственныхъ.

Въ конституцiонныхъ государствахъ право помилованiя монарха не распространяется на министровъ осужденныхъ высшимъ судомъ

грамотѣ, правило, что «частныя обязательства императора подлежатъ вѣдѣнію обыкновенныхъ судовъ на основаніи существующихъ законовъ», а § 26 гласитъ, что императоръ обязанъ «прочимъ (кромѣ православнаго) вѣроисповѣданіямъ оказывать терпимость и *покровительство*». Порядокъ наслѣдованія престола (зак. 7 апр. 1797 г.) провозглашается основнымъ закономъ въ гл. III. Въ главѣ IV, объ обязанностяхъ и правахъ подданныхъ, гдѣ впрочемъ больше говорится о правахъ, чѣмъ объ обязанностяхъ, содержится цѣнное право, до сихъ поръ не осуществленное въ Россіи, заключающееся въ томъ, что (§ 39) «проступки подданныхъ подлежатъ вѣдѣнію *судовъ*, на основаніи исключительно *законовъ*». Проектъ Строгонова дошелъ до насъ въ такомъ незаконченномъ видѣ, что только по аналогіи съ другими проектами той-же эпохи, можно относить его къ числу конституціонныхъ проектовъ. §§ 12—14, несомнѣнно, должны были содержать указанія на то, что въ законодательной дѣятельности монарху содѣйствуетъ выборное учрежденіе народныхъ представителей, а можетъ быть, и сенатъ.

ГЛАВА VI.

Ни одинъ изъ вышеприведенныхъ проектовъ не былъ осуществленъ. Годы 1801 и 1802 были ознаменованы попытками надѣлить правительствующій сенатъ законодательной властью. Это высшее учрежденіе Имперіи, созданное Петромъ Великимъ (22 февр. 1711 г.), должно было по его идеѣ быть высшимъ, центральнымъ мѣстомъ суда и управленія. Не касаясь исторіи сената въ XVIII вѣкѣ, замѣтимъ здѣсь, что, къ началу XIX в., сенатъ, сохраняя юридически свои права, фактически былъ нечѣмъ инымъ, какъ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ. Всѣ-же дѣла управленія зависѣли или отъ генералъ-прокурора сената, который велъ все дѣло внутренняго управленія, или отъ различныхъ довѣренныхъ лицъ, которыя управляли отдѣльными частями (напр. дѣлами иностранными, военными, финансовыми).

Въ теченіе царствованія имп. Павла, когда всѣ дѣла управленія сходились въ кабинетѣ государя, значеніе сената пало особенно низко.

5 іюня 1801 г. имп. Александръ далъ указъ [1]) сенату, коимъ повелѣвалось сенату представить государю докладъ о его правахъ и обязанностяхъ. По словамъ протоколовъ негласнаго совѣта побудительнымъ основаніемъ къ этому указу послужили слѣдующія соображенія: «Императору было больно видѣть сенатъ впавшимъ въ *уничтожительное состояніе*, въ какомъ онъ находился при покойномъ, и онъ, видя въ этомъ учрежденіи противовѣсъ, который должна имѣть себѣ неограниченная власть, желалъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія... и къ утвержденію его авторитета на основаніи достаточно твердомъ»...

Указъ 5-го іюня произвелъ и на сенатъ, и на общество сильное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, государь выразился въ этомъ указѣ такъ: «Права сіи и преимущества правительствующаго сенета, я намѣренъ поставить, на незыблемомъ основаніи какъ государственный законъ и силою данной мнѣ отъ Бога власти потщусь подкрѣплять, сохранять и содѣлать его навѣки непоколебимымъ». О впечатлѣніи произведенномъ указомъ на общество можно судить по сообщенію Шторха [2]), который писалъ: Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императоръ могъ *безъ шума*, болѣе краткимъ и вѣрнымъ путемъ, *получить* тѣ *свѣдѣнія*, которыхъ онъ требовалъ (въ указѣ) столь публично и столь торжественно; мы вправѣ предположить, что онъ не безъ важныхъ причинъ отдалъ предпочтеніе *публичному* запросу, и потому можемъ съ вѣроятностью принять, что этотъ первый шагъ предназначенъ былъ къ тому, чтобы *испытать общественное мнѣніе* и приготовить умы

---

[1]) Полн. Собр. Закон., т. XXVI, № 19908.

[2]) Шторхъ „Russland unter Alexander I“ (изд. въ началѣ XIX ст. въ Россіи) т. I, стр. 20—23.

къ предстоящимъ перемѣнамъ, и эта мѣра не осталась безъ своего дѣйствія. Впечатлѣніе, произведенное этимъ указомъ въ сенатѣ, было всеобщее, и въ нѣсколько дней оно сообщилось всей образованной публикѣ столицы. Вмѣсто того, чтобы ограничиться *историческими объясненіями* о томъ, чѣмъ *былъ* до сихъ поръ сенатъ по существующимъ постановленіямъ и законамъ, это почтенное учрежденіе, напротивъ, собрало *политическія мнѣнія* своихъ членовъ о томъ, чѣмъ сенатъ, *могъ-бы быть* собственно въ новомъ порядкѣ вещей, и въ числѣ этихъ мнѣній находилось много такихъ, которыя были весьма свободно высказаны и довольно близко подходили къ основному источнику всѣхъ политическихъ золъ въ Россіи»... Изложивши затѣмъ ужасное состояніе суда, законодательства и администраціи, Шторхъ говоритъ: «Если нужно было достигнуть порядка въ дѣлахъ, правильности въ дѣйствіяхъ судовъ, если нужно было допустить законность въ понятіяхъ и представленіяхъ народа, то первымъ условіемъ для этого было именно *смягченіе самодержавія* и *приближеніе его къ законно-монархической формѣ правленія*». Это преобразованіе послѣдовало по мнѣнію Шторха въ указахъ 8 сент. 1802 г. о преобразованіи сената и учрежденіи министерствъ. Того-же мнѣнія, что и Шторхъ, и общество, были также и нѣкоторые сенаторы. «При слушаніи указа въ общемъ собраніи сената графы Воронцовъ и Завадовскій весьма въ темныхъ выраженіяхъ или, такъ сказать, тонкихъ жалобахъ на прежнее (т. е. Павлово) правленіе словами Тацита, что *говорить было опасно, и молчать бѣдственно*, хотѣли ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества сенату, какъ-то: чтобъ доходами располагать, подвергать смертной казни безъ высочайшаго утвержденія» и т. п.[1]).

Несмотря на то, что эти взгляды нашли откликъ во многихъ сенаторахъ, однако въ докладѣ, составленномъ

---

[1]) Богдановичъ, ц. с., т. I, 92; Записки Державина, стр. 76.

по порученію Сената Трощинскимъ, не содержится подобныхъ требованій. Сенаторъ Муравьевъ, въ особомъ мнѣніи, приложенномъ къ докладу, высказываетъ мысль, что сенатъ долженъ быть хранилищемъ законовъ, *политическимъ тѣломъ*, и долженъ также имѣть право ходатайствовать предъ государемъ о нуждахъ народныхъ и дѣлать ему представленія о несправедливости тѣхъ или иныхъ дѣйствій правительства [1]).

Одновременно съ докладомъ сената были представлены имп. Александру, явно—по его желанію, и другіе различные проекты составленные разными лицами. Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ [2]) доказывалъ необходимость раздѣленія властей законодательной, исполнительной и судебной. При этомъ о правахъ сената говорилъ онъ слѣдующее: «Права въ отношеніи ихъ къ государственному благу должны для ихъ собственной непоколебимости имѣть твердое основаніе (un grade) и опираться не на немногихъ малочисленныхъ лицъ, потому что подобная опора легко можетъ быть уничтожена или разрушена. Ибо какую опору можетъ составить малое число лицъ? До тѣхъ поръ, пока сенатъ «(въ подлинникѣ «сословіе») [3])» не будетъ *избранный*, онъ не будетъ, при теперешнемъ положеніи вещей, имѣть достаточно силы и власти. Желательно, чтобы сенатъ сдѣлался *тѣломъ политическимъ*.... Права политическія должны быть основаны *на знатномъ сословіи* «весьма уважаемомъ, добы и самыя права восприяли такое-же уваженіе»...

По его мнѣнію, сенатъ долженъ былъ состоять частью изъ лицъ, назначенныхъ государемъ, частью изъ лицъ, избранныхъ губернскими собраніями, [4]) по 2 чел.

---

[1]) Сборникъ Археологич. Института. 1878, т. I, стр. 82.

[2]) *В. Иконниковъ*. Графъ Н. С. Мордвиновъ СПБ., 1873, стр. 58—59.

[3]) Слово „сословіе" въ началѣ XIX в. употреблялось часто вмѣсто слова „учрежденіе".

[4]) Очевидно, что Мордвиновъ говорилъ о *дворянскихъ* губернскихъ собраніяхъ.

отъ каждой губерніи. Избранные сенаторы должны были служить безъ жалованья; срокъ ихъ полномочій трехлѣтній; они обязаны заботиться объ интересахъ губерній, которыя они представляютъ. Эти интересы не могутъ быть достаточно извѣстны тѣмъ, кто не знакомъ близко съ мѣстными потребностями или не состоитъ въ тѣхъ или инахъ отношеніяхъ къ какой-либо части имперіи [1]). Планъ Мордвинова не былъ осуществленъ. Въ 1811 году, когда вопросъ о реформѣ сената снова сталъ на очередь. Мордвиновъ опять выдвинулъ свой проектъ, который совпалъ съ проектомъ Сперанскаго [2]). Въ 1816 году онъ снова выставилъ тѣ-же требованія, хотя и оговаривался при этомъ, что «величина имперіи требуетъ самодержавнаго правленія».

Какъ мы видѣли выше, Мордвиновъ придерживался мнѣнія, что въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ только дворянство должно имѣть представительство своихъ интересовъ [3]). Вообще, только въ дворянствѣ онъ видѣлъ элементъ, способный къ политической дѣятельности. Онъ полагалъ, что политическая свобода станетъ возможной лишь благодаря созданію богатой и могущественной аристократіи, а именно онъ желалъ раздѣлить между знатнѣйшими русскими фамиліями *всѣ казенныя земли»,* въ томъ числѣ и населённыя; тогда палата перовъ или лордовъ, составленная изъ предстовителей этихъ фамилій была-бы, по мнѣнію Мордвинова, «могущественнымъ элементомъ для утвержденія конституціи» [4]).

---

[1]) Впрочемъ, въ томъ-же году, въ непремѣнномъ совѣтѣ Мордвиновъ утверждалъ, что сенатъ—„присутственное мѣсто“, а не „политическій корпусъ“, и что поэтому онъ можетъ имѣть не „права“, а „должность“, достаточно опредѣленныя данными ему повелѣніями „Архив. Госуд. Совѣта“. СПБ., 1878, т. III, ч. I, стр. 18.

[2]) См. *Иконниковъ* ц. соч., стр. 122.

[3]) Сравн. „Матеріалы для ист. возр. Россіи“ 1880, т. VII, стр 40, „Мнѣніе Мордвинова“ (1808 г.).

[4]) Подробнѣе его проектъ см. въ 1818 г. глава X.

Въ 1811 г. Мордвиновъ требовалъ также въ своей запискѣ «введенія строгой отчетности», и «ограниченія произвола и личныхъ вліяній правительствующихъ лицъ, министровъ, а также и другихъ лицъ»... [1]).

Проектъ гр. А. Р. Воронцова. («Примѣчанія о правахъ и преимуществахъ сената») обсуждался въ негласномъ комитетѣ и былъ отклоненъ, такъ какъ согласно этому проекту вся власть вручалась сенату [2]). Дѣло въ томъ. что члены комитета вполнѣ согласились съ докладомъ Новосильцева (по поводу доклада сената о своихъ правахъ, —что при тогдашнемъ составѣ сената нечего было и думать о врученіи законодательной власти этому собранію, которое по самому своему составу не можетъ пользоваться *довѣріемъ націи*, и которое. состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховной властью. не допускаетъ и мысли объ *участіи* большинства *общества въ изданіи* тѣхъ *законовъ*, которые выходятъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, если бы императоръ расширилъ права этого учрежденія, то кромѣ этого (въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и при тогдашнемъ составѣ этого собранія) еще связалъ-бы себѣ руки такъ, что былъ-бы не въ состояніи исполнить всего, задуманнаго имъ для блага націи. потому что въ *невѣжествѣ* этихъ людей (сенаторовъ) встрѣтилъ-бы себѣ помѣху, которая могла-бы имѣть опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы, всегда вредной, между верховной властью и назначенными ею учрежденіями».

Власть сената, по мнѣнію Новосильцева и комитета. должна была быть лишь судебной. Поэтому и записка Воронцова, которая хотя и говорила о предѣлахъ, которые

---

[1]) *Иконниковъ*, стр. 123.

[2]) Чарторыйскій въ своихъ мемуарахъ (т. I, стр. 303) говоритъ, что сенатъ былъ предметомъ постоянныхъ мыслей братьевъ С. и А. Воронцовыхъ. Въ немъ они видѣли средство, основу и источникъ всѣхъ безопасныхъ преобразованій.

нужно положить произволу власти, но главнымъ конституціоннымъ учрежденіемъ дѣлала сенатъ, была отвергнута.

Императоръ согласился съ мнѣніемъ комитета, но «не могъ не высказать съ нѣкоторой грустью той мысли, что это не подвигаетъ его ни на шагъ къ столь желанной цѣли его—обуздать деспотизмъ нашего правленія» [1]).

Проектъ Воронцова не остался безъ поддержки и одобренія, какъ это можно видѣть изъ записки [2]) по поводу преобразованія сената неизвѣстнаго автора, который сообщилъ Воронцову свои взгляды по прочтеніи его «Примѣчаній о правахъ сената». Неизвѣстный авторъ высказывалъ надежду, что «сенатъ, возстановленный на коренномъ его положеніи, будетъ, конечно, не токмо хранилище законовъ, но и, такъ сказать, во многихъ случаяхъ родъ власти, посредствующей между государемъ и народомъ и, нѣкоторымъ образомъ, ступенью многимъ облегченіямъ и смягченіямъ суровости правленія древняго». Авторъ высказывалъ радость по поводу того, что государь «исподволь готовитъ путь къ устроенію правительства болѣе сходственнаго съ человѣчествомъ». Власть монарха, особенно изъ соображеній внѣшней безопасности, должна быть велика, но съ ней однако совмѣстимы и «обезпеченіе личной безопасности и преграда отъ суровости, происходящей иногда отъ злоупотребленія власти»...

«Установленіе власти мѣсту присвоенному—pouvoir intermediaire, т.-е. власть посредствующая между государемъ и подданными, былъ-бы первый шагъ, да и большой, къ сему великому предмету» (т.-е. установленію гарантій личной свободы); «а сверхъ того нѣкоторыя узаконенія, сдѣлавъ ихъ коренными, заимствуя изъ существующихъ въ Англіи, на коихъ можно сказать основано благополучіе земли, какъ-то: la grande Charte (великая хартія воль-

---

[1]) *Богдановичъ*, т. I, прил. стр. 45—46.

[2]) Сборникъ Археолог. Инст., т. I, стр. 151—155

ностей) [1]) и Habeas corpus (хабеасъ корпусъ актъ) [2]), коими личная безопасность каждаго толь ограждена была-бъ. Изъ сихъ двухъ славныхъ узаконеній можно-бъ на первый случай много заимствовать»... «Есть-ли сіи двѣ базисы [3]) будутъ приняты, корень ужь большой насажденъ будетъ нашему благополучію»...

Слѣдующій проектъ, обсуждавшійся вмѣстѣ съ проектомъ Воронцова, былъ планъ Г. Р. Державина (поэта) — генералъ-прокурора сената [4]). Державинъ, уже при обсужденіи указа 5-го іюня 1801 года, исходилъ изъ мысли, что четыре власти (законодательная, исполнительная, судебная и оберегательная) объединяются, какъ въ средоточіи, въ единой волѣ монарха, но что государь, какъ говорилъ Петръ Великій, не ангелъ и не можетъ всего самъ дѣлать, и поэтому необходимо учрежденіе 4 министровъ: 1) министра законодательной власти; 2) министра судебной власти; 3) министра исполнительной власти; 4) министра оберегательной власти. Эта система 4 властей встрѣтила рѣзкое противорѣчіе въ негласномъ комитетѣ [5]), гдѣ Строгоновъ увидѣлъ себя вынужденнымъ

---

[1]) *Великая хартія вольностей*—грамота, данная (1215 г.) англійскимъ королемъ Іоанномъ Безземельнымъ своимъ подданнымъ. Въ ней содержатся права гражданъ на личную неприкосновенность, на свободное передвиженіе и на обсужденіе и утвержденіе государственныхъ доходовъ и расходовъ. О ней подробнѣе см. *Петрушевскій*. Великая хартія вольностей. Ростовъ на Дону, 1905.

[2]) Habeas corpus' актъ—англійскій законъ (1679 г.) „о лучшемъ обезпеченіи свободы личности“, согласно которому каждый арестованный имѣетъ право требовать немедленной судебной провѣрки правильности его ареста. См. подробнѣе *Горбуновъ*. Гарантіи личной свободы въ Англіи, 1905, Ростовъ на Дону.

[3]) Базисъ—основаніе, въ данномъ случаѣ въ женскомъ родѣ, по старинному переводу съ французскаго—la base.

[4]) О проектѣ Державина см. *Державинъ*. Записки, Москва 1860, стр. 441—44; Сборникъ археол. инст. 1878, т. I., 134—151; *Коркуновъ*. Статья въ журналѣ Минист. Юстиціи, 1896 № 12.

[5]) *Богдановичъ*, I, прил., стр. 45, 56 (9 дек. 1801) и 60 (6 янв. 1802).

прочесть имп. Александру цѣлую лекцію объ *истинномъ* раздѣленіи властей [1]), «Оберегательная» [2]) власть такъ понравилась имп. Александру, что онъ хотѣлъ надѣлить ею сенатъ. Ему возразили, что истинная охрана законовъ будетъ обезпечена созданіемъ конституціи и общественнымъ мнѣніемъ [3]). Имп. Александръ все-же полагалъ, что онъ будетъ ближе къ цѣли, если надѣлитъ сенатъ охранительной властью. Какъ уже выше упомянуто, проектъ Державина сосредоточивалъ всю власть въ сенатѣ, раздѣляя его (согласно вышеупомянутой схемѣ раздѣленія властей) на 4 части или департамента, во главѣ коихъ стоялъ отдѣльный министръ. Не разсматривая здѣсь всего проекта упомянемъ лишь объ устройствѣ законодательной части и о степени участія подданныхъ въ законодательствѣ, по этому проекту. Законодательная власть должна была осуществляться сенатомъ въ его общемъ собраніи съ участіемъ 4 министровъ (§ 6). Общее законодательное собраніе сената должно быть созываемо для сочиненія или разсматриванія законовъ, для выслушиванія именныхъ (высочайшихъ) указовъ, для избранія новыхъ сенаторовъ и производства въ чины и назначенія на должности чиновниковъ, а также въ чрезвычайныхъ случаяхъ (§ 15). Кандидаты на мѣсто сенатора избираются изъ чиновниковъ первыхъ четырехъ классовъ въ собраніи знатнѣйшихъ государственныхъ чиновъ и чиновниками первыхъ пяти классовъ [4]) всѣхъ присутственныхъ мѣстъ обѣихъ столицъ (§ 21).

[1]) Очевидно, по Монтескье, который признавалъ 3 власти: законодательную, судебную и исполнительную.

[2]) Идея сената, какъ „хранилища" законовъ высказана у *Монтескье*. Духъ законовъ, Livre II, ch. IV, у него позаимствована Екатериной въ ея „Наказѣ". Возможно, что Александръ заимствовалъ мысль о „Senat conservateur изъ Франціи. (Ср. франц. конституцію 22 фримэра VIII года,—(13 дек. 1799 г.) ст. 21.

[3]) *Богдановичъ*, т. I, прил. стр. 49.

[4]) Первые 5 классовъ чиновниковъ въ Россіи носятъ слѣдующія названія: 1) канцлеръ (или дѣйствительный тайный совѣтникъ

Изъ трехъ кандидатовъ государь избираетъ и утверждаетъ одного сенатора (§ 22); изъ числа сенаторовъ избираетъ государь министровъ (§ 23); одному лишь государю принадлежитъ право законодательнаго почина (по докладу соотвѣтственнаго министра) (§ 28). Кромѣ того, государь можетъ и отъ себя издавать законы (§ 27), причемъ законодательному собранію принадлежитъ лишь право представлять государю о *неудобствѣ* того или иного закона; въ случаѣ-же если законъ будетъ подтвержденъ, сенатъ долженъ выполнить его безъ противорѣчія. Далѣе сенату давалось право назначать кандидатовъ на мѣста губернаторовъ, президентовъ коллегій, предсѣдателей судовъ, голосовать этихъ кандидатовъ въ общемъ собраніи и представлять государю окончательный списокъ на утвержденіе (§ 70). Далѣе сенату принадлежало право жаловать въ чины до седьмого класса (§ 71), и, наконецъ, сенатъ могъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ выступать предъ государемъ представителемъ интересовъ всего народа. Соотвѣтственно «Учрежденію о губерніяхъ» (1785 г.) долженъ быть учрежденъ высшій «совѣстный судъ», состоящій изъ высшихъ сановниковъ.

Въ этой редакціи проектъ Державина обсуждался 6 янв. 1802 г. въ негласномъ комитетѣ. Измѣненія сдѣланы были авторомъ лишь въ избирательномъ правѣ, которое было расширено включеніемъ въ число избирателей всѣхъ дворянъ каждаго уѣзда, которые состояли въ чинѣ не ниже VIII-го класса [1], такъ что избирали-бы сперва по уѣздамъ, а затѣмъ уже назначались-бы сенаторы изъ общаго списка. Пассивное право, т.-е. право быть избранными принадлежало лишь лицамъ первыхъ 4 классовъ.

Негласный комитетъ отклонилъ проектъ этой ори-

1-й степени); 2) дѣйствительный тайный совѣтникъ; 3) тайный совѣтникъ; 4) дѣйствительный статскій совѣтникъ; 5) статскій совѣтникъ. Всѣхъ классовъ—14.

[1]) Чины 6—8 класса слѣдующіе: VI) коллежскій совѣтникъ; VII) надворный совѣтникъ; VIII) коллежскій асессоръ.

гинальной дворянско-чиновничьей «конституцiи», по слѣдующимъ соображенiямъ: во 1-хъ, потому, что «лица первыхъ 4-хъ классовъ недовольно извѣстны избирателямъ, и во 2-хъ, дворянскiе выборы находятся въ сильной зависимости отъ губернаторовъ» (!). Особенно должно было обнаружиться это при выборахъ на такое важное мѣсто, какъ сенатора. Комитетъ нашелъ, что подобныя мѣры для Россiи еще не своевременны.

Имп. Александру очень понравился проектъ гр. Зубова, согласно которому сенатъ обращался въ законодательное собранiе [1], но онъ былъ отвергнутъ негласнымъ комитетомъ. По поводу проекта Державина нельзя не замѣтить, что, несмотря на его оговорки о самодержавiи государя, проектъ его явно клонился къ ограниченiю власти монарха, о чемъ свидѣтельствуютъ §§ 22, 23, 70 и 73. При этомъ, активное и пассивное избирательное право распространялось на малое (до смѣшного) число лицъ. Проектомъ этимъ Державинъ хотѣлъ обезпечить чиновничеству преобладающее влiянiе на законодательство. Конечно, бюрократiя и раньше имѣла возможность этого влiянiя, но Державинъ хотѣлъ его расширить и укрѣпить.

Такимъ образомъ, всѣ планы, передававшiе законодательную власть сенату, потерпѣли неудачу, которую нужно, въ значительной степени, приписать вялости и отсутствiю энергiи въ самомъ сенатѣ. Это былъ первый и послѣднiй случай, когда сенатъ могъ увеличить свою власть; но онъ былъ упущенъ.

Несмотря на то, что въ засѣданiи комитета 6 янв. 1802 г. Строгоновъ, дававшiй заключенiе обо всѣхъ вышеупомянутыхъ проектахъ реформы сената, и напомнилъ, что Александръ желалъ создать въ сенатѣ противовѣсъ неограниченной власти, всѣ эти проекты были отклонены.

---

[1]) Объ этомъ проектѣ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣнiй. *Богдановичъ*, т. I, прил. стр. 56.

Мало того, въ запискѣ Трощинскаго было вычеркнуто мѣсто, гдѣ говорилось, что сенаторъ можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности только сенатомъ [1]). Независимо отъ того, имп. Александръ (въ засѣданіи комитета 16 марта 1802 г.) въ проектѣ указа о правахъ сената хотѣлъ вычеркнуть статью, предоставляющую сенату право повѣрять дѣйствія министровъ и, если-бы они ввели въ заблужденіе государя, представлять ему о томъ даже и по утвержденіи доклада высочайшей подписью. Чарторыйскій и Строгановъ полагали, что права сената будутъ мнимы безъ отвѣтственности министровъ; къ этому мнѣнію присоединился и государь [2])

Но когда (21 апр. 1802 г.) въ комитетѣ возникъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ предъ сенатомъ, то имп. Александръ заявилъ, что сенату никогда не было предоставлено правъ дѣлать заключенія о министерскихъ отчетахъ, которые должны были ежегодно подаваться министрами въ сенатъ [3]). Въ окончательной формѣ указъ о правахъ сената появился лишь 8 сент. 1802 г. [4]).

ГЛАВА VII.

То, что было обнародовано въ формѣ указа о правахъ сената 8 сент. 1802 года не могло дать лицамъ, непосвященнымъ въ тайну совѣщаній негласнаго комитета, никакого представленія о проектахъ реформы сената на началахъ конституціонныхъ, которые возникали и обсуждались въ теченіе болѣе чѣмъ года. Только § 9 могъ имѣть какое-нибудь значеніе для ограниченія верховной власти и министровъ; онъ гласилъ: «Дозволяется сенату, есть-ли бы по общимъ государственнымъ дѣламъ существовалъ указъ, который былъ-бы сопряженъ съ великими

---

[1]) *Богдановичъ*, т. I, прил., стр. 59.

[2]) Ibid стр. 67.

[3]) Ibid, стр. 81.

[4]) Полн. Собр. Закон., т. XXVII, № 20405.

неудобствами въ исполненіи или по частнымъ суднымъ несогласенъ съ прочими узаконеніями, или-же неясенъ, представлять о томъ Императорскому Величеству; но когда по таковому представленію не будетъ учинено перемѣны, то остается онъ въ своей силѣ».

Это право, которое во Франціи «стараго (до революціоннаго) режима» существовало подъ именемъ «droit de remontrance» (право представленій) и принадлежало парламенту, и въ Россіи было формально предоставлено сенату со временъ Петра Великаго [1]), произвело однако почему-то сильное впечатлѣніе, хотя въ окончательной редакціи указа было вычеркнуто весьма интересное вступленіе, которое могло-бы еще болѣе укрѣпить общество въ мысли, что сенату предстоитъ новое и многозначительное будущее. Въ первомъ проектѣ манифеста [2]) было сказано: «Во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ неподвижный законъ составлялъ основаніе государственныхъ дѣлъ и *политическаго бытія*; власть и сила законовъ, изливаясь непосредственно на исполнителей его, ограждали дѣйствіе ихъ правами и преимуществами, столь-же неподвижными, какъ и онъ. Мѣра уваженія къ мѣсту предержащему во исполненіи была всегда знаменіемъ и мѣрою уваженія къ самому закону..... Положивъ въ сердцѣ своемъ основать блаженство Россіи на единомъ законѣ, въ то-же время признали мы нужнымъ удостовѣрить дѣйствіе его утвержденіемъ правъ и преимуществъ, присвоенныхъ сенату, яко верховному мѣсту исполненія законовъ въ Имперіи». Къ этому побуждало имп. Александра и то, что «безъ правъ... сенатъ содѣлывается личнымъ сословіемъ внѣ круга своего дѣйствующимъ и движущимся по одному постороннему и *личному* мановенію». Далѣе повторялось намѣреніе «постановить права сената, на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ».

---

[1]) О томъ-же упоминалось и въ „Наказѣ“ имп. Екатерины II.
[2]) Сборн. Археол. Инст. 1878, т. I, стр. 160.

Но, хотя указъ вышелъ и безъ вышеприведенныхъ заявленій, принятъ онъ былъ обществомъ радостно.

«Льстили себя надеждой», говоритъ Чарторыйскій [1]), «что этимъ сдѣланъ первый шагъ на пути къ національному и представительному правленію; ....смыслъ реформы видѣли въ томъ, что отнявши у сената значеніе его, какъ органа исполнительной власти, сохранятъ за нимъ значеніе высшаго судебнаго мѣста и затѣмъ возвысятъ его до «Верхней Палаты» (Chambre haute), присоединивъ къ нему съ теченіемъ времени представителей отъ дворянства. Эти представители должны были, или въ общемъ собраніи вмѣстѣ съ сенатомъ, или отдѣльно отъ него, принимать участіе въ тѣхъ рѣшеніяхъ сената, которыя имѣли цѣлью представить государю точныя свѣдѣнія о томъ, какъ ведутъ дѣла его министры и насколько пригодны (convenance) законы и общія постановленія, которые уже вошли въ силу или еще только проектируется [2]) Ничто изъ этихъ предположеній, прибавляетъ Чарторыйскій,— не было осуществлено».

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Чарторыйскимъ [3]), по поводу вышесказаннаго указа о правахъ сената выражали надежду, что «послѣ того, какъ положенъ первый камень зданія постоянной правильной законодательной власти, послѣ того какъ самовластію положены границы, которыя связываютъ и умѣряютъ его, а также приводятъ въ систему его часто лишенное смысла всемогущество, императоръ займётся теперь преобразованіемъ правительства съ цѣлью сдѣлать его просвѣщеннѣе, справедливѣе и правомѣрнѣе»...

Вскорѣ произошелъ случай [4]) съ «представленіемъ»

---

[1]) Memoires, т. I, 307—8.

[2]) Ср. мнѣніе Мордвинова, изложенное въ предыдущей главѣ.

[3]) Memoires, т. I, стр. 309.

[4]) О немъ см. *Чарторыйскій*, Memoires, т. I, 342—345; *Державинъ*, записки 464—471.

сената о неудобствѣ указа, показавшій. что надежды, возлагавшіяся на новое значеніе сената, были призрачны. По поводу указа (5 дек. 1802 г.), которымъ задѣты были права дворянства, сенаторъ графъ Северинъ Потоцкій (въ засѣданіи 16 янв. 1802 г.) подалъ генералъ-прокурору сената свое мнѣніе, въ которомъ онъ, по словамъ Державина (генералъ-прокурора), «какъ будто-бы въ какой-нибудь демократіи», ставилъ государя наравнѣ съ прочими гражданами; сперва Державинъ отказался принять это мнѣніе, но затѣмъ сдѣлалъ это по личному повелѣнію императора Александра.

Мнѣніе Потоцкаго было всѣми сенаторами одобрено, принято большинствомъ всѣхъ противъ двухъ, и было рѣшено сдѣлать государю представленіе о неудобствѣ указа.

Державинъ разсказываетъ, что когда онъ сообщилъ Александру о томъ, что весь сенатъ противъ него, то императоръ былъ такъ сильно взволнованъ, что «поблѣднѣлъ и не зналъ, что сказать». Повидимому, императоръ находился въ это время подъ сильнымъ вліяніемъ Лагарпа, совѣты котораго въ эту эпоху оказывали на Александра сильное и непреоборимое дѣйствіе [1].

По поводу сенатскаго представленія Лагарпъ не только совѣтовалъ государю проявить непреклонность, но и вообще считалъ безцѣльнымъ и невозможнымъ замѣнить сенатъ какимъ-либо представительнымъ учрежденіемъ.

«Я видѣлъ ихъ»,—писалъ онъ [2]) имп. Александру,—«эти съ большимъ трудомъ созываемыя народныя собранія; почти повсюду дѣлали они однѣ глупости; и я отъ всего

---

1) *Сухомлиновъ.* Изслѣдованія, т. II, Лагарпъ, стр. 122.

2) Тамъ-же, стр. 124.

Любопытно сравнить эти взгляды Лагарпа съ тѣми, которые онъ высказывалъ Александру въ 1801 году. „Вамъ, государь, писалъ Лагарпъ,—подобаетъ даровать народу своему великое благо—спасти его отъ произвола вашихъ преемниковъ и дать странѣ такія учрежденія, которыя, сохраняя правительству его силу, ограждали-бы народъ отъ самовластія тирановъ“....

сердца поздравляю Россію управляемую монархомъ, вооруженнымъ всею властью необходимой для того, чтобы мудро и постепенно осуществить преобразованія и обезпечить народу свободу дѣйствительную, а не призрачную, при которой его судьба подчинена произволу народныхъ собраній, въ коихъ царствуютъ разнузданныя страсти. Россія не подготовлена къ подобнымъ преніямъ, но еслибы даже это и было такъ, что я неустанно повторялъ-бы, что императоръ, съ помощью своихъ министровъ и совѣта, можетъ отлично обойтись и обойдется безъ сената».

Очевидно, государь согласился съ мнѣніемъ Лагарпа, такъ какъ, несмотря на восторгъ, съ которымъ высшее дворянство приняло предложеніе Потоцкаго, несмотря на то, что подавляющее большинство сената высказалось за вышеуказанное представленіе (при чемъ въ рядѣ бурныхъ засѣданій оно боролось съ своимъ генералъ-прокуроромъ), несмотря на то, что тайнымъ желаніемъ министровъ (по свидѣтельству Державина), было «укрѣпя сенатъ, въ немъ властвовать», несмотря, наконецъ, на полную законность представленія, имп. Александръ принялъ депутацію сената съ «представленіемъ» очень сухо и сказалъ въ отвѣтъ, что по этому поводу данъ будетъ особый указъ. Этотъ указъ (21 марта 1803 г.) объявилъ, что право сената (§ 9 указа 8 сент. 1802 г.) простирается лишь на законы и указы, изданныя *до* 8 сент. 1802 г. [1]). Такъ кончилась робкая и основанная на законѣ попытка сената укрѣпить законность въ Россіи. Существовавшія на ряду съ широкими планами туманной свободы въ будущемъ старыя привычки къ безграничному проявленію личнаго авторитета оказались живучими и непреоборимыми.

Выше были упомянуты названія министровъ и совѣта. Первое изъ этихъ учрежденій —министерства— было введено указомъ 8 сент. 1802 г., при чемъ проекты введенія министерства обсуждались весной и лѣтомъ 1802 г. въ негласномъ комитетѣ.

---

[1]) Такое разъясненіе уничтожало совершенно всякій смыслъ и значеніе дарованнаго въ § 9 права.

Первоначальный планъ былъ составленъ Лагарпомъ. Министерства призваны были замѣнить введенныя Петромъ I коллегіи, которыя завѣдывали отдѣльными частями управленія и въ теченіе XVIII-го вѣка пришли въ крайній упадокъ и плохо удовлетворяли своему назначенію, благодаря усиленію единоличнаго значенія президентовъ коллегій и другихъ довѣренныхъ лицъ (получавшихъ при Павлѣ I даже названія министровъ, напр. удѣловъ и коммерціи). Установленіе начала единоличнаго руководительства въ извѣстной области управленія казалось имп. Александру и его совѣтникамъ весьма удобнымъ для введенія отвѣтственности представителей исполнительной власти за ихъ дѣйствія.

При обсужденіи проекта было выражено намѣреніе ввести политическую отвѣтственность министровъ. Но при этомъ ярко обнаружилось, какія смутныя понятія были на этотъ счетъ у имп. Александра. Адмиралъ Мордвиновъ разсказываетъ [1]) по этому поводу, что имп. Александръ усиленно настаивалъ на непремѣнномъ проведеніи принципа отвѣтственности министровъ.

«Но государь, сказалъ кто-то,—если министръ откажется утвердить своей подписью вашъ указъ, то будетъ-ли указъ имѣть силу безъ соблюденія этой формальности»?

«Конечно, отвѣтилъ императоръ, указъ долженъ быть исполняемъ во всякомъ случаѣ».

Это свидѣтельство вполнѣ достовѣрно, но тѣмъ не менѣе, какъ разъ въ это время обсуждался проектъ учрежденія министерства, какъ единаго цѣлаго, на заграничный ладъ [2]) (т. н. кабинета).

Въ протоколѣ [3]) засѣданія негласнаго комитета 17 марта 1802 г. записано, что Новосильцевъ сообщалъ Лагарпу начертаніе *организаціи будущаго управленія*,—«въ

[1]) *Н. Тургеневъ*, т. II, прим., стр 291 и *Пыпинъ*, стр. 118.
[2]) Это не осуществлено до сихъ поръ.
[3]) Богдановичъ, т. I, прил., стр. 7.

такомъ видѣ, какъ понималъ его въ будущемъ, когда у насъ окажется возможнымъ ввести *представительный образъ правленія»*. Лагарпъ высказалъ одобреніе этому проекту.

Начало отвѣтственности министровъ проведено было въ «Учрежденіи Министерствъ» въ статьяхъ XII—XIV [1]), согласно которымъ сенатъ обязанъ былъ провѣрять дѣятельность министровъ по всѣмъ отраслямъ ввѣреннаго имъ управленія, дѣлать о ней заключенія, сравнивая её съ законами имперіи и съ тѣми отчетами и донесеніями, которыя поступятъ въ сенатъ непосредственно изъ подчиненныхъ учрежденій, и свои заключенія докладывать императору. Министры обязаны были подавать въ сенатъ ежегодные отчеты о своей дѣятельности. Кромѣ того и до окончанія года сенатъ, если узнавалъ о какихъ-либо злоупотребленіяхъ, могъ требовать отъ министровъ объясненій и, въ случаѣ ихъ неудовлетворительности, докладывать о томъ государю.

Но сенату не удалось осуществить эти, въ принципѣ очень важныя, права, такъ какъ министры стремились (и съ большимъ успѣхомъ) обезпечить свою независимость отъ сенатскаго контроля, испрашивая для всѣхъ важнѣйшихъ актовъ особые указы государя, или высочайшее одобреніе отчетовъ по совершеннымъ ими дѣйствіямъ. Вообще, введеніе министерствъ безъ установленія ихъ строгой отвѣтственности и безъ народнаго представительства только усилило положеніе бюрократіи, и если ограничило верховную власть, то не въ пользу народа, а въ пользу все той-же бюрократіи.

Мы видѣли, что съ самаго начала царствованія имп. Александръ неоднократно и по разнымъ поводамъ заявлялъ свое желаніе, чтобы въ Россіи воцарилась законность. Такъ, указомъ 2 апрѣля 1801 года была уничтожена Тайная

---

[1]) Кромѣ того было позаимствовано изъ практики конституціонныхъ государствъ правило, что министры скрѣпляютъ указы государя своей подписью. Это правило стало безцѣльной формальностью.

Экспедиція (для розыска по политическимъ дѣламъ), причемъ имп. Александръ заявилъ, что «въ благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона»... Охраненіе имени государя и государственной цѣлости поручалось «единому дѣйствію закона».

30-го марта 1801 г. «при государѣ» учрежденъ былъ Совѣтъ [1]), который называли то просто Совѣтъ, то «государственный», то «непремѣнный» совѣтъ. Его вѣдѣніе составляли «разсужденіе и уваженіе дѣлъ государственныхъ», а именно *все*, что относится до государственныхъ постановленій временныхъ или коренныхъ и непреложныхъ. Къ временнымъ постановленіямъ относились и трактаты (договоры) съ иностранными государствами, къ кореннымъ-же и непреложнымъ -«тѣ, коихъ предметы суть постоянные и непремѣнные, которые объемлютъ въ себѣ всѣ времена и узаконяютъ на вѣка. Таковы суть: грамота дворянству, городовое положеніе, особенныя привилегіи городамъ и мѣстамъ, навсегда даруемыя, общіе гражданскіе законы и тому подобныя установленія. Поелику сіи послѣднія установленія составляютъ главное и *незыблемое основаніе всѣхъ законовъ* Имперіи: то и нужно отличить ихъ отъ первыхъ, яко преходящихъ и перемѣнѣ подверженныхъ»... Въ Наказѣ Совѣту имп. Александръ рекомендовалъ ему руководиться основными началами Екатерининскаго «Наказа» (II), стремиться къ облегченію положенія крестьянъ (III), а, главное, стараться «постановить силу и блаженство Имперіи на незыблемомъ основаніи закона».

Можно было думать, что Совѣту суждено стать единственнымъ, сперва законосовѣщательнымъ, а затѣмъ и законодательнымъ органомъ, но учрежденіе негласнаго комитета отвлекло большинство важнѣйшихъ законопроектовъ въ комитетъ, а съ 1804 года Совѣтъ и не занимлся за-

[1]) Наказъ Совѣту отъ 5 апр. 1801 г. см. т. III Архива Госуд. Совѣта и *Коркуновъ*, Русс. государ. право, т. II, 1903, стр. 59—61.

конодательными дѣлами, сосредоточившись на дѣлахъ исключительно судебныхъ.

Въ проектахъ конституціонныхъ онъ не упоминается до 1808—9 года, когда Сперанскій предположилъ сдѣлать его однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ учрежденій.

Разсмотрѣвши преобразовательные планы начала царствованія имп. Александра, составленные въ связи съ реформой того или иного государственнаго учрежденія, переходимъ къ планамъ отдѣльныхъ лицъ—преобразовать весь государственный строй. Но прежде необходимо упомянуть о Радищевѣ и Державинѣ.

Существуютъ свѣдѣнія, что Радищевъ [1], участвовавшій въ комиссіи составленія законовъ (1801—02 г.) составилъ нѣчто вродѣ «Habeas corpus», проектъ [2], по которому:

1) «Всѣ состоянія должны быть равны предъ закономъ, а потому и тѣлесное наказаніе должно отмѣнить.

2) Табель о рангахъ уничтожить.

3) Въ уголовныхъ дѣлахъ—отмѣнить пристрастные допросы, ввести *публичное судопроизводство* и *судъ присяжныхъ*: иначе не можетъ быть правосудія.

4) *Вѣротерпимость* должна быть *совершенная*, устранено все то, что стѣсняетъ *свободу совѣсти*.

5) Ввести *свободу книгопечатанія*, съ ограниченіями и ясными постановленіями о степени отвѣтственности.

6) *Освободить крѣпостныхъ* господскихъ крестьянъ а съ тѣмъ и прекратить продажу людей въ рекруты.

7) *Поземельную* подать ввести вмѣсто *подушной*.

8) Установить свободу торговли»....

Не установлено точно, существовалъ-ли планъ ши-

---

[1]) По восшествіи на престолъ Павла I онъ былъ возвращенъ изъ Сибири, а въ 1801 г. возстановленъ имп. Александромъ во всѣхъ правахъ и назначенъ въ комиссію составленія законовъ.

[2]) „Русск. Вѣстникъ" 1858. Декабрь, стр. 422—25 и *Сухомлиновъ*. Радищевъ, стр. 84.

рокаго государственнаго преобразованія, написанный Радищевымъ, но даже вышеприведенныя отрывочныя свѣдѣнія заслуживаютъ упоминанія, такъ какъ несомнѣнно, что возвратившійся изъ ссылки борецъ за свободу неуклонно старался провести въ жизнь свои идеалы, и самая смерть его была послѣдствіемъ его плановъ освобожденія Россіи [1]).

По поводу обнародованія указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ (20 февр. 1803 г.) Державинъ представилъ государю свои возраженія, и, стремясь обезпечить неприкосновенность крѣпостническо-дворянскихъ правъ, предлагалъ имп. Александру оригинальную форму представительства при обсужденіи этого важнаго государственнаго акта, а именно созывъ предводителей дворянства для разсмотрѣнія вопроса о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Государь обѣщалъ подумать, но потомъ заявилъ, что считаетъ «неудобнымъ и *небезопаснымъ*» сдѣлать изъ всѣхъ губерній вдругъ «многолюдный вызовъ» [2]).

Въ 1803 году Сперанскому было поручено составить планъ устройства судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи. Эта работа возложена была на него не непосредственно государемъ, но черезъ посредство тогдашняго начальника Сперанскаго —министра внутреннихъ дѣлъ кн. Кочубея.

Сперанскій былъ въ это время уже статсъ-секретаремъ (государственнаго) Совѣта и участвовалъ въ той или иной формѣ при разработкѣ важнѣйшихъ государственныхъ реформъ. Такъ, его замѣчанія есть на проектѣ «всемилостивѣйшей грамоты русскому народу» (1801 г.), на проектахъ указа сенату и на докладѣ сената о своихъ

[1]) Когда Радищевъ представилъ свои (вышеприведенныя) проектъ въ комиссію, то предсѣдатель ея гр. Завадовскій намекнулъ ему на возможность новой поѣздки въ Сибирь. Радищевъ не вынесъ противорѣчія между дѣйствительностью и его идеалами и (12 сент. 1802 г.) отравился.

[2]) *Державинъ*, записки, стр. 488.

правахъ (1802 г.), на проектѣ образованія министерствъ (1802 г.) и др. [1]).

Занявшись вопросомъ о реформѣ мѣстнаго управленія, Сперанскій высказалъ цѣлый рядъ интересныхъ мыслей по поводу условій, необходимыхъ, по его мнѣнію, для введенія въ Россіи конституціи.

«Идеальный образецъ истиннаго монархическаго правленія» [2]) рисовался Сперанскому въ такомъ видѣ [3]):

1) всѣ состоянія государства, бывъ свободны, участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ во власти законодательной;

2) власть исполнительная вся принадлежитъ одному лицу, участвующему и утверждающему всякое законодательное дѣйствіе;

3) есть общее мнѣніе, оберегающее законъ въ исполненіи его;

4) есть независимое сословіе народа, коему исполнители отвѣтствуютъ [4]);

5) существуетъ система законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, принятая народомъ;

6) судъ не лицомъ государя отправляется, но избранными отъ народа и имъ утвержденными исполнителями, кои сами суду подвержены быть могутъ;

7) всѣ дѣянія управленія публичны, исключая нѣкотораго числа случаевъ опредѣленныхъ;

8) существуетъ свобода тисненія [5]) въ извѣстныхъ, съ точностію опредѣленныхъ границахъ.

«То, что называется государственнымъ закономъ или конституціею, не есть законъ писанный, но законъ

---

[1]) См. соотвѣтственныя мѣста у Шильдера, т. II; въ Сб. Имп. Арх. Инст., т I; у Богдановича т. I и др.

[2]) Историческое Обозрѣніе (при СПБ. унив.), т. XI, „Записка М. М. Сперанскаго объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи въ 1803 г.“, стр. 2.

[3]) Ibid., стр. 28, прим.

[4]) Сословіе—учрежденіе.

[5]) Интересно, что въ большомъ конституціонномъ проектѣ 1808—9 года Сперанскій уже не говоритъ о свободѣ печати.

вещественный, не на бумагѣ, но въ дѣйствіи самомъ существующій. Онъ не столько состоитъ въ установленіяхъ государственныхъ, сколько въ вещественномъ раздѣленіи силъ его на всѣ состоянія. Онъ поддерживается не столько видимыми сословіями (учрежденіями) сколько навыками и духомъ народнымъ: это есть физическое сложеніе, темпераментъ политическаго тѣла;

9) существуетъ въ народѣ довольный степень [1]) просвѣщенія и обиліе во всѣхъ способахъ исполненія законовъ»....

Какъ выяснено почти достовѣрно, этотъ проектъ 1803 г. не былъ представленъ имп. Александру, по крайней мѣрѣ вышеприведенные пункты [2]).

Не касаясь дальнѣйшихъ разсужденій Сперанскаго объ административномъ и государственномъ устройствѣ, которыя крайне интересны, такъ какъ въ нихъ видны уже зачатки его широкихъ плановъ 1808—9-го, 1811 и 1812 13-го годовъ, остановимся лишь на причинахъ, на основаніи которыхъ Сперанскій не считалъ въ тотъ моментъ Россію подготовленной къ конституціи [3]).

Надобно только сравнить образъ управленія монархическаго съ управленіемъ, нынѣ въ Россіи существующимъ, чтобъ удостовѣриться, что никакая сила человѣческая не можетъ сего послѣдняго превратить въ первое, не призвавъ въ содѣйствіе время и постепенное всѣхъ вещей движеніе къ совершенству.

«Въ настоящемъ порядкѣ вещей мы не находимъ самыхъ первыхъ *елементовъ*, (sic!), необходимо нужныхъ къ составленію монархическаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе по образцу, выше нами предположенному, въ странѣ, гдѣ сіе рабство связано со всѣми почти частями

---

[1]) т. е достаточная степень.

[2]) См. *Семевскій* въ IX т. Ист. Обозрѣнія, стр. 260—263.

[3]) „Записка", ч. III, отд. III, стр. 33—34, Ист. Обозр. т. XI.

политическаго устройства и съ воинскою системою и гдѣ сія воинская система необходима по пространству границъ и по политическому положенію?

«Какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе безъ государственнаго закона [1]) и безъ уложенія?

«Какимъ образомъ можно постановить государственный законъ и уложеніе безъ отдѣленія власти законодательной отъ исполнительной власти?

«Какимъ образомъ отдѣлить власть законодательную безъ сословія [2]) независимаго, ее составляющаго и безъ общаго мнѣнія, ее поддерживающаго?

«Какимъ образомъ составить сословіе независимое безъ великаго и, можетъ быть, опаснаго превращенія всего существующаго порядка—съ рабствомъ и безъ просвѣщенія?

«Какимъ образомъ установить общее мнѣніе, сотворить духъ народный безъ свободы тисненія?

«Какимъ образомъ ввести или дозволитъ свободу тисненія безъ просвѣщенія?

«Какимъ образомъ установить истинную министерскую отвѣтственность тамъ, гдѣ отвѣчать некому и гдѣ и отвѣтствующій и вопрошающій составляютъ одно лицо и одну сторону?

«Какимъ образомъ безъ отвѣтственности могутъ быть охраняемы законы въ исполненіи?...

«Всѣ сіи вопросы разрѣшить нужно прежде, нежели можно съ нѣкоторою основательностью предположить возможность превращенія настоящаго порядка въ монархическій.

---

[1] Сперанскій поясняетъ, что выраженіе „государственный законъ" принято имъ вмѣсто слова „конституція, и означаетъ законъ, опредѣляющій первоначальныя права и отношенія всѣхъ классовъ государственныхъ между собою"....

ibid, стр. 2.

[2]) *Сословіе*—здѣсь опять какъ *учрежденіе*.

«Я смѣю быть увѣреннымъ, что они неразрѣшимы и что одно время разрѣшить ихъ можетъ»....

Въ виду этого, Сперанскій полагалъ [1]), что образъ управленія въ Россіи «долженъ быть весь расположенъ на настоящей самодержавной конституціи государства», долженъ сохранить и усилить народное мнѣніе, власть сію ограничивающее не въ существѣ ея, но въ формѣ ея дѣйствія», и, наконецъ, «долженъ быть сколь можно приближенъ къ образцу монархическаго управленія, выше изображеннаго». Онъ долженъ также «содержать въ себѣ разныя установленія, которыя-бы, постепенно раскрываясь, приготовляли-бы истинное монархическое управленіе и приспособляли-бы къ нему духъ народный»....

Учрежденіями переходного къ конституціи времени должны были служить сенатъ законодательный и сенатъ исполнительный [2]); послѣдній дѣлился на 2 части: судную и управленія. Судная часть—департаменты гражданскій и уголовный -должны были остаться на прежнихъ основаніяхъ, сенатъ управляющій составляется исключительно изъ министровъ. Сенатъ законодательный составляется изъ членовъ по назначенію государя; въ немъ министры присутствуютъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Законодательный сенатъ долженъ создавать новые и приводить въ порядокъ существующіе законы, а также провѣряетъ всѣ акты сената исполнительнаго съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ кореннымъ законамъ, и жалобы на министровъ вносимыя по высочайшему повелѣнію.

«Сей образъ управленія,—писалъ Сперанскій,—современемъ можетъ удобно превратиться въ совершенную монархическую систему, пріучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ отдѣленіи: онъ воспитываетъ, такъ сказать, духъ его къ другому порядку вещей. Когда приспѣетъ время, то есть

---

[1]) Ист. Обозр., т. XI, стр. 35.

[2]) Ibid. 40—46.

когда развитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, отъ времени зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго управленія, тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣ-же, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное. Тогда надобно только будетъ сенатъ законодательный составить на другой лучшей системѣ [1]), переименовать сенатъ судный высшимъ судомъ, и основавъ его подобно прочимъ частямъ управленія на единствѣ, ввести съ ними въ параллельное положеніе: тогда все превратиться въ истинную монархическую систему»....

Нужно замѣтить, что Сперанскій всюду, подобно своимъ современникамъ, «монархической» системой, правленіемъ и т. п. называетъ конституціонное государство, согласно терминологіи Монтескьё.

ГЛАВА VIII.

Нельзя не упомянуть также о конституціонномъ проектѣ Розенкампфа, [2]) который остался до сихъ поръ неизвѣстнымъ въ своихъ подробностяхъ. Въ іюнѣ 1804 г. кн. Лопухинъ (министръ юстиціи, состоявшій съ 21 окт. 1803 г. управляющимъ комиссіей законовъ) сообщилъ секретарю и первому докладчику этой комиссіи барону Розенкампфу, что ему дано «прямое и положительное повелѣніе написать, разумѣется въ тайнѣ отъ публики, проектъ конституціи для Россіи». Напрасно возражалъ Розенкампфъ, который еле вѣрилъ своимъ ушамъ, что до

---

[1]) Далѣе зачеркнуто: „представленія или первородства". Въ этой зачеркнутой строчкѣ отразились колебанія Сперанскаго, повторившіяся и въ 1808, 1812 г.г., когда онъ сперва стоялъ за демократическую французскую систему представительства, а потомъ перешелъ на сторону англійской системы съ верхней палатой изъ наслѣдственныхъ перовъ.

[2]) *Шильдеръ*, имп. Александръ I, т. II. 249 и слл.

сихъ поръ не было еще никакихъ подготовительныхъ работъ, что при подобной работѣ невозможно руководствоваться лишь теоріей, не изучивши сперва точно прошлаго имперіи и исторической связи различныхъ пригодныхъ для Россіи конституціонныхъ плановъ; что если желаютъ, чтобы конституція была долговѣчной, то нельзя удовлетвориться сочиненіемъ поверхностныхъ проектовъ или общихъ выраженій, не исчерпывающихъ предмета. Нужно предпринять обширныя изысканія, нужно основательно изучить государственныя учрежденія, составленныя изъ самыхъ разнообразнныхъ частей. Но всѣ эти возраженія и проекты Розенкампфа были оставлены безъ вниманія, и объявленное ему повелѣніе было подтверждено. Тогда Розенкампфъ увидѣлъ себя вынужденнымъ набросать «кадръ» (основныя черты) конституціи, который содержалъ въ себѣ много пробѣловъ, особенно, въ отдѣлѣ, касающемся положенія низшихъ классовъ; по этому вопросу, заявлялъ Розенкампфъ, должны быть изданы особые законы.

«Кадръ», написанный Розенкампфомъ былъ переданъ Новосильцову и Чарторыйскому. Они совмѣстно выработали цѣлый планъ общегосударственной реформы, который не былъ приведенъ въ исполненіе по многимъ причинамъ, а главнымъ образомъ благодаря войнамъ (1805—1807 г.г.). Въ чемъ состояли проекты Розенкампфа, а также Новосильцева и Чарторыйскаго осталось до сихъ поръ точно неизвѣстнымъ. Этими проектами воспользовался потомъ Сперанскій при составленіи своего проекта 1808—9 года.

Къ 1805 году относится интересное письмо Паррота [1]), который пытался отклонить Александра I отъ ограниченія самодержавія.

---

[1]) Парротъ, профессоръ а потомъ ректоръ дерптскаго университета, академикъ (1767—1852), былъ другомъ имп. Александра съ 1802 по 1811 годъ.

«Вы хотите», писалъ послѣ «долгаго разговора съ императоромъ» Парротъ 28 марта 1805 года имп. Александру [1]) «отказаться отъ принадлежащей Вамъ неограниченной власти и дать Вашему народу представительное правленіе.... Я вижу, что идея Ваша принесетъ Вамъ и Вашему народу несчастье... Вы полагаете, что если дадите Вашимъ русскимъ конституцію, они примутъ её съ благодарностью и большаго требовать не будутъ. Но какакія-же у Васъ къ тому ручательства?»...

Парротъ опасался, что въ Россіи произойдутъ событія, подобныя французскимъ бывшимъ въ 1791—3 году т. е. революція. «Необходимые элементы представительнаго правленія, которые должны соединить свободу народовъ съ твердостью монархическаго правленія», были, по мнѣнію Паррота,—третье сословіе и просвѣщеніе и заботы объ естественныхъ и духовныхъ нуждахъ народа. Третьяго сословія въ Россіи нѣтъ, большинство ея населенія—рабы. Затѣмъ, необходимо, чтобы народъ самъ собою и постепенно развивался. «Я убѣжденъ, что Россія придетъ къ тому не ранѣе, какъ черезъ сто лѣтъ [2]), если вообще это безтолковое скопище народовъ и народностей способно къ воспріятію представительнаго правленія»... «Третій необходимый элементъ представительнаго правленія—это уваженіе законовъ. Вы, можетъ быть, найдете такое уваженіе въ массѣ русскаго народа, но навѣрное не у тѣхъ, которые управляютъ, т. е. начиная министрами и кончая послѣднимъ писцомъ».

Парротъ считалъ поэтому необходимымъ, чтобы составлено было уложеніе законовъ и населенію вкоренено уваженіе къ нимъ. Для этого-же нужно твёрдо охранять самодержавіе (!).

[1]) Русс. Старина, 1895 г., IV, 192—194.
„Письма и записки Паррота къ Александру I и Николаю I Сообщ. М. Мардарьевымъ", и Deutsche Revue über das gesamte nationale Leben der Gegenwart. 1894—XI, XII и 1895—I, II.

[2]) Любопытное пророчество!

Впослѣдствіи взгляды Паррота измѣнились, но обращеніе его въ противоположномъ смыслѣ, въ 1830 г., къ имп. Николаю уже не встрѣтило никакого сочувствія.

Между тѣмъ, составъ совѣтниковъ Александра мѣнялся. Работы негласнаго комитета въ конституціонномъ направленіи остались безрезультатны; впрочемъ, вина за это едва-ли можетъ быть возложена на самый комитетъ [1].

Къ 1805 г. негласный комитетъ сталъ терять свое вліяніе на Александра. Это стало ясно и постороннимъ лицамъ. Чарторыйскій, Строгановъ и Новосельцовъ отходили на второй планъ. Сталъ возвышаться Аракчеевъ [2]. Въ письмѣ отъ 15 мая 1805 г. Парротъ отмѣчалъ усиленіе вліянія круговъ военно-придворныхъ [3]. Но зато произошло сближеніе имп. Александра со Сперанскимъ, который сталъ съ 1806 года докладчикомъ по дѣламъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Отвлекаемый внѣшними войнами и дѣлами отъ внутреннихъ преобразованій, Александръ I снова возвратился къ мысли о государственномъ переустройствѣ и работѣ внутри Россіи подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ 1805—7 года. Сперанскій, сопровождавшій Александра I въ Эрфуртъ (въ 1808 г.) и назначенный въ томъ-же году товарищемъ министра юстиціи съ порученіемъ наблюдать за работой комиссіи законовъ [4], имѣлъ, какъ говорятъ, въ Эрфуртѣ слѣдующій,

---

[1]) Причины неудачъ александровскихъ конституціонныхъ проектовъ изложены ниже.

[2]) До чего большую власть получилъ Аракчеевъ, и до чего смутны были у Александра представленія о законности можно судить по слѣдующему указу, данному 14 дек. 1807 г. „Объявляемые генераломъ отъ артиллеріи гр. Аракчеевымъ высочайшія повелѣнія должны исполняться какъ именные высочайшіе указы“..

[3]) Русс. Старина, 1895, IV, стр. 197—8.

[4]) Въ комиссіи законовъ Сперанскій работалъ усиленно надъ однимъ изъ самыхъ настоятельныхъ вопросовъ того времени—составленіемъ гражданскаго уложенія; при этомъ онъ хотѣлъ, не входя въ изученіе исторіи русскаго гражданскаго права, сдѣлать необходимыя позаимствованія изъ Наполеоновскаго гражданскаго кодекса, примѣнительно къ русской жизни.

характерный для его міровоззрѣнія разговоръ [1]) съ государемъ: имп. Александръ спросилъ Сперанскаго: «Какъ нравится тебѣ заграницей?». Сперанскій отвѣтилъ: «у насъ люди лучше, но здѣсь лучше установленія», Государь замѣтилъ: «Это и моя мысль; мы еще поговоримъ о томъ, когда воротимся».

Сперанскій, вообще, держался мнѣнія, что всѣ бѣдствія проистекаютъ изъ недостатка «хорошихъ» учрежденій. [2]).

Другая мысль, которая понравилась, кромѣ того, государю, это та несчастная для успѣха конституціонныхъ попытокъ Александра мысль, что выработка конституціи должна производиться довѣреннымъ лицомъ и въ тайнѣ отъ народа. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Александру, (написанномъ уже изъ ссылки), Сперанскій напоминаетъ ему эту одобренную имъ мысль: «Я хотѣлъ творить добро, но не хотѣлъ дѣлать шуму, потому что я чувствовалъ, что шумъ не приноситъ добра, а добро дѣлается безъ шума»...

По возвращеніи въ Россію, Александръ I поручилъ Сперанскому просмотрѣть конституціонные проекты, составленные Новосильцовымъ и Чарторыйскимъ и на ихъ основѣ создать новый проектъ [3])

Одновременно Александръ началъ, вмѣстѣ со Сперанскимъ, изучать тѣхъ писателей, которые извѣстны были въ то время своими работами по конституціонному праву. Весь тогдашній государственный строй Россіи казался Сперанскому нелѣпостью, хаосомъ самыхъ разно-

---

[1]) *Корфъ*, Жизнь гр. Сперанскаго, стр. 109,

[2]) Ср., напримѣръ, его взгляды, высказанные въ одномъ письмѣ (1818 г. 9 іюля), въ которомъ онъ говоритъ по поводу видѣнныхъ имъ непорядковъ слѣдующее: „Тяжело видѣть такъ много безполезныхъ страданій, которые могутъ быть уничтожены однимъ почеркомъ пера, однимъ *хорошимъ* учрежденіемъ".

Русс. Архивъ, 1869, стр. 1969.

[3]) *Шильдеръ*, т. III, стр. 152.

образныхъ учрежденій. Самое лучшее, что можно было сдѣлать, по его мнѣнію, это совершенно заново перестроить государственный строй на новыхъ научныхъ и разумныхъ основаніяхъ. «Нужно рубить съ плеча, перестраивать заново!» (il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap)—говорилъ онъ. Позже (въ янв. 1813) онъ писалъ Александру о своихъ работахъ: «Въ самомъ началѣ царствованія В. И. Велич. поставили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія и слѣдовать ему неуклонно» ....Въ теченіе 12 лѣтъ «Ваше Величество постоянно слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы, но главная мысль и намѣреніе оставались неизмѣнными».

«Въ концѣ 1808 г., ...В. В. начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ вамъ дошедшія, и нерѣдко удостоивали провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

«Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій В. В., надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія.

«Въ существѣ своемъ онъ не содержитъ ничего новаго, но идеямъ съ 1801 г., занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе.

«Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы, посредствомъ законовъ и установленій, утвердить власть правительства на *началахъ постоянныхъ* и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы»....

Въ другомъ изъ своихъ писемъ Сперанскій писалъ, что основаніе всѣхъ предложенныхъ преобразованій имѣло цѣлью постановить правительство имперіи на неизмѣ-

няемыхъ законахъ, дать имперіи россійской внутреннее политическое бытіе, и для осуществленія этого должно было сперва подвергнуть разсмотрѣнію духъ основныхъ государственныхъ законовъ, т. е. набросать проектъ конституціи.

1809 годъ прошелъ въ неустанной работѣ Сперанскаго, который въ тайнѣ отъ другихъ создалъ планъ полнаго государственнаго преобразованія, и въ окт. 1809 г. планъ этотъ былъ уже готовъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ и систематическихъ проектовъ конституціи для Россіи.

Частично планъ этотъ осуществился въ учрежденіи государственнаго совѣта (1810 г.) и въ реорганизаціи министерствъ (1811 г.). Интересенъ онъ также съ точки зрѣнія рецепціи французскаго конституціоннаго права временъ революціи и имперіи (1789—1804). [1])

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію проекта Сперанскаго нельзя не упомянуть объ участіи его въ окончательномъ устройствѣ правоваго положенія Финляндіи. Не лишено значенія, что именно Сперанскій былъ авторомъ рѣчей, произнесенныхъ Александромъ на финляндскомъ сеймѣ въ Борго и актовъ 5 іюня 1808 и 15 марта 1809 года, согласно которымъ Александръ I «признавалъ за благо утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое сословіе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи»...

[1]) Выясненію этого вопроса посвящены главы VII—XII моей докторской гейдельбергской диссертаціи „Die Entwürfe der Aenderung der russischen Staatsverfassung. Zur Entwicklung der konstitutionellen Jdeen in Russland, Heidelberg, 1904.

Въ настоящей работѣ всѣ указанія на заимствованія Сперанскаго изъ французскихъ конституцій, какъ имѣющія спеціальный интересъ,— выпущены.

Равнымъ образомъ, Сперанскому принадлежитъ окончательная выработка организаціи финляндскаго сената. «Финляндія есть государство, а не губернія»—заявлялъ Сперанскій въ одномъ изъ отчетовъ Александру I [1])

Интересно, что въ эту-же эпоху (1811 г.) имп. Александръ заявлялъ генералу бар. Армфельту: «Клянусь Вамъ, что эти формы (правленія) мнѣ нравятся больше, чѣмъ то пользованіе свободной волей (exercice d'un libre arbitre), въ основѣ котораго лежатъ лишь мои желанія и которое предполагаетъ въ монархѣ такую степень совершенства, которая, увы! не существуетъ въ человѣчествѣ. Здѣсь (въ Финляндіи) я могу ошибаться лишь тогда, когда я *этого* именно хочу: мнѣ открыты всѣ способы узнать истину; тамъ-же (въ Россіи) вокругъ меня одни сомнѣнія и почти всегда привычки, берущія всегда верхъ надъ закономъ»...

Проектъ Сперанскаго сохранился въ видѣ «Введенія къ уложенію государственныхъ законовъ», которое въ наиболѣе точной формѣ напечатано въ 1899 г. [2]) Введеніе раздѣляется на 2 неравныхъ части: въ первой—излагается планъ конституціи, во второй—начала, на которыхъ составлена конституція, и подробности конституціоннаго устройства.

[1]) *Корфъ*, стр. 264.

[2]) Въ „Историч. Обозрѣніи" при СПБ. унив., т. X, (1899), стр. 1—62, теперь (1905) выпущено отдѣльное изданіе журнала „Русс. Мысль"; ранѣе, съ искаженіями, напечатано у *Шильдера* „Александръ I", т. II, стр. 372—394. Нѣкоторые отрывки изложены въ извѣстной книгѣ Н. Тургенева (1847 г.) и въ переводѣ на русскій у *Пыпина* Общ. движенія при Ал. I, (1885) стр. 150—172. Въ послѣдней версіи есть мѣста, которыя, по содержанію своему, явно свидѣтельствуютъ о позднѣйшемъ (1812—13) происхожденіи своемъ, почему они будутъ изложены дальше (подъ 1813 годомъ). Различіе проектовъ 1808—9 и 1813 г. въ отношеніи устройства законодательнаго собранія и т. п., которое не было принято во вниманіе Пыпинымъ и Щегловымъ (въ книгѣ „Госуд. Совѣтъ" т. I, Ярославль, 1892),—впервые указано В. И. Семевскимъ („Ист. Обозр.", т. IX, стр. 264, прим.).

«Законы существуютъ для пользы и безопасности людей имъ подвластныхъ», заявлялъ Сперанскій въ 1-й части «Введенія». Но «если-бы законы измѣнялись по различному образу понятій о пользѣ и безопасности, то они вскорѣ пришли-бы въ смѣшеніе».

«По сему, во всякомъ благоустроенномъ государствѣ должны быть начала законодательства положительныя, постоянныя, неподвижныя, съ коими-бы всѣ другіе законы могли быть соображаемы».

«Сіи положительныя начала суть коренные государственные законы».

Законы эти должны были быть изложены въ 4 отдѣленіяхъ:

I. О Державной власти.

О правахъ державной власти въ силѣ законодательной, исполнительной и судебной; о лицѣ, представляющемъ державную власть, или *императоръ*, и правахъ его; о престолонаслѣдіи и императорскомъ домѣ.

II. *О законѣ*, его предложеніи, разсмотрѣніи, утвержденіи, обнародованіи, продолжительности дѣйствія и т. п.

III. *О правахъ подданныхъ*. Опредѣленіе отличительныхъ свойствъ русскаго подданнаго; раздѣленіе на сословія; права гражданскія, общія всѣмъ подданнымъ; права политическія, принадлежащія лишь нѣкоторымъ сословіямъ въ области составленія закона и исполненія его.

IV. *Законы органическіе*, опредѣляющіе устройство порядка законодательнаго, суднаго и управленія (или исполненія); и наконецъ устройство такого учрежденія, въ которомъ всѣ сіи распорядки должны соединиться и чрезъ которое власть державная будетъ на нихъ дѣйствовать и принимать ихъ дѣйствіе.

Сравнивая эту схему со всѣми извѣстными тогда конституціями, Сперанскій, съ видимымъ удовольствіемъ, отмѣчалъ, что всѣ ея части «столь естественно связаны между собою, что ни одной изъ нихъ нельзя исторгнуть

изъ своего мѣста, не разрушивъ цѣлаго, и что всѣ онѣ держатся на одномъ началѣ».

«Преимущество сіе, пояснялъ онъ, весьма легко изъясняется. Конституціи во всѣхъ почти государствахъ, устрояемы были въ разныя времена, отрывками, и, по большей части, среди жестокихъ политическихъ превращеній».

«Россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая, устроивъ политическое бытіе своего народа, можетъ и имѣетъ всѣ способы дать ему самыя правильныя формы».

Жизнь горько насмѣялась надъ Сперанскимъ: его проектъ, не поддержанный «воспаленіемъ страстей», такъ и остался на бумагѣ.

Во второй части Введенія—«О разумѣ государственнаго уложенія» Сперанскій устанавливалъ слѣдующія начала:

«Царства земныя имѣютъ свои эпохи величія и упадка, и въ каждой эпохѣ образъ правленія долженъ быть соразмѣренъ тому (sic!) степени гражданскаго образованія, на коемъ стоитъ государство. Каждый разъ, когда образъ правленія отстаетъ или предваряетъ сію степень, онъ испровергается съ большимъ или меньшимъ потрясеніемъ»...

«Никакое правительство, съ духомъ времени не сообразное, противъ всемощнаго его дѣйствія устоять не можетъ».

Разсматривая, поэтому, благовременность введенія въ Россіи конституціи, Сперанскій дѣлалъ историческій обзоръ политическихъ переворотовъ въ З. Европѣ, и приходилъ къ такому выводу:

«Во всѣхъ сихъ превращеніяхъ время и состояніе гражданскаго образованія были главнымъ дѣйствующимъ началомъ. Тщетно власть державная силилась удержать его напряженіе; сопротивленіе ея воспалило только страсти.

произвело волненія, но не остановило перелома. Сколько бѣдствій, сколько крови можно-бы было сберечь, если-бы правители державъ, точнѣе наблюдая движеніе общественнаго духа, сообразовались ему (sic) въ началахъ политическихъ системъ и не народъ приспособляли къ правленію, но правленіе къ состоянію народа» [1]).

Явленія, характерныя для политической исторіи Европы, Сперанскій находилъ и въ исторіи Россіи. По его мнѣнію, съ момента утвержденія самодержавія при Іоаннѣ Грозномъ и «до дней нашихъ напряженіе общественнаго разума къ свободѣ политической всегда болѣе или менѣе было примѣтно».

Такъ. при Алексѣѣ Михайловичѣ существовалъ совѣтъ бояръ. хотя внѣшними формами, ограничивавшій самодержавіе. что отражалось и на актахъ того времени. писанныхъ подъ заголовкомъ:

«Съ благословеніемъ патріаршимъ государь повелѣлъ и бояре приговорили».

«Петръ Великій, во внѣшнихъ формахъ ничего не установившій въ пользу политической свободы, однако, отверзъ ей двери тѣмъ, что открылъ входъ наукамъ и торговлѣ» [2]).

«При восшествіи Анны, «*сенатъ*» (ошибка: не сенатъ,

---

[1]) „Какое, впрочемъ, противорѣчіе“:—добавлялъ Сперанскій „желать наукъ, коммерціи и промышленности и не допускать самыхъ естественныхъ ихъ послѣдствій; желать, чтобы разумъ былъ свободенъ, а воля въ цѣпяхъ; чтобы страсти двигались и перемѣнялись, а предметы ихъ, желанія свободы, оставались-бы въ одномъ положеніи; чтобы народъ обогащался и не пользовался-бы лучшими плодами своего обогащенія—свободою. Нѣтъ въ исторіи примѣра, чтобы народъ просвѣщенный и коммерческій могъ долго въ рабствѣ оставаться“.

[2]) „По разуму того времени не было еще точнаго понятія о политической свободѣ“—замѣчаетъ Сперанскій. „Сіе доказывается учрежденіемъ Петра Великаго (1714) о правѣ первородства. Сіе установленіе, совершенно феодальное, могло-бы уклонить Россію на нѣсколько вѣковъ отъ настоящаго ея пути“. Интересно сравнить это замѣчаніе съ его проектами 1813 года, въ которыхъ онъ именно рекомендовалъ введеніе майоратовъ.

а верховный тайный совѣтъ) могъ и дерзнулъ пожелать политическаго существованія и поставилъ себя между престоломъ и народомъ»...

При Екатеринѣ созвана была «комиссія законовъ».

Но обѣ попытки остались неудачными. Для подавленія первой—довольно было «дворскаго движенія» (дворцоваго переворота); во второмъ случаѣ, «не только толпа сихъ законодателей» (т. е. депутатовъ комиссіи уложенія) «не понимала ни цѣли, ни мѣры своего предназначенія, но едва-ли было между ими одно лицо, одинъ разумъ, который-бы могъ стать на высотѣ сего званія и обозрѣть все его пространство». Разсмотрѣвши еще нѣкоторыя мѣры, которыя, по его мнѣнію, предприняты были русскимъ правительствомъ «къ политическому государства освобожденію», Сперанскій дѣлалъ слѣдующіе выводы:

1) «Что начинанія при Аннѣ и Екатеринѣ II сдѣланныя, очевидно, были преждевременны и потому никакого не имѣли успѣха;

2) «Что въ общемъ движеніи человѣческаго разума, государство наше стоитъ нынѣ во второй эпохѣ феодальной системы, т. е. въ эпохѣ самодержавія и, безъ сомнѣнія, имѣетъ прямое направленіе къ свободѣ» [1]).

Что касается современнаго момента, то въ немъ Сперанскій замѣчалъ слѣдующія знаменія времени:

---

[1]) Сперанскій пояснялъ: „Направленіе сіе у насъ дѣйствительно прямѣе, нежели было оно въ другихъ государствахъ. Причины сему суть слѣдующія:

1) Въ самомъ началѣ испровергнуто у насъ важное на семъ пути затрудненіе, право первородства, которое во всѣхъ прочихъ государствахъ, тотъ-же путь совершившихъ, было великимъ камнемъ претыканія.

2) Опыты превращеній, вокругъ насъ бывшихъ, имѣли, безъ сомнѣнія, сильное вліяніе на мысли большей части людей, ими занимающихся.

3) Въ общемъ счетѣ времени успѣхи въ Россіи идутъ несравнено быстрѣе, нежели шли они въ тѣже эпохи въ другихъ государствахъ“.

1) «Перемѣну въ предметахъ народнаго уваженія»... Сперанскому казалось, что чины и ордена потеряли свое обаяніе для русскихъ гражданъ. «Основаніе сему очевидно; когда разумъ начинаетъ распознавать цѣну свободы, онъ отметаетъ съ небреженіемъ всѣ дѣтскія игрушки, коими забавлялся онъ въ своемъ младенчествѣ».

2) Ослабленіе власти. «Если физическая власть осталась въ прежнемъ положеніи, то моральная, безъ сомнѣнія, весьма ослабѣла. Какая мѣра правительства не подвержена нынѣ осужденію? Какое благотворное движеніе не искажено и не перетолковано?... Съ горестію, но съ достовѣрностію можно сказать, что въ настоящемъ положеніи всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія.... Одна есть истинная сему причина: образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія».

3) Невозможность частныхъ исправленій. «Всѣ жалуются на запутанность и смѣшеніе гражданскихъ нашихъ законовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ?... Къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія?—Жалуются на запутанность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ *публичнаго установленія*, порядокъ ихъ охраняющаго?... [1]) Къ чему послужитъ народу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобы яснѣе обозрѣлъ онъ всю горесть своего положенія».

Въ рукописи, напечатанной В. И. Семевскимъ въ X т. «Ист. Обозрѣнія» нѣтъ нижеслѣдующаго отрывка «О недостаточности и неопредѣленности законовъ», напеча-

---

[1]) Нельзя ввести необходимо нужнаго налога, потому что при настоящемъ положеніи вещей, „всякая тягость народная приписуется единственно самовластію".

таннаго у Н. Тургенева (т. III, стр. 292—5) и слѣдующаго непосредственно за предыдущимъ пунктомъ.

«Въ хаосѣ указовъ есть распоряженія не только темныя и недостаточныя, но и противорѣчащія одно другому». Цѣлыя области жизни не нашли себѣ выраженія въ уголовномъ и гражданскомъ законодательствѣ. «Не говорю здѣсь о предметахъ болѣе важнаго свойства, именно объ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, т. е. объ отношеніяхъ милліоновъ людей, составляющихъ полезнѣйшую часть населенія, къ горсти тунеядцевъ, которые присвоили себѣ, Богъ знаетъ, почему и какъ, всѣ права и привилегіи».

4) Наконецъ, сіе всеобщее неудовольствіе, сія преклонность къ горестнымъ изъясненіямъ всего настоящаго есть ни что другое, какъ общее выраженіе пресыщенія и скуки отъ настоящаго вещей порядка.... Всѣ вещи остались въ прежнемъ почти положеніи, а между тѣмъ духъ народный страждетъ въ безпокойствіи. Какъ можно изъяснить сіе безпокойствіе иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но сильнымъ желаніемъ другого вещей порядка.

«Таковы суть главные признаки, по коимъ можно опредѣлить мѣсто, которое Россія нынѣ занимаетъ на лѣствицѣ гражданскаго образованія. По симъ признакамъ можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что настоящая система правленія несвойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа и что настало время перемѣнить её и основать новый вещей порядокъ» [1]).

Таковы были выводы, къ которымъ пришелъ Сперанскій. Ему казалось, что конституція существенно необхо-

[1]) „Всѣ исправленія частныя, всѣ, такъ сказать, пристройки къ настоящей системѣ были-бы весьма непрочны. Пусть составятъ какое угодно министерство, распорядятъ иначе части, усилятъ и просвѣтятъ полицейскія и финансовыя установленія, пусть издадутъ даже гражданскіе законы: всѣ сіи введенія, бывъ основаны единственно на личныхъ качествахъ исполнителей, ни силы, ни твердости имѣть не могутъ“.

дима Россіи, которая сознаетъ это и томится желаніемъ новаго порядка. И, сообразно своей вышеизложенной схемѣ, Сперанскій излагалъ свой планъ государственнаго преобразованія Россіи.

ГЛАВА IX.

«Общій предметъ преобразованія состоитъ въ томъ, чтобъ правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ».

«Нельзя основать правленіе на законѣ, если одна державная власть будетъ и составлять законъ и исполнять его».

Поэтому Сперанскій строилъ слѣдующее распредѣленіе 3 властей: [1])

1) «Законодательное сословіе должно быть такъ устроено, чтобыо но не могло совершать своихъ положеній безъ державной власти, но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали-бы собою мнѣніе народное.

2) «Сословіе судебное должно быть такъ образовано, чтобъ въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора, и одинъ только надзоръ формъ судебныхъ и охраненіе общей безопасности принадлежало правительству.

[1]) Сперанскій указывалъ также на то, что „можно облечь правленіе самодержавное всѣми, т. ск., внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его туже силу и тоже пространство самодержавія". Для этого было-бы необходимо: 1) „установить сословіе (учрежденіе), которое-бы представляло силу законодательную, свободную, но на самомъ дѣлѣ было-бы подъ вліяніемъ и въ совершенной зависимости отъ власти державной; 2) силу исполнительную такъ учредить, чтобъ она по выраженію закона состояла въ отвѣтственности, но по разуму его была-бы совершенно независима; 3) власти судной дать всѣ преимущества видимой свободы, но связать ее на самомъ дѣлѣ такими учрежденіями, чтобы она въ существѣ своемъ всегда состояла во власти самодержавной". Сравнивая двѣ системы преобразованій, онъ отдавалъ предпочтеніе не той, которая „подъ предлогомъ единства державной власти вводитъ совершенное самовластіе", но той, которая „ищетъ въ самомъ дѣлѣ ограничить его и умѣрить".

3) «Власть исполнительная должна быть исключительно ввѣрена правительству; но поелику власть сія распоряженіями своими подъ видомъ исполненія закона не только могла-бы обезобразить ихъ, но и совсѣмъ уничтожить, то и должно поставить её въ отвѣтственности власти законодательной».

«Предложеніе» закона (т. е. право законодательнаго почина) должно принадлежать исключительно власти державной, во первыхъ, потому, что иначе «произойдетъ безмѣрное въ видахъ разнообразіе и несвязность», и время въ законодательномъ собраніи будетъ теряться «въ предложеніяхъ невмѣстныхъ и неблаговременныхъ»; во вторыхъ, потому что державная власть «окруженная во всѣхъ своихъ важныхъ дѣяніяхъ государственнымъ совѣтомъ, коего бытіе установляется не произволомъ ея, но кореннымъ государственнымъ закономъ,—будетъ болѣе имѣть способовъ предлагать законы съ зрѣлостію, нежели каждый членъ законодательнаго сословія».

Поэтому дѣла предлагаются законодательному учрежденію отъ имени державной власти министромъ или однимъ изъ членовъ государственнаго совѣта. Исключенія изъ этого правила слѣдующія:

1) «Представленія о государственныхъ нуждахъ.

2) Представленія объ уклоненіи отъ отвѣтственности, когда правительство въ установленное время не представитъ узаконенныхъ отчетовъ.

3) Представленія о мѣрахъ правительства нарушающихъ государственные коренные законы, какъ-то личную или политическую свободу.

Законодательное учрежденіе по вышеупомянутымъ вопросамъ собственной властью возбуждаетъ вопросъ и вчинаетъ слѣдствіе противъ министра, подписавшаго незаконную мѣру, и вмѣстѣ проситъ объ отмѣнѣ ея [1]).

---

[1]) Отвѣтственность министровъ предъ законодательнымъ собраніемъ была-бы чрезвычайно важна для развитія конституціоннаго правленія въ Россіи.

«Уваженіе закона», т. е. его разсмотрѣніе и право принять или не одобрить законопроектъ—принадлежитъ законодательному учрежденію, при чемъ министры могутъ лично объяснять и поддерживать предложенія правительства. Утвержденіе [1]) закона принадлежитъ власти державной.

Часть исполнительная ввѣряется всецѣло власти державной, но подъ условіемъ отвѣтственности министровъ, скрѣпляющихъ своей *добровольной* подписью *всѣ* акты власти державной. Государь и государственный совѣтъ неотвѣтственны.

Власть судебная ввѣряется избраннымъ народомъ судьямъ. Правительству принадлежитъ лишь право надзора и охраны судебныхъ формъ. *Законами* называются «тѣ постановленія, коими вводится какая-либо перемѣна въ отношеніяхъ силъ государственныхъ или въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою.

Уставами и *учрежденіями*,—тѣ «постановленія, кои, не вводя никакой существенной перемѣны, учреждаютъ только образъ исполненія законовъ».

Для того, чтобы исполнительная власть не могла при посредствѣ уставовъ и т. п. исказить законы:

1) «Никакой законъ не можетъ имѣть силы, если не будетъ онъ составленъ въ законодательномъ учрежденіи».

2) «Учрежденія и уставы состоятъ во власти правительства, но съ отвѣтственностію его въ томъ, что не нарушаютъ они закона».

3) «Отвѣтственность сію можетъ правительство сложить, внося уставы и учрежденія въ законодательное учрежденіе.

Подъ понятіе закона Сперанскій подводитъ: уложеніе государственное и органическіе законы (т. е. консти-

---

[1]) Сперанскій не говоритъ ни слова о правѣ монарха отвергать принятый уже законодательнымъ собраніемъ законопроектъ. Могло быть, что палата, разсматривая проектъ, совершенно измѣнила-бы его сравнительно съ тѣмъ видомъ, въ какомъ онъ былъ внесенъ въ нее.

туціонные законы) [1], уложеніе гражданское;—уголовное; коммерческое;—сельское, и всѣ общія дополненія и изъясненія предметовъ, въ уложенія сіи входящихъ; уставъ судебный; всѣ уставы, опредѣляющіе положеніе какой-либо части въ связи ея съ другими; учрежденія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ; *всѣ* постановленія о налогахъ и общихъ народныхъ повинностяхъ, какъ временныхъ, такъ и всегдашнихъ [2]; продажу и залогъ государственныхъ имуществъ и исключительныхъ на нихъ привилегій; вознагражденіе частныхъ людей за имущества, необходимыя для общей пользы.

Къ уставамъ-же относятся: постановленія о мирѣ и войнѣ; всѣ великія мѣры, пріемлемыя правительствомъ къ спасенію отечества среди какихъ-либо бѣдствій; всѣ частныя инструкціи, учрежденія и распоряженія и т. п.

Права гражданъ Сперанскій раздѣлялъ на слѣдующіе разряды:

1) Права гражданскія общія, принадлежащія всѣмъ подданнымъ.

a) «Никто безъ суда наказанъ быть не можетъ; b) никто не обязанъ отправлять личную службу по произволу другого, но по закону, опредѣляющему родъ службы по состояніямъ [3]; c) всякій можетъ пріобрѣтать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону; но пріобрѣтеніе собственности недвижимой населенной принадлежитъ извѣстнымъ только состояніямъ; d) ни-

---

[1] Интересно, что Сперанскій не создавалъ для конституціонныхъ законовъ особой формы ихъ обсужденія и утвержденія.

[2] Все вышесказанное показываетъ, что Сперанскій хотѣлъ обезпечить законодательному правленію обычныя права такихъ собраній и, особенно, чрезвычайно важное конституціонное право утвержденія государственной росписи.

[3] Пункты **a** и **b** давали, по мнѣнію Сперанскаго, личную свободу крѣпостнымъ крестьянамъ, а именно, пунктъ **a** давалъ имъ право общаго со всѣми остальными гражданами суда, избавляя отъ суда помѣщика, а пунктъ **b** отнималъ у помѣщиковъ право сдавать крестьянъ въ службу внѣ очереди.

кто не обязанъ отправлять вещественныхъ повинностей по произволу другого, но по закону или добровольнымъ условіямъ.

2) Права гражданскія особенныя: a) быть изъятымъ отъ общей очередной службы, но не быть однако-же свободнымъ отъ особенной службы, которая на извѣстныя состоянія особенно положена закономъ; b) имѣть право пріобрѣтать недвижимую собственность, но управлять ею не иначе, какъ по закону.

3) Права политическія, состоящія въ участіи въ силахъ государственныхъ: законодательной, судной и исполнительной. Права эти дѣлятся на 1) право избранія и 2) право представленія, или быть избраннымъ.

Такъ какъ «самое пріобрѣтеніе собственности въ обыкновенномъ порядкѣ предполагаетъ разумъ и трудолюбіе», и «въ общемъ исчисленіи человѣкъ, имѣющій собственность, по уваженію собственныхъ своихъ пользъ, болѣе пріемлетъ участія въ добротѣ закона и болѣе соединяетъ вѣроятностей къ правильному его усмотрѣнію, нежели человѣкъ безъ собственности или бобыль» (пролетарій), то Сперанскій и полагалъ, что «люди, имѣющіе собственность, всѣ безъ различія должны быть допускаемы къ участію въ правахъ политическихъ и къ участію въ выборахъ; наоборотъ, никто не можетъ быть допускаемъ, кто не имѣетъ недвижимой собственности или капиталовъ промышленности въ извѣстномъ количествѣ».

Кромѣ того не допускаются къ выборамъ, хотя бы и обладали собственностью, домашніе слуги, ремесленники, рабочіе и поденщики, такъ какъ они «по образу жизни и воспитанія не позволяютъ предполагать ни довольно разума, ни столько любочестія, чтобы допустить ихъ къ составленію закона [1]).

---

[1]) Предоставленіе активнаго и пассивнаго права только въ пользу собственниковъ, равно какъ и ограниченіе правъ рабочихъ, слугъ и т. п.,—заимствованы Сперанскимъ изъ Франціи 1791—1795 г. Подробно этотъ вопросъ разобранъ въ моей книгѣ „Entwürfe der Aenderung“ и т. д. стр. 107—115.

Если для права избирать требуется извѣстный уровень дохода, то онъ долженъ быть еще повышенъ для права быть избраннымъ [1]).

Согласно такому раздѣленію правъ, устанавливается 3 сословія:

a) Дворянство, пользующееся всей совокупностью гражданскихъ и политическихъ правъ (впрочемъ, послѣднихъ, не иначе, какъ на основаніи собственности). Дворянское званіе утрачивается: 1) по суду; 2) вступленіемъ въ классъ людей рабочихъ (!).

b) Среднее сословіе—изъ купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ и всѣхъ (свободныхъ) поселянъ, имѣющихъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ,—имѣетъ права гражданскія, но только общія, а не особенныя, и политическія по ихъ собственности.

c) Народъ рабочій, состоящій изъ всѣхъ помѣстныхъ крестьянъ, мастеровыхъ, работниковъ и домашнихъ слугъ, имѣетъ общія права гражданскія, но не имѣетъ правъ политическихъ [2]).

[1]) Высота имущественнаго ценза для выборовъ и права быть выбраннымъ—у Сперанскаго *не* опредѣлена.

[2]) Населеніе Россіи въ 1808—9 году равно было 41 милліону. Исключая отсюда всѣхъ женщинъ, а также населеніе Сибири, земли донскихъ казаковъ, а также казаковъ черноморскихъ, уральскихъ и Финляндіи—мы получимъ 18,822,422 человѣка. Въ эту группу не входятъ дворяне и привилегированныя сословія (не подлежавшія переписи). По сословіямъ эти 18 милліоновъ распредѣлялись такъ:

Купцы	124,828
Мѣщане и ремесленники	702,158
Государственные крестьяне	6,362,816
Удѣльные крестьяне	574,247
Крестьяне разн. учрежденій (школъ, монастырей и т. п.)	410,611
Крѣпостные крестьяне	10,444,642
Свободные крестьяне	203,140

(Цифры взяты у *Шницлера*, „Имперія царей", т. II, стр. 77).

Число избирателей оказалось-бы весьма небольшимъ, если вычесть всѣхъ недостигшихъ возрастнаго и имущественнаго ценза въ группахъ, имѣвшихъ право на участіе въ выборахъ (купцы, мѣщане,

Переходъ изъ низшаго сословія въ среднее открытъ всѣмъ, обладающимъ извѣстнымъ количествомъ собственности, а изъ средняго—въ дворянство (сперва личное)—посредствомъ службы.

Всѣ губерніи управляются на основаніи общихъ государственныхъ законовъ. Области-же (Сибирь, край Кавказскій и Астраханскій съ Грузіей, край Оренбургскій, земля донскихъ казаковъ, край Новороссійскій) управляются на особыхъ основаніяхъ.

Губернія дѣлится на округи, округъ на волости. Государственныя учрежденія располагались въ проектѣ по 4 степенямъ и по порядкамъ: законодательному, судебному и исполнительному—въ слѣдующемъ видѣ:

Учрежденія	ПОРЯДОКЪ		
	Законодательный	Судебный	Исполнительный
Центральныя государственныя	Государственная дума	Сенатъ изъ 2 уголовн. и 2 гражд. департ.	Министерство
Губернскія	Губернская дума	Судъ губернскій II-я инстанція	Губ. правительство и совѣтъ изъ депутатовъ
Окружныя	Окружная дума	Судъ окружный I-я инстанція	Управленіе окружное
Волостныя	Волостная дума	Судъ волостной	Управленіе волостное

свободные крестьяне). Кромѣ того, изъ 702,158 ч. мѣщанъ и *ремесленниковъ* нужно вычеркнуть всѣхъ послѣднихъ, равно какъ устранялись отъ выборовъ 11,429,500 чел. крестьянъ крѣпостныхъ удѣльныхъ и разныхъ учрежденій. Государственные крестьяне участвовали лишь въ выборѣ уполномоченныхъ въ волостную думу, а для выборовъ въ центральное законодательное учрежденіе были для нихъ четырехстепенные (!) выборы.

Въ каждомъ волостномъ городѣ или главномъ волостномъ селеніи каждые 3 года изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собраніе подъ названіемъ *волостной думы.* Казенныя селенія отъ каждаго пятисотнаго участка посылаютъ въ думу одного старшину. Эта дума избираетъ волостное правленіе, которое даетъ въ концѣ полномочій отчетъ думѣ, а также депутатовъ въ *думу окружную.* Послѣдняя, кромѣ выборовъ членовъ окружного совѣта и окружного суда, выбираетъ депутатовъ въ *губернскую думу,* и, наконецъ, губернская дума кромѣ членовъ губернскаго совѣта и губернскаго суда, выбираетъ депутатовъ въ государственную думу изъ обоихъ состояній, имѣющихъ политическія права. Такимъ образомъ, помимо чрезвычайнаго ограниченія числа избирателей имущественнымъ цензомъ, устанавливалась для всѣхъ избирателей для выбора въ законодательное учрежденіе подача голосовъ трехстепенная, а для свободныхъ крестьянъ даже четырехстепенная.

Кромѣ того, «всѣ губерніи въ отношеніи къ выборамъ раздѣляются на 5 классовъ, и выборы располагаются такъ, чтобы въ двухъ близко смежныхъ губерніяхъ никогда вмѣстѣ выборовъ не было и чтобъ въ десяти губерніяхъ ежегодно они совершались».

Нельзя сказать, чтобы *это* избирательное право страдало излишней довѣрчивостью къ народной массѣ [1]).

Государственная дума собирается по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно, въ сентябрѣ. Срокъ сессіи зависитъ отъ количества дѣлъ. Засѣданія думы могутъ быть отсрочены до будущаго года, при чемъ это совершается актомъ державной власти въ государственномъ совѣтѣ. Всѣ члены думы могутъ быть совершенно «уволены», но при этомъ въ актѣ «увольненія» должны

---

[1]) Несмотря на всѣ ограниченія избирательнаго права, Сперанскому все-же не удалось осуществить своего проекта, даже и въ такой формѣ. Ограниченія эти были сдѣланы въ видѣ компромисса съ требованіями императора.

быть обозначены новые члены, назначенные послѣдними выборами губернскихъ думъ. Кромѣ общаго увольненія члены думы могутъ быть лишены своего мѣста или благодаря смерти, или приговору верховнаго суда.

О законодательныхъ правахъ думы сказано раньше.

Судебная власть была предоставлена въ первыхъ трехъ инстанціяхъ лицамъ выборнымъ. Даже и въ высшей инстанціи, въ сенатѣ, державная власть назначала членовъ не иначе, какъ изъ числа лицъ, внесенныхъ по выборамъ губернскихъ думъ въ государственный избирательный списокъ. Державная власть наблюдаетъ за исполненіемъ формъ и обрядовъ чрезъ предсѣдателей, которые въ двухъ низшихъ инстанціяхъ были выборные, но утверждались въ первой—министромъ, а во второй—государственнымъ совѣтомъ. въ сенатѣ-же назначались державной властью изъ кандидатовъ, выбранныхъ самимъ сенатомъ. Законъ долженъ былъ опредѣлить, какія дѣла подлежатъ суду присяжныхъ.

Министры отвѣтствовали предъ государственной думой, по постановленію которой они подлежали *верховному суду* изъ [1] з всѣхъ сенаторовъ, изъ всѣхъ членовъ государственнаго совѣта, изъ всѣхъ министровъ и изъ извѣстнаго числа депутатовъ государственной думы. Обязанности прокурора исполнялъ при этомъ министръ юстиціи.

Надъ всей этой стройной системой долженъ былъ стать государственный совѣтъ—учрежденіе, «въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются».

«Всѣ законы, уставы и учрежденія въ первыхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ».

Уставы и учрежденія и ихъ дополненія, выходящіе изъ совѣта, по высочайшемъ ихъ утвержденіи имѣютъ

форму манифестовъ, во вступленіи которыхъ значится: «*Внявъ* мнѣнію государственнаго совѣта, повелѣваемъ или учреждаемъ»...

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ. конституціонный проектъ Сперанскаго [1].

Планъ былъ тщательно разсмотрѣнъ и одобренъ имп. Александромъ, и было рѣшено привести его въ исполненіе. Было предположено 1 янв. 1810 г. открыть государственный совѣтъ въ новомъ видѣ; къ 1 мая того-же года закончить преобразованіе исполнительной части; 1 мая манифестомъ, подобнымъ тому, коимъ собрана была екатерининская комиссія 1767 г., назначить выборъ депутатовъ въ государственную думу подъ предлогомъ разсмотрѣнія гражданскаго уложенія, опредѣливъ срокъ ихъ сбора на 15 августа. 1-го сентября открыть государственную думу. Начавъ дѣйствія ея съ гражданскаго уложенія, испытать и подготовить извѣстнымъ образомъ депутатовъ, и если не встрѣтится какихъ-либо непреоборимыхъ препятствій, предложить имъ государственное уложеніе, признаніе котораго и утвердить общею присягой

Далѣе предполагалось, что когда, такимъ образомъ, дума займетъ мѣсто, предназначенное ей въ государственномъ порядкѣ, то приступить и къ судебной части.

Такимъ образомъ,—выражалъ надежду Сперанскій, «къ 1811 году Россія воспріемлетъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится».

Предстоявшее преобразованіе государственнаго совѣта было подготовлено съ чрезвычайной таинственностью. 1 янв. 1810 г. новый совѣтъ (государственнымъ секретаремъ его былъ Сперанскій) былъ открытъ въ торжественномъ засѣданіи рѣчью имп. Александра, въ которой было заявлено о его всегдашнемъ желаніи «утвердить благосостояніе имперіи на законѣ, а законъ неподвиженъ

[1]) Подробный разборъ и общія заключенія по поводу этой конституціи см. въ моей гейдельбергской диссертаціи, стр. 135—144.

на постановленіяхъ. Бытіе вновь учреждаемаго для этой цѣли совѣта—средоточія всѣхъ высшихъ дѣлъ управленія—станетъ на чредѣ установленій *непремѣнныхъ* и къ *самому существу* имперіи *принадлежащихъ*». Его задачей будетъ «установить порядки и оградить имперію добрыми законами».

Манифестъ отъ того-же числа (1 янв. 1810. П. С. З. № 24064) говорилъ, что «истинный разумъ всѣхъ усовершеній государственнаго устройства состоялъ въ Россіи до сихъ поръ въ томъ, чтобы по мѣрѣ просвѣщенія и расширенія общественныхъ дѣлъ учреждать постепенно образъ правленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона».... «Но законы гражданскіе,—продолжалъ манифестъ,—безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды». Упомянувъ о приготовляемомъ изданіи гражданскаго уложенія, императоръ обѣщалъ «по примѣрамъ древняго отечественнаго нашего законодательства, назначить порядокъ, коимъ уложеніе сіе *совокупнымъ разсмотрѣніемъ избраннѣйшихъ сословій* имѣетъ быть уважено» (т. е. обсуждено) «и достигнетъ своего совершенства».

Примѣры «древняго отечественнаго законодательства» были, очевидно,—земскіе соборы московской Руси и комиссія 1767 г. Этими словами о примѣрѣ прошлаго и объ «избраннѣйшихъ сословіяхъ» императоръ выполнялъ часть плана реформъ, заранѣе намѣченнаго и разработаннаго Сперанскимъ, какъ это выше упомянуто.

Правда, уже въ текстъ коренныхъ законовъ государственнаго совѣта были внесены серьезныя измѣненія, сравнительно съ проектомъ Сперанскаго; такъ, совѣтъ названъ сословіемъ (учрежденіемъ), въ коемъ соображаются всѣ части управленія въ ихъ отношеніи къ законодательству [1]). Однако, еще можно было предполагать, что реформа осуществится, такъ какъ въ общемъ обнародованное «образованіе государственнаго совѣта» 1810 г. бы-

[1]) Сравни вышеприведенную статью проекта.

ло сходно съ проектомъ: такъ, совѣту должны были подаваться отчеты всѣхъ министерствъ [1]); ему подлежали общія внутреннія мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ [2]). объявленіе войны, заключеніе мира [3]) и т. п. Въ коренные законы совѣта вошла и формула:—«Внявъ мнѣнію совѣта»,—которая явно ограничивала монарха, обязывая его присоединиться къ мнѣнію большинства [4]).

Такъ или иначе. но первый шагъ былъ сдѣланъ; нужно было итти дальше. Однако, тутъ начались колебанія. «Свѣтлый умъ Александра постигъ»,—говоритъ бар. Корфъ,—«что неизмѣримо легче было написать, чѣмъ осуществить написанное». Примѣняясь къ этому, Сперанскій разсрочилъ введеніе конституціи на періоды, выше означенные. Тѣмъ не менѣе. онъ былъ увѣренъ въ осуществленіи реформы. «Однимъ симъ учрежденіемъ (совѣта),—писалъ онъ въ отчетѣ государю [5]) за 1810 г.,- сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ *истиннымъ формамъ монархическимъ*... Тѣ, кои не знаютъ связи и *истиннаго* мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ *намѣреніяхъ* Вашихъ, не могутъ чувствовать его важности.

Они ищутъ тамъ *конца*, гдѣ полагается еще только *начало*; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню».... По мѣрѣ успѣха въ *прочихъ политическихъ* установленіяхъ» и совѣтъ самъ собою «исправится и усовершится».

[1]) Совѣту не только не удалось контролировать министровъ, но, наоборотъ, вскорѣ уже комитетъ министровъ отнялъ у совѣта значеніе и власть законодательнаго публичнаго учрежденія.

[2]) Этимъ правомъ совѣту не пришлось никогда воспользоваться

[3]) Вопросъ о мирѣ былъ *лишь* однажды (1812 г.) порученъ совѣту.

[4]) Такъ какъ проектъ Сперанскаго не осуществился, то формула эта странно и непонятно звучала въ актахъ самодержавнаго государя. Черезъ 2½ года ее почти перестали употреблять, а 15 апр. 1842 г. имп. Николай приказалъ вычеркнуть ее и изъ Свода законовъ. См. *Щегловъ*. Госуд. Совѣтъ при Алекс. I, 478—491. *Коркуновъ*, Русское госуд. право, т. II, 1903, стр. 71—79.

[5]) *Корфъ*, стр. 120—121, гл. I.

Сообразно съ этими своими надеждами Сперанскій разрабатывалъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ. но плану его въ этомъ отношеніи не суждено было осуществиться. Впрочемъ, имъ совершена была реорганизація министерствъ въ 1811 г. Другой планъ, которымъ онъ занимался въ періодъ 1810—12 г., былъ планъ преобразованія судебной части и сената.

Сперанскій предлагалъ раздѣлить сенатъ. согласно своему проекту 1803 г., на 2 части сенатъ правительствующій и судебный. Первый изъ нихъ—сенатъ правительствующій, состоялъ изъ министровъ, ихъ товарищей и главноуправляющихъ отдѣльными частями (§ 11 проекта). Все, что въ порядкѣ исполнительномъ превышаетъ границы власти отдѣльнаго министра, подлежитъ уваженію правительствующаго сената. Сенатъ имѣетъ право издавать административныя распоряженія, но законы, уставы и проч. оставались въ рукахъ законодательной власти. (§ 133). Сенатъ судебный—высшее судебное мѣсто имперіи -составляется изъ назначенныхъ и *выбранныхъ* сенаторовъ. Послѣдніе избираются дворянствомъ и вносятся въ списки кандидатовъ, изъ числа коихъ монархъ назначаетъ сенаторовъ. (§ 32—34). Самый сенатъ (судебный) долженъ былъ засѣдать въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ. Этотъ проектъ [1]) не осуществился, хотя и былъ одобренъ совѣтомъ и утвержденъ государемъ. При разработкѣ проекта было высказано [2]), что «назначеніе части сенаторовъ *по выбору* противно разуму самодержавнаго правленія», къ тому-же выборы будутъ проходить подъ давленіемъ вліятельныхъ лицъ.

Всѣ преобразовательные планы и дѣятельность Сперанскаго были прерваны внезапной ссылкой его въ Нижній-Новгородъ, а затѣмъ въ Пермь [3]). Событіе это (12 мар.

---

[1]) См. *Шильдеръ*, т. III, прилож.

[2]) *Корфъ*, 129.

[3]) Подробности о ссылкѣ см. у *Шильдера*, т. III, также *Пыпинъ*, назв. соч.

1812 г.) было слѣдствіемъ сложной интриги противъ Сперанскаго. Отбрасывая всѣ привходящіе мотивы личной ненависти къ нему разныхъ его враговъ, мы должны признать, что его паденіе было слѣдствіемъ его преобразовательной дѣятельности. Объ этомъ Сперанскій написалъ [1]) немедленно-же изъ Нижняго-Новгорода Александру I: «Этотъ трудъ (проектъ конституціи) есть единственный и первый источникъ всего, что произошло со мною»...

Онъ просилъ также Александра сохранить въ цѣлости его проекты, которымъ онъ придавалъ большое значеніе и высказывалъ надежду, что Александръ еще возвратится къ прежнимъ своимъ идеямъ о представительномъ правленіи. Сперанскаго свалили не столько личные враги его, сколько давленіе на государя со стороны сплоченной массы дворянства и придворныхъ, ненавидѣвшихъ Сперанскаго за его дѣятельность. Изданные, по его иниціативѣ, указы 3 апр. 1809 г.—о томъ, что придворные чины не даютъ правъ по службѣ, если не соединяются они съ дѣйствительной службой (не поступившіе на службу—были уволены) [2]), и—отъ 9 авг. 1809 г. о томъ, что извѣстные чины могутъ быть получены не по выслугѣ лѣтъ, а лишь по выдержаніи испытанія по программѣ университета, указы эти вызвали взрывъ негодованія въ заинтересованныхъ сферахъ.

Вмѣстѣ со Сперанскимъ, удаленнымъ сплоченной реак-

---

[1]) *Шильдеръ*, т. III, приложенія (на франц. яз.). Того же мнѣнія были и заграничные представители при русскомъ дворѣ, см. *Шильдера*, т. III, въ текстѣ.

[2]) „Вся аристократія наша вздрогнула—пишетъ б. Корфъ",—отъ столь дерзновеннаго прикосновенія къ тому, что она привыкла считать стариннымъ своимъ *правомъ*, и цѣлыми родами возстала противъ нововводителя, котораго послѣ такой неслыханной *наглости* нельзя было не признавать человѣкомъ *самымъ опаснымъ* стр. 174. ц. с.

ціонной дворянско-чиновничьей массой [1]), исчезаютъ на нѣкоторое время и конституціонные проекты.

Къ тому-же и войны 1812—1814 г.г. препятствовали занятіямъ Александра внутренними дѣлами.

Тѣмъ не менѣе, императоръ постоянно возвращается къ своей платонической идеѣ ограниченія власти. Въ 1815 г. онъ высказывается за конституціонное устройство Царства Польскаго, въ 1814 г. настаиваетъ на конституціонномъ устройствѣ Франціи послѣ возстановленія Бурбоновъ и на дарованіи конституціи въ великомъ герцогствѣ баденскомъ (1818 г.).

Крайне интересенъ разговоръ его съ лордомъ Грей (въ Лондонѣ, въ 1815 г.) [2]), которому онъ заявилъ, что желалъ-бы создать въ Россіи оппозицію на англійскій ладъ. Лордъ Грей замѣтилъ по этому поводу, что для этого стоитъ ввести только представительныя учрежденія, а ужъ тамъ оппозиція будетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣвался въ возможности конституціоннаго устройства въ тогдашней Россіи.

Въ томъ же 1815 г., присоединивъ Польшу, имп. Александръ даровалъ ей свободу печати и конституцію, на основаніи которой съ монархомъ раздѣляли законодательную власть: сенатъ—изъ членовъ пожизненно назна-

[1]) Отношеніе дворянства къ дѣятельности Сперанскаго нашло себѣ блестящее выраженіе въ знаменитой „Запискѣ о древней и новой Россіи", поданной Карамзинымъ въ 1811 г. Александру. „Самодержавіе основало и воскресило Россію",—заявлялъ Карамзинъ.— „съ перемѣною государственнаго устава ея она должна погибнуть"... „Не нужно намъ конституціи, дайте только 50 добродѣтельныхъ губернаторовъ, и все пойдетъ хорошо". Карамзинъ утверждалъ даже, что государь не имѣетъ права ограничить свою власть, потому что Россія вручила его предку самодержавіе нераздѣльно.

Разборъ записки см. у *Пыпина*, ц. соч., 216—260. Тамъ-же библіографія о „Запискѣ".

[2]) Меттернихъ, Memoires, т. I, 325.

чаемыхъ государемъ, и камера депутатовъ, избираемыхъ дворянствомъ и городскими общинами [1]).

Между тѣмъ Сперанскій, переведенный изъ Перми въ свою деревню все еще продолжалъ думать надъ своимъ планомъ преобразованія Россіи. Вопреки тому, что онъ высказывалъ о развитіи аристократіи, какъ явленіи нежелательномъ, онъ сталъ склоняться къ мысли о томъ, чтобы именно сильная и могущественная аристократія послужила опорой политической свободы въ Россіи.

ГЛАВА X.

Новый проектъ Сперанскаго, относящійся приблизительно къ 1813 г., состоялъ изъ 2 частей: введенія, заимствованнаго изъ проекта 1809 г., и самаго «проекта конституціонной организаціи государства» [2]). Онъ былъ созданъ подъ вліяніемъ Монтескье, утверждающаго, что безъ аристократіи нѣтъ истинной монархіи [3]).

Авторъ начиналъ съ установленія принциповъ, что: 1) «никакое правительство не можетъ быть законно, если

---

[1]) Въ депутаты могъ быть избираемъ каждый платящій 15 руб. сер. податей, по достиженіи 30 л. возраста. Избирателями могли быть всѣ достигшіе 21 г. собственники, ксендзы, профессора и учителя въ общественныхъ заведеніяхъ, извѣстные ученые и артисты. Сеймъ долженъ былъ созываться каждые 2 года на 30 дней для обсужденія предлагаемыхъ правительствомъ законопроектовъ; проекты, принятые обѣими камерами (т. е. сенатомъ и посольской избой), представлялись на утвержденіе государя. Пять отвѣтственныхъ министровъ подъ предсѣдательствомъ царскаго намѣстника составляли совѣтъ управленія. Государственный бюджетъ, составленный совѣтомъ управленія и утвержденный государемъ, долженъ былъ имѣть силу, пока правительство не предложитъ новый. Посольская изба составлялась изъ 77 пословъ, выбранныхъ на шляхетскихъ сеймикахъ по одному отъ уѣзда (повѣта) и изъ 51 депутата отъ гминъ, т. е. общинъ.

[2]) Онъ былъ напечатанъ Н. Тургеневымъ, есть также въ передачѣ и у *Пыпина*, ц. соч. стр. 153 и сл.

[3]) Духъ законовъ, кн. II, гл. IV: „Point de monarque, point de noblesse; point de noblesse, point de monarque". Mais on a un despote.

оно не основано на волѣ страны...; 4) источникъ всякой власти есть государство, страна; 5) всякое правительство существуетъ на извѣстныхъ условіяхъ, и законно только до тѣхъ поръ, пока исполняетъ эти условія».

«Въ дѣтствѣ обществъ форма правленія могла быть только деспотическая».... Но затѣмъ, когда патріархальность исчезла изъ отношеній монарха къ народу, «найдено было необходимымъ прибавить спеціальныя правила, опредѣлить болѣе строго предметъ желаній народа. Эти правила названы были *основными законами* страны, и ихъ совокупность - *конституціей*. Правленіе, устроенное такимъ образомъ, можетъ быть или ограниченная монархія или ограниченная аристократія».

«Отсюда слѣдуетъ: 1) что основные законы государства должны быть дѣломъ націи; 2) что основные законы государства полагаютъ границы абсолютной власти»....

«Внѣшняя форма правленія не имѣетъ никакой важности; дѣйствительную важность имѣетъ только форма внутренняя».

«Тотъ, кто захотѣлъ-бы судить о Россіи по внѣшней формѣ правленія... сказалъ-бы, что она имѣетъ правленіе монархическое, однако-же это далеко не такъ».

О внутренней формѣ правленія Сперанскій говорилъ:

«Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно основываться на общей волѣ народа. Сила можетъ быть ограничена только силой... Власть правительства можетъ быть ограничена только властью народа. Обѣ эти власти имѣютъ одинъ и тотъ-же источникъ, такъ какъ правительство не можетъ имѣть иной власти, какъ та, которую вручилъ ему народъ».

Такъ какъ весь народъ въ цѣлости не можетъ блюсти за тѣмъ, чтобы правительство оставалось въ предѣлахъ, предписанныхъ закономъ, то необходимо, чтобы было сословіе, которое, становясь между нимъ и правительствомъ, было достаточно просвѣщенно, чтобы понимать, какіе должны быть истинные предѣлы власти, достаточно неза-

висимо, чтобы не бояться ея, и достаточно связано интересами съ народомъ, чтобы никогда не имѣть покушенія измѣнить ему».

Поэтому Сперанскій проектировалъ раздѣлить народонаселеніе на 2 класса: аристократію и низшій классъ:

1) «Народъ состоитъ изъ всего того, что не входитъ въ аристократію. Дѣти перваго государственнаго сановника, кромѣ старшаго, принадлежатъ къ народу.

2) Никакой классъ народа не можетъ имѣть исключительныхъ правъ на владѣніе той или другой собственностью; но всѣ граждане должны имѣть пользованіе тѣмъ что они пріобрѣтаютъ.

3) Народъ долженъ участвовать въ составленіи законовъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ.

4) Народъ довѣряетъ аристократіи блюсти за исполненіемъ законовъ, такъ какъ она обязана представлять его.

5) Всякая собственность народа наслѣдственна, но должности его избирательны.

6) Никто не долженъ быть судимъ иначе, какъ своими равными»....

«Ничто не помѣшало-бы правительству отдѣлить три или четыре первые класса нынѣшней дворянской іерархіи отъ остального дворянства и начать съ установленія для этихъ четырехъ классовъ первородства»....

«Нынѣшнее мелкое дворянство,—предполагалъ смѣло Сперанскій,—также не будетъ имѣть разумнаго основанія жаловаться на такую реформу»...

«То-же (учредительное) народное собраніе, которое созвано будетъ для изготовленія законовъ, положитъ и первыя основанія этого раздѣленія. Это раздѣленіе будетъ съ самаго начала указано распоряженіями, которыя будутъ приняты для созыва собранія и въ которыхъ сказано будетъ, что дворяне, принадлежащіе къ первымъ четыремъ классамъ, составятъ особую палату, а остальное дворянство будетъ засѣдать съ депутатами отъ народа. Среди работъ собранія первой палатѣ предложено

будетъ возстановить древній законъ Петра I о первородствѣ, ограничивая его примѣненіе высшимъ классомъ; *вторая палата,—думалъ Сперанскій,*—*не будетъ имѣть повода возражать, такъ какъ этотъ законъ не будетъ прямо къ ней относиться.* Въ то же время будетъ предложенъ законъ въ томъ смыслѣ, что за исключеніемъ первыхъ 4 классовъ не будетъ больше классовъ или номинальныхъ степеней.

«Весь русскій народъ будетъ обладать тѣми-же правами, какъ дворянство».

Такимъ образомъ, въ новомъ проектѣ Сперанскій предполагалъ 2 палаты, вмѣсто одной, при чемъ на аристократію возлагалъ онъ охрану законовъ отъ верховной власти.

Онъ видѣлъ, что дворянство той эпохи являлось единственной общественной группой, которая-бы могла сознательно участвовать въ управленіи государствомъ.

Удивительно, что этотъ проектъ долго смѣшивали съ проектомъ 1809 г., съ которымъ у него мало общаго.

Въ 1809 г. Сперанскій дѣлилъ народъ на 3 сословія, въ 1813 на 2. Въ 1809 г. представительство принадлежало лишь собственникамъ, въ 1813—дворянству и народу, каждому отдѣльно, при чемъ низшее дворянство, не выслужившееся до первыхъ 4 высшихъ чиновъ, присоединялось всецѣло къ народу. Сомнительно, конечно, чтобы вся масса дворянства согласилась лишиться своихъ привилегій и слиться съ остальнымъ народомъ. Правда, Сперанскій предоставлялъ дворянамъ владѣніе крѣпостными, но лишь временно, такъ какъ, по мнѣнію Сперанскаго, «какія-бы трудности ни могло представить особожденіе, крѣпостное рабство есть вещь, столь противорѣчащая здравому смыслу, что его нельзя считать иначе, какъ временнымъ зломъ, которое неминуемо должно имѣть свой конецъ».

Неизвѣстно, былъ-ли представленъ этотъ проектъ

императору, но все говоритъ за то, что онъ остался неизвѣстенъ Александру I.

Къ области проектовъ, стремившихся создать конституціонный строй на основѣ могущественной аристократіи относится проектъ [1]) адмирала Мордвинова, который проектировалъ раздать населенныя казенныя земли знатнѣйшимъ русскимъ фамиліямъ. Основныя черты государственнаго устройства представлялись Мордвинову въ слѣдующемъ видѣ: создается «Государственная Дума» (или «Дума Вельможъ» или «Верховная Палата»), первый составъ которой назначается государемъ, но затѣмъ достоинство члена Думы становится наслѣдственнымъ въ родѣ каждаго члена Думы и переходитъ по наслѣдству къ старшему сыну. Каждый «вельможа», т. е. членъ Думы, при пожалованіи въ это достоинство получитъ изъ казенныхъ имуществъ не менѣе 10,000 душъ крестьянъ. Такъ какъ личный составъ Думы онъ предполагалъ въ 50 членовъ, то всего для раздачи вельможамъ потребовалось-бы 500,000 душъ. Имѣніе, присвоенное члену Думы, переходитъ по наслѣдству къ старшему сыну, который впрочемъ можетъ занять въ Думѣ мѣсто отца лишь по достиженіи совершеннолѣтія. Эти имѣнія, принадлежащія «вельможамъ», не могутъ быть ни проданы, ни подарены, ни заложены, а переходятъ по наслѣдству къ старшему сыну, а если нѣтъ дѣтей мужскаго пола, обращаются въ казну. Мордвиновъ полагалъ, что эта палата лордовъ или пэровъ была-бы «могущественнымъ элементомъ для утвержденія конституціи».

Въ 1815 г. Польша получила конституцію, а въ 1818 году 15-го марта, открывая сеймъ въ Варшавѣ, императоръ Александръ сказалъ рѣчь, въ которой одно мѣсто обратило на себя общее вниманіе.

---

[1]) См. кн. „Крестьянскій строй“, 1905, ст. В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в., стр. 176—177.

Имп. Александръ сказалъ [1]):

«Образованіе», (*т. е. организація*), «существовавшее въ вашемъ краю, дозволило мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законо-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе, надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя.—Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости».

Рѣчь эта, прямо обѣщавшая введеніе конституціи въ Россіи и открывавшая даже неосвѣдомленнымъ ранѣе лицамъ давнишнія конституціонныя намѣренія имп. Александра, произвела громадное впечатлѣніе въ Россіи [2]).

---

[1]) См. рѣчь эту у *Шильдера*, т. IV; *Богдановича*, т. V, прил., стр. 78; *Пыпина*, 357. Въ Россіи впервые она появилась въ „СПБ Вѣдом.", 1818 № 226, въ переводѣ съ французскаго, сдѣланномъ кн. П. Вяземскимъ. Нужно замѣтить, что въ рѣчи этой слова constitution (конституція) и institutions liberales (либеральныя учрежденія) переведены, какъ „государственное уложеніе" и „законо-свободныя учрежденія" самимъ имп. Александромъ. (См. полн. собр. сочин кн. Вяземскаго СПБ. 1878. т. I, XXXV, Автобіогр. введеніе).

[2]) Объ этомъ есть цѣлый рядъ свѣдѣній. „Рѣчь возбудила неописанный восторгъ во всей мыслящей молодежи". („Р. Стар.", 1873, т. VIII, стр. 109). Карамзинъ писалъ Дмитріеву. „Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые". (8 апр. 1818 г.). „Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ, начинаютъ и писать"... Въ одной запискѣ о внутреннемъ управленіи Россіи, представленной императору въ 1818 г., неизвѣстный авторъ говоритъ: „Многіе внутри государства..., справедливо восхищаясь благими намѣреніями Гос. Императора на сеймѣ варшавскомъ изъявленными, заключаютъ, что блаженство наше основано быть должно на тѣхъ конституціонныхъ правилахъ, кои нѣкоторымъ образомъ Его Имп. Величествомъ обѣщаны были". (Сборн. истор. матеріал., извлеченныхъ изъ архива Собств. Его Вел. Канцеляріи, вып. VII, СПБ. 1895, стр. 116). Про-

Эта рѣчь пробудила цѣлый рядъ надеждъ въ средѣ всѣхъ образованныхъ лицъ, такъ что лица, которыя черезъ семь лѣтъ были привлечены (въ дѣлѣ декабристовъ) къ отвѣтственности за свои конституціонныя стремленія, полагали, что объединеніе ихъ въ политическое общество (Союзъ Благоденствія) «опиралось также на обѣтахъ власти, которой гласное изъявленіе имѣетъ силу закона въ самодержавномъ правленіи» [1]).

Сперанскій, который въ это время былъ возвращенъ уже на службу, хотя всего только на должность губернатора (съ 30 авг. 1816 г., въ Пензѣ), писалъ [2]) по поводу Варшавской рѣчи Столыпину, что многими, а особенно

...фессоръ Куницынъ въ „Сынѣ Отечества" № 18 (отъ 3 мая 1818 г.) помѣстилъ статью „О конституціи", въ которой онъ высказывался въ пользу представительнаго образа правленія, опираясь на рѣчь 15 марта 1818 г. „Несчастные опыты Франціи, писалъ онъ, въ преобразованіи своего правительства самое слово конституція сдѣлали страшнымъ, ибо съ понятіемъ онаго начали совокуплять понятіе о бунтахъ, объ испровержении властей законныхъ" и т. п. Говоря о дарованіи Польшѣ конституціи Куницынъ сочувственно цитировалъ слова варшавской рѣчи имп. Александра: „Законосвободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ... не суть мечты опасныя, но напротивъ такія установленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ и ...утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ"... (Цит. по ст. Семевскаго, „Ист. Обозр." т. IX, 273—4. прим.). Впрочемъ, 14 мая того-же года цензура разъяснила, что „обо всемъ касающемся правительства можно писать только по волѣ самого правительства..; частнымъ-же лицамъ не слѣдуетъ писать о политическихъ предметахъ *ни за, ни противъ*"....

[1]) Книга Н. Тургенева т. I, стр. 84. Тамъ-же о впечатлѣніи рѣчи на военную молодежь. Стр. 83—84. „Были люди, которые отбросивъ въ сторону самолюбіе и плохо понимаемое чувство національности искренно радовались намѣреніямъ государя, хотя въ тоже время не находили лестнымъ, что ихъ страна считается менѣе созрѣвшей для свободы, чѣмъ Польша"... (Ibid).

[2]) Письмо отъ 2 мая 1818 г. „Русск. Архивъ", 1869 стр. 1697.

крестьянами, она была понята, какъ обѣщаніе освободить крестьянъ отъ крѣпостного права. Сперанскій подчеркивалъ, что, несомнѣнно, слова государя относились къ свободѣ *политической*, а не гражданской. Послѣдняя-же *можетъ быть*, или по крайней мѣрѣ, *должна быть* отдаленнымъ и постепеннымъ послѣдствіемъ политической свободы». Въ письмѣ отъ того-же числа онъ задавалъ вопросъ: «Кто метётъ лѣстницу снизу? Очистите административную часть, затѣмъ перейдите къ основанію конституціонныхъ законовъ, т. е. къ *свободѣ политической*, а уже затѣмъ и постепенно вы придете къ вопросу о *свободѣ гражданской*, т. е. освобожденію крестьянъ. Вотъ настоящій порядокъ хода дѣлъ».... [1]). Для выработки новаго уложенія, т. е. конституціи Сперанскій считалъ необходимымъ образованіе комитета изъ министра финансовъ, двухъ—трехъ губернаторовъ, (въ томъ числѣ и его) и двухъ—трехъ губернскихъ предводителей дворянства.

Но Сперанскому пришлось, вмѣсто составленія новаго проекта конституціи, отправиться въ Сибирь, правда, генералъ-губернаторомъ. Составленіе-же конституціи поручено было имп. Александромъ I, во время пребыванія его въ мартѣ 1818 г. въ Варшавѣ, его другу первыхъ лѣтъ царствованія, бывшему въ то время императорскимъ комиссаромъ въ Польшѣ, Н. Н. Новосильцову, который, какъ мы знаемъ, еще въ 1804—5 г. работалъ по тому-же вопросу [2]). Проектъ имъ вырабатывался совмѣстно съ

---

[1]) „Рус. Архивъ", 1869 г. 1703 стр.

[2]) См. *Шильдеръ*, т. IV, 150—152; *Н. Тургеневъ*, т. I, 93—4. Нѣмец. текст. т. I, 61; полн. собр. соч. кн. П. Вяземскаго, т. I, XXXV и сл. и т. II, стр. 86—87. Лѣтомъ 1819 г. въ разговорѣ съ кн. Вяземскимъ имп. Александръ I „коснулся также предположеній своихъ относительно будущаго государственнаго устройства Россіи" Государь сказалъ, что знаетъ участіе Вяземскаго „въ редакціи проекта русской конституціи, что доволенъ этимъ трудомъ, что привезетъ съ собой доставленныя бумаги въ Варшаву и сообщитъ политическія свои замѣчанія Новосильцеву, что онъ надѣется привести *непремѣнно* это дѣло къ желанному окончанію, что на эту пору одинъ недо-

французскимъ юристомъ и публицистомъ Дэшанъ (Deschampes) и написанъ былъ первоначально по французски; переводъ на русскій языкъ порученъ былъ кн. П. А. Вяземскому; по мѣрѣ изготовленія различныхъ частей проекта Новосильцовъ передавалъ ихъ на утвержденіе государя [1]).

Первоначальная редакція этого проекта была готова въ 1819 г. и 16 окт. н. ст. того-же года государь просмотрѣлъ и одобрилъ основанія, на которыхъ долженъ былъ быть построенъ весь проектъ. Предполагалось, что вся работа будетъ кончена черезъ 2 мѣсяца. Однако, это предположеніе не осуществилось (быть можетъ, вслѣдствіе смерти Дэшана) и окончательный видъ проектъ получилъ лишь позже [2]). Проектъ вырабатывался въ такой

статокъ въ деньгахъ, потребныхъ для подобнаго государственнаго оборота, замедляетъ приведеніе въ дѣйствіе мысли для него священной, что онъ знаетъ, сколько преобразованіе сіе встрѣтитъ затрудненій, препятствій и противорѣчій въ людяхъ, коихъ предубѣжденія, легкомысліе приписываютъ симъ политическимъ правиламъ многія бѣдственныя событія современныя, когда, при безпристрастнѣйшемъ изслѣдованіи, люди сіи легко могли-бы убѣдиться, что безпорядки проистекаютъ отъ причинъ совершенно постороннихъ". Вяземскій, который въ „Исповѣди" своей говоритъ, что онъ былъ преданъ „началамъ законной свободы, началамъ конституціоннаго монархическаго правленія" замѣчаетъ по поводу этихъ словъ государя: „Предоставляю судить, какими сѣменами должны быть подобныя слова оплодотворить сердце, уже раскрытое къ политическимъ надеждамъ, которыя съ того времени освятились для меня самою державною властью"...

[1]) Любопытно замѣчаніе Вяземскаго, что „Дэшанъ набилъ себѣ руку во Франціи въ изготовленіи и редакціи подобныхъ проектовъ и писалъ ихъ, такъ сказать, прямо набѣло".

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ первоначальномъ проектѣ были сообщены прусскимъ консуломъ въ Варшавѣ Шмидтомъ своему министру иностр. дѣлъ гр. Бернсторфу 27 окт. 1819 г. при чемъ Шмидтъ называетъ проектъ—„Précis de la charte constitutionelle pour l'empire Russe. Онъ извлеченъ проф. берлин. унив. Т. Шиманомъ изъ тайнаго госуд. архива (Rep. I, Russie, 71) и опубликованъ въ „Historische Zeitschrift" hrsgb. von Sybel, Band 72 (36), I Heft, Th. **Schiemann**. „Eine Konstitution für Russland vom Jahre 1819", стр. 65 и сл.

тайнѣ, что в. к. цесаревичъ Константинъ Павловичъ, бывшій въ Польшѣ начальникомъ всѣхъ войскъ, не зналъ ничего о проектѣ. Первоначальный проектъ вкратцѣ устанавливалъ основы территоріальнаго дѣленія имперіи, власти государя, законодательства, управленія и части судебной, и вошелъ почти цѣликомъ въ окончательный текстъ проекта. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію самаго проекта, получившаго названіе «Государственная Уставная Грамота Россійской имперіи», должно упомянуть, что еще въ 1820 г., несмотря на начавшуюся уже общеевропейскую реакцію, такъ сильно отразившуюся на имп. Александрѣ, онъ, какъ это было извѣстно вѣнскому двору по свѣдѣніямъ изъ Берлина, все еще думалъ о введеніи въ Россіи конституціи по проекту Новосильцова [1]).

Любопытно также, что при разсмотрѣніи проекта Новосильцова, имп. Александръ, по поводу главы о томъ, что члены народнаго собранія избираются народомъ, спросилъ Новосильцова, можетъ-ли быть, что такимъ образомъ депутатомъ окажется лицо ему неугодное, «напримѣръ, Ник. П. Панинъ» [2]), и на утвердительный отвѣтъ Новосильцова заявилъ, что онъ подобнаго порядка не желаетъ. Статья была измѣнена немедленно въ томъ смыслѣ, что избирателямъ предоставляется предлагать государю трехъ кандидатовъ, одного изъ которыхъ государь утверждаетъ [3]).

Впервые проектъ Новосильцова сталъ извѣстенъ въ 1831 г., когда временное варшавское революціонное правительство нашло его въ бумагахъ Новосильцова [4]) и напе-

[1]) По изслѣдованію проф. Штернъ изъ Цюриха. См. *Шиманъ*, Государств. Уст. Грамота, 1903, стр. 2, предисл.

[2]) Н. П. Панинъ былъ, какъ извѣстно, участникомъ заговора 11 марта 1801 г. на жизнь имп. Павла I.

[3]) Н. Тургеневъ, т. I, стр. 94. Оцѣнка этого параграфа сдѣлана Шиманомъ въ „Historische Zeitschrift“ Bd. 72, I—Heft, стр. 69.

[4]) Первое изданіе: Charte constitutionelle de l'Empire de Russie Varsovie. 1831 и по русски „Государственная уставная грамота Россій-

чатало по-русски и по-франц., перепечатанный затѣмъ много разъ, проектъ этотъ въ настоящее время довольно широко извѣстенъ. Сущность его заключается въ слѣдующемъ.

Въ первой главѣ излагалось раздѣленіе имперіи на области, изъ нѣсколькихъ губерній каждая;—каждой области, получавшей названіе намѣстничества, на губерніи,—губерній—на уѣзды, уѣздовъ на волости. Столицы съ ихъ губерніями были исключены изъ этого дѣленія, и выдѣлялись въ особыя территоріальныя единицы (§ 1—8).

Во второй главѣ (о правленіи имперіи) устанавливалось, что державная власть нераздѣльна и принадлежитъ особѣ монарха; монархъ есть единственный источникъ всѣхъ властей гражданскихъ, политическихъ, законодательныхъ и военныхъ; онъ осуществляетъ всю полноту власти исполнительной (§ 10—12). Власть законодательную монархъ осуществляетъ совмѣстно съ государственнымъ сеймомъ (§ 13). Монархъ есть высшій глава общаго управленія имперіей; онъ наблюдаетъ за внутренней и внѣшней безопасностью государства (§ 15). объяв-

ской имперіи. Варшава 1831. (Оба текста рядомъ); Le Portfolio ou Collection de documents relatifs á l'histoire contemporaine. Hambourg. Campe, 1837, V, стр. 378—419 (фран. текстъ) переводъ съ англійскаго изданія „The Portfolio, a collection of State Papers and others documents, Vol. V. London 1837, (Constitutional Charter of the Russian Empire); по франц. также изд. въ Парижѣ, 1837, дословно съ гамбург. изд.; Projet d'une charte и т. д., Paris, 1859 изд., Librairie Franck (любопытно предисловіе, въ которомъ издатель мотивируетъ изданіе конституціоннаго проекта Новосильцова общественнымъ подъемомъ въ Россіи)—только франц. текстъ; на русск. яз.—въ „Историческомъ Сборникѣ" т. II. Лондонъ, 1861 г.; „Матеріалы для исторіи царствованія имп. Николая". 1880, Лейпцигъ; *Шильдеръ*, т. IV, прил.; Послѣднее по времени и наиболѣе точное изданіе (по даннымъ Государств. Архива. Разрядъ III, № 25) проф Шимана по русск. и по франц. въ Берлинѣ, 1903 у Фр. Готгейнера, съ предисловіемъ Шимана. Краткое приложеніе и разборъ у *Пыпина*, 1885, стр. 358 и 496; *Щебальскій*, „Русск. Вѣстникъ", 1871 г; „Русск. Старина", 1880, т. XXVIII, стр. 816.

ляетъ войну, заключаетъ мирные и иные договоры (§ 16), командуетъ всѣми сухопутными и морскими силами, назначаетъ всѣхъ чиновниковъ и офицеровъ по всѣмъ вѣдомствамъ (военному, морскому, дипломатическому, гражданскому, административному и судебному), самъ или черезъ тѣхъ лицъ, коимъ поручитъ это (§ 17—19); какъ верховный глава русской православной церкви, онъ назначаетъ на всѣ должности по іерархіи церковной (§ 20); монарху принадлежитъ исключительное право полнаго или частичнаго помилованія (§ 21); монархъ распоряжается всѣми доходами государства согласно съ росписями государственной и областными, получившими его утвержденіе; первая же роспись будетъ издана монархомъ (§ 24—25).

Для опредѣленія законодательной дѣятельности государя, общія основанія права въ имперіи дѣлятся на 3 разряда (по степени ихъ политическаго значенія): во-первыхъ, законы; во-вторыхъ, уставы и учрежденія; въ-третьихъ, указы, повелѣнія, рескрипты и постановленія. Законы дѣлятся на законы общіе для всей имперіи и особенные, мѣстные (§ 26—30). Законы общіе устанавливаются совокупнымъ дѣйствіемъ государя и общаго государственнаго сейма; особенные такимъ-же дѣйствіемъ государя и сеймовъ намѣстническихъ (§ 31—32).

Общіе и особенные (или мѣстные) законы скрѣпляются министромъ—начальникомъ управленія юстиціи; уставы, учрежденія, указы, повелѣнія и постановленія должны быть за скрѣпою того изъ министровъ, до котораго они по содержанію своему будутъ принадлежать. Министръ отвѣчаетъ за все, что въ сихъ уставахъ, учрежденіяхъ, указахъ, повелѣніяхъ, рескриптахъ и постановленіяхъ могло бы заключаться противнаго правиламъ конституціи и законовъ (§ 34).

Во 2-мъ отдѣленіи II главы излагается устройство государственнаго совѣта, который состоитъ изъ министровъ, членовъ государственнаго совѣта, статсъ-секре-

тарей и всѣхъ лицъ, которыя будутъ назначены монархомъ. Совѣтъ дѣлится на «правительный совѣтъ» (или комитетъ министровъ) и общее собраніе. Члены комитета министровъ имѣютъ лишь совѣщательный голосъ. Общее собраніе совѣта, кромѣ круга дѣйствій, опредѣленнаго уставомъ 1809 г., имѣетъ право: разсматривать и составлять проекты законовъ и учрежденій, касающихся общаго управленія имперіи; рѣшать споры въ случаѣ столкновенія вѣдомствъ; опредѣлять преданіе суду чиновниковъ за злоупотребленія по службѣ, кромѣ тѣхъ чиновниковъ, коихъ преданіе суду предоставлено сенату; разсматривать и повѣрять годовые отчеты по всѣмъ главнымъ управленіямъ; дѣлать замѣчанія на всѣ злоупотребленія въ управленіи, а также на всѣ нарушенія конституціи и дѣлать о томъ представленія государю. Отдѣленіе 3-е II-й главы посвящено распредѣленію министерствъ (§§ 45—46).

Въ каждой области имѣется намѣстникъ государя, при которомъ находится «правительный совѣтъ» и общее собраніе, гдѣ, кромѣ членовъ этого совѣта, находятся еще члены, выбранные въ губерніяхъ намѣстничества и утвержденные государемъ, по представленію комитета министровъ. Общее собраніе собирается только при выборахъ и при созваніи сеймовъ; въ другое время оно собирается только по повелѣнію государя и востребованію намѣстника. Общее собраніе совѣщается о всѣхъ предметахъ общаго управленія и дѣлахъ, предлагаемыхъ высшей властью, особливо о раскладкѣ и взиманіи податей, установленіи земскихъ повинностей, распространеніи земледѣлія, промышленности и торговли и т. п. Кромѣ того, по отношенію къ области общему собранію намѣстничества предоставлены тѣ-же права, что и по отношенію ко всей странѣ—общему собранію государственнаго совѣта. Намѣстникъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ скрѣпою соотвѣтственнаго члена «правительнаго совѣта».

Для каждаго намѣстническаго совѣта долженъ быть особый статсъ-секретарь, который будетъ находиться въ

столицѣ при высшемъ правительствѣ (§§ 46—62). Отдѣленія 5 и 6 главы II говорятъ о начальствѣ губернскомъ, окружномъ и городскихъ. § 63 устанавливаетъ начало строгаго раздѣленія властей—исполнительной и судебной, которыя не могутъ быть совмѣщаемы въ одномъ лицѣ.

Въ третьей главѣ излагались «ручательства власти державной». Прежде всего, провозглашалось господствующее значеніе православной церкви, но не въ ущербъ всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ. § 80 провозглашалъ равное, безъ всякихъ различій, покровительство закона всѣмъ гражданамъ. Въ § 81 подтверждались «основной русскій законъ, гласящій, что безъ суда никто не можетъ быть наказанъ» и § 401 учрежденія о губерніяхъ [1]. Изданный въ развитіе этихъ законовъ § 82 гласилъ: «Никто не можетъ быть взятъ подъ стражу, обвиненъ и лишенъ свободы, какъ только въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, и съ соблюденіемъ закономъ предписанныхъ на сей конецъ правилъ. § 83. «Всякое произвольное задержаніе есть преступленіе, подвергающее наказанію, установленному въ уголовномъ уложеніи». § 84. «Взятому подъ стражу должно немедленно объявить причину его задержанія». § 85. «Каждый задержанный долженъ быть представленъ въ теченіе 3 (самое позднее—6) сутокъ... въ то присутственное мѣсто, до котораго онъ принадлежитъ, для снятія съ него допроса или сужденія узаконеннымъ порядкомъ». § 87. «Никто не долженъ быть наказанъ иначе какъ въ силу закона, постановленнаго и обнародованнаго до содѣланнаго преступленія, и по приговору того суда, которому онъ принадлежитъ». § 89. «Свобода тисненія обезпечивается. Законъ излагаетъ правила къ обузданію злоупотребленій». § 90 устанавливалъ свободу перехода въ другое подданство. § 91 «Да будетъ россійскій народъ отнынѣ имѣть народное представительство. Оно должно состоять въ государственномъ сеймѣ, состав-

---

[1]) См. главу II, а также гл. V (грамота русскому народу).

ленномъ изъ государя и двухъ палатъ. Первую, подъ именемъ высшей палаты, образуетъ сенатъ; а вторую, подъ именемъ посольской палаты, земскіе послы и депутаты окружныхъ городскихъ обществъ. § 97 провозглашалъ святость и неприкосновенность собственности, которая можетъ быть отчуждаема лишь (§ 98) ради общей пользы и за предварительное и справедливое вознагражденіе.

Глава IV посвящена была народному представительству. Государственный сеймъ дѣлится на частные сеймы намѣстническихъ областей, созываемые каждые 3 года, и общую государственную думу, созываемую каждыя 5 лѣтъ (§ 100). § 101. Законодательная власть заключается въ особѣ монарха при содѣйствіи 2 палаты государственнаго Сейма.

Сеймы намѣстническихъ областей составляются изъ государя и 2 палатъ; первую—«высшую» палату составляетъ департаментъ сената, присутствующій въ главномъ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства; другая—«земская посольская палата» составляется изъ 2/3 избраннаго въ области намѣстничества числа пословъ и депутатовъ, государемъ *утвержденныхъ* [1]).

Сеймы намѣстничествъ разсматриваютъ проекты общихъ законовъ, когда государь велитъ имъ сообщить эти проекты черезъ государственный совѣтъ, и проекты частныхъ законовъ, сообщаемые черезъ совѣтъ намѣстничества. Далѣе, они разсуждаютъ, по такимъ-же сообщеніямъ, о раскладкѣ податей и повинностей, о частномъ бюджетѣ намѣстничествъ, о годовыхъ отчетахъ управленій, вообще, обо всемъ, что государю будетъ угодно имъ сообщить. Затѣмъ, сеймы разсматриваютъ наказы земскимъ посламъ и депутатамъ отъ ихъ избирателей и самое вѣрное извлеченіе изъ нихъ представляютъ государю.

---

[1]) Въ этомъ, именно, пунктѣ и содержалось измѣненіе прежняго проекта, въ смыслѣ уничтоженія избирательнаго принципа при замѣщеніи депутатскихъ мѣстъ.

Проекты частныхъ законовъ составляются въ намѣстническомъ совѣтѣ и вносятся въ мѣстный сеймъ.

Общій государственный Сеймъ состоитъ изъ государя и двухъ палатъ. «Высшую» палату составляетъ сенатскій департаментъ, находящійся въ одной изъ столицъ, къ которому присоединяется, только на время сейма, извѣстное число сенаторовъ другихъ департаментовъ. Вторая «палата земскихъ пословъ» состоитъ, по назначенію государя, изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ, выбранныхъ изъ своей среды въ посольскихъ палатахъ намѣстничествъ.

Государственный сеймъ разсматриваетъ всѣ проекты законовъ гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ, вносимые отъ государя черезъ государственный совѣтъ,—раскладки податей и повинностей, распредѣленіе бюджета, вообще, всѣ предметы, вносимые въ думу.

Далѣе онъ разсуждаетъ о наказахъ земскихъ пословъ и депутатовъ и о тѣхъ представленіяхъ и прошеніяхъ, какія въ нихъ заключаются. Изъ нихъ и въ этой инстанціи дѣлается «самое вѣрное извлеченіе» для представленія черезъ государственный совѣтъ государю, отъ котораго и исходитъ разрѣшеніе по нимъ.

Для разсмотрѣнія проектовъ государственный сеймъ избираетъ 3 комиссіи—законодательную, управленія и финансовъ, въ высшей палатѣ изъ 3 членовъ, въ посольской изъ 5, и онѣ вступаютъ въ постоянныя сношенія съ государственнымъ совѣтомъ.

Въ соединенныхъ палатахъ сейма выслушивается общій отчетъ государственнаго совѣта о состояніи государства. Этотъ отчетъ дозволяется и напечатать. Онъ разсматривается въ комиссіяхъ и затѣмъ палата, по обсужденіи замѣчаній, подноситъ свое мнѣніе объ отчетѣ государю.

Право созвать, распустить, отсрочить и продлить всѣ сеймы вообще принадлежитъ государю. Отъ его воли зависитъ внесеніе проектовъ законовъ въ сенатъ или

въ посольскую палату; только законы финансовые вносятся предварительно въ палату земскихъ пословъ; такъ какъ вносимые проекты не считаются ни одобренными, ни утвержденными палатою, то сеймамъ предоставляется полная свобода излагать о нихъ свое мнѣніе. Обѣ палаты засѣдаютъ при открытыхъ дверяхъ, т. е. въ присутствіи постороннихъ, которымъ входъ не возбраняется. Проектъ, принятый одной палатой, не можетъ быть измѣняемъ другою; онъ или принимается, или отвергается. Проектъ, принятый палатами, въ случаѣ утвержденія государемъ становится закономъ.

Сенатъ состоитъ изъ великихъ князей императорскаго дома (съ 18 л.) и изъ лицъ, которыя, удовлетворяя условіямъ избранія, возводятся въ это достоинство государемъ. Званіе сенатора пожизненно.

Сенаторомъ можетъ быть лишь тотъ, кто имѣетъ не менѣе 35 лѣтъ отъ роду, «выдержалъ въ нижнихъ чинахъ предписанныя испытанія, отправлялъ съ похвалою должности по части военной и гражданской и получаетъ ежегоднаго дохода съ недвижимаго имѣнія, собственно ему принадлежащаго, не менѣе 1000 руб. серебр. монетой». «Къ законодательнымъ дѣйствіямъ сенатъ не иначе приступить можетъ, какъ по созыву отъ лица государя и во время сейма».

Посольская палата въ общемъ государственномъ сеймѣ состоитъ изъ выборныхъ на намѣстническихъ сеймахъ пословъ и депутатовъ. Въ члены посольской палаты можетъ быть выбранъ тотъ, кто имѣетъ уже 30 лѣтъ отъ роду, пользуется гражданскими правами, платитъ поземельныя и другія подати въ суммѣ, какая опредѣляется по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Государь или, по его повелѣнію, намѣстникъ можетъ распустить посольскія палаты, и тогда происходятъ новые выборы.

Дворянскія собранія (или сеймики)—тѣ собранія, на которыхъ выбираются (по трое отъ уѣзда) земскіе послы, и происходятъ другіе, собственно дворянскіе выборы. Они

собираются не иначе какъ по созыву по высочайшей волѣ. Изъ своей среды они назначаютъ комиссію для составленія наказа земскимъ посламъ, съ ихъ жалобами на злоупотребленія и съ представленіями о томъ, что можетъ служить къ благосостоянію жителей всего уѣзда.

Городскія окружныя общества собираются каждые 3 года для производства выборовъ и представленія губернатору о своихъ нуждахъ и пользахъ.

«Къ выбору депутатовъ отъ окружного городского общества допускаются: 1) настоящіе обыватели города, имѣющіе въ немъ дома или иныя строенія, мѣсто или земли, равно какъ и обыватели не изъ дворянъ, жительствующіе внѣ города, но въ томъ-же уѣздѣ, къ которому городъ принадлежитъ, и имѣющіе въ семъ уѣздѣ домъ или другую недвижимую собственность. 2) Всѣ состоянія, извѣстныя подъ именемъ именитыхъ гражданъ, какъ-то: ученые, имѣющіе академическіе или университетскіе аттестаты, художники 3 главныхъ художествъ: архитектуры, скульптуры и живописи, банкиры, капиталисты и кораблехозяева. 3) Купцы первыхъ двухъ гильдій и 4) цеховые мастера».

Въ городахъ съ населеніемъ свыше 8 тыс. жителей (кромѣ столицъ) общество каждой части города выбираетъ 3 гласныхъ въ общее городское собраніе, которое затѣмъ выбираетъ 3 депутатовъ на сеймъ. Общество города съ числомъ жителей менѣе 8 тыс. челов. прямо выбираетъ этихъ 3 депутатовъ. Городскіе окружные головы, предсѣдатели городскихъ собраній, назначаются государемъ. Собранія составляютъ наказы.

V глава провозглашала полную независимость и несмѣняемость судей, какъ назначаемыхъ, такъ и выборныхъ.

Дѣла объ отвѣтственности министровъ, сенаторовъ, членовъ государственнаго совѣта и подобныхъ лицъ за злоупотребленія по службѣ и другія опредѣленныя дѣйствія направляются, или лично государемъ, или по постановленію

сеймовъ, черезъ особый (столичный) департаментъ сената въ верховный государственный судъ, состоящій изъ предсѣдателя, сенаторовъ и другихъ назначенныхъ лицъ.

Глава VI содержала въ себѣ заявленія общаго характера. § 188 гласилъ, что «настоящая конституціонная хартія и принципы ею, освященные, будутъ развиты въ органическихъ статутахъ и спеціальныхъ уставахъ». § 189. «Послѣдующіе указы назначатъ губерніи и области, которыя имѣютъ быть соединены въ намѣстничества и пользоваться политическими правами, заключающимися въ народномъ представительствѣ». § 190. «Всѣ прежніе законы, уставы и статуты, противные этой грамотѣ, отмѣняются».

Въ заключеніе императоръ Александръ, отъ имени котораго должна была быть издана хартія (грамота), заявлялъ, что грамота эта, долженствующая, по его убѣжденію, утвердить благосостояніе подданныхъ, основать неприкосновенность ихъ лица и собственности и охранить ненарушимость ихъ правъ гражданскихъ и политическихъ, жалуется, какъ основной и конституціонный для императора и его преемниковъ законъ имперіи, который императоръ предоставляетъ себѣ дополнить, и повелѣвалъ всѣмъ государственнымъ властямъ содѣйствовать ея исполненію.

ГЛАВА XI.

Проектъ Новосильцова былъ написанъ въ такой формѣ, что оставалось лишь подписать его и привести въ дѣйствіе. На подлинникѣ стояли даже слова: «Дано въ нашемъ Зимнемъ дворцѣ въ Петербургѣ» и т. д. Но 1820-й годъ прошелъ, и «государственная уставная грамота» не была обнародована. Она была послѣднимъ конституціоннымъ проектомъ въ Россіи, созданнымъ по волѣ верховной власти, равно какъ и послѣднимъ изъ многихъ проектовъ, написанныхъ по порученію имп. Александра. По своимъ отличительнымъ чертамъ она была гораздо болѣе умѣренной, чѣмъ проекты первой половины царство-

ванія: двухпалатная система вмѣсто однопалатной, замѣщеніе мѣстъ въ палатахъ по *назначенію* (!) государя вмѣсто непосредственнаго избранія, трехстепенное избирательное право для горожанъ и двухстепенное для дворянъ; свободные крестьяне и поселяне *вовсе* лишены избирательнаго права. Выгодной чертой проекта являлась позаимствованная изъ польской конституціи поправка къ избирательному праву дворянъ и собственниковъ—въ пользу лицъ свободныхъ профессій и ремесленниковъ (впрочемъ, образованіе всегда, особенно въ ту эпоху, было достояніемъ дворянства и состоятельныхъ классовъ); подтвержденіе, провозглашеннаго Сперанскимъ, принципа политической отвѣтственности министровъ, свобода вѣроисповѣданій, печати и личная неприкосновенность, какъ основныя права русскихъ гражданъ, могли-бы быть однимъ изъ элементовъ развитія политической свободы. Но самымъ важнымъ въ проектѣ Новосильцова является превращеніе Россіи въ федерацію областей, что явилось потомъ характерной чертой многихъ русскихъ политическихъ программъ.

Въ общихъ чертахъ конституція 1819 г. списана съ польской конституціи 1815 г. [1]) и французской хартіи 1814 г. [2]); есть нѣкоторое сходство также съ проектами

---

[1]) Это было отмѣчено и польскими издателями проекта Новосильцова въ 1831 г.

[2]) Неприведенная въ исполненіе конституція Новосильцова имѣла интересную судьбу. Она въ значительной степени послужила первообразомъ греческой Трезенской конституціи 1827 г. Поляки отпечатали ее въ 2000 экземпл., изъ коихъ 1578 были взяты кн. Паскевичемъ, и о ней имп. Николай I писалъ 14 (26) VIII 1831 г., называя ее „покойницей—конституціей“: „Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ проекта конституціи для Россіи, найденный у Новосильцова въ бумагахъ; напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 чел. нашихъ молодыхъ офицеровъ 90 прочтутъ, не поймутъ или презрютъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ и, главное, *не забудутъ*. Это пуще всего меня безпокоитъ“... Кромѣ нѣсколькихъ, всѣ экземпляры конституціи были сожжены по высочайшему повелѣнію 27 ноября

Сперанскаго (1809 г.—въ отдѣлѣ о власти административной, и—1813 г.—въ организаціи палатъ).

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію итоговъ конституціоннаго движенія въ эпоху имп. Александра I (выдѣляя въ особый отдѣлъ проекты декабристовъ), здѣсь умѣстно еще упомянуть о мнѣніяхъ по поводу коренной государственной реформы различныхъ лицъ александровской эпохи, чтобы дать по возможности полное представленіе объ общественныхъ теченіяхъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ.

Такъ, Сперанскій, въ своихъ замѣткахъ, начатыхъ въ Пензѣ, и оконченныхъ въ Сибири, писалъ [1]: «Конституція состоитъ въ двухъ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Не постановлять ничего важнаго безъ общаго совѣта. 2) Общій совѣтъ составлять по правиламъ единообразнаго выбора уравнительно изъ всѣхъ свободныхъ сословій». Но при этомъ онъ находилъ, что конституція въ Россіи невозможна.

«Откуда можно избирать депутатовъ»? Дворянство?... Но исключивъ чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, кои не могутъ собственно войти въ составъ общаго совѣта,- или мѣста останутся праздны,—что останется въ сословіи дворянскомъ?—Малые и старые, люди, пріобыкшіе къ городской или деревенской праздности, люди, свѣдущіе въ сельскомъ хозяйствѣ, но иногда не занимавшіеся важными политическими вопросами, люди, не приготовленные къ нимъ ни теоріей, ни опытомъ, къ тому-же малочисленные. То же, и еще съ большимъ основаніемъ можно сказать о купечествѣ и о мѣщанствѣ.... Духовенство и крестьянство не составляютъ у насъ сословія—*первое*—по нищетѣ, *второе*, потому что не имѣетъ собственности».

Поэтому, хотя Сперанскій и признавалъ, что польза

1831 г. въ Москвѣ, на арсенальномъ дворѣ Кремля. *Шильдеръ*. т. IV, примѣч., стр. 190.; *Шиманъ*, стр. 3—5.

[1]) „Въ память графа М. М. Сперанскаго“ СПБ. 1872 г., стр. 813—817.

законодательнаго «сословія»—можетъ «состоять въ томъ, что правительство, поставивъ себя симъ учрежденіемъ впереди народныхъ желаній, станетъ внѣ опасности всякаго внезапнаго движенія», но заявлялъ, что «возможность законодательнаго сословія, сильнаго и просвѣщеннаго, весьма мало представляетъ вѣроятности».

«Или сословіе сіе будетъ простое политическое зрѣлище, или по недостатку свѣдѣній приметъ оно ложное направленіе».

Приведемъ еще одно мѣсто изъ записки, составленной Сперанскимъ, по всей вѣроятности, во время пребыванія въ Пензѣ: «Въ монархіи два могутъ быть образа правильнаго гражданскаго законодательства. Одинъ производится содѣйствіемъ большого *народнаго* совѣта, другой посредствомъ малаго *государственнаго* совѣта. Первый долженъ быть основанъ на публичномъ актѣ государственнаго уложенія и называться конституціоннымъ или представительнымъ, второй учреждается безъ государственнаго уложенія и составляетъ часть порядка управленія (Législation administrative).

«Первый образъ законодательства, безъ сомнѣнія, болѣе имѣетъ правильности и твердости, но для Россіи онъ весьма труденъ, а по мнѣнію многихъ, почти и невозможенъ въ исполненіи. Второй образъ представляетъ менѣе прочности и ручательствъ, но для Россіи онъ несравненно удобнѣе. Въ первомъ образѣ власть государя, дѣйствуя по началамъ и въ видѣ контракта подъ присягою принятаго, менѣе зависитъ отъ личныхъ его правилъ и способностей. Во второмъ власть сія, дѣйствуя по началамъ, на одномъ внутреннемъ убѣжденіи, на одной совѣсти государя основанномъ, есть ничто иное, какъ выраженіе или приложеніе личныхъ его правилъ»....

Это разсужденіе, видимо, написано въ періодъ, когда еще не опредѣлилась окончательно судьба проекта Новосильцова, и въ немъ слышится сочувствіе конституціи. Въ декабрѣ 1820 г. (уже изъ Сибири) Сперанскій

писалъ въ иномъ тонѣ В. П. Кочубею [1]), въ отвѣтъ на слѣдующее письмо Кочубея: «Молодые люди наши врутъ, болтаютъ, ничего не понимаютъ, и сами не знаютъ, чего хотятъ, понимая и конституцію и либеральныя правила въ кривомъ видѣ; а впрочемъ созрѣли-ли мы достаточно, чтобы помышлять намъ о конституціяхъ? Вы лучше знаете теперь губерніи [2]). Что за выборы; что за депутаты! Тутъ-то бы мы увидѣли пресмѣшное представительное собраніе»!...

Сперанскій отвѣчалъ: «Всѣ чувствуютъ трудности управленія, какъ въ средоточіи, такъ и въ краяхъ его... Люди вообще у насъ, какъ и вездѣ, сдѣлались чувствительнѣе, взыскательнѣе... Къ сему присовокупляется недостатокъ людей. Тутъ корень зла; о семъ прежде всего должно-бы было помыслить тѣмъ юнымъ законодателямъ, которые, мечтая о конституціяхъ, думаютъ, что это новоизобрѣтенная какая-то машина, которая можетъ итти сама собою, гдѣ ее пустятъ»... [3]). Затѣмъ Сперанскій пытался произвесть оцѣнку пожеланіямъ и требованіямъ отдѣльныхъ сословій. По поводу взглядовъ Сперанскаго нужно замѣтить, что онъ оставался почти до смерти конституціоналистомъ, но общія и личныя тяже-

---

[1]) Сборникъ въ память гр. М. М. Сперанскаго. СПБ. 1872 г., стр. 504.

[2]) Дѣйствительно, еще въ 1818 г. (15 ноября) Сперанскій писалъ изъ Пензы: „отъ дворянскихъ выборовъ дворяне бѣгаютъ и скоро надобно будетъ собирать ихъ жандармами, чтобъ принудить пользоваться правами столь драгоцѣнными“... „Рус. Архив.“, 1869 г., стр. 1974.

[3]) Къ 1820-мъ годамъ относится слѣдующее разсужденіе Сперанскаго: „Интересъ всѣхъ правителей состоитъ нынѣ въ томъ, чтобъ духъ сей (т. е. вольнолюбивый) не проникъ и въ Россію. Ибо на россійскомъ правительствѣ утверждается якорь всѣхъ государей противъ внутреннихъ волненій. Россія одна можетъ имъ сказать: „Quos ego“ (Я—васъ!); безъ Россіи всѣ они ринулись-бы въ страну надеждъ и желаній“,.. Сборникъ, стр. 841.

лыя условія не однажды заставили его усумниться въ томъ, подготовлена-ли Россія къ перемѣнѣ образа правленія.

Къ апрѣлю 1818 года относится проектъ калужскаго губернскаго предводителя дворянства кн. Вяземскаго [1]) (котораго не нужно смѣшивать съ поэтомъ кн. П. А. Вяземскимъ, переводчикомъ конституціи Новосильцова) созвать представителей дворянства для рѣшенія вопроса о крестьянахъ. «Священная воля гос. императора (объ освобожденіи крестьянъ), говоритъ кн. Вяземскій, немедленно исполнена будетъ, какъ скоро воспослѣдуетъ всемилостивѣйшее *повелѣніе уполномоченнымъ отъ дворянства губернскимъ предводителямъ и избраннымъ отъ каждой губерніи депутатамъ явиться въ одну изъ обѣихъ столицъ.* Тамъ, въ *общемъ совѣтѣ всего царства* нашего, знаменитые и просвѣщенные сіи представители дворянства повергнутъ не токмо собственныя *нужды свои*, но даже не умолчатъ, *если повелѣніе будетъ*, и о всемъ томъ, что требуетъ истинная польза и внутреннее благоустройство царства нашего»... «Какую удобность будетъ имѣть» правительство, «внявъ мнѣнію и нуждамъ дворянства, постановить на грядущія времена твердыя узаконенія, согласныя съ существенною пользою вообще всего Россійскаго государства». Судя по одному варіанту этой записки, можно думать, что авторъ, за уступки со стороны дворянства въ крестьянскомъ дѣлѣ, желалъ не только какихъ-либо льготъ для удовлетворенія «нуждъ» высшаго сословія, но, быть можетъ, и предоставленія ему политическихъ правъ [2]). Будущій «совѣтъ всего царства», по его выраженіямъ, долженъ былъ получить характеръ учредительный.

---

[1]) Сборн. историч. матер. извлеч. изъ архива Соб. Е. В. Канцел., вып. VII, 1895 г., стр. 162; цитирую по ст. Семевскаго, въ книгѣ „Крестьянскій строй“, стр. 180.

[2]) „Время, приводящее все въ зрѣлость, неминуемо, постепенно и въ свой срокъ сблизитъ крестьянъ съ тою свободою, коею пользуются другія націи, *способныя дѣйствовать и существовать собственнымъ правленіемъ и волею*“...

Вообще, въ концѣ второго десятилѣтія XIX в. было значительно распространено мнѣніе, обусловливающее освобожденіе крестьянъ дарованіемъ конституціи [1]). Нельзя не упомянуть здѣсь-же о тѣхъ освободительныхъ стремленіяхъ, которыя проявились въ литературѣ и въ наукѣ.

Эпоха Александра I, наполненная общественнымъ возбужденіемъ, которое въ извѣстной степени обязано было своимъ происхожденіемъ самому Александру, но еще болѣе развитію просвѣщенія и близкому знакомству съ З. Европой въ эпоху наполеоновскихъ войнъ,—эпоха эта интересна развитіемъ русской политической поэзіи, представителями которой явились Пушкинъ и Рылѣевъ.

На ихъ произведеніяхъ воспитывалось въ ненависти къ устарѣвшимъ формамъ уклада русской жизни тогдашнее молодое поколѣніе. Объ этой эпохѣ говоритъ Н. П. Огаревъ:

„Мы были отроки. Въ то время
„Шло стройной поступью бойцовъ
„Могучихъ дѣятелей племя
„И сѣяло благое сѣмя
„На почву юную умовъ.
„Вездѣ шепталися. Тетради
„Ходили въ спискахъ по рукамъ;
„Мы, дѣти, съ робостью во взглядѣ
„Звучащій стихъ свободы ради,
„Таясь, твердили по ночамъ..
„Рылѣевъ былъ мнѣ первымъ свѣтомъ.
„Отецъ! По духу мнѣ родной—
„Твое названье въ мірѣ этомъ
„Мнѣ стало доблестнымъ завѣтомъ
„И путеводною звѣздой"...[2])

---

[1]) Семевскій въ кн. „Крестьянскій строй", 177. Между прочимъ, декабристъ Каховскій въ своемъ первомъ показаніи говоритъ: „Я слышалъ, что многіе изъ помѣщиковъ, даже приближенныхъ къ государю, согласны были отречься отъ правъ своихъ, освободить крестьянъ, но съ тѣмъ, чтобы монархъ ограничилъ власть престола". Госуд. Архивъ, I, В., № 337, л. 3.

[2]) Въ томъ-же смыслѣ показывали многіе декабристы о вліяніи поэзіи Рылѣева и Пушкина на возбужденіе въ нихъ ненависти къ самодержавію.

Эти стихи были: «посланіе къ Чаадаеву» (1818 г.); «Сказки» (Noёl)—«Ура! въ Россію скачетъ!...» (1819), въ которомъ Пушкинъ высказывалъ сомнѣнія въ осуществленіи варшавскихъ обѣщаній; ода «Вольность», мысль о которой явно заимствована у Радищева и за которую Пушкинъ былъ сосланъ, «Кинжалъ» въ честь нѣмецкаго студента Занда, поразившаго въ 1819 г. въ Мангеймѣ русскаго агента въ Германіи—Коцебу; «Андрей Шенье» (1825); эпиграммы на Аракчеева, Фотія и другихъ героевъ реакціи второй половины царствованія Александра [1]. Рылѣеву принадлежали стихи «Временщику» на Аракчеева [2] (1820); «Элегія»; «Исповѣдь Наливайки» (1825) [3]; «Думы», въ которыхъ ярко выражены гражданскіе мотивы, (наприм. «Волынскій»); «Стансы», «Гражданинъ» —(ода) и много др. [4].

Варшавская рѣчь была сочувственно оцѣнена попечителемъ петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварова (впослѣдствіи министромъ нар. просв.) въ рѣчи его къ воспитанникамъ петербургскаго педагогическаго института. Къ либеральнымъ профессорамъ принадлежали харьковскій проф. Шадъ, высланный въ 1816 г. изъ Россіи, профессоръ лицея и университета Куницынъ, удаленный изъ обоихъ учебныхъ заведеній за книгу свою «Право естественное», также за направленіе своего преподаванія (1821) вмѣстѣ съ проф. петербургскаго университета Германомъ и Арсеньевымъ, которые обвинялись въ томъ, что въ своихъ лекціяхъ они обнаружили сочувствіе конституціонному образу правленія и за это лишены были мѣстъ [5].

---

[1]) Почти всѣ политическія стихотворенія Пушкина напечатаны въ полныхъ собраніяхъ его сочиненій.

[2]) См. „Невскій Зритель", 1820, ч. IV, окт., стр. 26.

[3]) Напеч. въ „Полярной Звѣздѣ" изд. Бестужевымъ на 1825 г.

[4]) См. „Сочиненія Рылѣева" изд. 2-е, 1875; „Русс Старина", 1872, т. V; *В. Якушкинъ* „Новые матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева", „Вѣстн. Европы", 1888, № 12; Сборникъ „Русская Муза", сост. П. Я., СПБ. 1904, стр. 63.

[5]) Вотъ, напр., поставленный въ вину Куницыну отрывокъ изъ его „Права естественнаго": „Властитель общества, какъ ограничен-

Либеральныя политическія мысли проходили иногда въ журнальныхъ статьяхъ,—особенно, первой половины царствованія. Во исполненіе юношеской мысли Александра о распространеніи полезныхъ книгъ выпущенъ былъ переводъ книги Де-Лольма объ англійской конституціи, два изданія «Духа законовъ» Монтескье [1]); въ «Санктпетербургскомъ Журналѣ», органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, печатались въ 1804—5 г. статьи: «О пользѣ обнародованія отчетовъ» (изъ Бентома), «О свободѣ книгопечатанія» (изъ того-же автора), «Объ общественномъ духѣ англичанъ» и проч.

Консервативное направленіе выразилось въ запискѣ Карамзина (1811 г.) о «древней и новой Россіи», въ запискѣ масона Поздѣева, который, въ 1814 г., по поводу слуховъ о конституціи, протестовалъ противъ «конституціевъ», которыя, по его мнѣнію, приводятъ къ анархіи.

Интересно прослѣдить также развитіе взглядовъ Каразина, который въ письмѣ своемъ черезъ 10 дней послѣ вступленія Александра I на престолъ убѣждалъ его созвать выборныхъ земли русской. Къ 1804 г. мысли его приняли слѣдующее направленіе въ вопросѣ о государственномъ переустройствѣ [2]): «Народъ, охранительный сенатъ, государь, министры. Государь, предлагающій только проекты

ный, такъ и не ограниченный, обязывается наблюдать: а) права членовъ, b) права самого общества и с) условія и коренные законы, содержащіеся въ договорѣ соединенія и договорѣ подданства. Употребленіе власти общественной безъ всякаго ограниченія есть тиранство, и кто оное производитъ есть тиранъ".

Въ 1819 г. болѣе 11 проф. было уволено изъ Казанскаго университета Магницкимъ, между прочимъ, пр. Солнцевъ, также за книгу о естественномъ правѣ. См. *Сухомлиновъ*. Изсл. и ст., т. I; *Григорьевъ*. Ист. СПБ. унив., СПБ., 1869; „Русс. Вѣстн.", 1864, кн. VI—VIII, и *Θеоктистовъ*, „Магницкій", т. I.

[1]) Еще при Екатеринѣ вышли переводы „Духа Законовъ", а также Блэкстона „Истолкованіе англійскихъ законовъ" и мн. друг.

[2]) „Русс. Старина", 1871, т. III, 718.

законовъ и министерскіе годичные отчеты охранительному сенату, въ прочемъ дѣйствующій неограниченно. Охранительный сенатъ по опредѣленію $^{2}/_{3}$ можетъ посылать ему свои замѣчанія, по опредѣленію трехъ четвертей остановить его дѣйствія обнародованіемъ оныхъ. Присяга сообразуется сей постепенности: народъ, сенатъ, государь.

Въ присягу воиновъ включается обязательство къ тому относительно, т. е. полагающее предѣлы повиновенію... Государь на охранительный сенатъ не имѣетъ никакого вліянія. Граждане *избираютъ* членовъ охранительнаго сената».

Какъ мы видимъ, этотъ проектъ являлся несомнѣнно конституціоннымъ и ограничивающимъ власть монарха. Но затѣмъ постепенно онъ сталъ склоняться въ противоположную сторону, все-же настаивая на совѣщательномъ голосѣ націи въ дѣлахъ государственныхъ, но пытаясь отдѣлить себя отъ конституціоналистовъ. Въ письмѣ [1]) къ слободско-украинскому губернатору Бахтину (1810 г.) онъ высказывается за наслѣдственную монархію, но добавляетъ: «Для узнанія-же общественныхъ нуждъ, такъ какъ никакой смертный не можетъ въ одно и то же время самъ проникать всюду, достаточно въ помощь единовластію дать *общественное* мнѣніе, т. е. свободу выражать всякому свое воззрѣніе на вещи,—не въ парламентахъ и на площадяхъ..., а въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ и въ *скромныхъ* бесѣдахъ въ печати». Переводя на современный языкъ Каразинъ требовалъ лишь ограниченной свободы печати и права петицій. Въ 1816 г. онъ-же, въ запискѣ [2]) по поводу указа 1816 г. объ освобожденіи крестьянъ въ Эстляндіи, выразилъ мысль, что «*репрезантація народа* (народное представительство)—слово столь-

---

[1]) *Семевскій*. Каразинъ, В. Евр., 1893, II, 540.

[2]) См. *Чтенія* Общ. Ист. и Древн. Росс. 1860, т. II, 5, стр. 218—227; Сборникъ истор. мат. извл. изъ Архив. Соб. Е. В. Канц., т. VII, 1895, с. 142—152.

же безсмысленное, какъ и самая вещь,—была неизвѣстна нашимъ предкамъ»), хотя иногда и «собирали лучшихъ людей для совѣщанія о пользахъ царства». «Самодержавіе, писалъ Каразинъ, наслѣдственное самодержавіе отъ монарха и до отца, въ хижинѣ своей повелѣвающаго дѣтьми, да будетъ залогомъ нашего блаженства, но да имѣетъ оно законы»! Это было повтореніе мысли 1801 г. о необходимости для Россіи «непреложныхъ законовъ».

Въ 1820 г. Каразинъ подалъ Александру черезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея записку [1]), въ которой онъ предлагаетъ «приближеніе государя къ просвѣщенному дворянству, окруженіе его болѣе и болѣе природными россіянами, *имѣющими большую недвижимую собственность*»... Онъ указываетъ, что «великая перемѣна произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ... *и день онъ, яко тать пріидетъ*»! Здѣсь слышится намекъ на общественное движеніе, заключавшееся 14-мъ декабря.

«Мысль, выраженная въ нотѣ» русскаго правительства «господину Зеа-Бермудецу, при полученіи отъ него увѣдомленія о принятіи королемъ его конституціи кортесовъ, мысль, что правители народовъ должны добровольными, ими данными постановленіями предварять постановленія насильственныя, есть одна изъ величайшихъ истинъ! Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы сіе было учинено заблаговременно... Насъ спасти можетъ единственно *немедленное* употребленіе въ дѣло просвѣщеннаго дворянства. *По выборъ въ губерніяхъ сборищамъ представить кажется еще рано.* Множество неудачныхъ выборовъ это доказываютъ»... «Я вседушевно не одобряю нынѣшнихъ конституцій»... «Къ чему эти громкія собранія, уничтожающія власть, подобно какъ и *ораторство съ престола*, заимствованное у англичанъ»... Здѣсь очевидный намекъ на варшавскую рѣчь Александра, чего, впрочемъ, Каразинъ и не скрывалъ. Поддерживая мысль о необходимости

---

[1]) „Русск. Старина", 1870, т. II. 554; 1871 т. III, стр. 20—28.

обратиться къ содѣйствію дворянства, Каразинъ восклицалъ: «Да и что можетъ потерпѣть самодержавіе отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединена»? Онъ отвергалъ «изобрѣтеніе двухъ камеръ или иначе раздѣленіе государственной думы на двѣ камеры», какъ не основанное на естествѣ вещей... «Репрезентація народа есть вообще *мнимая»*...

«Напрасно думаютъ, что у насъ нѣтъ людей для составленія мнѣнія государственнаго. Довольно *нѣсколькихъ* въ каждой губерніи. Нѣтъ и нужды вызывать ихъ оттуда. Довольно учредить въ столицѣ средоточіе, которое-бы дѣйствовало на губернскія подобныя-же средоточія общественнаго мнѣнія и ими-бы взаимно оживлялось. Нѣтъ никакой нужды въ огромныхъ залахъ, народныхъ шествіяхъ и рѣчахъ, ниже въ извѣщеніи о всемъ этомъ газетами». Подводя итоги этимъ пожеланіямъ, нельзя отказать Каразину въ политической чуткости, съ которой онъ чувствовалъ наростаніе политическихъ притязаній въ обществѣ; но планы его, выставлявшіе необходимость созыва «свѣдущихъ людей» отъ дворянства, обладающаго крупной собственностью,—сводились, несмотря на всѣ его оговорки объ отличіи отъ конституціоналистовъ, къ незамѣтному для монарха, можетъ быть и для самого автора, выводу о необходимости введенія дворянской конституціи.

Среди людей, сочувствовавшихъ политической свободѣ, были и такіе, которые полагали, что Россія до нея не созрѣла, но вѣрили, что Россія доживетъ до момента, когда «младенческій возрастъ ея пройдетъ, силы и разумъ окрѣпнутъ... Тогда сами цари даруютъ ей *основные законы* [1].

Выше было уже упомянуто, что конституція Новосильцова (1819 г.) была послѣднимъ проектомъ, создан-

[1]) Такъ писалъ неизвѣстный авторъ отвѣтъ на записку полковника Фонвизина о необходимости конституціи, составленнаго въ маѣ 1825 г.

нымъ по желанію верховной власти. Говоря о причинахъ, почему она осталась на бумагѣ, нельзя не упомянуть о причинахъ общаго и частнаго характера, которыя воспрепятствовали осуществленію изложенныхъ нами выше конституціонныхъ пожеланій, мечтаній и проектовъ, исходившихъ, какъ отъ власти, такъ и отъ представителей тогдашняго общества.

Всякій государственный строй является лишь внѣшнимъ выраженіемъ соотношенія общественныхъ силъ, существующаго въ данномъ обществѣ, или существовавшаго ранѣе, но не измѣнившагося сообразно измѣненію общихъ условій, благодаря какимъ-либо задерживающимъ причинамъ.

Общественныя силы рождаются и развиваются на основѣ существующихъ въ странѣ экономическихъ условій и соотношеній. Основную черту общественно-экономическаго строя въ началѣ XIX в. въ Россіи составляетъ крѣпостное право и натуральное хозяйство; при этомъ крѣпостное право, достигшее высшей степени своего развитія, благодаря тому, что, съ одной стороны, дворянство освобождено почти всецѣло отъ обязательной службы и повинностей по отношенію къ государству, а съ другой стороны, крестьянство несетъ тѣ-же, что и раньше, тяготы по отношенію къ государству, усугубляемыя ничѣмъ не оправдываемымъ подчиненіемъ ихъ личности, труда и имущества—дворянамъ.

Не вдаваясь, по указаннымъ во введеніи причинамъ, въ подробный анализъ хозяйственныхъ отношеній на Руси въ XVIII в., который единственно можетъ дать наиболѣе правильную оцѣнку политическихъ движеній въ XVIII и началѣ XIX в., напомню, что весь XVIII-й вѣкъ наполненъ заботами правительства дарованіемъ льготъ правовыхъ низшему и среднему дворянству, а также уступками экономическими за счетъ крестьянства, въ видѣ расширенія крѣпостного права, создать себѣ твердую опору, для защиты отъ притязаній высшаго дворянства, которое дѣ-

лаетъ попытки получить возможность регулярнаго и правомѣрнаго воздѣйствія на власть при посредствѣ аристократически-конституціонныхъ проектовъ и попытокъ. Очень характерно для Екатерины II, что наряду съ заявленіями платоническаго характера о своихъ «республиканскихъ» стремленіяхъ [1]) она ведетъ политику закрѣпощенія свободныхъ крестьянъ помѣщикамъ и отягченія уже существующихъ крѣпостныхъ отношеній, объявляя себя гласно «первой *помѣщицей*». Въ результатѣ такой политики, преднамѣренной у Екатерины II и безсознательной у Павла I, создается сплоченная и организованная масса служилаго дворянства, которая весьма довольна общественнымъ и государственнымъ строемъ и никакихъ «конституціевъ» не желаетъ. Конституціонное движеніе, обостренное въ эпоху невыносимаго проявленія государственной власти (1796—1801 г.г.), происходитъ въ первые годы XIX в. лишь въ самыхъ верхнихъ слояхъ, до извѣстной степени подъ вліяніемъ порывовъ самого государя (Александра I).

Съ одной стороны, какъ и въ XVIII в., въ высшемъ духовенствѣ пробуждаются безсознательныя воспоминанія о быломъ вліяніи боярства, съ другой стороны бюрократія пытается расширить и усилить свое вліяніе на государство, ограничивши верховную власть въ свою пользу не только фактически, но и юридически. Довѣренныя лица государя создаютъ, на основаніи западно-европейскихъ теорій, весьма стройные планы преобразованій по различнѣйшимъ системамъ съ одной и двумя палатами и т. п.

Тѣмъ временемъ, дворянская масса относится враждебно ко всякой попыткѣ нарушить существующія отношенія. Она весьма сильно вліяетъ на Александра, застав-

---

[1]) См. напр. Записки А. И. Тургенева, „Русс. Старина" 1889 г. т. LXI, стр. 210.

„Я въ душѣ республика и деспотизма ненавижу. Но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима".

ляя всѣми средствами удалиться одного за другимъ его либеральныхъ совѣтниковъ. Александръ, «грозный дѣятель въ теоріи, безпощадный радикалъ» легко поддается этому вліянію, потому что—въ сущности, дворянство стоитъ за права и преимущества державной власти. Изъ его широкихъ мечтаній выходитъ, по выраженію Строгонова, всегда что то «вялое и трусливое». Втянутый многими причинами во внѣшнія войны и иностранныя дѣла, Александръ все больше предоставляетъ въ безконтрольное вѣдѣніе внутреннія дѣла Аракчееву. Въ періодъ общеевропейской реакціи противъ великой французской революціи и ея послѣдствій реакція эта отраженно проявляется и въ Россіи. Съ престола слышны еще рѣчи о благотворномъ дѣйствіи конституціи, обѣщанія даровать таковую; еще составляются проекты преобразованій и т. п....

Но уже цензура немедленно прекращаетъ робкія попытки коснуться преобразованій государственнаго и общественнаго строя,—конституціи и освобожденія крестьянъ. Уже либеральные профессора подвергаются гоненію, происходитъ разгромъ университетовъ -казанскаго Магницкимъ (1819) и петербургскаго Руничемъ (1821); уже запрещаются тайныя и явныя общества (какъ—масонскія ложи и т. п.), дающія поводъ къ подозрѣніямъ, что они прикосновенны къ политикѣ (1822); Пушкинъ отправляется въ ссылку за стихи; въ политикѣ иностранной правительство, реакціонное по составу, подъ вліяніемъ личныхъ мистическихъ переживаній императора и европейской реакціи, работаетъ совмѣстно съ Меттернихомъ, Пруссіей и французскими легитимистами надъ возстановленіемъ разрушенныхъ троновъ и алтарей; въ политикѣ — идетъ превращеніе свободныхъ поселянъ въ военно-поселенцевъ, «воиновъ-землепашцевъ», цѣлые уѣзды обращаются въ сплошную казарму; на литературу и школу воздвигнуто гоненіе; дѣло освобожденія крестьянъ остается въ прежнемъ положеніи.

Главной причиной неуспѣха конституціонныхъ пла-

новъ является иногда сознательное, а иногда даже чисто инстинктивное сопротивленіе всей массы дворянства, причемъ наиболѣе сознательные въ политическомъ отношеніи слои его недостаточно сильны, чтобы провести въ жизнь дворянскую конституцію.

Всѣ проекты проебразованія сената, планы Мордвинова. Вяземскаго (1818), Державина (1803), второй проектъ Сперанскаго (1812—3)— направлены къ обезпеченію политической силы и власти дворянству. Проектъ Сперанскаго (1808—9) даетъ политическія права, подъ вліяніемъ идей французской конституціи 1791 г. и чисто теоретическихъ разсужденій. исключительно собственникамъ. или говоря современнымъ терминомъ, представителямъ буржуазіи, которая тогда существовала на Руси въ весьма незначительномъ количествѣ и не имѣла почти никакого вліянія,— и дворянства, но не какъ сословія, а какъ класса собственниковъ. Постоянно нерѣшительный, колеблющійся, «постепеновецъ», императоръ Александръ I, стоя въ теоріи на точкѣ зрѣнія болѣе демократической конституціи, отвергаетъ подъ этимъ предлогомъ дворянскіе проекты, но самъ же, въ составляемыхъ по его приказанію проектахъ, вычеркиваетъ такія основныя конституціонныя права, какъ право *избранія* народныхъ представителей, подмѣняя его принципомъ *назначенія* изъ числа выбранныхъ кандидатовъ.

Большое значеніе для неудачи проектовъ преобразованій имѣли и внѣшнія дѣла и войны той эпохи. Вторичныя причины, заключающіяся въ личномъ характерѣ Александра и образѣ мыслей его совѣтниковъ, указаны въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

ГЛАВА XII.

Послѣ 1820 года императоръ Александръ I уже окончательно порвалъ съ своими былыми мечтами о конституціи. Правда, мысль о незаконченномъ дѣлѣ преобразованія Россіи тревожила его иногда. Въ одну изъ такихъ

минутъ (въ 1824 г.) онъ сказалъ Ѳ. П. Лубяновскому: «Славы для Россіи довольно: больше не нужно; ошибется. кто больше пожелаетъ. Но, когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая пуля. Отъ этого устаю».

Но иниціатива въ вопросѣ конституціоннаго переустройства перешла уже въ руки общества, въ лицѣ декабристовъ, будущихъ участниковъ вооруженнаго возстанія 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ и въ январѣ 1826 г. на югѣ Россіи.

Въ нашу задачу не входитъ изложеніе развитія тайныхъ обществъ въ концѣ царствованія Александра I, ставившихъ своей цѣлью введеніе конституціи въ Россіи. Многое должны мы предположить уже извѣстнымъ читателю и остановиться подробнѣе лишь на планахъ декабристовъ. Возникновеніе тайныхъ обществъ произошло слѣдующимъ образомъ и въ ниже изложенномъ порядкѣ.

Война 1812 г. вызвала сильнѣйшій подъемъ воодушевленія и національнаго самосознанія въ русскомъ народѣ и обществѣ. Этотъ взрывъ національнаго чувства выразился у реакціонной части общества шовинистическими выходками противъ всего иностраннаго, особенно французскаго, противъ позаимствованій съ Запада. Пользуясь удобнымъ моментомъ, эта общественная группа свалила Сперанскаго, устранила Барклая-де-Толли и выдвинула своихъ людей на первые посты.

Въ иную форму вылилось движеніе среди молодежи, преимущественно военной, среди арміи, разбившей великую армію Наполеона, прошедшей всю Европу, стоявшей бивуакомъ въ Парижѣ. Эта армія видѣла Европу, раскрѣпощенную въ гражданскомъ отношеніи, благодаря великой французской революціи, видѣла народы, охваченные политическимъ броженіемъ, борьбу партій, тайныя общества; она видѣла бурную жизнь и свободныхъ людей; и хотя реакція уже пыталась подавить сдѣланное великой фран-

цузской революціей, дыханіе свободы носилось надъ тогдашней Европой. Возвратившись домой, побѣдоносная армія увидѣла снова всѣ ужасы крѣпостного права, насильственное введеніе военныхъ поселеній, распространеніе мертвящей аракчеевской дисциплины на частную жизнь до тѣхъ поръ свободныхъ крестьянъ, превращенныхъ въ «воиновъ-землепашцевъ»; она увидѣла разгромъ просвѣщенія Магницкими, Руничами, придушенную цензурой литературу, и наконецъ, во главѣ правленія—Аракчеева, котораго современники называли «вице-императоромъ», самовластнымъ правителемъ Россіи.

Патріотическое воодушевленіе, всколыхнувшее души, воспоминанія о свободной Европѣ,—все это не могло улечься и забыться, душа преисполнена была негодованія и ужаса предъ страданіями родины. «Мы были сыны 12-го года,»—заявилъ одинъ изъ декабристовъ. «Порывомъ нашего сердца было жертвовать всѣмъ, даже жизнью, во имя любви къ отечеству. Въ нашихъ чувствахъ не было эгоизма. Призываю въ свидѣтели самого Бога». И великая эпоха создала великихъ людей.

«Еще война длилась, когда ратники, возвращаясь въ дома, первые разнесли ропотъ»...—«Мы проливали кровь, говорили они, «а насъ заставляютъ опять потѣть на барщинѣ! Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа! Войска, отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ. Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ, почему-же не такъ у насъ».... [1]).

Но въ то время, какъ въ массѣ народа растворились возвратившіеся съ войны солдаты, покинувшіе службу, и недовольство существующими порядками не вылилось въ осязательные формы сознательнаго протеста,—въ арміи, въ офицерской средѣ, началась группировка единомысля-

---

[1]) Показаніе А. А. Бестужева. Цит. по ст. Семевскаго въ кн. „Крестьянскій Строй", 239.

щихъ элементовъ въ общества, по тогдашнимъ условіямъ необходимо—тайныя. И не только потому, что боялись преслѣдованій правительства, но и потому, что вообще это было время тайныхъ обществъ на Западѣ и въ Россіи. Первое тайное политическое общество было основано въ 1816 г., подъ названіемъ *«Союзъ спасенія* или *истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества»*. Основателями его были: А. Н. и Н. М. Муравьевы, кн. С. П. Трубецкой, кн. И. А. Долгоруковъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы, маіоръ Лунинъ, полковникъ Ѳ. Н. Глинка, капитанъ Якушкинъ, адъютантъ командующаго 2-й арміей Павелъ Пестель и друг.

Уставъ общества былъ составленъ Пестелемъ въ 1817 г. Въ немъ выражена цѣль его: подвизаться всѣми силами на пользу общую, поддерживать всѣ благія мѣры правительства и полезныя частныя предпріятія, препятствовать всякому злу и для того обличать злоупотребленія чиновниковъ и безчестные поступки частныхъ лицъ. «Цѣлью общества было съ самого начала измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи» [1]), а, по показанію Якушкина,—намѣреніе склонить дворянство къ освобожденію крестьянъ и «приготовить всѣ сословія въ государствѣ къ представительному правленію» [2]) Пестель заявлялъ въ своемъ показаніи: «Настоящая цѣль перваго общества было введеніе монархическаго конституціоннаго правленія, а одно освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости было цѣлью при первомъ началѣ, и весьма короткое время». Такимъ образомъ, съ самаго основанія тайнаго общества для членовъ его освобожденіе крестьянъ было нераздѣльно съ политической свободой [3]).

Въ 1818 г. тайное общество приняло названіе «Союза Благоденствія». Уставъ его, заимствованный отъ нѣ-

---

[1]) Донесеніе слѣдственной комиссіи, с. 5.

[2]) „Крестьянскій строй", 209.

[3]) Ibid., 210.

мецкаго общества «Тугендбундъ» (союзъ добродѣтели) былъ извѣстенъ Александру I, который не видѣлъ въ немъ признаковъ политическаго заговора. Цѣлью этого общества было также «измѣненіе государственныхъ установленій».

Для этого признавалось нужнымъ «усилить общество, распространять политическія знанія и стараться обладать мнѣніемъ публики». Одинъ изъ членовъ тайнаго общества, молодой поэтъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ, заявлялъ на допросѣ въ 1826 г., что причины, побудившія его вступить въ общество, были: «распространяющаяся и въ народѣ порча нравовъ»—какъ слѣдствіе крѣпостного права; а также «крайнее стѣсненіе, которое россійская словесность претерпѣвала въ послѣднее время».

Нельзя сказать, чтобы общество это (Союзъ Благоденствія) было революціоннымъ. Члены его вполнѣ искренно заявляли въ уставѣ, что цѣль ихъ «способствовать правительству къ приведенію въ исполненіе всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ въ пользу государства, ибо правительство, безъ добровольнаго содѣйствія гражданъ, не можетъ довольно успѣшно приводить въ дѣйствіе мѣры, имъ принимаемыя». Если конституціонныя стремленія не были заявляемы гласно, то они и не составляли тайны, ибо члены Союза надѣялись на Александра, передъ тѣмъ заявившаго въ Варшавѣ о намѣреніи ввести въ Россіи конституцію.

Точно также въ освобожденіи остзейскихъ крестьянъ (1818) видѣли первый шагъ къ освобожденію крестьянъ въ Россіи. Однако, очень скоро обнаружилось, что на введеніе конституціи верховной властью не должно быть никакихъ надеждъ. Послѣ конгресса въ Троппау (1820) Александръ I окончательно отказался отъ своихъ конституціонныхъ мечтаній. Въ тайномъ обществѣ это отразилось усиленіемъ республиканскихъ стремленій. Но еще въ 1820 г. среди членовъ общества была мысль подать адресъ императору, въ которомъ, по изложеніи въ

самомъ мрачномъ видѣ положенія Россіи, предлагали созвать Земскую Думу для принятія мѣръ къ общему спасенію Россіи [1]). Это было признано, однако, небезопаснымъ и вреднымъ для дѣла, а потому оставлено. Сторонниками республики были, преимущественно, южане съ Пестелемъ во главѣ.

Вообще-же члены Союза обнаруживали «мысли конституціонныя, но весьма не опредѣлительныя и болѣе склонныя къ монархическимъ установленіямъ» [2]). Пестель показывалъ [3]) о себѣ въ слѣдственной комиссіи 1826 г., что идеи его развились въ немъ сами собой, подъ вліяніемъ знакомства съ европейской жизнью, чтенія и размышленія о современномъ положеніи Россіи. Указывая на порядки, которые наиболѣе возбудили въ немъ «внутренній ропотъ противу правительства»,—на крѣпостное право и связанное съ нимъ привиллегированное положеніе дворянства, военныя поселенія, упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и «подкупливость» судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ, и, наконецъ, «преимущества разныхъ присоединенныхъ областей», т. е. Финляндіи и Польши, которыя, какъ извѣстно, возбуждали чувство обиды во многихъ русскихъ, заставляя, съ другой стороны, ожидать политической свободы и для Россіи. Эти и другія наблюденія рисовали Пестелю «цѣлую картину народнаго неблагоденствія».

Вскорѣ онъ пришелъ къ убѣжденію, что единственное средство для достиженія лучшихъ порядковъ заключается въ революціи и установленіи республики. Убѣжденіе это возникло изъ соображеній о «возвращеніи Бурбонскаго дома на французскій престолъ», которыя онъ называетъ «эпохою въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ».

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 43. (изд. лондонское).

[2]) Донесеніе, стр. 14.

[3]) Біографич. словарь: *Павелъ*, стр. 601 и сл.

Онъ замѣтилъ, что «большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при реставраціи монархіи сохранены и за благія вещи признаны», и что «тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учрежденій»—сдѣлалъ отсюда выводъ, что слѣдовательно, «революція, видно, не такъ дурна, какъ говорятъ, и что, можетъ быть, даже весьма полезна». На укрѣпленіе Пестеля въ республиканскомъ образѣ мыслей повліялъ Новиковъ, членъ Союза благоденствія. Сильно повліяли на него также сочиненія извѣстнаго въ свое время французскаго публициста графа Дэстю-де-Траси (Destutt de Tracy: «Commentaire de l'esprit des lois»); затѣмъ собственныя размышленія о республикахъ Греціи, Рима и Великаго Новгорода, наконецъ, газеты и политическія сочиненія, прославлявшія возрастаніе благоденствія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и приписывавшія это государственному ихъ устройству.

Весьма сильно укрѣпили его далѣе въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мыслей «происшествія въ Неаполѣ, Гишпаніи и Португаліи». «Я въ нихъ находилъ, по моимъ понятіямъ, неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя достаточныя причины недовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя» [1]. Эти теоретическія размышленія были подкрѣплены сознаніемъ, что императоръ Александръ отказался отъ своихъ конституціонныхъ намѣреній, на которыя возлагались надежды.

Въ началѣ 1820 г., по предложенію Пестеля, въ Петербургѣ было собраніе «коренной думы» Союза благоденствія, на которомъ былъ поставленъ вопросъ о выгодахъ и невыгодахъ монархическаго и республиканскаго правленій. Докладчикомъ по этому вопросу выступилъ

---

[1]) Показанія Пестеля см. также у *Богдановича*, т. VI 446—449.

Пестель, стоявшій за республику. Во время преній Н. И. Тургеневъ сдѣлалъ весьма дѣльное замѣчаніе, что «республиканское правленіе съ президентомъ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представленіи» (т. е. народнаго представительства). Собраніе единогласно высказалось за республику, не исключая и полковника Глинки, который говорилъ въ пользу монархической формы правленія и «предлагалъ вручить скипетръ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ» (супругѣ императора Александра).

«Съ тѣхъ поръ»,—показывалъ Пестель предъ комиссіей,—«республиканскія мысли стали брать верхъ надъ монархическими, хотя члены еще говорили, что если императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями».

Въ январѣ 1821 г. въ Москвѣ былъ съѣздъ Союза благоденствія. На этомъ съѣздѣ, между прочимъ, Мих. Орловъ сдѣлалъ предложеніе завести типографію или литографію для печатанія статей противъ правительства и фабрику фальшивыхъ ассигнацій. Изъ-за второй части предложенія не прошла первая, и Орловъ вышелъ изъ общества.

Въ виду того, что въ обществѣ было много ненадежныхъ членовъ, привлеченныхъ его легальными стремленіями, но не достаточно проникнутыхъ конституціонными стремленіями, рѣшено было въ февралѣ 1821 г. объявить Союзъ благоденствія—закрытымъ, въ виду того, что дѣятельность его можетъ навлечь преслѣдованія полиціи. Одинъ изъ членовъ общества, Никита Муравьевъ, именно въ этотъ періодъ приступилъ къ писанію проекта конституціи [1]). Кромѣ того онъ-же написалъ «Катихизисъ»

---

[1]) *Богдановичъ*. Ист. Александра I, т. VI, 428. Среди бумагъ кн. Трубецкого послѣ его ареста былъ найденъ написанный его рукою проектъ конституціи подъ заглавіемъ: „Предположеніе дѣла на-

въ разговорной формѣ подъ заглавіемъ «Любопытный разговоръ».

Интересно, что большинство членовъ общества хорошо понимало связь между политической свободой и освобожденіемъ крестьянъ. Восемнадцатилѣтній юноша, прапорщикъ Тучковъ 1-й, записалъ въ своемъ дневникѣ, что при существованіи крѣпостного права «никогда не истребятся злые властелины, ибо ихъ и много и большая часть ихъ въ ужаснѣйшемъ невѣжествѣ: они любятъ имѣть рабовъ, ибо они сами—рабы, но *не ищутъ своей собственной свободы*, а довольствуются тѣмъ, что могутъ угнетать другихъ» [1]. Въ «союзѣ практическомъ», составлявшемъ часть Сѣвернаго Общества, разсуждали о возможности ввести конституцію въ Россіи. По свидѣтельству Пущина, Тучковъ при этомъ сказалъ: «Мы говоримъ о конституціи для Россіи, а между тѣмъ не видимъ еще примѣра фермы для воздѣлыванія земли свободными людьми». Онъ предложилъ, чтобы общество лучше сначала пріискало средства «убѣдиться въ возможности уничтоженія рабства». Въ совѣщаніяхъ Сѣвернаго тайнаго общества, по словамъ Д. Завалишина, «Г. С. Батенковъ заявлялъ мнѣніе Сперанскаго, что освобожденію крестьянъ должно предшествовать введеніе конституціи и что тогда освобожденіе совершится легче» [2].

А. С. Пушкинъ полагалъ (въ 1822 г.), что ограниченіе въ XVIII в. самодержавной власти аристократіей было-бы вредно для интересовъ народа, «нынче-же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ.

чертанія устава положительнаго образованія. когда Е. И. В. благоугодно будетъ съ помощію всевышняго учредить Славяно-Русскую Имперію". Это—копія первоначальнаго наброска конституціи Никиты Муравьева. Сохранилась копія, написанная Рылѣевымъ.

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1900, № 8 „А. А Тучковъ и его дневникъ 1818 года".

[2]) Д. Завалишинъ, „Декабристы", „Русск. Вѣстн." 1884, № 2, с. 844.

Когда делегаты отъ южныхъ группъ Союза благоденствія возвратились на югъ и доложили объ этомъ тамошнимъ членамъ (въ Тульчинѣ), то южныя группы рѣшили продолжать свое самостоятельное существованіе и приняли имя «Южнаго» тайнаго общества. Во главѣ Южнаго общества стали Пестель и Юшневскій. Въ Петербургѣ нѣкоторыя группы продолжали свое существованіе, пока не объединились, при дѣятельномъ соучастіи Никиты Муравьева въ «Сѣверное» тайное общество въ 1822 г. Во главѣ Сѣвернаго общества стали Никита Муравьевъ, кн. Оболенскій и Н. И. Тургеневъ. При этомъ послѣдній неоднократно заявлялъ, что главной его цѣлью было достиженіе свободы помѣщичьихъ крестьянъ, распространеніе въ Россіи народнаго образованія и свободной печати. Въ 1822 г. шли дѣятельныя сношенія между Сѣвернымъ и Южнымъ обществами по поводу программы и тактики. Пестель и Н. Муравьевъ не могли согласиться между собою о формѣ правленія. Въ то время, какъ Пестель стоялъ за республику, Муравьевъ заявлялъ, что въ принципѣ онъ тоже за республику, но считаетъ необходимымъ вырабатывать монархически-конституціонный проектъ, ради вновь принимаемыхъ членовъ.

Переходя къ изложенію конституціонныхъ плановъ декабристовъ, замѣтимъ, что, по показанію Н. Муравьева,—цѣль Сѣвернаго общества [1]) была слѣдующая:—«введеніе представительнаго правленія монархическаго. Средство достиженія сего было распространеніе представительныхъ понятій». На основаніи «Донесенія слѣдственной комиссіи» (1826 г.) были обнаружены слѣдующіе конституціонные проекты: Новикова, племянника извѣстнаго Н. И. Новикова (объ этомъ проектѣ почти нѣтъ ника-

---

[1]) „Донесеніе" говоритъ, что оба общества имѣли „одну цѣль: испроверженіе существующаго порядка, и въ обоихъ уже занимались сочиненіемъ законовъ для преобразованія Россіи".

кихъ свѣдѣній) [1]); Никиты Мих. Муравьева; Пестеля, подъ названіемъ «Русская Правда»; затѣмъ проектъ, найденный въ бумагахъ Трубецкаго—списокъ съ конституціи Муравьева, и найденный у Сергѣя Муравьева-Апостола «Государственный Завѣтъ»—сокращеніе проекта Пестеля. Кромѣ того, изслѣдованіе въ государственномъ архивѣ, произведенное В. И. Семевскимъ, показало существованіе необнародованныхъ еще конституціонныхъ проектовъ: Батенкова и неизвѣстнаго [2]).

Слѣдовательно извѣстны до сихъ поръ болѣе или менѣе точно 2 проекта: Муравьева и Пестеля. Въ общихъ чертахъ проектъ Муравьева былъ таковъ [3]):

Ст. 1 проекта гласитъ: «Русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства»; ст. 2 «Источникъ верховной власти есть *народъ*, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя»; ст. 3 опредѣляетъ «гражданство»: «Гражданство есть право опредѣленнымъ въ семъ уставѣ порядкѣ участвовать въ общественномъ управленіи: *посредственно*, т. е. выборомъ чиновниковъ или избирателей, *непосредственно*, т. е. быть самому избираемымъ въ какое-либо общественное званіе по законодательной, исполнительной, или судебной власти». Граждане суть жители

---

1) По показанію Пестеля, конституція, предложенная въ началѣ тайнаго общества Новиковымъ, была совершенно сходна съ тою, которая введена въ Сѣвер. Амер. Соед. Штатахъ. *Богдановичъ*, т. VI, с. 452.

2) Имѣющіе вскорѣ выйти въ свѣтъ результаты изслѣдованій и работъ В. И. Семевскаго въ государственномъ архивѣ по дѣлу декабристовъ представляютъ чрезвычайный интересъ для историковъ той эпохи.

3) Конституціи предшествовало вступленіе, въ которомъ доказывалось, что лишь „федеральное правительство, подъ надзоромъ государя, можетъ согласить *величіе народа* и *свободу гражданъ*“. *Богдановичъ*, т. VI, прилож. 37.

Россійской имперіи, которые пользуются правами выше определенными. Чтобы быть гражданиномъ необходимы слѣдующія условія: не менѣе 21 года возраста, извѣстное и постоянное жительство, здравіе ума, личная независимость, исправность платежа общественныхъ повинностей, необрочность предъ лицомъ закона.

Во главѣ о правахъ и обязанностяхъ русскихъ нанаходятся слѣдующія постановленія:

Всѣ русскіе равны предъ закономъ (13). Каждый обязанъ нести общественныя повинности, повиноваться законамъ и властямъ отечества и являться на защиту родины, какъ потребуетъ того законъ. Крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются. Рабъ, прикоснувшійся землѣ русской, становится свободнымъ.

Раздѣленіе между благородными и простолюдинами не принимается, поелику оно изображеніе гордости и высокомѣрія и противно христіанской вѣрѣ, по которой всѣ люди—братья, всѣ рождены благо, ибо рождены по волѣ Божіей, всѣ рождены для блага и всѣ *просто люди*, ибо всѣ предъ нимъ слабы».

Особою статьей устанавливается свобода печати съ отвѣтственностью въ опредѣленныхъ случаяхъ передъ судомъ присяжныхъ. Судъ присяжныхъ долженъ примѣняться ко всѣмъ тяжбамъ цѣнностью выше 20 рублей. Всякое уголовное дѣло производится предъ присяжными.

Личность неприкосновенна. Подозрѣваемый преступникъ можетъ быть взятъ подъ стражу, но въ 24 часа должно ему объявить письменно о причинѣ его задержанія, иначе онъ немедленно освобождается.

Никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ въ силу закона, обнародованнаго до преступленія и правильно и законнымъ образомъ приведеннаго въ исполненіе. Законъ долженъ точно опредѣлить, какимъ чиновникамъ и при какихъ обстоятельствахъ предоставляется право давать письменныя приказанія, подъ строгой, личной ихъ отвѣтственностью, о задержаніи гражданина, о домовомъ

обыскѣ у него, о захватѣ его бумагъ, о распечатаніи его писемъ.

Проектъ признаетъ свободу обществъ и союзовъ. Граждане имѣютъ право составлять всякаго рода общества и товарищества, не испрашивая о томъ ни у кого дозволенія или утвержденія, только бы дѣйствія общества не были противозаконны.

Гражданамъ принадлежитъ право жалобы и право петицій, обращаемыхъ или къ народнымъ представителямъ, или къ императору, или къ мѣстнымъ собраніямъ.

Провозглашается полная свобода вѣроисповѣданій.

Что касается политическаго устройства Россіи, то оно рисовалось Муравьеву въ слѣдующемъ видѣ: Вся Россія дѣлится въ законодательномъ и исполнительномъ отношеніи на 13 державъ и 2 области [1]); державы и области дѣлятся на уѣзды или повѣты, уѣзды и повѣты—на волости. Въ судебномъ отношеніи Россія дѣлится на судебные округа, равные нынѣшнимъ губерніямъ.

Каждая держава имѣетъ свою державную столицу, это слѣдующіе города: Гельсингфорсъ, Градъ св. Петра, Рига, Вильно, Смоленскъ, Кіевъ, Тифлисъ, Харьковъ, Ярославль, Казань, Саратовъ, Тобольскъ, Иркутскъ; столицы областей—Москва и Черкасскъ (новый). Количество жителей въ державахъ—различное. Разсчетъ ведется только по жителямъ мужского пола, и такихъ жителей по всей Россіи считается 22,630,000, а въ отдѣльныхъ державахъ отъ 250,000 (Ленская держава съ Иркутскомъ) и до 3.500,000 (Украинская держава съ Харьковомъ). Въ каждой волости полагается жителей мужского пола отъ 500 до 1500 человѣкъ.

---

[1]) Слѣдующія державы: Ботническая, Балтійская. Заволжская, Западная, Днѣпровская, Бужская, Черноморская, Окинская, Украинская, Низовская, Камская, Кавказская, Обійская и Ленская; области: Славянская и Донская. Петербургъ долженъ былъ стать главнымъ городомъ Ботнической, Москва -Окинской державой. *Богдановичъ*, т. VI, прил. 57.

Ежегодно въ каждой волости должны были происходить выборы волостного старѣйшины. «Въ выборѣ семъ участвуютъ всѣ граждане безъ изъятія и различія». Если мы вспомнимъ, что гражданиномъ назывался тотъ, кто обладаетъ осѣдлостью, душевно здоровъ, лично независимъ и безнедоимоченъ, то нельзя не прійти къ убѣжденію, что въ этомъ отношеніи, при выборахъ старшѣйшины, выборы были всеобщіе въ широкомъ смыслѣ слова. Тѣмъ болѣе, что всѣ крѣпостные должны были, по проекту Муравьева, стать свободными. Равнымъ образомъ, въ данномъ объемѣ совпадали активное и пассивное избирательное право, такъ какъ не было указано никакихъ условій для права быть выбраннымъ въ старѣйшины.

Слѣдующая ступень самоуправленія—уѣздъ или повѣтъ. Въ каждомъ уѣздѣ ежегодно *происходятъ выборы* тысяцкаго, но въ выборахъ этихъ *участвуютъ уже не всѣ* граждане, а только тѣ, которые *владѣютъ недвижимымъ* имуществомъ въ 500 руб., или движимымъ въ 1000 руб. Для тысяцкаго также есть цензъ и при томъ высокій: тысяцкій долженъ имѣть имущество недвижимое въ 30,000 руб. или движимое въ 60,000 руб.

На обязанности тысяцкаго лежитъ веденіе 2 списковъ: въ одномъ спискѣ помѣщаются всѣ граждане, владѣющіе имѣніемъ недвижимымъ цѣною не ниже 5000 руб. или-же движимостью въ 10,000 руб.; во второмъ спискѣ помѣщаются граждане, имѣющіе недвижимое имѣніе въ 30,000 руб. или имѣющіе движимости на 60,000 руб. Граждане перваго списка могутъ быть присяжными и избирателями, а граждане второго списка, пользуясь и этими правами, кромѣ того могутъ быть избираемы въ члены верховной Думы, въ правители державъ, въ тысяцкіе, въ члены державныхъ Думъ, въ члены державныхъ судовъ.

Итакъ, списокъ избирателей заключаетъ въ себѣ всѣхъ гражданъ, имѣющихъ цензъ въ недвижимости не ниже 5000 руб. или въ движимости не меньше 10,000 руб. Этотъ цензъ въ десять разъ превышаетъ тотъ цензъ, какой

требуется отъ избирателя для выборовъ тысяцкаго. Эти избиратели съ высокимъ цензомъ выбираютъ представителей въ палату и членовъ Думы всякой державы.

Каждый годъ, въ послѣднiй вторникъ сентября, граждане собираются на сходки въ установленномъ порядкѣ, въ опредѣленныхъ мѣстахъ (всѣми выборами руководитъ тысяцкiй со своими помощниками) и выбираютъ назначенное число выборныхъ въ державную палату и членовъ державной Думы.

Послѣднiе при первомъ введенiи конституцiи выбираются въ полномъ числѣ, но одна четвертая часть ихъ выходитъ черезъ годъ изъ состава Думы, такъ что затѣмъ ежегодно выбирается только одна четвертая часть державной Думы.

Въ послѣднiй вторникъ ноября мѣсяца, каждый годъ, собираются новоизбранные въ послѣднiй вторникъ сентября выборные державной палаты, а въ послѣднiй понедѣльникъ слѣдующаго ноября они окончательно расходятся, уступая мѣсто новоизбранному собранiю. О цензѣ для пассивнаго избирательнаго права въ державную палату нѣтъ никакихъ указанiй. Очевидно, что активное и пассивное право—совпадали, если даже пассивное—не было шире активнаго избирательнаго права.

Все управленiе страны находится въ рукахъ выборныхъ. Волость выбираетъ ежегодно сама себѣ волостного старѣйшину: всѣ волостные старѣйшины одного уѣзда подчинены тысяцкому, котораго ежегодно выбираетъ уѣздъ. Управленiе державой—болѣе сложное: оно находится въ рукахъ правительственнаго собранiя державы, которое состоитъ изъ двухъ палатъ,—палаты выборныхъ и державной Думы,—и начальника державы, избираемаго центральными представительными собранiями.

Правительственное собранiе каждой державы имѣетъ право: дѣлать постановленiя, касающiяся до внутренняго управленiя державы, но постановленiя эти должны быть сообразны съ основными законами; учреждать налоги для

собственнаго управленія державы и составлять казну для потребностей оной, какъ-то: на мѣстныя дороги, на оплату чиновниковъ исполнительной и судебной власти, на расходы по правительственному собранію. Но общіе налоги на нужды, касающіяся всей Россіи, вѣдаются центральнымъ законодательнымъ собраніемъ; державное собраніе можетъ вѣдать всякаго рода общественныя заведенія, учебныя заведенія и проч., ему, наконецъ, принадлежитъ право возбуждать вопросъ о пересмотрѣ конституціи.

«Донесеніе» слѣдователей по дѣлу декабристовъ показываетъ, что слѣдователи были введены въ заблужденіе широкими правами «державъ» по проекту Муравьева и вообразили, что «онъ предполагалъ монархію, но оставляя императору власть весьма ограниченную, подобную той, которая дана президенту Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и дѣлилъ Россію на независимыя, соединенныя общимъ союзомъ области» [1]). Но Муравьевъ, въ разборѣ «Донесенія», говоритъ, что слѣдственная комиссія «не замѣтила, что независимость областей не согласуется съ монархическимъ правленіемъ, утвержденнымъ сею (Муравьева) конституціею, и упускаетъ изъ виду не безъ цѣли, что областныя собранія не облечены державной властью. Областныя собранія среди совокупленныхъ губерній, вѣдая только распоряженіями и расправами мѣстными, содѣйствовали единству управленія державнаго. Эта конституція не только не стѣсняла исполнительной власти (императорской), но доставляла ей свободу дѣйствія, необходимую для общей пользы; поручала ей соблюденіе державныхъ выгодъ, признавала ея необходимое участіе въ законодательной власти и надзоръ за общимъ ходомъ судопроизводства» [2]).

Но, хотя Муравьевъ правильно указываетъ, что цѣль

---

[1]) „Донесеніе" стр. 18, прим.

[2]) Записки декабристовъ, вып. 2—3, стр. 113—114.

его была не федерація, а только децентрализація, тѣмъ не менѣе на его проектѣ сказываются слѣды изученія штатовъ Сѣверной Америки.

Во главѣ исполнительной власти державы стоитъ державный правитель, который выбирается на три года центральнымъ народнымъ собраніемъ изъ мѣстнаго списка кандидатовъ (съ повышеннымъ цензомъ). Ему принадлежитъ командованіе надъ земскимъ войскомъ своей державы; онъ не имѣетъ, однако, права безъ согласія правительственнаго собранія высылать войско это за предѣлы державы и не имѣетъ права употреблять земское войско противъ мѣстныхъ жителей, доколѣ правительственное собраніе не объявитъ въ державѣ военное положеніе.

ГЛАВА XIII.

Центральное представительство, по проекту Муравьева, должно имѣть слѣдующее устройство: Народное Вѣче, состоящее изъ верховной Думы и палаты народныхъ представителей, облечено всею верховной властью. Подобно тому, какъ управленіе державы организовано въ видѣ 2 палатъ, такъ и центральное представительство, называемое народнымъ вѣчемъ, раздѣлено на двѣ палаты: первая—палата представителей, выбираемая гражданами державъ на 3 года. Число представителей опредѣляется по разсчету одного на 50,000 жителей мужского пола; на первое время оно распредѣляется по державамъ въ самой-же конституціи, и всего предположено 450 представителей, а затѣмъ число представителей мѣняется согласно съ данными народной переписи, которая должна производиться черезъ каждыя 10 лѣтъ.

Конституція Муравьева ничего не говоритъ о цензѣ для представителей: несомнѣнно, что представитель можетъ быть выбранъ изъ состава избирателей, т. е. при условіи ценза въ 5000 руб. въ недвижимомъ имѣніи и 10,000 въ движимомъ; кромѣ того есть статья, говоря-

щая. что для представителя, кромѣ общихъ условій гражданства, требуется только *довѣріе* большаго числа избирателей, со слѣдующимъ однако исключеніемъ: иностранецъ, получившій русское подданство, не можетъ быть избранъ представителемъ раньше семи лѣтъ. Такимъ образомъ, выходитъ, будто-бы пассивное избирательное право было гораздо шире активнаго; но это едва-ли возможно; вѣрнѣе, что активное и пассивное избирательное право совпадали, и это не оговорено лишь по недосмотру.

Для представителя требуется еще два условія: онъ долженъ жить во время избранія въ избравшей его державѣ и не долженъ состоять подрядчикомъ на общественныя требы. Еще объ одномъ ограниченіи, также не стоящемъ въ связи съ цензомъ, будетъ сказано ниже.

Итакъ, палата представителей избирается непосредственно гражданами каждой державы. Члены-же другой палаты, верховной Думы, избираются правительственными сословіями державъ: т. е. въ общемъ засѣданіи обѣихъ державныхъ палатъ. Какъ мы уже видѣли выше, для права быть избраннымъ въ члены верховной Думы надо имѣть высшій цензъ въ 30,000 руб. недвижимой или 60,000 движимой собственности. При введеніи конституціи члены верховной Думы избираются всѣ сразу, но затѣмъ одна треть ихъ мѣняется черезъ каждые два года, т. е. потомъ выборы будутъ на 6 лѣтъ, по одной трети числа членовъ Думы черезъ каждые два года. Число членовъ верховной Думы очень невелико: по два члена отъ каждой державы, два—отъ Московской, одинъ—отъ Донской области, всего 42 человѣка.

Условія для права избранія въ члены верховной Думы таковы: кромѣ указаннаго ценза нужно имѣть 30 лѣтъ отъ роду, 9 лѣтъ гражданства для иностранца и жительство во время избранія въ избирающей державѣ. И въ народные представители, и въ члены Думы не можетъ быть избранъ человѣкъ, на службѣ общественной находящійся; ни представитель народный, ни членъ верховной

Думы въ теченіе того времени, на которое они избраны, не могутъ получить никакого служебнаго назначенія.

Члены Думы и народные представители получаютъ за каждый день, въ который они присутствуютъ въ засѣданіи, по пяти рублей, и кромѣ того они получаютъ при пріѣздѣ на сессію и при возвращеніи по десять рублей прогоновъ на каждыя сто верстъ пути.

Обѣимъ палатамъ предоставляется полная самостоятельность. Каждая изъ нихъ судитъ о законности избранія своихъ членовъ, каждая выбираетъ своего предсѣдателя и устанавливаетъ порядокъ своихъ занятій. Всякое предложеніе можетъ быть поднято въ той или другой палатѣ безразлично, за исключеніемъ вопросовъ, особо поименованныхъ. Принятое въ одной палатѣ передается въ другую. Принятое обѣими палатами поступаетъ на утвержденіе императора, который можетъ утвердить постановленіе палатъ или не утвердить. Въ первомъ случаѣ, постановленіе получаетъ силу закона; во второмъ случаѣ оно возвращается съ возраженіями и замѣчаніями императора въ ту палату, которая первая приняла постановленіе; если палата эта не согласится съ возраженіями и приметъ прежнее постановленіе большинствомъ двухъ-третей голосовъ, оно переходитъ въ другую палату, гдѣ оно также должно быть принято большинствомъ двухъ-третей, и тогда оно становится закономъ. Проектъ, отвергнутый одною изъ палатъ, можетъ быть вновь представленъ только въ слѣдующую сессію народнаго вѣча.

Какъ сказано уже, предложенія могутъ быть дѣлаемы въ той или другой палатѣ безразлично. Но предложеніе новаго налога или набора ратниковъ должно быть разсмотрѣно прежде въ палатѣ представителей. Точно также палата представителей пользуется исключительнымъ правомъ предавать суду сановниковъ имперіи, а верховной Думѣ принадлежитъ право самаго суда надъ ними. Послѣ того какъ она признаетъ обвиняемаго виновнымъ и лишитъ его занимаемаго имъ званія или мѣста, онъ мо-

жетъ быть преданъ общимъ судебнымъ установленіямъ, суду присяжныхъ.

Народное вѣче имѣетъ власть постановлять и измѣнять законы судные и исполнительные, т. е.: 1) издавать для Россіи Уложенія гражданское, уголовное, торговое и военное, уставить учрежденія по благочинію и правила по судопроизводству и внутреннему управленію присутственныхъ мѣстъ; 2) объявлять закономъ, въ случаѣ нашествія или возмущенія, что такая-то область находится на военномъ положеніи; 3) обнародовать законъ о всепрощеніи; 4) распускать правительственныя собранія державъ, въ случаѣ, если-бы они преступили предѣлы своей власти, назначать новые выборы; 5) объявлять войну (заключеніе мира предоставляется императору съ согласія одной верховной Думы); 6) устройство, содержаніе, управленіе, расположеніе, движеніе войскъ сухопутныхъ и морскихъ, система укрѣпленія предѣловъ, береговъ, пристаней, наборъ, пополненіе войскъ и внутренняя стража зависятъ отъ узаконеній народнаго вѣча; 7) налоги, займы, повѣрка расходовъ, пенсіи, жалованья, всѣ сборы и издержки,—однимъ словомъ, всѣ финансовыя мѣры; но вѣче не можетъ утвердить никакого бюджета болѣе чѣмъ на два года; 8) всѣ мѣры правительства о промышленности, о богатствѣ народномъ, объ учрежденіи почтъ, содержаніе и устройство путей сообщенія сухопутныхъ и водяныхъ, учрежденіе банковъ; 9) покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ полезнымъ; 10) постановляетъ правила о порядкѣ службы и о награжденіи чиновниковъ, объ отчетахъ по всѣмъ частямъ управленія; 11) въ соотвѣтственныхъ случаяхъ устанавливаетъ регентство; 12) избираетъ правителей державъ изъ второго (съ крупнымъ цензомъ) списка избирателей всякой державы.

Народное вѣче опредѣляетъ общіе налоги и издержки, предоставляя частные налоги распоряженію правительственныхъ собраній державъ. Старые государственные долги признаются народнымъ вѣчемъ, которое ручается за ихъ уплату.

Но при всей широтѣ правъ, предоставляемыхъ народному вѣчу, проектъ опредѣленно указываетъ ограниченія въ его полномочіяхъ. Народное вѣче не можетъ измѣнять и отмѣнять конституціонные законы, не можетъ вводить новые конституціонные законы. Оно не имѣетъ власти ни постановлять, ни воспрещать какое-либо вѣроисповѣданіе, не можетъ нарушить свободу книгопечатанія или рѣчей. Перемѣны въ конституціи производитъ не народное вѣче, а особое учрежденіе, созываемое спеціально для этой цѣли, это—*народный, державный соборъ*. Подробности организаціи этого собора неизвѣстны. Извѣстно лишь, что это учредительное собраніе созывалось народнымъ вѣчемъ.

Власть главы государства (монарха) Муравьевъ опредѣлялъ такъ:

Власть императора наслѣдственна и переходитъ отъ отца къ сыну; по женской линіи она вовсе не передается. Императоръ имѣетъ право останавливать дѣйствіе законодательной власти и принуждать ко вторичному разсмотрѣнію закона. Онъ—верховный начальникъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Онъ ведетъ переговоры съ иностранными державами, заключаетъ съ ними договоры, при чемъ мирные трактаты онъ заключаетъ съ согласія верховной Думы и не можетъ помѣщать въ нихъ какое-либо ограниченіе правъ россійскихъ гражданъ, а условіе общаго нападенія или уступку какой-либо земельной области онъ можетъ вносить въ трактатъ только съ одобренія народнаго вѣча. Онъ назначаетъ посланниковъ и консуловъ, вообще всѣхъ чиновниковъ, способъ назначенія которыхъ не оговоренъ въ конституціи. Онъ назначаетъ главу каждой отрасли дѣлъ, т. е. министровъ [1]). Онъ не можетъ употреблять войскъ внутри Россіи противъ гражданъ, если

[1]) „Министерствъ было всего четыре: иностранныхъ дѣлъ, военное, морское и финансовъ; прочія-же отрасли правленія имѣли свои высшія инстанціи въ державахъ"... Богдановичъ, VI, 453.

данная мѣстность не объявлена народнымъ вѣчемъ на военномъ положенiи. При вступленiи на престолъ онъ произноситъ присягу въ вѣрности конституцiонному уставу. Для своего содержанiя онъ получаетъ опредѣленную сумму. Лично императоръ не отвѣтственъ: отвѣтственность падаетъ на министровъ по принадлежности.

Далѣе слѣдуютъ главы о царской фамилiи, о царскомъ дворѣ, о назначенiи регентства [1]) и т. п. Излагать ихъ мы не будемъ.

При оцѣнкѣ проекта Муравьева мы должны, воздавая честь ему, какъ славному борцу за свободу, взглянуть, однако, безпристрастно на его проектъ. Прежде всего, конечно, нельзя не отмѣтить выдающихся чертъ его проекта: признанiе верховенства народа, существенное ограниченiе исполнительной власти, отмѣну крѣпостного права, введенiе суда присяжныхъ, и, наконецъ, столь характерную для его проекта широкую автономiю самоуправляющихся областей. Но введенiе чудовищно-громаднаго имущественнаго ценза для участiя въ мѣстномъ и центральномъ самоуправленiи показываетъ, что у Муравьева, вопреки его благородному и демократическому образу мыслей, все-же сказывались классовыя тенденцiи, быть можетъ совершенно безсознательныя и навѣянныя съ Запада, гдѣ (какъ напримѣръ, во Францiи) въ это время право участiя въ законодательствѣ связывалось съ высокимъ имущественнымъ цензомъ.

Сравнивая проектъ Муравьева съ предшествовавшими ему проектами Сперанскаго (1809 и 1813 г.) и Новосильцова (1819 г.), нельзя не признать, что, въ общемъ,

[1]) Сущность конституцiи Муравьева изложена нами на основанiи слѣдующихъ источниковъ: *Богдановичъ*, т. VI; Записки декабристовъ, вып. 2—3., Замѣчанiя Н. М. Муравьева и Лунина на „Донесенiе“; *Якушкинъ*, „Изъ исторiи государственной власти въ Россiи“, „Русск. Вѣдомости„, 1905 г., № 137, вторн. 24 мая; „Русск. Архивъ“, 1870 г. стр. 1639—41.

онъ стоитъ выше, чѣмъ названные проекты. Правда, во второмъ проектѣ и Сперанскій признаетъ народный суверенитетъ, но не дѣлаетъ отсюда должныхъ выводовъ. Муравьевъ точно и подробно перечисляетъ права человѣка и гражданина, которыя почти отсутствуютъ у Сперанскаго и весьма неудовлетворительно изложены Новосильцовымъ. Умѣстно отмѣтить здѣсь также то, что мысль о необходимости перейти къ областному дѣленію Россіи съ самоуправленіемъ областей является общей и Муравьеву, мечтающему о полномъ переустройствѣ Россіи, и Новосильцову, дѣловито и по чиновничьи разрабатывающему конституціонный проектъ.

Планъ Муравьева находилъ себѣ защитниковъ преимущественно въ Сѣверномъ обществѣ, тогда какъ «южане» стояли на республиканской точкѣ зрѣнія Пестеля и за его политическіе иеалы.

Проектъ Пестеля, являвшійся результатомъ его размышленій, была «Русская Правда» или «заповѣдная государственная грамота великаго народа Россійскаго, служащая завѣтомъ для усовершенствованія государственнаго устройства и содержащая вѣрный наказъ какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правленія».

Проектъ этотъ былъ совершенно противоположенъ федеративному устройству, предположенному Муравьевымъ, которое Пестель рѣзко порицалъ и ради опроверженія котораго онъ написалъ обстоятельное разсужденіе. Пестель доказывалъ, что Россія, благодаря федеративному устройству, «снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенный древней Россіи удѣльной системой, которая также была не что иное, какъ родъ федеративнаго устройства государства», и вслѣдствіе разнородности ея частей «скоро потеряетъ не только свое могущество, величіе и силу, но даже, можетъ быть, и бытіе свое между большими или главными государствами». Его идеаломъ было *единое*, тѣсно сплоченное государство. Затѣмъ, не нравилось Пестелю и предпочтеніе, отдаваемое

Муравьевымъ богатству въ ущербъ личнымъ качествамъ гражданъ [1]).

Итакъ, повторяемъ, Пестель былъ централистомъ. Для большей сплоченности государства онъ считалъ необходимымъ національное объединеніе входящихъ въ его составъ племенъ и народностей. «Россія,—провозглашалъ онъ,—есть государство единое и нераздѣлимое», нераздѣлимое въ смыслѣ единства верховной власти, образа правленія и законовъ для всѣхъ частей государства. «Всѣ племена должны быть слиты въ одинъ народъ» [2]). Временное верховное правленіе должно было стремиться къ «совершенному обрусенію» всѣхъ племенъ въ Россіи обрѣтающихся. Пестель обязывалъ временное верховное правленіе держаться такой политики не только по отношенію къ различнымъ русскимъ племенамъ (россіяне, малороссіяне, украинцы, бѣлоруссы), которые различаются между собою только «малыми оттѣнками» и должны быть «слиты въ одну общую форму», но и по отношенію къ иноплеменнымъ народностямъ, подчиненнымъ Россіи, напримѣръ, къ финляндцамъ. Совершенно иначе Пестель относился въ Польшѣ: для нея онъ требуетъ независимости съ возстановленіемъ ея старыхъ границъ.

На первый взглядъ онъ тутъ отрицаетъ всѣ только что установленные принципы: Финляндія не только должна быть лишена привиллегированнаго положенія государства въ государствѣ, дарованнаго ей Александромъ I-мъ, но и должна быть слита съ Россіей обрусительными мѣропріятіями; для Польши-же совсѣмъ наоборотъ. Столь противорѣчивое отношеніе Пестеля къ полякамъ и финляндцамъ, а вмѣстѣ съ этими послѣдними и ко всѣмъ инородцамъ въ Россіи возникло изъ его боязни допустить хотя-бы тѣнь федераціи. Благо государства (государственное

---

[1]) *Богдановичъ*, т. VI, 453.

[2]) „Всѣ племена, населяющія Россійское государство принимаютъ названіе русскихъ“.

благоустройство) требуетъ тѣснаго объединенія, полнаго сліянія всѣхъ частей, всѣхъ подчиненныхъ народностей. Но, разъ подчиненная народность слишкомъ сильна для полнаго подчиненія и имѣетъ историческія права на самостоятельное національное существованіе, то Пестель предпочиталъ дать ей независимость: средняго рѣшенія онъ не допускалъ. Въ польскомъ вопросѣ «право народности» побѣжденнаго должно пересилить, по его мнѣнію, право побѣдителя.

Что касается сословнаго вопроса, то Пестель опредѣлилъ къ нему свое отношеніе заранѣе: «Обращалъ я также мысли на положеніе народа, при чемъ всегда сильно поражало меня рабство помѣщичьихъ крестьянъ, а равно дѣйствовали на меня преимущества аристократіи, которую считалъ я—такъ сказать—стѣною между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха, ради собственныхъ выгодъ, истинное положеніе народа укрывающею» [1]. И дальше: «Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на происхожденіи основанными» [2]. На основаніи этихъ разсужденій Пестель возлагалъ «уничтоженіе рабства и крѣпостного состоянія на временное верховнее правленіе», называя это «священнѣйшей и непремѣннѣйшей его обязанностью». «Обладать другими людьми, какъ собственностью своею, продавать и т. д.—«есть дѣло постыдное, противное человѣчеству, противное законамъ естественнымъ, противное святой вѣрѣ христіанской»... «И потому не можетъ въ Россіи долѣе существовать позволеніе одному человѣку имѣть и называть другого своимъ крѣпостнымъ рабомъ. Рабство должно быть рѣшительно уничтожено и дворянство должно непремѣнно навѣки отречься отъ гнуснаго преимущества обладать дру-

---

[1]) *Богдановичъ*, т. VI, с. 447.

[2]) Чрезвычайно интересное замѣчаніе.

гими людьми;... но ежели-бы, паче всякаго чаянія, нашелся извергъ, который-бы словомъ или дѣломъ вздумалъ-бы сему дѣйствію (освобожденію) противиться или оное осуждать, то временное верховное правленіе обязывается всякаго таковаго злодѣя безъизъятно немедленно взять подъ стражу и подвергнуть его строжайшему наказанію, яко врага отечества и измѣнника противу первоначальнаго коренного права гражданскаго» [1]).

Мы не будемъ касаться подробностей основаній, на которыхъ Пестель предполагалъ освобожденіе крестьянъ [2]). Съ освобожденіемъ крестьянъ дворянство лишалось главной своей привиллегіи. Пестель требовалъ, чтобы оно лишено было, вмѣстѣ съ рабовладѣльческой, и всѣхъ другихъ привиллегій; равнымъ образомъ, лишались привиллегій и прочія сословія: «Всѣ люди въ государствѣ имѣютъ одинаковое право на всѣ выгоды, государствомъ доставляемыя, и всѣ имѣютъ равныя обязанности нести всѣ тягости, нераздѣльныя съ государственнымъ устройствомъ». Изъ сего слѣдуетъ, «что учрежденіе сословій непремѣнно должно быть уничтожено, что всѣ люди въ государствѣ должны составлять только одно сословіе, могущее называться гражданскимъ, и что всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ-же права и быть предъ закономъ всѣ равны».

Россійскимъ гражданамъ временное верховное правленіе должно обезпечить свободу личную, свободу вѣроисповѣданія, свободу книгопечатанія (съ отвѣтственностью авторовъ въ общемъ судебномъ порядкѣ), свободу промышленности. Но право составлять частныя общества съ опредѣленною цѣлью признается излишнимъ; всякія частныя общества «должны быть совершенно запрещены, какъ открытыя, такъ и тайныя, потому что первыя безполез-

---

[1]) „Крестьянскій строй“, 229.

[2]) Объ этомъ см. статью В. И. Семевскаго въ вышеуказанной книгѣ.

ны, а послѣднія -- вредны». Что касается мѣстнаго управленія, то, по мысли Пестеля, всѣ граждане, приписанные къ волости, составляютъ земское собраніе, избираютъ представителей въ намѣстныя собранія: волостныя, уѣздныя и окружныя. Земскія собранія составляются исключительно для выборовъ лицъ въ собранія намѣстныя. Окружныя (губернскія) намѣстныя собранія избираютъ представителей въ собранія областныя, а эти послѣдніе и назначаютъ представителей въ народное вѣче, образующее верховную законодательную власть. Во главѣ управленія каждой области стоитъ генералъ-губернаторъ, или главный областной посадникъ; ему подчинены шесть управъ (правосудія, благочинія, духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія, хозяйства и казначейства), члены коихъ предсѣдатель, прокуроръ и трое засѣдателей назначаются отъ государя. Главный посадникъ (генералъ-губернаторъ) предсѣдательствуетъ въ областныхъ собраніяхъ, но «безъ совѣщательнаго голоса». Обязанности посадника опредѣлены, напримѣръ, такъ: «Онъ есть главный блюститель области» и «обязанъ содержать связь между областными управами и между его областью и прочими частями государства», т. е. наблюдать, «дабы справедливыя и законныя требованія одной управы непремѣнно исполняемы были другою». Въ вопросѣ о власти судебной Пестель излагалъ самые передовые взгляды того времени: требовалъ публичнаго судопроизводства съ присяжными (но не по назначенію или избранію, а по спискамъ). «Смертная казнь никогда не должна быть употребляема».

По даннымъ, сообщеннымъ Бестужевымъ-Рюминымъ — Спиридову, въ формѣ «Государственнаго Завѣта», вкратцѣ излагавшаго «Русскую Правду», государство раздѣляется на 3 округа: Столичный, Донской и Кавказскій, и на десять губерній, губерніи—на уѣзды, уѣзды—на волости, каждая въ тысячу душъ. Земля въ волостяхъ раздѣляется на участки, и каждому гражданину дается одинъ изъ участковъ: остающаяся-же отъ раздачи земля составляетъ

имущество всей волости и отдается въ наемъ, но не болѣе какъ на одинъ годъ. Народное управленіе сосредоточивается въ Москвѣ или Нижнемъ-Новгородѣ. Подать платится съ земли. Каждая волость имѣетъ два списка: *волостной и скарбовый*; всякій изъ гражданъ вносится въ первый изъ сихъ списковъ только въ одной волости, что означаетъ его политическое состояніе; но онъ можетъ быть записанъ въ скарбовыхъ спискахъ многихъ волостей, по своему имуществу. Законодательная часть поручается *народному вѣчу*, состоящему изъ депутатовъ, выбранныхъ на одинъ годъ (по показанію Шимкова—на 5 лѣтъ); исполнительная-же принадлежитъ *державной думѣ*, изъ пяти депутатовъ, также выбранныхъ изъ среды народа на одинъ годъ (по показанію Шимкова—на 5 лѣтъ). Первымъ дается право объявлять войну и заключать миръ, а послѣднимъ вести войну и переговоры о мирѣ.

Кромѣ сихъ двухъ властей есть еще блюстительное сословіе (или по показанію Муравьева—«власть умѣрительная»), именуемое *верховнымъ соборомъ* и состоящее изъ пятидесяти (по словамъ Шимкова изъ 120) членовъ, избираемыхъ народомъ на всю жизнь и называемыхъ *боярами*; они должны удерживать законодательную и исполнительную власть въ предѣлахъ законности. Никакой законъ, изданный народнымъ вѣчемъ, не можетъ быть приведенъ въ исполненіе державной думой безъ утвержденія верховнаго собора. Каждый изъ гражданъ долженъ быть увѣдомленъ о предполагаемомъ законѣ и можетъ дѣлать на него замѣчанія. Войска повинуются верховной думѣ, и только по выступленіи ихъ за предѣлы отечества главнокомандующій принимаетъ надъ ними начальство. Губерніи управляются воеводами и посадниками [1]).

Къ этому добавимъ изъ показаній Муравьева, что «вѣче» должно было состоять изъ 1000 человѣкъ, избранныхъ на два года. Половина вѣча ежегодно возобновля-

---

[1]) *Богдановичъ*, т. VI, 483—4.

лась. Кандидаты въ верховный соборъ избирались народнымъ вѣчемъ. Всѣ совершеннолѣтніе жители мужского пола принимали участіе въ выборахъ—въ мѣстныхъ прямой,—въ общегосударственныхъ—двухстепенной подачей голосовъ.

Такова была, въ общихъ чертахъ, Русская Правда, извѣстная до сихъ поръ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало. Въ общихъ чертахъ она похожа на французскую конституцію директоріи.

Что касается практическихъ мѣропріятій, то оба общества (Сѣверное и Южное) сходились на необходимости вооруженнаго возстанія, замѣны самодержавія—временнымъ правительствомъ и созыва народныхъ представителей для выработки государственнаго устройства. По этому поводу имѣется планъ, найденный въ бумагахъ Трубецкого, заключающій въ себѣ:

«А. Исчисленіе предметовъ, кои предполагалось объявить въ сенатскомъ манифестѣ объ учрежденіи временнаго правительства: 1) уничтоженіе прежняго правительства; 2) учрежденіе новаго *временнаго*, до установленія *постояннаго* выборными отъ народа; 3) свобода печати; 4) свобода богослуженія; 5) уничтоженіе владѣнія крѣпостными людьми; 6) равенство всѣхъ гражданъ передъ законами, и потому отмѣна военныхъ судовъ и судныхъ комиссій; 7) объявленіе права каждому избирать родъ занятій и занимать всякія должности; 8) сложеніе подушныхъ и недоимокъ; 9) уничтоженіе монополій; 10) уничтоженіе рекрутской повинности и военныхъ поселеній; 11) сокращеніе срока службы для нижнихъ чиновъ и уравненіе воинской повинности для всѣхъ сословій; 12) увольненіе въ отставку всѣхъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ; 13) учрежденіе волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ управленій и назначеніе въ нихъ членовъ по выбору, въ замѣнъ всѣхъ нынѣшнихъ чиновниковъ; 14) гласность судовъ; 15) введеніе суда присяжныхъ въ суды уголовные и гражданскіе.

«Б. Временное правительство состоитъ изъ двухъ—трехъ лицъ. Ему поручается привести въ исполненіе:

1) Уравненіе правъ всѣхъ состояній.

2) Образованіе волостныхъ, уѣздныхъ и проч. управленій.

3) Образованіе внутренней народной стражи.

4) Образованіе судной части съ присяжными.

5) Уравненіе рекрутской повинности.

6) Распущеніе постоянной арміи.

7) Учрежденіе порядка выборовъ въ палату народныхъ представителей, кои долженствуютъ установить на будущее время образъ правленія и государственные уставы».

Таковы должны были быть задачи временнаго правительства декабристовъ.

Упомянемъ, что кромѣ Сѣвернаго и Южнаго обществъ къ началу 1825 года сорганизовалось общество «Славянскій Союзъ» или «Соединенныхъ Славянъ». «Это общество имѣло главной цѣлью [1]) освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластія; уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ». Девизъ этого общества былъ: восемь слявянскихъ племенъ (Россія, Польша, Богемія, Моравія, Далмація, Кроація, Венгрія съ Трансильваніей, Сербія съ Молдавіей и Валахіей), союзныхъ между собою и окруженныхъ четырьмя морями (Балтійскимъ, Бѣлымъ, Чернымъ и Адріатическимъ [2]). «Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться

---

[1]) „Русск. Архивъ“, 1882 г., окт. 2, Записки неизвѣстнаго (Горбачевскаго), с. 443—444.

[2]) Богдановичъ, т. VI, 480.

внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній». «Славяне» полагали началами общественнаго блага—«промышленность, нравственность и просвѣщеніе».

«Никакой переворотъ не можетъ быть успѣшенъ безъ согласія и содѣйствія цѣлой націи: посему прежде всего должно приготовить народъ къ новому образованію гражданскаго существованія и потомъ уже дать ему оный»... «Хотя военныя революціи быстрѣе достигаютъ своей цѣли, но слѣдствія оныхъ опасны: онѣ бываютъ не колыбелью, а гробомъ свободы, именемъ которой совершаются»...

Трудно сказать, во чтобы вылилась и чѣмъ закончилась дѣятельность тайныхъ обществъ, если-бы не чрезвычайныя происшествія послѣ смерти императора Александра I-го. Въ Петербургѣ рѣшено было попытаться устроить возстаніе. 8 декабря 1825 года былъ одобренъ слѣдующій планъ дѣйствій [1]).

«Воспользоваться случаемъ, чтобы:

1) Пріостановить дѣйствіе самодержавія, назначить временное правительство, которое учредило-бы въ губерніяхъ камеры для избранія депутатовъ.

2) Стараться, чтобы были установлены двѣ палаты, изъ коихъ въ верхней члены были-бы опредѣляемы на всю жизнь.

3) Употребить на сіе войска, кои не согласятся присягать императору Николаю I, не допуская ихъ до безпорядковъ и стремясь только къ умноженію числа ихъ.

«Въ послѣдствіи-же для утвержденія конституціонной монархіи:

«Учредить провинціальныя палаты для мѣстнаго законодательства; обратить военныя поселенія въ народную стражу; отдать городовому правленію (муниципалитету)

[1]) „Донесеніе“, стр. 40.

крѣпость Петропавловскую [1]), помѣстить въ ней городскую стражу и городовой совѣтъ; провозгласить независимость университетовъ: московскаго, дерптскаго и виленскаго».

Члены тайныхъ обществъ сознавали, что попытка ихъ можетъ быть и будетъ неудачной, но, тѣмъ не менѣе, они 14 дек. 1825 года, въ день, назначенный для присяги императору Николаю I-му, двинулись съ частью войскъ, перешедшей на ихъ сторону, на Сенатскую площадь, съ криками: «Да здравствуетъ конституція!»

Возстаніе было подавлено, какъ въ Петербургѣ, такъ и на югѣ. Пятеро борцовъ за свободу (Пестель, Рылѣевъ, Каховскій, Бестужевъ-Рюминъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ) погибли на висѣлицѣ, десятки были сосланы въ Сибирь, на каторгу, и на поселеніе, сданы въ солдаты, посажены въ крѣпость и т. д. Тайныя общества были разгромлены. Реакція торжествовала побѣду.

„Смолкли честные, доблестно павшіе,
„Смолкли ихъ голоса одинокіе,
„За несчастный народъ вопіявшіе"...

ГЛАВА XIV.

14 декабря 1825 года русскій конституціонализмъ потерпѣлъ такое чудовищное пораженіе, что проявиться могъ не раньше, какъ черезъ 30 лѣтъ. Императоръ Николай I, съ оружіемъ въ рукахъ защитившій при вступленіи на престолъ свои верховныя, самодержавныя права, отнюдь не былъ склоненъ къ какому-бы то ни было ограниченію своей власти. Наоборотъ, всю жизнь помнилъ онъ о возстаніи декабристовъ, неоднократно высказывая мысль, что проявлявшійся изрѣдка и робко либерализмъ—это «остатки»..., подлежащіе искорененію.—«Ce sont mes amis du quatorze»—повторялъ онъ въ подобныхъ случаяхъ («Это мои *друзья* 14-го декабря»). Даже умирая

---

[1]) О коей поэтому Батенковъ выразился: „Вотъ палладіумъ русскихъ вольностей".

онъ счелъ нужнымъ высказать благодарность Преображенскому полку за защиту Зимняго дворца въ роковой день 30 лѣтъ назадъ. Говоря словами поэта:

„Съ раннихъ лѣтъ испуганный крамолой,
„Онъ подавилъ измученную землю“.

Тридцатилѣтнее его царствованіе было высшимъ моментомъ въ развитіи полицейскаго государства: Россіей, по собственному выраженію императора Николая, управляли столоначальники.

Самъ онъ не разъ говорилъ, что онъ понимаетъ монархію (неограниченную) и республику, но не можетъ понять конституціоннаго правленія. Въ его царствованіе ни разу не былъ собранъ финляндскій сеймъ (какъ, впрочемъ, не былъ онъ собранъ съ 1809 по 1863 годъ), а польская конституція послѣ 1831 г. была уничтожена. Онъ считалъ своимъ долгомъ поддерживать «законное», монархическое и неограниченное правленіе въ Зап. Европѣ. и непремѣнно вмѣшался-бы въ западно-европейскія дѣла въ 1830 году, если-бы не возстаніе Польши, послужившей оплотомъ революціи отъ ударовъ восточной, самодержавной имперіи.

Въ 1848 году русскія войска были двинуты въ Венгрію, возставшую противъ австрійскаго абсолютизма и за національную независимость. Къ концу 30-лѣтія (1825—1855 гг.) въ Европѣ боялись самодержавной Россіи и въ то же время ее ненавидѣли.

Когда побѣда оказалась въ рукахъ правительства, многіе конституціоналисты александровской эпохи, даже со штемпелемъ оффиціальнаго конституціонализма, какъ Сперанскій и Мордвиновъ, поспѣшили отречься отъ своихъ взглядовъ. Правда, послѣдніе два особенно старались очистить себя отъ подозрѣній, такъ какъ были довольно основательныя предположенія, что декабристы предназначали именно ихъ обоихъ во временное правительство. Мордвиновъ въ обширной запискѣ, поданной императору Николаю, говорилъ: «Въ Россіи умствованія и толки о кон-

ституціи происходили со стороны тѣхъ, кои, бывъ нѣсколько въ свѣтѣ и начитаны, полагали себя чрезвычайно умными, хотя и весьма далеко того не достигали, ибо, не имѣя никакихъ опытовъ, не умѣли ни мыслить здраво, ни судить о вещахъ глубоко, ниже примѣнить оныя къ обстоятельствамъ, образу мыслей, характеру жителей и мѣстному положенію». Конституція въ такой обширной странѣ, какъ Россія, по мнѣнію Мордвинова, «образовала-бы правленіе аристократическое, а изъ сего неминуемо послѣдовала-бы анархія, изъ коего (sic) послѣ разоренія общее и раздробленіе государства». Мордвиновъ полагалъ, что «ничего столь не *вредно*, какъ власть, данная *аристократамъ*; они закона не любятъ или желаютъ быть выше закона, гдѣ-же поселятъ и распространятъ свою власть, тамъ государство должно прійти къ паденію... Подтверждается опытомъ цѣлаго міра и черезъ многіе вѣка, что ни одно великое государство не можетъ держаться, а еще менѣе быть сильнымъ и могущественнымъ безъ сильной монархической самодержавной власти».

Такимъ образомъ, Мордвиновъ отрекался отъ всего, за что раньше такъ энергично высказывался. Къ срединѣ 30-хъ годовъ и Сперанскій, несомнѣнно, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости самодержавной власти, совершивши, такимъ образомъ, постепенную эволюцію въ своихъ политическихъ взглядахъ. Въ своихъ бесѣдахъ «О законахъ» съ наслѣдникомъ цесаревичемъ (въ началѣ 1836 г.) Сперанскій высказывалъ слѣдующія мысли:

(§ 94). «Основные законы изображаютъ порядокъ, коимъ власть верховная дѣйствуетъ въ законодательствѣ и въ правленіи, а какъ власть верховная не можетъ принадлежать, какъ только *лицу державному*, то прежде всего основные законы опредѣляютъ порядокъ, коимъ лицо сіе облекается верховною властію и означаютъ пространство его власти» [1]).

---

[1]) „Руководство къ познанію законовъ". Соч. гр. Сперанскаго. СПБ., 1845 г., стр. 48.

(§ 172). «Есть два рода свободы въ общежитіи: гражданская и политическая.—Первая есть участіе въ правѣ собственности; вторая—участіе въ правѣ державномъ. Для аристократіи нужна и та, и другая; но для народа нужна *только* первая, и если она постановлена на твердыхъ законахъ, укоренена во нравахъ и обычаяхъ, то благосостояніе его обезпечено. Народъ, даже и въ республикѣ, не можетъ быть самъ по себѣ законодателемъ».

(§ 173). ...«Тамъ, гдѣ существуетъ чистая форма монархическая, нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ, нѣтъ матеріальныхъ выгодъ для народа желать перейти въ форму смѣшанную» (т. е. такую, гдѣ государь раздѣляетъ державную власть съ народомъ) «даже и тогда, когда-бы переходъ сей могъ быть совершенъ безъ потрясенія. Частныя пользы нѣкоторыхъ классовъ народа не суть истинныя пользы всего народа, и часто даже бываютъ имъ противоположны».

Подъ нѣкоторыми классами Сперанскій подразумѣвалъ «классъ родовой знаменитости, классъ промышленный, классъ наукъ и знаній».

Въ § 101 Сперанскій объяснялъ: «Слово: *неограниченность власти* означаетъ то, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри имперіи не можетъ положить предѣловъ верховной власти Россійскаго Самодержца. Но предѣлы власти, имъ самимъ постановленные, извнѣ государственными договорами, внутри словомъ императорскимъ, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а слѣдовательно и право самодержавное, потолику есть право, поколику оно основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается неправда, кончается право и начинается самовластіе. Ни въ какомъ случаѣ Самодержецъ не подлежитъ суду человѣческому, но во всякихъ случаяхъ онъ подлежитъ однако-же суду совѣсти и суду Божію».

(§ 177). «То, что называется *деспотизмомъ*, не есть

правильная форма монархіи, такъ-же какъ и анархія не есть форма республики. То и другое суть двѣ крайности, временно и случайно, отъ силы происшествій, а не отъ права возникающія. Деспотизмъ, какъ постоянная форма правленія, былъ-бы превращеніе права державнаго въ право собственности; преложеніе обязанностей подданнаго въ рабство».

Такимъ образомъ, въ 1836 году Сперанскій находилъ, что единственное ограниченіе власти монарха можетъ быть лишь въ его совѣсти, которая должна дать ему возможность отличить правду отъ неправды и удержать его отъ самовластія. Однако, еще въ 1826 году, можно предполагать, Сперанскій высказался за представительство отъ народа при разсмотрѣніи законопроектовъ [1]). Цѣлый рядъ мѣстъ изъ проектовъ Сперанскаго совпадаетъ съ запиской на французскомъ языкѣ о государственномъ совѣтѣ (Memoires sur le conseil de l'empire), поданной неизвѣстнымъ лицомъ въ «комитетъ 6 декабря 1826 года». Этотъ комитетъ, учрежденный 6 дек. 1826 г., состоялъ изъ высшихъ сановниковъ и былъ облеченъ полномочіями пересмотрѣть всѣ бумаги, найденныя въ кабинетѣ императора Александра, а также «нынѣшнее государственное управленіе» и изложить мнѣніе, «что предполагалось, что осталось, что осталось-бы кончить, что нынѣ хорошо, чего оставить и чѣмъ замѣнить». Не касаясь работъ этого комитета вообще, остановимся на запискѣ, приписываемой Сперанскому.

Авторъ всячески старается избѣжать упрека въ конституціонномъ образѣ мыслей при изложеніи своего проекта реорганизаціи государственнаго совѣта. Онъ указываетъ на огромную отвѣтственность абсолютнаго монарха въ его управленіи государствомъ, выгодную его агентамъ и очень опасную самому монарху. Въ основаніи

[1]) *Щегловъ*, Государственный совѣтъ въ Россіи (1801—1901). Ярославль. 1903, стр. 53, и особенно 58—66

государственнаго совѣта Александромъ I авторъ записки видѣлъ, во первыхъ, побужденія нравственнаго свойства, а затѣмъ желаніе государя сложить съ себя огромную отвѣтственность за управленіе. Авторъ находилъ, что вторая цѣль была вовсе недостигнута. Онъ указывалъ на недостатки устройства государственнаго совѣта: характеръ его, какъ придворнаго совѣта, а не публичнаго учрежденія, неудачный способъ пополненія совѣта, отвѣтственность совѣтниковъ только лично предъ монархомъ, неопредѣленность компетенціи и т. п. Поэтому онъ предлагалъ избраніе въ него членовъ дворянствомъ и городами; для замѣщенія каждой вакансіи должно быть избрано по два кандидата отъ дворянскаго сословія. Городамъ предоставляется выбрать одну пятую часть кандидатовъ. Сфера дѣятельности избранныхъ такимъ образомъ депутатовъ отъ сословій должна быть точно обозначена. Эти депутаты въ совѣтѣ содержатся на счетъ довѣрителей и отвѣчаютъ предъ ними за злоупотребленіе своими важными полномочіями. Эти депутаты обязаны заботиться объ общихъ интересахъ страны, нуждахъ всего народа, быть посредниками между монархомъ и подданными. Авторъ записки особенно тщательно подчеркиваетъ въ нѣсколькихъ ея мѣстахъ самостоятельное значеніе этой группы членовъ государственнаго совѣта, на которую онъ возлагаетъ важную миссію установить и поддержать постоянную связь высшаго законодательнаго учрежденія въ Россіи съ отдѣльными ея частями. Государственный совѣтъ въ такомъ составѣ долженъ снять съ государя большую долю отвѣтственности, которую онъ несетъ предъ русскимъ народомъ за свое управленіе. Государственный совѣтъ долженъ перестать быть придворнымъ учрежденіемъ и превратиться въ публичное, законодательное установленіе. *Всѣ* члены совѣта, согласно запискѣ, имѣютъ право законодательнаго почина по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ компетенцію совѣта.

Авторъ записки предупреждалъ возможное возраже-

ніе противъ его предложенія о выборномъ составѣ совѣта, не будетъ-ли такая новизна опасной для самодержавной власти государя. Истинный авторитетъ каждаго монарха выражается, говоритъ онъ, въ публичномъ мнѣніи его отечества и всей Европы о его царствованіи. Съ другой стороны, трудно остановить поступательный ходъ страны. При свѣтѣ просвѣщенія монархъ долженъ заботиться объ увеличеніи могущества государства, не отставая отъ своихъ сосѣдей. Исторія послѣднихъ 40 лѣтъ показываетъ безполезность всякихъ усилій для остановки развитія всей страны. Поэтому монархъ долженъ подумать, чтобы сдѣлать для своего народа все, не прибѣгая, однако, къ конституціонному порядку. Авторъ оговаривался, что, по его проекту, выбранные сословіями члены совѣта -только совѣтники монарха по вопросамъ о народныхъ нуждахъ. Они зависимы отъ воли монарха въ своей дальнѣйшей дѣятельности, не обладаютъ законодательною властью, могутъ только предлагать вопросы общественнаго блага и безсильны повредить авторитету монарха. Авторъ увѣрялъ, что въ средѣ депутатовъ никогда не зародится мысль о присвоеніи себѣ правъ законодательной власти и ниспроверженіи существующаго порядка: это было-бы противорѣчіемъ проектированному устройству совѣта и нелегальнымъ актомъ, который не могло-бы одобрить публичное мнѣніе страны (!). Превращеніе выборнаго государственнаго совѣта въ учредительное собраніе, подобно генеральнымъ штатамъ 1789 года во Франціи—невозможно. Дѣятельность новаго совѣта ограничивалась областью народной промышленности, торговли, финансовъ, народнаго просвѣщенія и полиціи. Дипломатическія и военныя дѣла въ компетенцію совѣта не входили.

Особенно интересенъ высказанный въ запискѣ принципъ, что совѣтъ долженъ владѣть не только довѣріемъ монарха, но и всего народа. Записка эта въ конечномъ результатѣ была оставлена безъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе она очень интересна, такъ какъ стоитъ выше про-

екта Лорисъ-Меликова, составленнаго 55 годами позже, а также потому, что авторъ хочетъ перевести монарха черезъ завѣтную черту такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ. Послѣ допросовъ декабристовъ, откровенно и смѣло говорившихъ государю о страданiяхъ родины, уже ни отъ кого императоръ Николай не слышалъ правдиваго слова. Исключенiемъ можетъ быть развѣ проф. Парротъ.

Императоръ Николай I былъ возмущенъ событiями iюля 1830 года во Францiи, онъ не хотѣлъ признать «революцiоннаго короля» Людовика-Филиппа и желалъ даже объявить войну французской революцiи. Парротъ, который пользовался правомъ сообщать свои мнѣнiя императору Николаю, какъ онъ дѣлалъ это по отношенiю къ императору Александру, счелъ долгомъ написать государю (8-го сентября 1830 года)—письмо [1]), въ которомъ старался отговорить его отъ войны, весьма популярной тогда въ русскихъ придворно-реакцiонныхъ кругахъ. «Я понимаю, писалъ онъ, Ваше тяжелое положенiе и поводъ къ опасенiямъ; Вашъ народъ, по крайней мѣрѣ, дворянство, военные и гражданскiе чины стремятся къ представительному правленiю. И время это пришло гораздо скорѣе, чѣмъ я думалъ [2]). Умоляю Васъ, В. В., во имя человѣчества и Вашей безопасности, предупредите тотъ моментъ, когда отъ Васъ могутъ потребовать больше, чѣмъ Вы въ состоянiи дать. Преобразуйте государственный совѣтъ на тѣхъ основанiяхъ, какъ я имѣлъ честь докладывать... Вторымъ благодѣянiемъ была-бы реформа министерствъ. Необходимо произвести революцiю сверху, но постепенно и сообразно съ нравственными потребностями Вашего народа»...

Черезъ два дня Парротъ писалъ императору по поводу вызова изъ Францiи русскихъ, недопущенiя въ Россiю французскихъ произведенiй печати и т. п., оправдывая французскiй народъ въ iюльской революцiи и утвер-

---

[1]) „Русск. Старина" 1895, IV, 208—10.

[2]) Ср. его мнѣнiе, сообщенное императору Александру въ 1805 г.

ждая, что Карлъ X потерялъ свой тронъ лишь благодаря своей близорукости, и, возставая противъ искусственной изоляціи Россіи отъ европейскихъ идей, заявлялъ: «Единственное средство держать въ отдаленіи отъ Россіи революціонныя идеи—устройство Вашего государства, которое удовлетворяло-бы *истиннымъ* потребностямъ Вашего народа»...

Въ 1831 году Парротъ въ письмѣ своемъ умолялъ императора Николая о возстановленіи Польскаго царства. Нельзя отрицать утвержденія Паррота о конституціонализмѣ тѣхъ слоевъ общества, о которыхъ онъ говоритъ. но онъ переоцѣнивалъ стремленіе къ свободѣ тогдашняго «общества», тягостно подавленнаго расправой съ декабристами. Впрочемъ, въ 1832 году, Бенкендорфъ (шефъ жандармовъ) «не отрицалъ, что въ Россіи существуетъ значительный запасъ либерализма» [1]). По словамъ Никитенко (1830 г.), «въ образованной части общества все сильнѣе возникаетъ духъ противодѣйствія». Въ 1827 г. была открыта попытка возмутить офицеровъ и солдатъ кремлевской гауптвахты въ Москвѣ. Студентъ Н. Лушниковъ заявилъ офицерамъ, что «тайное общество намѣрено 22 августа 1827 года распустить нѣсколько тысячъ афишъ для возмущенія народа и издать прокламаціи для возбужденія въ немъ ненависти къ монархическому правленію». По дѣлу этому было арестовано много молодежи, въ числѣ ея братья Критскіе, которые дали имя этому дѣлу (Дѣло бр. Критскихъ). Комиссія, назначенная для слѣдствія, открыла, что никакого общества собственно не было, но что арестованные, «сближаясь съ разными лицами. выдавали себя за членовъ тайнаго общества и желали конституціоннаго образа правленія». Зачинщиками были братья Критскіе. Комиссія выяснила, что, дѣйствительно, были разговоры о конституціи, восхваленіе декабристовъ и т. п., но дѣло считала неважнымъ и полагала, не пре-

---

[1]) „Русск. Старина", 1892, IV, с. 71. „Замѣтки Герлаха".

давая суду, *освободить* обвиняемыхъ. Императоръ Николай положилъ резолюцію: «Суду не предавать, а послать по два—въ Швартгольмъ, въ Шлюссельбургъ и въ Соловецкій монастырь (!)». Остальные были разосланы въ ссылку.

Замѣчательно, что съ этого именно «дѣла» началось участіе университетскихъ студентовъ въ политическомъ движеніи. Кружки начала 30-хъ годовъ въ московскомъ университетѣ уже носили политическую окраску. Мы знаемъ, что кружокъ Станкевича, строго философскій, имѣлъ, однако, вполнѣ опредѣленное отношеніе къ русской дѣйствительности, и отношеніе это было отрицательное. Гораздо болѣе влѣво по убѣжденіямъ стоялъ кружокъ Герцена и Огарева, которые пришли уже въ университетъ съ ненавистью къ старому порядку. Но къ ихъ политическому радикализму примѣшивались уже соціалистическія симпатіи, перешедшія послѣ въ цѣльное соціалистическое міросозерцаніе. Этотъ кружокъ пострадалъ въ 1833 году. Но еще раньше былъ разгромленъ кружокъ чисто политическій—кружокъ Сунгурова. Помѣщикъ Тамбовской губерніи Сунгуровъ, черезъ посредство побочнаго брата своего, вольнослушателя Гурова, сошелся со студентами, и у него въ домѣ говорили «о деспотизмѣ, о взяточничествѣ чиновничества, о казнокрадствѣ даже министровъ, ихъ глупости и подлости, о бѣдствіяхъ народа, несправедливости судей» и т. п.

По сообщенію Костенецкаго, тогдашнее московское студенчество считало «польскую войну несправедливой, варварской и жестокой; въ полякахъ видѣло страдальцевъ за родину, а въ правительствѣ нашемъ жестокихъ тирановъ, деспотовъ». Сунгуровъ сообщилъ молодежи, что бывшее прежде тайное общество не совсѣмъ уничтожено въ 1826 году, что цѣль его «ввести конституціонный образъ правленія»; студенты приглашались вступить въ это общество. Между прочимъ, студенты, прикосновенные къ этому дѣлу, заявляли, что «имъ нечего ста-

раться распространять между студентами конституціонныя идеи -всѣ благомыслящіе студенты и такъ ими проникнуты». Арестованные въ 1832 году члены кружка понесли тяжкія кары: Сунгуровъ попалъ на каторгу, студенты были сданы въ солдаты.

Политическій либерализмъ, не имѣя возможности проявляться въ Россіи, нашелъ себѣ мѣсто заграницей. Такъ, декабристъ Н. И. Тургеневъ, не вернувшійся по вызову правительства въ Россію, въ третьей части своего извѣстнаго сочиненія (La Russie et les russes),—вышедшаго въ Парижѣ, Брюсселѣ и Гриммѣ (2 по франц. и 1 по нѣм.),—въ части посвященной «будущему Россіи» протестуетъ, какъ и раньше, противъ дарованія политической свободы ранѣе освобожденія крестьянъ, а затѣмъ рисуетъ планъ реформъ, раздѣленныхъ на 2 категоріи: 1) возможныхъ при существованіи самодержавія, и 2) входящихъ въ составъ необходимыхъ, по его мнѣнію, политическихъ реформъ.

Къ первой категоріи онъ относитъ освобожденіе крестьянъ, затѣмъ устройство судебной части со введеніемъ суда присяжныхъ и уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній, устройство административной части на основѣ выборнаго начала съ установленіемъ децентрализаціи, расширеніе свободы печати и т. п.

Ко второй категоріи, т. е. къ числу началъ, которыя должны найти себѣ мѣсто въ конституціи, Тургеневъ относитъ равенство предъ закономъ, свободу слова и печати, свободу совѣсти, представительство народа (при чемъ онъ отдаетъ предпочтеніе однопалатной системѣ и считаетъ совершенно несоотвѣтственнымъ условіямъ нашего быта введеніе аристократіи); ко второй категоріи онъ причисляетъ также отвѣтственность министровъ и независимость судебной власти. Выборы въ «Народную Думу» Тургеневъ предполагалъ устроить такимъ образомъ: онъ считалъ достаточнымъ, чтобы при пятидесятимилліонномъ населеніи Россіи былъ одинъ милліонъ изби-

рателей, которые распредѣлялись-бы между 200 избирательными коллегіями. Избирателями, по плану Тургенева, могутъ быть ученые и всѣ занимающіеся общественнымъ воспитаніемъ и обученіемъ, всѣ чиновники, начиная съ извѣстнаго разряда, всѣ занимающіе должность по выбору, офицеры, художники, имѣющіе мастерскія и учениковъ, купцы, фабриканты и, наконецъ, ремесленники, имѣющіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мастерскую. Что касается права быть избирателемъ на основаніи владѣнія поземельной собственностью, то авторъ предполагалъ установить извѣстный размѣръ ея, неодинаковый въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Дома извѣстной цѣнности также должны давать право быть избирателемъ.

Объ участіи крестьянскихъ общинъ въ избраніи депутатовъ въ народную думу авторъ не упоминаетъ, но оговаривается, что духовенство не должно быть лишено избирательныхъ правъ. Для того, чтобы быть избраннымъ, нужно имѣть извѣстный возрастъ, напримѣръ, не менѣе 25 лѣтъ. Къ концу 40-хъ годовъ относится также появленіе заграницей нѣкоторыхъ сочиненій о Россіи русскихъ эмигрантовъ, напримѣръ, Головина и друг.

Въ средѣ общества, въ царствованіе императора Николая I, произошли значительныя измѣненія. Это отразилось на Пушкинѣ, который заявлялъ о желаніи «вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ». Признавая «необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей», Пушкинъ полагалъ, что главную силу самодержавія въ Россіи составляло то, что наше правительство идетъ «впереди» общества «на поприщѣ образованія и просвѣщенія» (!). Самою важной функціей самодержавія Пушкинъ считалъ смягченіе суровости закона. «Нужна высшая милость, смягчающая законъ», а для того-то и нужно, «чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона».

При этомъ, Пушкинъ упускалъ изъ виду, что и конституціонный монархъ не лишенъ правъ помилованія. Впрочемъ.

онъ сочувствовалъ мысли о созваніи земскаго собора въ Россіи, но лишь послѣ освобожденія крестьянъ. «Я не за парламентаризмъ въ Россіи»,—говорилъ онъ въ семьѣ Смирновыхъ,—«а скорѣй за генеральные штаты, отъ времени до времени; но всѣ преобразованія должны ожидать освобожденія крестьянъ: это пока единственная важная реформа, остальныя придутъ послѣ, въ силу вещей» [1]).

Гоголь шелъ далѣе Пушкина, приписывая идеалу монарха «доблести высшія, приближающія человѣка прямо къ Богу».

Жуковскій вѣрилъ въ то, что «судьба Россіи заключается *въ развитіи самодержавія*, ...самодержавія, которое опираясь на Божію правду, вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ русскій безъ всякихъ потрясеній, медлительнымъ путемъ законности, къ той цѣли, къ которой всѣ земные народы стремятся,—«къ свободѣ», которая, по опредѣленію Жуковскаго,—«не что иное, какъ личное благоденствіе *всѣхъ и каждаго*, хранимое *властію*, не жертвуемое призраку благоденствія *общаго*, а его въ своемъ итогѣ производящее».

Что касается тѣхъ двухъ основныхъ теченій русской мысли, представители которыхъ получили названіе западниковъ и славянофиловъ, и которыя окончательно опредѣлились въ 40-хъ годахъ XIX вѣка, то и то, и другое стояло за народное представительство. Названіе первой группы ясно показываетъ откуда заимствовали «западники» свои политическіе идеалы. Славянофилы-же стояли за земскіе соборы, выражающіе силу мнѣнія народнаго и за свободу печати. Они не стремились къ ограниченію власти, они стояли за самодержавіе царя, но при самоуправляющейся мѣстно землѣ. Извѣстны слова К. Аксакова: «Гарантія не нужна: Гарантія есть зло!... Вся сила въ идеалѣ... Что значитъ условія и договоры, какъ скоро нѣтъ силы внутренней»...

---

[1]) „Сѣв. Вѣстн." 1893 г., № 12, 280. Записки А. О. Смирновой.

Впрочемъ, эти самоотверженные, искренніе и честные защитники идеальнаго самодержавія терпѣли одинаковыя съ западниками гоненія со стороны полицейско-бюрократическаго режима современности.

Къ николаевской эпохѣ принадлежитъ интересный проектъ федераціи славянскихъ племенъ, исходившій изъ круговъ малорусской интеллигенціи, и по идеѣ бывшій преемникомъ «Соединенныхъ славянъ» 1825—6 гг.

Въ 1846 году, около Н. И. Костомарова, бывшаго тогда преподавателемъ русской исторіи въ кіевскомъ университетѣ, сгруппировался кружокъ его друзей, преданныхъ, какъ и онъ, идеѣ народности и намѣревавшихся проводить эту идею въ жизнь. Въ составъ этого кружка входили: П. А. Кулишъ, Аѳ. Маркевичъ, Н. И. Гулакъ, В. М. Бѣлозерскій и Т. Г. Шевченко. Интересы кружка не ограничивались однако малорусской народностью; члены его, увлеченные романтическимъ пониманіемъ народности, мечтали объ общеславянской взаимности, соединяя съ послѣдней пожеланія внутренняго прогресса въ Россіи. «Взаимность славянскихъ народовъ,—писалъ позже объ этомъ кружкѣ Костомаровъ,—въ нашемъ воображеніи не ограничивалась уже сферой науки и поэзіи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна была воплотиться для будущей исторіи. Помимо нашей воли сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй»...

Кружокъ, превратившійся въ общество подъ названіемъ «Кирилло-Меѳодіевскаго братства», выставилъ слѣдующую политическую программу [1]):

«Общество имѣло цѣлью распространеніе идей славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ на основаніи полной свободы и автономіи народ-

---

[1]) Программа эта напечатана Костомаровымъ въ его автобіографіи („Русск. Мысль“ 1885 г.).

ностей... Въ религіи предполагалась полная свобода. Всѣ вѣроисповѣданія должны пользоваться одинаковыми правами. Запрещалась всякая пропаганда, какъ безполезная при свободѣ; но предполагалось склонять славянъ-католиковъ принять славянскій языкъ въ богослуженіи».

«Относительно языка, который долженъ былъ сдѣлаться общимъ (посредничающимъ) для всѣхъ славянъ, не рѣшалось окончательно, но предполагался языкъ великорусскій, какъ наиболѣе распространенный».

«Предполагалось обязательное обученіе народа. Уничтоженіе крѣпостного права и всякихъ привиллегій, уничтоженіе смерной казни и тѣлесныхъ наказаній».

«Предполагалось въ будущемъ, чтобы славянскіе народы примкнули къ Россіи и образовали съ нею федерацію».

«Россія должна была разбиться на части или штаты: сѣверный, сѣверо-восточный, юго-восточный, два волжскихъ — верхній и нижній, два малороссійскихъ, одинъ средній, два южныхъ, два сибирскихъ, одинъ кавказскій; Бѣлоруссія составляла-бы отдѣльный штатъ, также Польша, Чехія съ Моравіей, Сербія, Болгарія; часть Галиціи присоединялась къ Польшѣ, другая къ западному малороссійскому штату и т. д. Такое дѣленіе не признавалось окончательнымъ и могло быть перестроено, сообразно экономическимъ и другимъ потребностямъ».

«Кіевъ не долженъ былъ принадлежать ни къ какому штату, а назначался центральнымъ городомъ собранія общаго Сейма. Въ Сеймѣ двѣ камеры: въ одной выборные сенаторы и министры, въ другой депутаты. Общій Сеймъ долженъ былъ собираться черезъ каждые четыре года и чаще, въ случаѣ необходимости. Въ каждомъ штатѣ былъ-бы свой Сеймъ, который собирался-бы ежегодно, свой президентъ и сенатъ. Верховная или центральная власть предоставлялась президенту, выбираемому на четыре года и двумъ министрамъ—иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ».

«Для общей защиты федераціи отъ внѣшнихъ враговъ предполагалось имѣть регулярныя войска, но не въ большомъ количествѣ, такъ какъ въ каждомъ штатѣ была-бы милиція и всѣ учились-бы военному искусству на случай общаго ополченія»,

«Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинаковые основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе рабства въ какомъ-бы то ни было видѣ, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза войскомъ и флотомъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію»[1]..

Кружокъ былъ открытъ полиціей въ 1847 году, и все «братство» потерпѣло тяжкія кары: особенно пострадалъ Шевченко. Это «братство» стоитъ особнякомъ въ исторіи общественныхъ теченій николаевской эпохи.

При императорѣ Николаѣ, рядомъ съ либеральнымъ направленіемъ, появилось и стало крѣпнуть среди интеллигенціи направленіе соціалистическое. Слѣды его можно замѣтить у Пестеля; оно усилилось въ кружкѣ Герцена и въ концѣ 40-хъ годовъ выразилось даже въ подцензурной литературѣ.

Сочиненія: Фурье, Луи-Блана, Кабэ и Прудона становятся предметомъ изученія интеллигенціи. Особенно сильно проявилось соціалистическое направленіе въ кружкѣ Петрашевскаго; многіе «петрашевцы» относились от-

---

[1]) Программа напечатана также въ „Исторіи литературы русской“ *Огоновскаго*, Львовъ, 1887; см. также „Русск. Архивъ“ 1893, № 7. „Къ свѣдѣніямъ объ украинско-славян. обществ.“; „Русск. Архивъ“, 1892. т. 2; *Пыпинъ* „Характеристика литерат. мнѣній“ 1873; *Семевскій* „Крестьянскій вопросъ“; *Петровъ* „Общ. полит. броженія въ Кіевск. губ. 1846—47 гг.“, „Истор. Вѣстн.“ 1885, № 9; *Костомаровъ* „Украинофильство“, „Русск. Старина“, 1880, № 2; *Неслуховскій* „Изъ моихъ воспоминаній“, „Истор. Вѣстникъ“ 1890, № 2.

рицательно къ конституціонализму, особенно благодаря отсутствію въ то время въ Западной Европѣ всеобщей подачи голосовъ и высокому избирательному цензу. Въ «Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ», изданномъ Петрашевскимъ, встрѣчаются часто выходки противъ конституціоннаго образа правленія, который составители называютъ «аристократіей богатства».

На собраніяхъ у Петрашевскаго, одни члены кружка прямо высказывались за республику, другіе допускали, какъ переходную форму конституціонное правленіе, для третьихъ конечнымъ идеаломъ было совершенное исчезновеніе европейскаго государственнаго строя съ его министрами, государями, войскомъ и столицами, и замѣна его небольшими общинами по планамъ Фурье.

Заслуживаетъ вниманія обстоятельство, что царствованіе императора Николая Павловича было въ эволюціи русскаго государственнаго строя тѣмъ періодомъ, когда самодержавіе нашло себѣ выраженіе въ нормахъ права (Основные Законы); причина этого заключается въ томъ обстоятельствѣ, что государственный строй подвергся энергичной попыткѣ разрушенія со стороны части управляемыхъ, и поэтому побѣда его надъ всѣми покушеніями была закрѣплена юридически. Идеологически государственный строй получилъ обоснованіе въ видѣ тріады (троицы), на которой онъ покоится: православіе, самодержавіе и народность. Во что вылились эти основы въ жизни, въ дѣйствительности, извѣстно всѣмъ и каждому. Разгромъ прогрессивныхъ элементовъ въ началѣ николаевской эпохи обезпечилъ застой въ государственной жизни, а застой, въ свою очередь, повелъ къ полному крушенію полицейско-бюрократической системы на берегахъ Чернаго моря, на развалинахъ Севастополя.

Часть II.

XV.

«20 февраля 1855 г. получено было въ Москвѣ извѣстіе о кончинѣ императора Николая Павловича и о восшествіи на престолъ Александра II. Это извѣстіе немногихъ огорчило; ибо не легко было для Россіи только-что закончившееся тридцатилѣтнее царствованіе, но особенно удушливо оно было съ 1848 г. Тутъ подозрительности и своеволію администраціи не было предѣловъ. Въ тотъ же вечеръ послѣ присяги Хомяковъ, Ив. Кирѣевскій и еще нѣсколько пріятелей собрались у насъ „(у А. И. Кошелева)", и мы съ надеждами выпили за здоровье новаго императора и отъ души пожелали, чтобы въ его царствованіе совершилось *освобожденіе крѣпостныхъ людей и созывъ общей Земской Думы»* *).

Такимъ образомъ, откликнулись одни изъ лучшихъ представителей славянофиловъ на извѣстіе о новомъ царствованіи. И далеко, за рубежомъ родины, съ такою же радостью о смерти прошлаго и съ надеждой на новое лучшее будущее Россіи встрѣчена была вѣсть о новомъ царствованіи.

Добровольный изгнанникъ изъ своей родины, который «покинулъ народъ русскій изъ любви къ нему, потому что не могъ сложа руки и молча остаться зрителемъ тѣхъ ужасовъ, которые надъ нимъ дѣлали помѣщики и чиновники», Александръ Ивановичъ Герценъ, обратился (изъ Лондона) къ молодому императору съ письмомъ, въ которомъ онъ—*послѣдній* «маркизъ Поза» русской исторіи—

*) Записки А. И. Кошелева (1812—1883), стр. 82.

обращался къ Александру II съ горячимъ воззваніемъ: «Государь!» писалъ онъ. «Дайте свободу русскому слову. Уму нашему тѣсно, мысль наша отравляетъ нашу грудь, она стонетъ въ цензурныхъ колодкахъ. Дайте намъ вольную рѣчь... Намъ есть что сказать міру и своимъ.

«Дайте землю крестьянамъ—она и такъ имъ принадлежитъ. Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостного состоянія, залечите синіе рубцы на спинѣ нашихъ братьевъ».

Императоръ Николай «*не успѣлъ* въ тридцать лѣтъ освободить крестьянъ! Торопитесь!...» «На первый случай намъ и этого довольно»...

Но не одинъ только кружокъ Кошелева и Герценъ радостно привѣтствовали новое царствованіе. Все русское общество вздохнуло легче въ предчувствіи новыхъ временъ. Эти надежды не основывались лишь на личности новаго царя. Всѣ чувствовали, что режимъ послѣдняго тридцатилѣтія, вся система потерпѣла крушеніе въ крымской войнѣ. Сознаніе этого факта, не вполнѣ ощущаемое въ началѣ войны, очень быстро вошло въ умы всѣхъ, кто мало-мальски задумывался надъ судьбами родной страны; крымская война обнаружила весь ужасъ системы, основанной на безпрекословномъ повиновеніи личному авторитету, на грубомъ попраніи всѣхъ правъ, на преслѣдованіи всего, что не подходило къ видамъ и желаніямъ всякихъ начальствъ и т. п. Война была затѣяна легкомысленно, съ дерзновеннымъ самомнѣніемъ, подъ вліяніемъ самовластія, вошедшаго въ привычку отъ отсутствія отпора откуда бы то ни было; и въ иностранныхъ дѣлахъ осмѣлились поступать такъ, какъ заурядъ поступали во внутреннихъ. Гибель флота, разгромъ Севастополя были отвѣтомъ. Невѣжество и тупость руководителей, чудовищныя хищенія, полный крахъ показной военной системы, тяжкое потрясеніе, вызванное войной въ хозяйственной жизни страны, волненія крестьянъ, истомившихся подъ игомъ крѣпостного

---

*) Письмо къ Александру II: „Полярная Звѣзда", кн. I.

права и непомѣрная тяжесть военно-деспотическаго режима, придавившаго всякую возможность культурнаго развитія Россіи,—все это ярко освѣтилось кровавымъ заревомъ севастопольскаго пожара. Печать, задушенная цензурой, не могла отражать чувствъ, передавать мыслей, которыя волновали общество. Но мысль искала себѣ выхода и находила его въ рукописныхъ запискахъ, ходившихъ по рукамъ *). Этотъ родъ литературы, широко распространенный при Александрѣ I и Николаѣ, въ 1855 году достигъ наивысшей степени своего развитія. Записокъ обращалось въ обществѣ множество. Къ нимъ принадлежали записки Кавелина о крѣпостномъ правѣ **), Погодина о польскомъ вопросѣ, Грановскаго—«Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія» и «Мысли вслухъ объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи», Валуева—«Дума русскаго», «Записка о письменной литературѣ» и мн. др. Переписывались стихотворенія В. Курочкина и пѣсня «Какъ четвертаго числа насъ нелегкая несла»..., написанная Л. Н. Толстымъ въ въ Севастополѣ.

Конст. Серг. Аксаковъ написалъ и подалъ государю записку о необходимости свободы печати и созванія зем-

---

*) Въ 1855 году только эта потаенная литература и могла отражать мысли и стремленія русскаго общества. Жандармскій и цензурный сыскъ заставилъ притаиться все, что съ такимъ трудомъ проявляло себя въ литературѣ 40-хъ годовъ. Русская мысль не была задушена ни цензурнымъ, ни полицейскимъ терроромъ, она ушла внутрь, продолжая развиваться; и для поверхностнаго наблюдателя должно казаться страннымъ и неожиданнымъ внезапное проявленіе либерализма въ широкихъ слояхъ общества, начиная съ 1855 г. Между тѣмъ нарожденіе интеллигентнаго разночинца, выступившаго въ 60-хъ годахъ, было подготовлено ходомъ жизни еще при Николаѣ I. См. объ этомъ: *Семевскій.* Общественное движеніе 40-хъ годовъ. Изд. „Дон. Рѣчи". *Флеровскій.* Три царствованія.

**) См. эту записку „Рус. Стар.", 1886, I, II, V. Отрывки изъ нея, напечатанныя въ „Современникѣ", 1858, IV, подъ заглавіемъ „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта", вызвали непріятныя послѣдствія для автора и цензурные запреты.

скаго собора. Во всѣхъ этихъ запискахъ выражалась одна и та же мысль, что дольше такъ жить нельзя.

Въ числѣ этихъ записокъ была «Дума русскаго во второй половинѣ 1855 г.» П. А. Валуева *). Авторъ (впослѣдствіи министръ внутр. дѣлъ) говорилъ о пораженіяхъ, понесенныхъ арміей и флотомъ, устанавливалъ фактъ, что «даже славная оборона Севастополя была не что иное, какъ свѣтлый рядъ усилій со стороны повиновавшихся къ исправленію ошибокъ со стороны начальства». Валуевъ думалъ тогда, что «устройство разныхъ отраслей нашего государственнаго управленія не благопріятствуетъ развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи». Отличительныя черты этого управленія заключались въ «повсемѣстномъ недостаткѣ истины, въ недовѣріи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому». «Многочисленность формъ подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую *оффиціальную ложь*». Валуевъ констатировалъ «безсиліе централизаціи, основанной на правительственной недовѣрчивости и неискренности». Онъ возставалъ противъ религіозныхъ стѣсненій.

«Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сѣять добро силой. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства—народу, казеннаго—частному, вмѣсто ознаменованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей. Пренебреженіе къ каждому изъ насъ въ особенности и къ человѣческой личности вообще водворилось въ законахъ»... «Неужели,—спрашивалъ Валуевъ,—пагубное вліяніе нынѣшней системы не доказано ни внѣшними неудачами, ни внутренними недостатками, ни всеобщимъ недовѣріемъ къ нашимъ начальствамъ, ни проявляющимся въ виду нынѣшнихъ событій недостаткомъ стойкости въ общемъ направленіи

*) См. „Русск. Стар." 1893, IX, стр. 503—14.

умовъ?..» «Неужели *благородство рѣчи* несовмѣстимо съ благородствомъ подвиговъ, и русскія дворянскія сословія *) должны говорить языкомъ, въ которомъ слышатся отголоски Золотой Орды рядомъ съ витіеватостью семинарій». Девизомъ новаго времени Валуевъ желалъ видѣть девизъ одного русскаго дворянскаго рода: «Уму нуженъ просторъ».

Записка К. С. Аксакова была озаглавлена: «О внутреннемъ состояніи Россіи» **) и подана государю въ 1855 г. черезъ гр. Блудова. Въ этой запискѣ онъ строилъ «русское гражданское устройство» на такихъ основаніяхъ: «правительству (необходимо монархическому)—неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова)». Начала эти въ Россіи не были нарушены народомъ, но были нарушены со стороны правительства. «То-есть: правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли и слова), и перешло такимъ образомъ въ душевредный деспотизмъ»,... который угрожаетъ впослѣдствіи «искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ наконецъ свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи (!) и оставитъ свой истинный путь». Въ этомъ нарушеніи правительствомъ истинныхъ русскихъ началъ, Аксаковъ видѣлъ «источникъ всякаго зла въ Россіи». Поправить положеніе зависѣло отъ правительства, которое должно было вернуться къ вышеозначеннымъ началамъ, которыя Аксаковъ подкрѣплялъ еще положеніемъ: «Правительству—право дѣйствія и слѣдовательно закона; народу—сила мнѣнія, и слѣдовательно слова».

«Вотъ единственный, существенно жизненный со-

---

*) Дворянскія собранія вскорѣ рядомъ ходатайствъ показали, что надежды Валуева на нихъ не были тщетны.

**) См. „Русь“, 1881 г., № 26—28; *Венгеровъ*. Біогр. словарь, стр. 213—215.

вѣтъ для Россіи въ настоящее время».

Россіи нужна свобода слова, какъ начало (принципъ) и какъ явленіе (фактъ).

«Но и не удовлетворяясь тѣмъ, что свобода слова, а потому и общественное мнѣніе существуетъ, правительство чувствуетъ иногда нужду само вызывать общественное мнѣніе»...

«Цари наши вызывали въ важныхъ случаяхъ общественное мнѣніе всей Россіи, и созывали для того **земскіе соборы,** на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи. Такой земскій соборъ имѣетъ значеніе *только мнѣнія*, котораго (sic) Государь можетъ и не принять.

Практическій выводъ о томъ, что-же необходимо для внутренняго состоянія Россіи, былъ слѣдующій:

«Полная *свобода слова* устнаго, письменнаго и печатнаго—всегда и постоянно; и *Земскій Соборъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣнія страны.

«Внутренній, общій союзъ жизни до того ослабѣлъ въ Россіи, сословія въ ней до того отдалились другъ отъ друга, вслѣдствіе полуторастолѣтней деспотической системы правительства, что земскій соборъ въ настоящую минуту не могъ бы принести своей пользы, я говорю, *въ настоящую минуту*, т. е. немедленно. Земскій соборъ непремѣнно полезенъ для государства и земли, и нужно пройти нѣкоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрымъ указаніемъ древней Руси и созвать земскій соборъ.

«Открыто возвѣщаемое общественное мнѣніе—вотъ чѣмъ въ настоящую минуту можетъ быть замѣненъ для правительства земскій соборъ, но для того необходима свобода слова, которая дастъ правительству возможность созвать вскорѣ съ полною пользою для себя и народа земскій соборъ».

Записка не имѣла непосредственнаго успѣха. Нужно

замѣтить, что Аксаковъ вполнѣ правильно оцѣнилъ необходимыя для созванія народныхъ представителей предпосылки, хотя и упомянулъ лишь объ одной изъ нихъ. Послѣдовательно проведенная свобода слова и печати требуетъ и свободы собраній и союзовъ и неприкосновенности личности.

Одной изъ лучшихъ записокъ этой эпохи, ставившей вопросъ ребромъ и освѣщавшей его съ точки зрѣнія цѣлой системы, *порядка*, (а не *порядковъ* только, какъ понимали многіе современники), была записка Грановскаго. Не выставляя конкретныхъ требованій, подобно Аксакову, Грановскій дѣлалъ блестящій анализъ истекшаго тридцатилѣтія и приходилъ къ пессимистическимъ выводамъ относительно причинъ, хода и результатовъ крымской войны.

Пробужденіе общественной мысли послѣ тяжелаго николаевскаго времени выразилось также въ нарожденіи свободной заграничной печати на русскомъ языкѣ. Съ 1855 г. 1 авг. появилась «Полярная Звѣзда», а съ 1857 г. «Колоколъ», издававшіеся Герценомъ въ Лондонѣ, первая—выходила журнальными книжками, а второй—въ видѣ неперіодической газеты. Программа «Колокола» была—освобожденіе крестьянъ съ землею, которую они обрабатываютъ,—отмѣна предварительной цензуры,—отмѣна тайнаго слѣдствія (III отдѣленія) и безгласнаго суда,—отмѣна тѣлеснаго наказанія. Онъ пріобрѣлъ громадное вліяніе на общество и усердно читался въ правительственныхъ сферахъ. Въ исторіи освободительной печати ему принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Масса обличительныхъ корреспонденцій печаталась также въ изданіяхъ Герцена «Подъ Судъ!» «Голоса изъ Россіи». Выходилъ его-же «Историческій Сборникъ». Герценъ-же издалъ много книгъ, мемуаровъ, воспоминаній, цѣнныхъ для русской исторіи. Въ Лейпцигѣ выходила «Русская библіотека» изд. Ив. Головина. Въ началѣ 60-хъ годовъ появилось изданіе Л. Блюммера *): «Свободное Слово» въ Берлинѣ. Кн. П. В.

*) Л. П. Блюммеръ обнародовалъ въ 1862 г. (въ первыхъ трехъ

Долгорукій издавалъ газеты: «Правдивый», «Листокъ», «Будущность», «Европеецъ».

Появилась памфлетная литература по вопросамъ крѣпостного права и государственнаго переустройства **).

—

выпускахъ своего жунала), проектъ русской конституціи, подъ именемъ „Уставной Грамоты Русскаго Государства", составленной по образцу прусской 1849 года. Блюммеръ, проектируя 2 палаты Верхнюю и Земскую, хотѣлъ создать не дворянскую или крестьянскую конституцію, а обезпечить политическую власть „элементамъ представляющимъ лучшее ручательство за спокойствіе и благоденствіе страны", т. е. „*буржуазійной*" (sic) части общества. Для этого онъ хотѣлъ, чтобы могли избирать лишь тѣ, кто „достигъ 25 л., владѣетъ осѣдлостью, дающею дохода 75 р. въ годъ, или платящій 10 р. прямыхъ налоговъ, или получившій среднее образованіе", а быть избираемымъ —„достигшій 30 л., владѣющій осѣдлостью на 300 р. ежегоднаго дохода, или платящій 45 р. прямыхъ налоговъ, или окончившій высшее учебное заведеніе". Единоличный проектъ Блюммера имѣетъ очень малое даже историческое значеніе.

**) Напр., брошюры Безобразова—крѣпостническаго направленія, либеральныя: *А. И. Кошелева* „Какой выходъ Россіи изъ настоящаго положенія", 1862 г., и *его-же* „Конституція, Самодержавіе и Земская Дума", 1862 г. и мн. др.

Въ брошюрахъ своихъ Кошелевъ, высказываясь противъ бюрократіи, былъ однако противникомъ и конституціи. Необходимыя измѣненія въ государственномъ строѣ рисовались ему въ такомъ видѣ: Особый манифестъ государя устанавливаетъ, что нѣтъ власти выше закона и внѣ его; никто безъ суда не будетъ подвергнутъ никакому наказанію или взысканію; создается выборная земская Дума, въ которую обязательно поступаютъ на разсмотрѣніе всѣ законопроекты, но Государь не связанъ мнѣніемъ большинства и можетъ утвердить мнѣніе меньшинства; въ Думѣ-же разсматриваются государственная роспись и отчетъ; земская Дума вообще не имѣетъ права законодательнаго почина; но она обсуждаетъ заявленія своихъ членовъ или мѣстныхъ собраній и подаетъ прошеніе Государю. Министерство должно быть выбрано изъ состава Думы, такъ какъ помимо этого пути нѣтъ средства для Государя составить министерство, внушающее Россіи довѣріе и способное устроить дѣло ко благу ея, ибо, во первыхъ, кругъ людей, изъ которыхъ теперь могутъ быть назначены министры, очень ограниченъ; во-вторыхъ, почти всѣ они не знаютъ Россіи и, въ третьихъ, (это весьма важно), правительство наше отрѣшилось отъ прежней системы тайны и стѣсненія, а между тѣмъ оно не стало и стать не можетъ безъ

Не имѣя возможности входить въ подробное изложеніе хода общественнаго движенія при Александрѣ II, мы въ дальнѣйшемъ изложимъ конституціонныя попытки, связанныя съ моментомъ освобожденія крестьянъ и непосредственно за нимъ слѣдовавшія.

Къ эпохѣ освобожденія крестьянъ относится вызовъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ въ Петербургъ, въ чемъ часть русскаго общества увидѣла какъ-бы попытку осуществить представительство отъ народа при рѣшеніи важныхъ государственныхъ вопросовъ. Взглядъ этотъ оказался ошибочнымъ, однако эпизодъ самъ по себѣ заслуживаетъ вниманія.

Въ отвѣтъ на адресъ дворянъ ковенской, виленской и гродненской губерній о желаніи ихъ освободить крестьянъ, хотя и безъ земли, 20 ноября 1857 г. Александръ II далъ на имя генералъ-губернатора Назимова рескриптъ *), въ которомъ повелѣвалось открыть въ каждой изъ 3 губерній губернскій комитетъ (изъ выборныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ по одному отъ уѣзда и 2 опытныхъ помѣщиковъ (то же дворянъ) по назначенію губернатора) для составленія подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Вскорѣ затѣмъ открылись подобные-же комитеты и въ остальныхъ губерніяхъ. Составъ комитетовъ былъ очень пестрый. «Возложенное на губернскіе комитеты дѣло,—говоритъ Татищевъ,—затрагивало и матеріальные

поддержки со стороны народнаго представительства на почву гласности и общаго содѣйствія... Подозрѣніе и недовѣріе исчезнутъ только тогда, когда мы черезъ нашихъ представителей вложимъ палецъ въ рану. Безъ полнаго же довѣрія невозможно со стороны народа довѣріе правительству".

*) По поводу рескрипта, 28 декабря 1857 г. московская интеллигенція устроила литературно-политическій банкетъ, на которомъ были сказаны горячія рѣчи въ честь начатаго освобожденія крестьянъ и имп. Александра II. Предполагалось повторить банкетъ черезъ короткое время въ Большомъ театрѣ, но по представленію ген.-губ. Закревскаго онъ былъ Высочайше запрещенъ.

интересы дворянства, и политическое его значенiе; сверхъ того оно было едва-ли не первымъ въ Россiи опытомъ обсужденiя въ выборныхъ собранiяхъ государственнаго и общественнаго вопроса первостепенной важности. При такихъ условiяхъ, когда естественно разгорались страсти, росло и распространялось всеобщее возбужденiе» *)...

Поэтому комитетамъ была разослана программа вопросовъ, обсужденiемъ которыхъ должны они были ограничиться.

Въ августѣ и сентябрѣ 1858 г. имп. Александръ II совершилъ поѣздку по Россiи, причемъ въ Твери впервые возвѣстилъ о вызовѣ въ Петербургъ уполномоченныхъ отъ губернскихъ комитетовъ. Государь сказалъ: «Я вамъ поручилъ важное для меня и для васъ—дѣло крестьянъ... Лицамъ, изъ среды вашей выбраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ...

...«Я уже приказалъ сдѣлать распоряженiе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было *избрано* двое *депутатовъ* для присутствiя и *общаго обсужденiя* въ Петербургѣ, при разсмотрѣнiи положенiй всѣхъ губернiй въ Главномъ Комитетѣ»... **).

Хотя слова государя какъ бы обѣщали депутатамъ болѣе или менѣе *широкое* участiе въ подготовленiи законопроекта объ освобожденiи, однако, Главный Комитетъ рѣшилъ (въ половинѣ iюля 1858 г.) «предоставить каждому губернскому комитету... избрать по своему усмотрѣнiю и прислать въ Петербургъ двухъ членовъ для представленiя высшему правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣнiй и объясненiй, кои *оно* признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденiи и разсмотрѣнiи каждаго проекта».

Такимъ образомъ, по мысли Главнаго Комитета, депутаты не получали даже совѣщательнаго голоса, а были лишь экспертами по предуказаннымъ вопросамъ.

---

*) *Татищевъ* III. I, 322.

**) Курсивъ мой. С. С.

См. *Татищевъ*, т. I., стр. 335.

Тотъ-же взглядъ высказалъ и министръ внутрен. дѣлъ Ланскій въ довѣрительномъ докладѣ государю: «Правительству, писалъ онъ, полезно имѣть отъ нихъ (депутатовъ) справки не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетомъ члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ» (!)... *). Государь согласился съ этимъ.

Тѣмъ не менѣе, когда депутаты перваго призыва (изъ 21 губ.) съѣхались въ Петербургъ, то объявленное имъ ограниченіе ихъ компетенціи вызвало всеобщее среди нихъ неудовольствіе **). Тридцать два депутата составили было проектъ адреса государю, въ которомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ укоряли «бюрократію» и, ссылаясь на слова, сказанныя императоромъ тверскому дворянству, просили о допущеніи ихъ въ собраніе Главнаго Комитета для совмѣстнаго разсмотрѣнія, согласованія и исправленія выработанныхъ губернскими комитетами положеній. Впрочемъ, адресъ былъ замѣненъ письмомъ къ ген.-адьют. Ростовцеву (предсѣдателю Комитета) съ просьбой дозволить общія собранія, что и было имъ разрѣшено дѣлать, но безъ оффиціальнаго характера. Дворянскимъ депутатамъ такъ и не удалось сыграть болѣе крупной роли: по доставленіи ими затребованныхъ объясненій, министръ внутреннихъ дѣлъ извѣстилъ ихъ, что дальнѣйшее пребываніе ихъ въ Петербургѣ необязательно. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга депутаты рѣшили довести до свѣдѣнія государя свои взгляды при посредствѣ адреса. Въ первоначальномъ про-

*) *Татищевъ*, т. I, 358.

**) „Депутаты явно стремятся къ конституціи" записалъ въ своемъ дневникѣ Никитенко за 1859 г. *Никитенко*, Дневникъ, т. II, стр. 167.

ектѣ его, составленномъ А. И. Кошелевымъ (рязанскимъ депутатомъ), предполагалось просить дозволенія «разсмотрѣть» проекты до передачи ихъ въ Главный Комитетъ; но голоса депутатовъ раздѣлились. Группа въ 18 чел. подала адресъ, въ которомъ просила позволенія представить свои соображенія на окончательные труды редакціонной комиссіи. Другая группа въ пять человѣкъ (это были Д. Хрущовъ, А. Шретеръ, А. Унковскій, Д. Васильевъ, П. Дубровинъ)—подала слѣдующій адресъ:

«Державнымъ словомъ Вашего Императорскаго Величества объ освобожденіи крестьянъ Россія пробуждена къ новой жизни. Это—поворотъ въ исторіи нашего отечества(!). Ему предстоитъ 2 пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный, другой—путь насилій и печальныхъ послѣдствій. Первый вытекаетъ изъ любви Вашей, Государь, къ Россіи и ея счастью; второй можетъ быть послѣдствіемъ неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдываетъ ожиданій и потребностей народа. Въ неизрѣчимой милости Вашей, Великодушный Монархъ, Вы призвали наше сословіе *) къ участію въ великомъ дѣлѣ преобразовать бытъ земледѣльцевъ. Столь высокое довѣріе налагаетъ на насъ, членовъ дворянскихъ комитетовъ, священную обязанность вѣрноподданнически высказать Вашему Величеству мнѣнія наши о направленіи, полученномъ крестьянскимъ дѣломъ. Если мы выходимъ изъ предѣловъ даннаго намъ полномочія, то это мы совершаемъ во имя любви къ Вамъ и живой преданности къ Престолу и Отечеству»... Адресъ заканчивался словами: «Вѣруя въ благодушіе Вашего Величества, зная волю Вашу, Государь, чтобы Россія шла путемъ мирнаго развитія; убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность, и что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка

*) Дворянство.

администраціи, полиціи и суда, мы дерзаемъ, Государь, всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о нижеслѣдующемъ: 1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ неразорительныхъ для помѣщиковъ; 2) образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ; 3) учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности предъ судомъ и 4) дать возможность путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

«Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ... долгомъ... повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Ваше наши откровенныя убѣжденія»...

Наконецъ, депутатъ отъ большинства симбирскаго дворянскаго губернскаго комитета Шидловскій, во всеподданнѣйшемъ письмѣ, убѣждалъ государя, въ виду того, что «дворянство есть первый и самый естественный охранитель престола и отечества, созвать уполномоченныхъ отъ дворянства для окончательнаго разрѣшенія, подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, предпринятаго имъ дѣла освобожденія. крѣпостныхъ крестьянъ»...*)

«Вотъ какія мысли бродятъ въ головѣ этихъ господъ» —надписалъ государь на адресѣ Шидловскаго. Неудовольствіе императора возбуждено было совпаденіемъ адресовъ дворянскихъ депутатовъ съ запискою «О значеніи русскаго дворянства и положеніи, какое оно должно занимать

*) *Татищевъ*, т. I, стр. 363; Адреса см. полностью у *П. П. Семенова* „Освобожденіе крестьянъ“, т. II, 933—940.

на поприщѣ государственномъ», представленною каммергеромъ Н. П. Безобразовымъ (черезъ шефа жандармовъ Тимашева). При этомъ Безобразовъ писалъ Тимашеву: «Я уклонился отъ всякаго смягченія въ выраженіяхъ, какое могло бы затемнить ясность выраженія, ибо, благоговѣя предъ Государемъ, я считалъ прикрытіе истины оскорбленіемъ Его Величества и для самого себя признавалъ унизительнымъ не смѣть высказать Царю мою мысль такъ просто, какъ она во мнѣ проявилась». Въ запискѣ *) этой Безобразовъ, послѣ пространныхъ разсужденій объ антагонизмѣ бюрократіи съ дворянствомъ, обвинялъ первую въ тайномъ намѣреніи ввести въ Россіи конституцію по западному образцу, въ отвращеніе чего Безобразовъ предлагалъ созвать выборныхъ отъ губерній и, придавъ къ нимъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, составить совѣщательное собраніе для обсужденія общихъ государственныхъ вопросовъ и во главѣ ихъ—крестьянскаго. Государь сдѣлалъ много примѣчаній на поляхъ записки Безобразова. Признавая тонъ записки «непомѣрно наглымъ», государь находилъ, что предложеніе Безобразова созвать выборное собраніе «произведетъ еще большій *хаосъ*». «Хороши софизмы!» начерталъ императоръ противъ словъ: «собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія»... Общее заключеніе государя о запискѣ Безобразова: «Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе» **).

---

*) Текстъ записки съ примѣчаніями имп. Александра II см. «Русс. Архивъ». 1888, т. III, 603 и сл.

**) Татищевъ, т. I, стр. 364. Безобразовъ довольно вѣрно указывалъ, что въ тотъ моментъ «на стражѣ вокругъ престола стояла бюрократія въ сообщничествѣ (сознательно и безсознательно) съ т. н. „красными", т.е. либеральной частью общества. Однако, союзъ этотъ былъ скорѣе платоническій и кончился быстро: вслѣдъ за 19 ф. 1861 г.. Безобразовъ указывалъ также, что «право земли русской имѣть выборныхъ для совѣта верховной власти нынѣ такъ-же существуетъ, какъ существовало и прежде: оно—право первосозданное отъ начала бытія народа русскаго. Выборныхъ можно не созывать, мысль о нихъ можно затемнять, но

Адресъ 5 депутатовъ государь нашелъ «въ особенности ни съ чѣмъ не сообразнымъ и дерзкимъ до крайности» *).

Пять членовъ получили Высочайшій выговоръ и отдачу подъ полицейскій надзоръ. Восемнадцати депутатамъ было сдѣлано замѣчаніе, прочимъ членамъ—внушеніе черезъ губернаторовъ, Безобразовъ—высланъ изъ С.-Петербурга въ пермскую губернію **).

Такимъ образомъ, верховная власть дала отпоръ притязаніямъ участвовать въ дѣлѣ государственнаго строительства, какъ реакціонному большинству, такъ и прогрессивному меньшинству выборныхъ отъ дворянства.

Попытку депутатовъ постигла полная неудача. Бюрократія, между тѣмъ, стремилась провести крестьянскую реформу собственными силами, отстранивши отъ разрѣшенія дѣла заинтересованныхъ лицъ. Правда, интересы дворянъ были изслѣдованы, благодаря заявленіямъ депутатовъ и дворянскимъ комитетамъ. Объ участіи—же крестьянъ въ этомъ кровномъ для нихъ дѣлѣ не было и рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ бюрократія отнюдь не желала позволить коллективныхъ общественныхъ заявленій, которыя могли послѣдовать со стороны единственной организованной части общества, обладавшей правомъ петицій къ верховной власти,—со стороны дворянскихъ собраній. Серія ихъ должна была состояться какъ разъ зимой 1859—60 г., и мин. вн. дѣлъ Ланскій, подъ предлогомъ опасеній (до извѣстной степени справедливыхъ), что дворянскія собранія послужатъ для агитаціи крѣпостниковъ противъ реформы, исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе,запрещавшее касаться освобожденія крестьянъ, и разослалъ его циркy-

---

вырвать самое право внѣ силъ человѣческихъ" См. „Русс. Архивъ, 1883, стр. 603—613.

*) *Татищевъ*, т. I, стр. 365.

**) Эта мѣра по отношенію къ Безобразову была слѣдствіемъ повелѣнія Государя главному комитету „разсудить, могутъ-ли и должны-ли подобныя дерзости остаться безъ вниманія"...

лярно предводителямъ дворянства *). Это было несомнѣннымъ нарушеніемъ правъ дворянства и вызвало протесты сперва рязанскаго, а потомъ тверского, ярославскаго и владимирскаго дворянства. Рязанское дворянское собраніе подало всеподданнѣйшій адресъ съ указаніемъ на нарушеніе своихъ правъ. Циркуляръ былъ подтвержденъ **). Точно также и тверское собраніе, основываясь на ст. 77 Основныхъ законовъ (т. I), хотѣло представить министру внутр. дѣлъ о томъ, что циркуляромъ отмѣняется законъ. Въ собраніи дворянства Европеусъ сказалъ горячую рѣчь: «Настало время показать, что пользованіе правами не есть исключительная привилегія одного сословія, но есть исполненіе обязанности нашей въ отношеніи ко всему обществу. Въ настоящее время только одно наше совѣщательное собраніе имѣетъ законное право вступать въ обсужденіе вопросовъ общественной пользы и служить единственной закон. гарантіей противъ произвола и бюрократіи, все угнетающей, ничего не понимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся,—бюрократіи, имѣщей въ виду только свои частныя выгоды, прямо противоположныя и интересамъ всего общества, и волѣ государя императора». Согласно его предложенію рѣшено было большинствомъ 184 противъ 54 сдѣлать представленіе министру, но, въ виду отказа губернатора принять и переслать такое постановленіе, дворянство большинствомъ 237 противъ 56 рѣшило подать всеподданнѣйшій адресъ, который и былъ экстренно поданъ за подписью 155 человѣкъ. Адресъ

*) Этимъ Ланской думалъ предупредить и пресѣчь агитацію въ дворянскихъ собраніяхъ со стороны „депутатовъ", возмущенныхъ отношеніемъ правительства къ ихъ заявленіямъ.

**) По этому поводу рязанские дворяне постановили: „Губернскому предводителю извѣстны наши крайняя нужды, но такъ какъ мы не имѣемъ права о нихъ разсуждать, то, на основании сего протокола, даемъ право губернскому предводителю довести оныя до свѣдѣнія государя императора". За всеподданнѣйшее прошеніе, посланное на основаніи этого постановленія, губернскому предводителю былъ данъ высочайшій выговоръ.

гласилъ: «Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь. Дворянство тверской губерніи глубоко проникнуто сознаніемъ о непоколебимости постановленій, исходившихъ отъ верховной власти. Эти постановленія опредѣляютъ положительно отношенія всѣхъ сословій и учрежденій къ лицамъ, имѣющимъ счастье объявлять Высочайшія Вашего Императорскаго Величества повелѣнія. Сознавая, что право разсужденій о своихъ нуждахъ и пользахъ, дарованное дворянству прямымъ смысломъ 112 и 135 ст. IX т. Св. Зак. о состояніяхъ, по неразрывной связи своей съ крестьянскимъ вопросомъ, ограничивается нынѣ Высочайшимъ повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, объявленнымъ циркулярнымъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, дворянство тверской губерніи считаетъ святымъ долгомъ слѣдовать указаніямъ положительныхъ узаконеній (177 ст. I т. I ч. закон. основ. и 112 и 113 ст. IX т. зак. о сост) и повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйшую просьбу имѣть сужденіе о своихъ нуждахъ и пользахъ, не стѣсняясь возможною соприкосновенностью ихъ съ крестьянскимъ вопросомъ»...

Уже черезъ 3 дня стало извѣстно, что прошеніе это оставлено безъ послѣдствій, а губернскій предводитель Унковскій уволенъ отъ должности. Такимъ образомъ, верховная власть, какъ и въ инцидентѣ съ депутатами, точно и недвусмысленно указала дворянству, что рѣшеніе государственныхъ вопросовъ принадлежитъ и будетъ осуществляться лишь ею, въ сотрудничествѣ съ бюрократіей, но отнюдь не съ той или иной общественной группой, или съ обществомъ въ его цѣломъ. Тверское дворянство (въ 8 уѣздахъ изъ 12) отвѣтило отказомъ выбрать предводителей и депутатовъ. Правительство, въ отвѣтъ на эту оппозицію, проявленную, хотя и въ *легальной* формѣ, сочло нужнымъ сослать Унковскаго въ Вятку, Европеуса въ Пермь а Головачовъ отданъ былъ подъ надзоръ полиціи. Печати воспрещено было касаться происшествій на

дворянскихъ собраніяхъ. Тѣмъ не менѣе движеніе продолжалось.

XVI.

Въ январѣ 1860 года владимирское дворянство большинствомъ 186 противъ 34 приняло адресъ, въ которомъ, указывая на «безгласность дѣлопроизводства и безотвѣтственность должностныхъ лицъ», оно выставляло цѣлую программу необходимыхъ преобразованій, заключавшуюся въ слѣдующемъ:

«I. Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

II. Управленіе, общее для всѣхъ сословій.

III. Хозяйственно-распорядительное управленіе для всѣхъ сословій и отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ, причемъ выборныя лица утверждаются не административной властью, но единственно правильностью избранія.

IV. Полицейское управленіе правительственное и устроенное въ чисто-охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

V. Руководимое только закономъ, гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

VI. Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго предъ судомъ.

VII. Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей безъ права ссылаться на предписаніе своихъ начальствъ.

VIII. Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита» *).

Интересно совпаденіе многихъ пожеланій владимирскихъ дворянъ съ запиской 5 депутатовъ, поданной госу-

*) Пре[illegible] былъ [illegible]анъ выговоръ за этотъ адресъ

дарю въ 1859 г., при окончаніи ихъ работы, какъ «свѣдущихъ лицъ». Четвертый пунктъ владимирскаго адреса отрицалъ III отдѣленіе, административную ссылку и т. п. Для разъясненія же VIII пункта, который на первый взглядъ мало понятенъ, нужно привести отрывокъ постановленія тверскихъ дворянъ 1862 г.: «для возрожденія кредита необходимы слѣдующія реформы: а) преобразованіе финансовой системы управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не отъ произвола..., б) введеніе полной гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управленія».

Такимъ образомъ, ходатайство владимирскихъ дворянъ носило хотя и въ скрытомъ видѣ конституціонный характеръ. Тогда же, въ 1860 г., и въ томъ же смыслѣ ходатайствовали дворянскія собранія въ ярославской и нижегородской губ.; а въ 1861 г. подобный адресъ поданъ былъ харьковскимъ дворянствомъ. Ярославскіе дворяне просили «о допущеніи общества, посредствомъ гласности, обнаруживать предъ высшимъ правительствомъ злоупотребленія мѣстныхъ управленій», а петербургское дворянство просило о «мѣстномъ самоуправленіи» *).

Подобныя ходатайства, начавшись съ 1858 г., продолжались почти непрерывно въ 1859—62 гг. Какъ мы видѣли на примѣрѣ «депутатовъ» по крестьянскому дѣлу, правительство, не предпринимая чрезвычайныхъ мѣръ строгости **) (были, впрочемъ, и ссылки, и высылки), дава-

*) Петербургское дворянское собраніе 1860 г. отвѣтило на заявленный въ газетахъ проектъ правительства о преобразованіи уѣздной полиціи на чисто бюрократическихъ началахъ, — вмѣсто выборнаго, хотя и сословно дворянскаго, — адресомъ, въ которомъ замѣтило, что оно стоитъ не за сословный, но за выборный принципъ, и въ этомъ смыслѣ „желаетъ сохраненія и правильнаго развитія, подъ покровительствомъ самодержавной власти, издревле существовавшаго въ Россіи начала мѣстнаго самоуправленія". „*Восемнадцать лѣтъ* войны чиновничества съ земствомъ". 1883, стр. 5, прим.

**) Причина того, что бюрократія не осмѣливалась болѣе круто расправиться съ дворянской оппозиціей, заключалась въ опасеніи правительства вступить въ борьбу съ дворянствомъ

ло понять о своемъ неудовольствіи этимъ движеніемъ, дѣлая выговоры предводителямъ дворянства и ораторамъ и налагая на нихъ нѣкоторыя взысканія. Тѣмъ не менѣе, движеніе продолжалось. Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ 1859—60 г. (напримѣръ, въ орловскихъ) были сдѣланы заявленія «о необходимости общаго дворянскаго представительства», о «правѣ русской земли имѣть своихъ выборныхъ для совѣта верховной власти», произносилось даже слово «конституція», но заявленія эти, исходившія отъ представителей «крѣпостниковъ», не встрѣчали сочувствія среди «либераловъ» и даже «красныхъ». Дѣло въ томъ, что очень многіе либералы, ободренные поведеніемъ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ, были убѣждены, что неограниченная самодержавная власть способна обезпечить и провести наиболѣе выгодно для крестьянъ дѣло освобожденія. Крайне интересно, что М. А. Бакунинъ (бывшій въ это время въ Сибири) писалъ Герцену въ восторженномъ тонѣ о слѣдующей программѣ тогдашняго генералъ-губернатора В. Сибири Муравьева-Амурскаго: «1) Полное безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею, 2) публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ дѣламъ отъ малаго до великаго, 3) образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ, 4) народное самоуправленіе съ уничтоженіемъ бюрократіи съ возможной децентрализаціей Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и болтливый дворянскій парламентъ, а временная желѣзная диктатура»... Либералы, хотя и не всѣ, чувствовали, что въ своихъ освободительныхъ стремленіяхъ они опирались въ данный моментъ на власть верховную, и отнюдь не желали также дворянскаго парламента, по самой идеѣ своей глубоко консервативнаго, особенно въ вопросѣ соціальномъ. Весьма характерно для взглядовъ Бакунина въ ту эпоху его одобреніе диктатурѣ, проводящей нужныя преобразованія. Въ 1862 г. о томъ же и въ томъ же смыслѣ высказалась «Молодая Россія», не возлагавшая, впро

чемъ, никакихъ надеждъ на современный государственный строй, какъ Бакунинъ.

Впрочемъ, даже Герценъ, безусловный конституціоналистъ, когда стало извѣстно, что дѣло освобожденія рѣшительно направлено къ завершенію, писалъ, обращаясь къ Александру II: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!.. Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ II подписалъ первый актъ, всенародно высказавшій, что онъ *со стороны* освобожденія крестьянъ, что онъ это хочетъ, съ тѣхъ поръ наше положеніе къ нему измѣнилось... Мы имѣемъ дѣло уже не съ случайнымъ преемникомъ Николая, а съ мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ новую эру для Россіи, онъ столько же наслѣдникъ 14-го декабря, какъ Николая I. Онъ работаетъ *съ нами* для великаго будущаго... Что касается до насъ, нашъ путь впередъ назначенъ, мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и *пока* онъ освобождаетъ». При этомъ Герценъ первый прилагалъ къ Александру II названіе Освободителя *).

Нужно, однако, замѣтить, что Положеніе 19 февраля 1861 г. не удовлетворило надежды либераловъ (и еще менѣе радикаловъ), возлагавшіяся на государственную власть, такъ какъ «Положеніе» это было осуществлено уже подъ сильнымъ вліяніемъ крѣпостниковъ, и явилось компромиссомъ между умѣренными проектами петербургской бюрократіи и реакціонными требованіями крѣпостниковъ. Идея же надѣленія крестьянъ всей той землей, которую они обрабатывали, не была осуществлена. Кромѣ того, даже и неудовлетворительно проведенное освобожденіе крестьянъ ставило предъ обществомъ и правительствомъ вопросъ о дальнѣйшемъ переустройствѣ государства, вмѣсто старыхъ началъ сословности и бюрократизма, на принципѣ всесословности и самоуправленія, какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ. И сознаніе неудовлетворительности крестьянской реформы, и необходимость введенія началъ свободнаго го-

*) Из. № 9 „Колокола", 1858 г. отъ 15 февр

сударства въ русскую жизнь, и, наконецъ, стремленіе къ политическому вліянію новыхъ слоевъ и стремленіе дворянства вознаградить потерю значенія на мѣстахъ усиленіемъ вліянія въ центрѣ,—все это вызвало снова конституціонное движеніе.

Уже 20-го октября 1861 года появился № 3 газеты «Великоруссъ» *), въ которомъ авторы, оставшіеся неизвѣстными, разбирали данныя, свидѣтельствующія о положительномъ или отрицательномъ отношеніи императора Александра II къ вопросу о введеніи конституціи, и предлагали всѣмъ друзьямъ политическаго освобожденія Россіи дѣйствовать мирнымъ путемъ, посредствомъ подачи всеподданнѣйшаго адреса **). Всѣ сочувствовавшіе дѣлу приглашались пропагандировать мысль объ адресѣ и объ условіяхъ, которыя необходимо соблюсти для водворенія законнаго порядка. Нужно было стараться заслужить довѣріе молодежи, дабы удержать ее отъ демонстраціи и спасти тѣмъ многихъ наилучшихъ юношей отъ бѣдъ, которымъ подвергались бы они, не имѣя осторожныхъ руководителей въ наступающія смутныя времена ***). Рѣшительныя дѣйствія, какъ-то: собираніе подписей къ адресу и назначеніе депутатовъ для представленія его государю, нужно было начать *лишь тогда*, когда *большинство* публики будетъ

*) № 1 вышелъ въ юнѣ, № 2—въ августѣ. Третьимъ номеромъ эта газета закончила свое существованіе. Печаталась она въ типографіи Академіи Генеральнаго Штаба офицерами, принадлежавшими къ организаціи „Великорусса".

**) Авторы заявляли, что „если нынѣшній государь добровольно откажется отъ произвола, то проигрышъ республиканской партіи не будетъ особенно великъ. Истинно конституціонная монархія мало чѣмъ отличается отъ республики". Въ виду этого, хотя и сомнѣваясь лично въ возможности добровольнаго дарованія конституціи, авторы, тѣмъ не менѣе, убѣждали „передовыхъ патріотовъ ограничиться на первое время только тѣмъ, чтобы помогать умѣренной партіи, желающей сдѣлать пробу безъ революціи добиться народнаго представительства".

***) Въ это время происходили крупные студенческіе безпорядки въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ.

приготовлено къ этому. Авторы адреса, приложеннаго къ газетѣ, исходили изъ мысли, что положеніе 19 февраля не соотвѣтствовало ожиданіямъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые предполагали, что ихъ освободятъ отъ всякихъ платежей и повинностей помѣщикамъ и дадутъ имъ надѣлы въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они пользовались до освобожденія. «Долго медлить рѣшеніемъ нельзя,—заявляли авторы «Великорусса»,—«если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 г. *) устранить причины къ возстанію,—народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 г.»... **).

Самый адресъ начинался съ заявленія, что положеніе родины тяжко и опасно. Затѣмъ, указавши на желанія крестьянъ, авторы адреса высказывали убѣжденіе, что «Россія подвергнется величайшимъ бѣдствіямъ, если положеніе 19-го февраля не будетъ измѣнено соотвѣтственно всеобщему чувству крестьянъ.

Затѣмъ, указывая на противодѣйствіе, встрѣченное государемъ въ его благихъ намѣреніяхъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, авторы заявляли, что бюрократическій формализмъ, интрига и обманъ оказывались гораздо могущественнѣе неограниченнаго монарха.

Адресъ заканчивался словами: «Только правительство, опирающееся на волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, со-

*) До весны 1863 г. крестьяне должны были находиться на положеніи временно-обязанныхъ.

**) Авторы адреса полагали, что „заставить правительство согласиться на требованія публики будетъ легко", что оно „не можетъ прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ". „Пусть каждый подумаетъ, возможно-ли съ Москвой и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной. Нѣтъ, нѣтъ. Депутація русскихъ столицъ, опираясь на великорусскія провинціи, представитъ собою могущество, предъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ и смирятся враги народнаго представительства".

звать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ Варшавѣ, чтобы они устроили ея судьбу, сообразно ея потребностямъ.

Объ этомъ просятъ, Государь, ваши русскіе поддан ные, которые не могутъ быть заподозрѣны въ желаніи чего-либо противнаго величію и славѣ Россіи».

Этотъ адресъ, составленный лицами умѣренно-либеральнаго направленія, не былъ поданъ Государю.

Въ 1861 году русское общество находилось въ состояніи сильнаго броженія. Однимъ изъ выраженій броженія явились студенческіе безпорядки въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани, первые по своимъ грандіознымъ размѣрамъ.

Студенчество было взволновано новыми правилами, созданными реакціоннымъ министерствомъ адм. Путятина и отмѣнявшими рядъ правъ, вошедшихъ уже въ студенческую жизнь за послѣднія 5 лѣтъ и безпрепятственно осуществлявшихся до тѣхъ поръ. Отняты были права—сходокъ, организацій—корпоративныхъ и взаимопомощи, и вводились всякія ограниченія и стѣсненія какъ при поступленіи, такъ и при прохожденіи курса. Студенты (въ Москвѣ) пытались, но тщетно, подать Государю петицію объ отмѣнѣ стѣсненій.

Это студенческое движеніе, громко прозвучавшее среди общества, пріученнаго къ молчанію, обратило на себя большое вниманіе лицъ, желавшихъ измѣненія государственнаго строя. Въ этотъ же періодъ обнаружился расколъ въ либеральной части общества. Въ то время, какъ сторонники «Великорусса» стояли еще на почвѣ чи сто конституціонной, представители разночинческо освободительнаго движенія стали склоняться къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ и взглядамъ. Эти общественные слои, не надѣясь на власть и на общество, въ которомъ вид-

ную роль играло дворянство, стали возлагать надежды на «народъ» (понимаемый въ формѣ крайне отвлеченной), на молодежь, на войско, на раскольниковъ. Это направленіе носило народническій, демократическій характеръ съ сильно выраженной соціальной тенденціей, которая стала все болѣе преобладать въ подобныхъ программахъ надъ политической.

Въ политическомъ отношеніи это новое направленіе было республиканскимъ. Первое обращеніе къ «молодому поколѣнію» послѣдовало уже осенью 1861 года.

Въ своемъ обращеніи «къ молодому поколѣнію» М. Л. Михайловъ, извѣстный поэтъ-переводчикъ, заявлялъ цѣлый рядъ пожеланій.

«Мы хотимъ, — писалъ онъ, — чтобы власть—была разумная, понимающая потребности страны и дѣйствующая въ интересахъ народа,—слѣдовательно выборная и ограниченная.

Мы хотимъ свободы слова, развитія существующаго уже частью въ народѣ начала самоуправленія, равенства всѣхъ предъ закономъ, равенства всѣхъ въ государственныхъ тягостяхъ, въ податяхъ и повинностяхъ, открытаго и словеснаго суда, уничтоженія тайной полиціи, уничтоженія тѣлесныхъ наказаній.

Правительство должно давать отчетъ народу въ собранныхъ съ него деньгахъ; оно не должно вмѣшиваться въ вопросъ сохраненія или отмѣны общиннаго владѣнія землей. Расходы на армію и управленіе и срокъ солдатской службы должны быть сокращены. Должна быть дана полная амнистія политическимъ преступникамъ».

Такова была политическая сторона выставленной имъ программы, формулированная въ общихъ чертахъ. Уже въ этомъ обращеніи проглядывало характерное для ближайшихъ 20 лѣтъ равнодушное и даже отрицательное отношеніе къ политическимъ преобразованіямъ. «За конституцію стало бы, вѣроятно, все дворянство,—говорилъ М. Л. Михайловъ,—«пусть конституціи добиваются тѣ, кому она

можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ *теперь*».

Между тѣмъ движеніе среди дворянства усилилось. Начало 1862 года было временемъ дворянскихъ адресовъ конституціоннаго характера. Въ январѣ были поданы адреса отъ дворянскихъ собраній звенигородскаго, рязанскаго, тульскаго, саратовскаго, новгородскаго, псковскаго, смоленскаго.

Однимъ изъ характернѣйшихъ адресовъ былъ адресъ тверского дворянства отъ 1 февраля 1862 года, подписанный 112 лицами (принятый на собраніи 109-ю голосами противъ 19-ти).

Въ этомъ адресѣ тверскіе дворяне представляли на благоусмотрѣніе Государя «откровенное изложеніе своихъ мыслей безъ всякой лжи и утайки». Они находили, что «манифестъ 19 февраля, объявившій волю народа, улучшивъ нѣсколько матеріальное благосостояніе крестьянъ, не освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и не уничтожилъ всѣхъ беззаконій, порожденныхъ крѣпостнымъ правомъ. «Здравый смыслъ народа не можетъ согласить объявленной Вашимъ Величествомъ воли съ существующими обязательными отношеніями къ помѣщикамъ и съ искусственнымъ раздѣленіемъ сословій»... Выходъ изъ создавшагося положенія дворянство видѣло «въ обязательномъ предоставленіи земли въ собственность крестьянъ», въ чемъ, по его мнѣнію, не только не было нарушенія его (дворянства) правъ, но это было «единственнымъ средствомъ обезпечить спокойствіе страны и его (дворянства) собственные интересы».

«Мы просимъ,—писали дворяне,—привесть немедленно эту мѣру въ исполненіе общими силами государства, не налагая всей ея тяжести на крестьянъ, которые менѣе другихъ виноваты въ существованіи крѣпостного права. Дворянство, въ силу сословныхъ преимуществъ, избавлялось до сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей.

Государь! Мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій; неправеденъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ ни копейки. Это могло быть терпимо только при крѣпостномъ правѣ, но теперь ставитъ насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно безполезныхъ своей родинѣ. Мы не желаемъ болѣе пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ и дальнѣйшее существованіе такихъ порядковъ не принимаемъ на свою отвѣтственность.

«Всеподданнѣйше просимъ Ваше Величество разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей и повинностей, соотвѣтственно состоянію каждаго. Кромѣ имущественныхъ привилегій мы пользовались исключительнымъ правомъ поставлять людей для управленія народомъ. Въ настоящее время мы считаемъ беззаконіемъ исключительность этого правила и просимъ распространить его на всѣ сословія».

Затѣмъ дворянство обвиняло бюрократію въ искаженіи высочайшихъ предначертаній въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, такъ напр., вмѣсто дѣйствительнаго осуществленія воли «сановники» изобрѣли временно обязанное положеніе; вмѣсто обязательнаго обращенія крестьянъ въ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ они изобрѣли систему добровольныхъ соглашеній (по выкупу). «Нынѣ они находятъ необходимымъ сохраненіе дворянскихъ привилегій, тогда какъ мы сами, болѣе другихъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, желаемъ ихъ отмѣнить. Этотъ общій разладъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требуемыя нынѣ крайней необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы сами не беремся говорить за весь народъ, не смотря на то, что стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности не только для удовлетворенія,—но даже и для указанія народныхъ потребностей: мы увѣрены, что преобразованія остаются бе-

зуспѣшными потому, что предпринимаются безъ спроса и вѣдома народа.

«Собраніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля.

«Представляя на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшее прошеніе о созваніи земскаго собранія, мы надѣемся, что искреннее желаніе общаго блага, одушевляющее тверское дворянство не подвергнется превратному толкованію».

Отвѣтомъ на это заявленіе была репрессія, направленная, хотя и косвенно, противъ участниковъ въ составленіи адреса *).

Весьма замѣчательнымъ былъ также адресъ московскаго дворянства, просившаго мѣстнаго самоуправленія, гласнаго судопроизводства, обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель, публичности бюджета, свободы печати и созванія въ Москвѣ Земской Думы изъ всѣхъ классовъ для приготовленія цѣльнаго проекта реформъ. Въ томъ-же приблизительно смыслѣ высказалось и воронежское дворянство. Приэтомъ, несмотря на репрессіи правительства противъ иниціаторовъ тверского адреса, конституціонное движеніе среди дворянъ продолжалось.

Въ этотъ же періодъ, въ чрезвычайномъ собраніи

*) Согласно съ мыслями, выраженными въ тверскомъ адресѣ по поводу постановки крестьянской реформы, 13 чел. мировыхъ посредниковъ тверской губ. (братья Бакунины, Балкашинъ, Глазенапъ, Демьяновъ, Кудрявцевъ, Лазаревъ, Лихачевъ, Невѣдомскій, Полторацкій, Харламовъ, Широбоковъ) подали заявленіе о томъ, что они не желаютъ участвовать въ проведеніи реформы на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ это рѣшило тверское дворянство. Всѣ они были арестованы, судимы сенатомъ и осуждены къ 2[illegible] год. смирительнаго дома, но вскорѣ послѣ приведенія приговора въ исполненіе—помилованы. *Любавскій*, Уголовные процессы. СПБ, 1866, *Н. Флеровскій*, Воспоминанія, 148 153; „Сѣверная Почта“, Газета Мин. внутр. дѣлъ. 1862, № 39, (21 февр.); ibid, № 181, (19 авг.).

петербургскаго дворянства, царскосельскій уѣздный предводитель дворянства Платоновъ прочелъ «Записку о необходимости созванія выборныхъ земли русской». Обсужденіе ея вызвало горячіе споры, причемъ противъ созванія земской думы выступали преимущественно дворяне петербургскаго уѣзда. Въ этомъ смыслѣ говорили Мод. Корфъ, Мордвиновъ и др., а за созывъ—при одобреніи публики—Леонтьевъ, Безакъ и др.

Такъ какъ при голосованіи выяснилось, что предложеніе Платонова не получитъ въ свою пользу большинства 2/3 голосовъ, то рѣшено было отложить голосованіе до очередного собранія, т. е. до декабря 1862 г. *)

Платоновъ доказывалъ, что въ Россіи съ давнихъ поръ существовало «участіе гражданскихъ сословій въ государственномъ управленіи», выражавшееся со временъ Іоанна IV до Петра I въ «Земской Думѣ» **). Петръ I, по мнѣнію Платонова, стремился также дать народу долю участія въ управленіи, издавая указъ 22 ф. 1711 г. ***), повелѣвавшій «имѣть при Сенатѣ выборныхъ людей отъ каждой губерніи по 2 человѣка, подъ наименованіемъ комиссаровъ для спроса». Сенатъ-же, по его мнѣнію, былъ лишь преобразованной «Дворянской Думой». Послѣ смерти Петра указъ этотъ не исполнялся. Устраненіе гражданскихъ сословій отъ участія въ обсужденіи издаваемыхъ узаконеній и важныхъ государственныхъ дѣлъ—есть глав-

*) Записка Платонова была напечатана Л. Блюммеромъ въ 3 выпускѣ его „Свободнаго слова". По поводу оппозиціи предложенію Платонова, Н. О. Пантелѣевъ („Изъ воспоминаній прошлаго", 1905, стр. 331) сообщаетъ, что причиной ея было указаніе правительствомъ на тотъ фактъ, что дворянство должно казнѣ нѣсколько сотъ тысячъ. Платоновъ пытался возобновить свое предложеніе въ 1863 г. на дворянскомъ собраніи по поводу земскихъ учрежденій, когда онъ заявилъ о необходимости земскаго собора, но, благодаря воззванію правительства къ дворянскому патріотизму (тогда шли переговоры по поводу Польши) и вышесказанному напоминанію о долгѣ, предложеніе не прошло.

**) Очевидно, Платоновъ говоритъ о земскихъ соборахъ.

***) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. № 2321.

нѣйшая причина несовершенства и неудовлетворительности издаваемыхъ законоположенiй. Платоновъ призывалъ «отринуть навсегда недостойную мысль, чтобы участiе Земской Думы въ дѣлахъ государственныхъ могло уменьшить значенiе Государя, какъ блюстителя правды и олицотворенiя верховной власти народа». «Необходимо изыскать надежныя средства къ познанiю народныхъ потребностей, поставить преграду самовластiю правительственныхъ лицъ и установить правильный путь, по коему голосъ народа восходилъ-бы до престола вѣрно и своевременно; необходимо прочное соединенiе всѣхъ частей имперiи въ одно твердое политическое тѣло. Единственнымъ способомъ къ этому является учрежденiе общаго народнаго представительства посредствомъ соединенiя въ одну Государственную Земскую Думу представителей или выборныхъ людей отъ всѣхъ частей государства, какъ для представленiя верховному правительству нуждъ народныхъ, такъ и для совокупнаго обсужденiя изготовляемыхъ законоположенiй и важныхъ мѣръ правительственныхъ прежде утвержденiя ихъ верховной властью. Безъ учрежденiя такого общаго народнаго представительства можно опасаться за прочность существованiя самого государства и предвидѣть въ непродолжительномъ времени его распаденiе».

Платоновъ находилъ неправильнымъ существующее дѣленiе сословiй. Поэтому онъ предлагалъ, чтобы «лица *всѣхъ* состоянiй, принадлежа по жительству своему къ какому-либо обществу, были соединены въ одно сословiе и для обсужденiя своихъ дѣлъ общественныхъ избирали изъ среды себя людей выборныхъ. Уѣздныя собранiя должны состоять изъ опредѣленнаго закономъ числа выборныхъ людей, присылаемыхъ отъ всѣхъ городовъ и волостей того уѣзда. Губернское собранiе, или Губернская Дума должна быть составлена изъ опредѣленнаго числа выборныхъ людей, присланныхъ отъ всѣхъ уѣздныхъ собранiй. Вообще, народное представительство должно быть устроено

такъ, чтобы граждане просвѣщенные имѣли соразмѣрно своему числу преимущество голоса предъ тѣми изъ гражданъ низшаго состоянія, которыхъ образованность не достигла еще равной степени развитія».

Платоновъ находилъ, что «граждане въ благоустроенномъ государствѣ по различію ихъ природныхъ способностей и качествъ нравственныхъ, степени просвѣщенія и самыхъ средствъ физическихъ, не въ равной мѣрѣ могутъ быть полезны обществу, а потому и самая справедливость требуетъ, чтобы они не въ равной степени пользовались правами политическими и для существенной пользы самого государства неравное принимали участіе въ дѣлахъ общественныхъ». Платоновъ находилъ нужнымъ сохраненіе значенія дворянства, какъ первенствующаго сословія, такъ какъ «юноша, рожденный отъ просвѣщенныхъ родителей»... получаетъ отъ нихъ «чувство чести и многія такія понятія, которыхъ родители грубые не въ состояніи передать своимъ дѣтямъ».

«Цѣль записки—показать необходимость подвергать разсмотрѣнію общей Государственной Земской Думы всѣ проекты законовъ прежде утвержденія ихъ верховною властью. При являющихся нынѣ *) въ разныхъ частяхъ государства стремленіяхъ къ достиженію нѣкоторой политической самостоятельности и даже отпаденію отъ общаго состава имперіи, не представляется иного средства къ сліянію всѣхъ частей государства въ одинъ народъ нераздѣльный, въ твердое тѣло политическое, кромѣ общаго въ имперіи народнаго представительства».

Платоновъ предлагалъ составить всеподданнѣйшее прошеніе въ вышеуказанномъ смыслѣ; «само собой разумѣется, добавлялъ онъ, что какъ бы ни былъ составленъ проектъ этотъ, въ немъ должны быть свято сохранены тѣ права, которыми уже пользуются *извѣстныя* сословія, ибо не въ нарушеніи права можетъ состоять всякое но-

*) Намекъ на броженіе въ Польшѣ, вскорѣ перешедшее въ возстаніе 1863 г.

вое преобразованіе, а въ развитіи его или въ распространеніи въ извѣстной степени на тѣ сословія, которыя имъ вовсе не пользовались».

Намѣчая земскую организацію по системѣ, уже предположенной въ 1809 г. Сперанскимъ, Платоновъ устанавливалъ четырехстепенную подачу голосовъ при выборахъ въ Государственную Земскую Думу. По его проекту, и въ мѣстномъ и въ государственномъ представительствѣ дворянству отводилась первенствующая роль. Все-же онъ былъ, повидимому,—не противъ всеобщей подачи голосовъ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы дворянство («люди просвѣщенные и добродѣтельные») имѣло перевѣсъ въ *количествѣ* подаваемыхъ голосовъ.

Петербургское дворянство не послѣдовало его предложенію и примѣру многихъ другихъ дворянскихъ собраній этой эпохи.

Одновременно съ дворянскимъ конституціонализмомъ проявляли себя и болѣе крайнія теченія разночинческой интеллигенціи.

Выраженіемъ этихъ теченій были, въ порядкѣ постепеннаго повышенія ихъ радикализма, заявленія группъ, носившихъ названія «Земской Думы«, «Земли и Воли» и, наконецъ, «Молодой Россіи». Первая изъ нихъ носила характеръ умѣреннаго конституціонализма, лишеннаго тѣхъ сословныхъ чертъ, которыя присущи были дворянскимъ заявленіямъ. Вторая достаточно характеризуется самымъ названіемъ своимъ, причемъ, однако, въ программѣ этой партіи экономика не подавляла политики, наоборотъ, политическій строй казался партіи причиной соціальныхъ золъ. Наконецъ, третья группа, надѣлавшая много шума своимъ появленіемъ, считала всѣ другія группы и партіи слишкомъ умѣренными, называла Герцена человѣкомъ отсталымъ и говорила языкомъ, который напугалъ не только реакціонеровъ, но и либераловъ. Случайное совпаденіе появленія воззванія этой группы съ петербургскими пожарами въ маѣ 1862 г. дало поводъ для обвине-

нiй ея въ поджигательствѣ и создало удобный моментъ для всѣхъ лицъ, желавшихъ затормазить освободительное движенiе. Были приняты мѣры противъ печати, воскресныхъ школъ, обществъ и общественныхъ дѣятелей. Правое крыло либеральной массы заколебалось, склоняясь къ застою и реакцiи*).

Вышедшее въ апрѣлѣ 1862 г., воззванiе **) «Земская Дума» заявляло, что подъ такимъ-же названiемъ образовалось общество съ цѣлью «измѣнить существующiй порядокъ управленiя», а для этого необходимы: 1) «полное освобожденiе крестьянъ со всею владѣемою ими землею и 2) созванiе земской думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословiй для составленiя новаго «Уложенiя» и опредѣленiя размѣровъ и способовъ вознагражденiя помѣщиковъ средствами всего государства». Воззванiе обращалось «ко всѣмъ честнымъ и благомыслящиимъ людямъ» и прiурочивало предъявленiе правительству своихъ пожеланiй ко дню тысячелѣтiя Россiи.

Одновременно, въ обществѣ распространялись слухи, едва-ли на чемъ-нибудь основанные, о томъ, что «26 авг. 1862 г. въ день празднованiя 1000-лѣтiя Россiи будетъ объявленъ манифестъ о собранiи Земской Думы и о преобразованiи государственнаго совѣта въ Думу Боярскую». При этомъ добавляли, что новое «государственное уложенiе» сильно похоже на «патентъ» австрiйскаго императора отъ 20-го окт. 1860 г. Однако, нѣтъ никакихъ свѣдѣнiй, что подобныя предположенiя занимали правительство, именно, въ этотъ моментъ.

---

*) Свѣдѣнiя объ общественныхъ движенiяхъ этой эпохи см. „Современникъ", 1862 г., февраль; А... Я..., „Московскiя Письма", 1863 г.; Русс. Арх., 1885 г., т. II, Толстой; *И. Аксаковъ*, собр. соч., т. III; *Оболенскiй*, „Ист. Вѣстн." 1893 г., № 11, 12; *Пантелѣевъ*, Изъ далекаго прошлаго, 1905; *Лемке*, Эпоха цензурныхъ реформъ, 1904 г.; *Никитенко*, Дневникъ, и др.

**) Перепечатано въ изд. „Своб. Слова" Л. П. Блюммера, 1862, т. I, вып. 4, стр. 311—312.

Общество «Земля и Воля» *), которое существовало въ 1862-3 году, выпустило газету «Свобода» № 1-2 и рядъ воззваній («Земля и Воля и временное народное правленіе»; «З. и В.», «свобода вѣроисповѣданія», «свобода и независимость», «Западъ» и др.).

Въ № 1 «Свободы» общество заявляло, что оно видитъ единственный источникъ всѣхъ бѣдствій, терзающихъ Россію, въ ея политическомъ строѣ. Естественно, что выводъ изъ этого былъ требованіе созыва *Народнаго Собранія* изъ выборныхъ представителей свободнаго народа. «Собраніе это само опредѣлитъ новый общественный строй нашего свободнаго отечества, и послѣднимъ моментомъ дѣятельности общества «Земля и Воля» будетъ гарантія свободныхъ выборовъ въ Народное Собраніе и огражденіе Собранія отъ всякихъ насильственныхъ вліяній и отъ притязаній имущественныхъ и сословныхъ привилегій»... **).

Вышедшее въ маѣ мѣсяцѣ 1862 года воззваніе «Молодая Россія» было выпущено очень маленькой группой молодежи, но, умѣло и широко распространенное, оно произвело сильное впечатлѣніе своей рѣзкостью.

Авторы его указывали, что Россія дѣлится на двѣ партіи: въ одной—народъ, въ другой — всѣ имущіе люди. По мнѣнію авторовъ воззванія, вторая партія готова всецѣло поддерживать существующій политическій строй, хотя «въ настоящее время она либеральничаетъ, обиженная от-

*) См. *Л. Пантелѣевъ.* Изъ воспоминаній прошлаго. 1905 г., стр. 249—339 и въ „Нашей Жизни" 1904 г., ноябрь, декабрь, янв. 1905 г.

**) Характернымъ для взглядовъ тогдашнихъ революціонеровъ является ожиданіе, что „революція въ Россіи неизбѣжна", что она „неминуемо разразится въ возстаніе... подавленнаго народа" и при жестокомъ отношеніи правительства приметъ „исполинскіе размѣры кровавой драмы, если все, или по крайней мѣрѣ большинство, способное и честное изъ образованныхъ классовъ не станетъ на сторону... народа", и тѣмъ не создастъ условія для мирнаго перехода къ новому порядку.

нятіемъ у нея права на даровую работу крестьянъ, требуетъ конституціи». Исторія представлялась «Молодой Россіи»—борьбой этихъ двухъ партій и выходъ изъ «гнетущаго и страшнаго положенія» былъ одинъ - революція кровавая и неумолимая, «которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія основы современнаго общества».

Воззваніе выставляло требованіе измѣненія современнаго политическаго строя въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейти въ руки національнаго и областныхъ собраній. Каждая область должна состоять изъ земледѣльческихъ общинъ, всѣ члены которыхъ пользуются одинаковыми правами.

Кромѣ національнаго собранія, составленнаго изъ выборныхъ всей земли русской, которое должно собираться въ столицѣ, должны быть и другія—областныя собранія въ главномъ городѣ каждой области, составленныя только изъ однихъ представителей послѣдней.

Національное собраніе рѣшаетъ всѣ вопросы иностранной политики, разбираетъ споры областей между собою, голосуетъ законы, наблюдаетъ за исполненіемъ прежде постановленныхъ, назначаетъ управителей по областямъ, опредѣляетъ общую сумму налога.

Областныя собранія рѣшаютъ дѣла, касающіяся до одной только области, въ главномъ городѣ которой они собираются.

Налоги должны распредѣляться правильно; они должны падать всей своей тяжестью не на бѣдную часть общества, а на людей богатыхъ. Для этого національное собраніе, назначая общую сумму налога, распредѣляетъ его только между областями. Уже областныя собранія раздѣляютъ его между общинами, а сами общины, въ полномъ своемъ собраніи, рѣшаютъ, какую подать долженъ платить какой членъ ея, при чемъ обращается особое вниманіе на состояніе каждаго,—однимъ словомъ, вводится налогъ прогрессивный.

Далѣе, выставлялись требованія заведенія общественныхъ фабрикъ, лавокъ, общественнаго воспитанія дѣтей и содержанія больныхъ и престарѣлыхъ лицъ, полнаго освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ.

Церковныя и монастырскія имущества конфискуются въ пользу государства для уплаты государственнаго долга.

Замѣна постояннаго войска народнымъ ополченіемъ.

Полная независимость Польши и Литвы.

Областямъ должна быть предоставлена возможность рѣшить по большинству голосовъ: желаютъ ли они войти въ составъ федеративной республики, или нѣтъ.

Авторы мечтали осуществить свои требованія посредствомъ захвата власти (диктатуры); выборы въ національное собраніе должны происходить подъ вліяніемъ временнаго правительства, которое должно озаботиться, чтобы въ составъ собранія не вошли сторонники стараго порядка. Самый переворотъ авторы «Молодой Россіи» представляли себѣ очень странно: въ видѣ погол... истребленія своихъ политическихъ противниковъ.

XVII.

Что касается Герцена, то онъ въ вопросѣ о конституціи занималъ двойственное положеніе. Съ одной стороны, онъ стоялъ на своеобразной соціалистической точкѣ зрѣнія, идеализируя крестьянство и его общинно-бытовой укладъ. Характерно въ этомъ смыслѣ его горячее воззваніе къ молодежи о защитѣ неприкосновенности общины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пораженія, понесенныя пролетаріатомъ, стремившимся къ новымъ формамъ общественнаго строя, въ періодъ революціи 1848 г., пораженія, нанесенныя не столько ударами старыхъ элементовъ европейской исторіи, сколько буржуазіей, а также ярко обнаружившаяся буржуазная сущность западно-европейской демократіи,—

все это привело Герцена къ глубокому разочарованію въ политическихъ переворотахъ, которые не приносятъ массѣ ожидаемой пользы. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что нужно стремиться къ полному уничтоженію государства, какъ организаціи, постоянно угрожающей человѣческой свободѣ. Русская община толковалась имъ, какъ форма отношеній, отрицающая государство, а крестьянинъ признавался прирожденнымъ соціалистомъ, призваннымъ замѣнить современное государство федераціей общинъ, соединенныхъ взаимностью экономическихъ интересовъ.

Эта точка зрѣнія, отрицательная по отношенію къ конституціи, и получила преобладаніе въ 60-хъ годахъ въ средѣ русской интеллигенціи.

Съ другой стророны есть точныя свѣдѣнія, что въ томъ-же 1862 г. былъ составленъ проектъ адреса при участіи А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Этотъ проектъ исходилъ изъ мысли, что реформа 19 февр. создала опасное, безвыходное положеніе дѣлъ, которымъ всѣ недовольны: дворяне, и крестьяне, и купцы, и промышленники. Положеніе это, говорилъ проектъ, угрожаетъ самому трону, и изъ него нѣтъ иного выхода, какъ только созвать Земскій Соборъ, на основаніи полной равноправности сословій и всеобщей подачи голосовъ, для устроенія государства. Проектъ этотъ Герценомъ не былъ опубликованъ и практическаго значенія не имѣетъ.

Проектъ этотъ былъ посланъ въ октябрѣ 1862 г. на обсужденіе И. С. Тургенева, который, возражая противъ мотивировки лондонскаго адреса, выдвигалъ программу своего адреса, вкратцѣ заключавшуюся въ слѣдующемъ:

«Признавъ великое благо, основанное положеніемъ (19 февр. 1861 г.), указать на необходимость нѣкоторыхъ дополненій и улучшеній, а, главное, на настоятельную потребность привести весь остальной составъ Русскаго Государства въ гармонію съ совершившимся переворотомъ, а для этого, раскрывъ безпощадной рукой всѣ безобразія нашей администраціи, суда, финансовъ и т. д., требовать

созванія Земскаго Собора, какъ единаго спасенія Россіи, однимъ словомъ, доказать правительству, что оно должно продолжать дѣло *имъ начатое*».

Проектъ этотъ не только не былъ приведенъ Тургеневымъ въ исполненіе, но даже черезъ 8 дней (16 окт. 1862 г.) онъ нашелъ, что адресъ будетъ *несвоевременнымъ* и *вреднымъ*. Причиной этому были извѣстія, полученныя имъ изъ Россіи о намѣреніи правительства «на счетъ губернскихъ сеймовъ—этого перваго шага къ парламентскимъ формамъ»—по мнѣнію Тургенева *).

Но, прежде чѣмъ перейти къ изложенію исторіи начала земскихъ учрежденій, нельзя не сказать нѣсколько словъ о польскомъ національномъ движеніи, сыгравшемъ довольно видную роль въ то время и имѣвшемъ большое значеніе для судьбы освободительнаго движенія въ Россіи. Несмотря на рѣчь имп. Александра II, сказанную имъ еще въ 50 хъ годахъ и направленную къ удержанію поляковъ

---

*) — Не знаю,—писалъ Тургеневъ Герцену 16 окт. 1862 г. изъ Гейдельберга,—какой тутъ проектъ восторжествуетъ: Милютинскій, отличающійся относительной широтой и свободой своихъ началъ, или изуродованный и іезуитскій—Валуева. Если, какъ слѣдуетъ предполагать, будетъ принятъ второй,—то вотъ тутъ дѣльная и живая, и практическая исходная точка для протестующаго адреса"...

То, что Тургеневъ называетъ губернскими сеймами, явилось по „Положенію 1 янв. 1861 г." въ видѣ *земскихъ учрежденій* (губернскихъ и уѣздныхъ), и по проекту *Валуева*, а не Н. А. Милютина. Проектъ Милютина заключался въ слѣдующемъ: 22 февр. 1861 г. Милютинъ писалъ Головнину для сообщенія в. кн. Константину Николаевичу, что онъ съ мин. вн. дѣлъ Ланскимъ приготовляетъ проектъ реформы мѣстнаго управленія. „Мы имѣемъ въ виду два провинціальныхъ учрежденія: 1) губернское правленіе для полиціи и дѣлъ распорядительныхъ, 2) земское присутствіе или земская палата подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства или другого *избраннаго* лица для хозяйственныхъ дѣлъ общаго интереса, благотворительныхъ и т. п. Мы предлагаемъ дать земской палатѣ возможную независимость подъ контролемъ *избранныхъ* изъ разныхъ классовъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ надзоромъ губернаторовъ и министра» Leroy-Beaulieu. Un. homme d'état russe (N. Milutine) стр. 68-69.

отъ политическихъ мечтаній (знаменитое «Pas de rêveries *), messieurs, pas de rêveries!»), поляки, въ массѣ, мечтали о возстановленіи самостоятельности Царства Польскаго, и только небольшая часть довольствовалась требованіемъ возстановить конституцію 1815 г. съ переходомъ къ ней черезъ административную автономію Царства. Многіе вліятельные поляки подали 28 фев. 1861 г. адресъ, говорившій «о вѣковой привычкѣ поляковъ къ свободнымъ учрежденіямъ» и сожалѣвшій о современномъ «отсутствіи въ краѣ всякаго легальнаго органа, путемъ котораго народъ могъ-бы непосредственно говорить къ трону и заявлять свои желанія и нужды».

Адресъ подчеркивалъ то обстоятельство, что «въ семьѣ народовъ европейскихъ только *одинъ* польскій народъ лишенъ свободныхъ учрежденій». Этимъ заявленіемъ поляки обособлялись отъ другихъ народовъ имперіи.

Въ отвѣтъ на этотъ адресъ правительство установило въ Царствѣ выборные совѣты городскіе и уѣздные, но польскіе либералы не удовольствовались такими уступками—и въ сент. 1862 г. тѣ же лица вручили гр. А. Замойскому адресъ, за 300 подписями, въ которомъ говорили, что избиратели установленныхъ послѣ перваго ихъ адреса уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ предполагали подать намѣстнику заявленіе съ 20.000 подписей о томъ, что «только представительство, вышедшее изъ выборовъ, при гласности обсужденія дѣлъ можетъ выразить нужды края»—но что военное положеніе **) остановило это заявленіе. Лица, подавшія адресъ, поручали гр. Замойскому довести до свѣдѣнія Намѣстника в. кн. Константина, что они, какъ поляки, только тогда почтутъ себя удовлетворенными, «когда правительство будетъ *ихъ*, польскимъ, и когда посредствомъ Основного Устава при свободныхъ учрежденіяхъ будутъ соединены *всѣ* провинціи, составляющія *ихъ* отечество».

*) „Никакихъ мечтаній, г-да (не нужно никакихъ мечтаній)".
**) Объявленное въ Царствѣ Польскомъ.

19 ноября 1862 г. дворянство Подольской губ. въ числѣ 255 чел. жаловалось «на отсутствіе у общества органовъ, вышедшихъ изъ его среды, для управленія публичными дѣлами» и настаивало на «возстановленіи административнаго единства Польши, съ присоединеніемъ къ Царству Польскому и западныхъ губерній».

10 окт. 1861 г. могилевское уѣздное дворянское собраніе составило адресъ на имя государя, въ которомъ содержалась просьба о введеніи гласнаго суда, возстановленіи виленскаго университета и о введеніи принципа религіозной и національной равноправности *).

29 ноября минскіе дворяне подали адресъ, въ которомъ просили равенства всѣхъ сословій и исповѣданій, свободы совѣсти и учрежденій, согласныхъ съ духомъ народа (подразумѣвалось—польскаго) и вмѣстѣ съ тѣмъ присоединенія «литовскихъ» (собственно литовско-бѣлорусскихъ) губерній къ Польшѣ.

Польское національно либеральное движеніе находило сочувственный откликъ въ либеральной части русскаго общества. Умѣренные конституціоналисты «Великорусса», какъ сказано выше, высказались въ пользу поляковъ; ихъ стремленія къ освобожденію были энергично поддержаны Герценомъ; точно также «землевольцы» заявляли (4 февраля 1863 г.): «Люди русскіе! Заявимъ твердо, что мы желаемъ немедленнаго возстановленія Польскаго королевства съ добровольнымъ присоединеніемъ къ нему тѣхъ изъ западныхъ губерній, гдѣ народъ большинствомъ самъ этого захочетъ. Конечно, не одно дворянство, какъ это было въ

*) По поводу могилевскаго и подольскаго адресовъ было возбуждено дознаніе, въ результатѣ котораго, приговоромъ сената отъ 25 апрѣля 1862 г., предсѣдатель могилевскаго собранія подполковникъ Богушъ былъ осужденъ на 1½ г. крѣпости. 21 окт. приговоръ приведенъ въ исполненіе, а 26-го окт. Богушъ былъ помилованъ; по подольскому дѣлу губерн. предв. двор. Садовскій былъ осужденъ сенатомъ на 2 г. тюрьмы, а уѣздные предводители—на 1 г. 2 мѣс. каждый; 18 янв. 1863 г. они были арестованы, а 17 апр. помилованы. Оба дѣла см. *Любовскій*, Уголовные процессы, С. П. 1866.

минской и подольской губерніяхъ... Заявимъ наше нежеланіе европейской войны, не соглашаясь помогать прекращенію польскаго возстанія. Совершивъ такое дѣло, мы уже съ чистымъ сердцемъ и свѣтлой совѣстью будемъ въ состояніи приступить къ соединенію въ земскій соборъ отъ всей земли русской, для обсужденія нашего главнаго дѣла: о нашей землѣ и волѣ»..... *).

Но стремленіе къ государственному обособленію Польши и присоединенію къ ней западныхъ губерній, усложненное вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ, вызвало противоположныя чувства въ средѣ не только консерваторовъ, но и умѣренныхъ либераловъ русскихъ. Началось знаменитое адресное движеніе въ пользу сохраненія цѣлости государства, причемъ, впрочемъ, оно первоначально направилось не противъ поляковъ, какъ національности, а противъ вмѣшательства иностранныхъ державъ. Большинство либеральныхъ адресовъ высказывало надежду, что правительство будетъ непрерывно итти по пути реформъ; немногіе лишь, какъ костромское дворянство, сдѣлали прямой намекъ на необходимость земскаго представительства. Несомнѣнно, что съ 1862 г. въ обществѣ уже проявился нѣкоторый переломъ въ сторону реакціи. Выше уже было указано, что реакціонеры искусно использовали и пожары, и «Молодую Россію» для своихъ цѣлей. Теперь сепаратистское польское движеніе оказалось очень для нихъ удобнымъ предлогомъ. Катковъ съ праваго либеральнаго фланга подвинулся уже вправо и началъ войну съ Герценомъ и «Колоколомъ». Выражавшій въ мартѣ и іюнѣ 1862 г. симпатіи тверскому адресу февраля 1862 г. **), онъ уже воевалъ съ революціонерами и поляками, и уже усматривалъ сепаратизмъ въ Малороссіи. Однако, общее

*) Та же группа „Земля и Воля" издала воззваніе: „Льется польская кровь, льется русская кровь, для кого же и для чего она льется?"... Содержаніе его было однородно съ вышеприведенной прокламаціей.

**). „Русскій Вѣстникъ", 1862, III, 451 и сля.; VI, 848 и сля.

либеральное напряженіе въ обществѣ было еще такъ сильно, что онъ предлагалъ созваніе всероссійсскаго земскаго собора (въ верхней палатѣ котораго ему хотѣлось засѣдать), и какъ необходимую для блага страны «организацію общественнаго мнѣнія», и даже какъ лучшее средство остановить польское сепаративное движеніе *).

Земство Катковъ привѣтствовалъ, какъ начало общественнаго безсословнаго самоуправленія, и высказалъ, что въ дальнѣйшемъ развитіи положенныхъ въ основаніе земской реформы началъ «желательна зрѣлая мудрость и либеральность» **).

«Въ наше время, говорилъ онъ, отъ мѣстныхъ представительствъ нельзя ожидать ничего, кромѣ вреда, если они не уравновѣшиваются—центральнымъ» ***).

Правительство также не считало нужнымъ и возможнымъ въ рѣзкой формѣ давать отпоръ либеральнымъ притязаніямъ.

Въ манифестѣ отъ 31-го марта 1863 года государь, указывая на установленные уже въ Царствѣ Польскомъ совѣты городскіе, уѣздные и губернскіе, обѣщалъ открыть «новую эру въ политической жизни края, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія». «Сохраняя и нынѣ эти установленія»,—заявлялъ государь въ манифестѣ,—«Мы предоставляемъ Себѣ, когда они будутъ испытаны на самомъ дѣлѣ, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, соотвѣтственно нуждамъ времени и страны ****).

17-го апрѣля 1863 г., принимая различныя депутаціи, представившія адреса противъ вмѣшательства иностран-

*) ibid., 1863, III, „Что намъ дѣлать съ Польшей?“.

**) „Московскія Вѣдомости“, 1864, № 9.

***) Мысль эта высказана была имъ въ 1862 г., когда правительство склонялось къ устройству сейма въ Польшѣ. „Современная Лѣтопись“, 1862, № 26 и *Невѣдѣнскій*. Катковъ и его время, стр. 159 160.

****) „Сѣверная Почта“, прибавленіе къ № 71 за 1863 г.

ныхъ державъ въ польскій вопросъ, императоръ Александръ II, ранѣе выражавшій свое неудовольствіе при видѣ разсужденій дворянскихъ собраній о реформахъ, на этотъ разъ высказался въ болѣе благосклонномъ по отношенію къ этимъ разсужденіямъ тонѣ, хотя и оговаривался насчетъ времени и порядка осуществленія преобразованій.

«Еще разъ благодарю васъ всѣхъ»,—говорилъ государь,—за чувства вашей преданности, которымъ Я вѣрю; вѣрьте же и Мнѣ, что вся Моя жизнь имѣетъ единственную цѣль: благо дорогого нашего отечества и постепенное развитіе гражданской его жизни. Но на этомъ трудномъ поприщѣ всякая опрометчивость не только не принесетъ намъ пользы, но была бы вредна и даже преступна. Надѣюсь на вашу общую помощь и содѣйствіе Мнѣ въ этихъ важныхъ дѣлахъ, которыя намъ еще предстоятъ. Предоставьте Мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе, когда Я сочту это возможнымъ и полезнымъ».

Въ программномъ разговорѣ, который императоръ Александръ II имѣлъ въ августѣ 1863 г. съ Н. А. Милютинымъ, онъ высказался, что не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не давая его вѣрноподданнымъ русскимъ; а этихъ онъ еще не считалъ зрѣлыми для конституціи. Съ своей стороны Милютинъ, будучи сторонникомъ конституціи, думалъ, что прежде приступа къ реформамъ политическимъ надо окончить реформы административныя, а чтобы воспитать страну вести свои дѣла, надо дать ей практику мѣстнаго самоуправленія *).

Приблизительно та же мысль проводилась и въ депешѣ (14 апр. 1863 г.) канцлера кн. Горчакова, адресованной русскому послу въ Англіи, въ отвѣтъ на предложеніе англійскаго правительства возстановить польскую консти-

*) An. Leroy-Beaulieu. Un homme d'etat russe. Nicolas Milutine, p. 168—169.

туцію 1815 г. *). Кн. Горчаковъ высказывалъ мысль, что конституція 1815 г. не есть единственно возможная форма правительства, что государства по пути къ конституціи должны проходить много степеней, что система постояннаго развитія была примѣняема (въ Россіи) ко всѣмъ отраслямъ общественной дѣятельности и существующимъ учрежденіямъ. «Система, принятая нашимъ Августѣйшимъ Монархомъ»,—заканчивалъ депешу канцлеръ,—«заключаетъ въ себѣ зародышъ, который долженъ быть развитъ временемъ и опытомъ, она имѣетъ своимъ назначеніемъ привести къ административной автономіи, на основаніи провинціальныхъ и муниципальныхъ учрежденій, бывшихъ въ Англіи исходною точкою и основаніемъ величія и благоденствія».

Наконецъ, въ противоположность мѣрамъ, предпринятымъ противъ поляковъ, манифестъ 6 іюня 1863 г. возвѣстилъ о созваніи въ Гельсингфорсѣ государственныхъ чиновъ великаго княжества Финляндскаго. На открытіи сейма въ тронной рѣчи къ представителямъ великаго княжества государь сказалъ **):

«Соблюдая монархическое конституціонное начало, присущее нравамъ финскаго народа и запечатлѣнное во всѣхъ его законахъ и учрежденіяхъ, я хочу внести въ проектъ» (новаго основного закона объ инціативѣ сейма и бюджетномъ правѣ)—«еще болѣе обширное право», чѣмъ то, которымъ финляндцы пользовались.

«Ни одно изъ моихъ дѣйствій не нарушило согласія, которое должно существовать между государемъ и народомъ. Я хочу, чтобы согласіе это продолжало служить, какъ и прежде, залогомъ добрыхъ отношеній, соединяющихъ меня съ мужественнымъ и честнымъ финскимъ народомъ. Оно будетъ несомнѣнно способствовать благосостоянію страны, близкой моему сердцу, и доставитъ мнѣ случай созывать васъ въ опредѣленные сроки. Отъ

*) Приб. къ «Сѣвер. Почтѣ», 1863, № 82.

**) *Татищевъ* т. I, стр. 471.

васъ, представители великаго княжества, зависитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ вашихъ разсужденій, что въ рукахъ народа мудраго, расположеннаго трудиться сообща съ государемъ въ практическомъ духѣ надъ развитіемъ своего благоденствія, либеральныя учрежденія не только не составляютъ опасности, но являются гарантіей порядка и преуспѣянія»...

Замѣчательно, что уже второй разъ въ русской исторіи, съ высоты престола, въ рѣчи, обращенной въ качествѣ конституціоннаго государя къ народнымъ представителямъ страны, соединенной съ самодержавной Россіей реальной уніей, слышалось заявленіе о благотворности конституціонныхъ учрежденій, и рѣчь Александра II къ финляндскому сейму, подобно рѣчи Александра I къ варшавскому сейму въ 1815 г., была принята во всей Россіи за прямое обѣщаніе земскаго собора, а сопоставленіе ея съ манифестомъ 31 марта и депешей 14 апр. русскому послу въ Англіи заставляло ожидать мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, какъ перваго шага къ тому.

Интересно прослѣдить на исторіи введенія земскихъ учрежденій связь между общественнымъ возбужденіемъ страны, конституціонной агитаціей въ дворянскихъ собраніяхъ и нѣкоторыхъ слояхъ интеллигенціи, съ одной стороны, и интенсивностью, напряженностью реформаторской дѣятельности правительства, съ другой стороны. Преобразованіе губернскаго управленія было поставлено на очередь почти одновременно съ крестьянскимъ вопросомъ и правительствомъ, и обществомъ.

Высочайшее повелѣніе 25 мар. 1859 г. говорило о необходимости войти въ разсмотрѣніе хозяйственно-распорядительнаго управленія въ уѣздѣ, причемъ задача предпринятой административной реформы заключалась въ томъ, «чтобы предоставить хозяйственному управленію въ уѣздѣ большее единство, большую самостоятельность и большее довѣріе». Назначеніе предсѣдателемъ комиссіи по данному вопросу Н. А. Милютина указывало ясно на-

правленіе задуманной реформы. Заявленія дворянскихъ собраній 1862 г. подробно выясняли взглядъ дворянства на преобразованіе мѣстнаго управленія. Дворянство, въ значительномъ большинствѣ, желало удержать въ своихъ рукахъ вліяніе на мѣстную жизнь. Несомнѣнно, что образованіе мѣстнаго самоуправленія должно было увѣнчаться организаціей самоуправленія государственнаго, т. е. конституціей. Объ этомъ ясно говоритъ историческая записка о ходѣ работъ по составленію земскаго Положенія, въ которой то и дѣло встрѣчаются чисто конституціонные термины: «земское представительство», «представительныя права», «представительное начало» и т. п. Баронъ М. П. Корфъ писалъ: «Цѣль земской реформы заключается, конечно, не въ томъ, чтобы на мѣсто однихъ присутственныхъ мѣстъ учредить другія, хотя-бы и въ лучшемъ и въ правильнѣйшемъ составѣ; сущность ея, напротивъ, въ измѣненіи самыхъ коренныхъ условій нашей системы мѣстнаго управленія, въ разрушеніи ея старыхъ основъ». Такое пониманіе реформы было преобладающимъ въ сферахъ, разрабатывавшихъ реформу.

Но, подобно тому, какъ крестьянская реформа явилась компромиссомъ между новыми и старыми началами, точно также и на земской реформѣ сказалось сильное вліяніе реакціонныхъ слоевъ дворянства и бюрократіи. Считавшійся «краснымъ», радикаломъ, Милютинъ былъ удаленъ, а Валуевъ, замѣстившій его въ комиссіи, министръ внутреннихъ дѣлъ (съ 23 апрѣля 1861 г.) провелъ свой проектъ.

Реакціонное теченіе*), все усиливавшееся въ правительственныхъ сферахъ, сильно исказило первоначальную идею земства.

2 іюля 1862 года главныя начала земской реформы

---

*) „Слово *земство* наводитъ страхъ въ высшихъ сферахъ",—писала 26 января 1862 г. Вел. Кн. Елена Павловна Н. А. Милютину. Никитенко отмѣчалъ въ своемъ „Дневникѣ": „Испугались реформъ тѣ самые, которые ихъ произвели" („Дневникъ", т. II, 290).

получили Высочайшее одобренiе и осенью были обнародованы*). 26 мая 1863 года проекты были внесены въ государственный совѣтъ, гдѣ и разсмотрѣны сперва въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономiи, въ усиленномъ составѣ, съ участiемъ, между прочимъ, столичныхъ губернскихъ предводителей дворянства и городскихъ головъ**), а затѣмъ и въ общемъ собранiи. 1 января 1864 года Положенiе о земскихъ учрежденiяхъ получило силу закона, и повелѣно было распространить его на 33 губернiи.

Здѣсь не мѣсто входить въ анализъ сущности земскаго Положенiя. Отмѣтимъ лишь, что хотя чисто сословное дѣленiе избирателей и не было проведено, но введенная выборная организацiя, основанная на «хозяйственномъ» принципѣ, дѣлила избирателей на три группы: 1) уѣздныхъ частныхъ землевладѣльцевъ, не принадлежащихъ къ обществамъ, 2) состоятельныхъ членовъ городскихъ обществъ, 3) членовъ сельскихъ обществъ.

Выборы были прямые для лицъ первой категорiи съ полнымъ имущественнымъ цензомъ и для городскихъ избирателей; двухстепенные—для сельскихъ избирателей и лицъ первой категорiи съ неполнымъ имущественнымъ цензомъ. Положенiе 1864 года было построено на имущественномъ цензѣ и представительствѣ интересовъ поземельной собственности, при чемъ интересы промышленности не принимались во вниманiе, какъ таковые; оно стремилось обезпечить преобладающее влiянiе на мѣстныя дѣла дворянству, что и обнаружилось въ первые же годы существованiя земства. Изъ 318 уѣздовъ, въ которыхъ введено было земство, въ 202—число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ составляло половину всего числа членовъ уѣздныхъ собранiй, въ 98—было менѣе половины, но болѣе 1/3, въ

*) „Сѣв. Почта“, 1862, № 212.

**) Это была своеобразная попытка, хотя въ самой несовершенной формѣ, привлечь представителей населенiя къ участiю въ обсужденiи законодательныхъ предположенiй.

6—менѣе 1/3, въ 12—менѣе 1/4. Въ первыя два трехлѣтія существованія земства въ 22 губерніяхъ избранные гласные распредѣлялись по сословіямъ такъ:

Сословія	1-е трехлѣтіе	2-е трехлѣтіе
Дворянъ	4018 или 42,5%	4192 или 44,9%
Крестьянъ	3629 — 38,5%	3494 — 37,4%
Духовныхъ	91 — 1,0%	49 — 0,5%
Прочихъ	1672 — 18,0%	1603 — 17,2%

Это соотношеніе представителей въ уѣздныхъ собраніяхъ сохранилось вплоть до введенія Положенія 1890 г.

Изъ приведенныхъ таблицъ ясно, чьи интересы обезпечивались Положеніемъ 1864 года. Но это было ясно и составителямъ Положенія. Валуевъ признавался, что земская реформа была проведена, «чтобы положить предѣлъ возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій *несбыточнымъ* ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій». Не только составъ земскихъ представителей, но и самая компетенція земствъ была урѣзана или опредѣлена крайне неясно. Валуевъ стремился поставить земство подъ самую строгую опеку администраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ для успокоенія конституціоналистовъ дѣлались заявленія иного рода.

При сужденіяхъ въ государственномъ совѣтѣ Валуевъ заявлялъ, что «первый шагъ не долженъ считаться послѣднимъ», что «учрежденіе земства—есть лишь созданіе формы, которая, засимъ, по указанію опыта, будетъ наполняться соотвѣтствующимъ содержаніемъ». Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверная Почта» въ своихъ статьяхъ 1865 года по поводу введенія земскихъ учрежденій дѣлала ясные намеки, что земскія учрежденія явятся «школой учрежденій представительныхъ», а русская офиціозная газета «Le Nord» нѣсколько ранѣе заявляла: «Наши петербургскіе корреспонденты сообщаютъ свѣдѣнія о впечатлѣніи, которое произвелъ въ Петербургѣ слухъ о конституціи, распущенный нѣкоторыми иностранными газетами. Въ русскомъ политическомъ мірѣ всѣ согласны

съ тѣмъ, что доколѣ не прекратятся волненія въ Польшѣ, не можетъ быть и рѣчи о коренныхъ преобразованіяхъ. Императорское правительство считаетъ своимъ правомъ и своей обязанностью, руководствуясь примѣромъ прочихъ державъ, выждать возстановленія общественнаго спокойствія, прежде чѣмъ приступать къ политической реформѣ. Оно хочетъ положить прочныя основы этой реформы, и поэтому не хочетъ строить зданія на пескѣ»*). И эти заявленія свидѣтельствовали о томъ, что правительство, по крайней мѣрѣ по его заявленіямъ, думало о введеніи конституціи.

Подготовительной мѣрой къ той же общей реформѣ должны были служить судебные уставы (20 ноября 1864 г.) и временныя правила о цензурѣ и печати (6 апрѣля 1865 года), подавшія обществу надежду на скорое улучшеніе общаго политическаго положенія внутри Россіи и завершеніе общей политической реформы.

Введеніе земскихъ учрежденій получило въ нѣкоторыхъ кругахъ немедленно-же довольно правильную оцѣнку.

Такъ, кн. П. Долгоруковъ, въ издаваемомъ имъ «Листкѣ» (№ 18; 25 февр. 1864 г.) писалъ, что «въ настоящее время, при данномъ порядкѣ вещей, земскія учрежденія не принесутъ пользы..., но они богаты зародышами плодотворнаго развитія въ будущемъ; они лягутъ широкою и твердою основою будущему конституціонному порядку вещей. Въ настоящее время—земскія учрежденія—тѣло сильное, здоровое, но безъ духа, слѣдовательно, недвижное и бездѣятельное. Конституція вдохнетъ духъ въ это тѣло»...

---

*) При открытіи перваго земскаго собранія въ Петербургѣ представитель правительства говорилъ: „Руководитесь вѣрою въ того, кто совершилъ освобожденіе крестьянъ и ввелъ судебную реформу, кто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ даровалъ отечеству путемъ послѣдовательныхъ преобразованій тѣ благодѣянія, которыя многія государства пріобрѣли годами тяжкихъ испытаній". Стр. 8. „Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ". 1883.

«Новыя земскія учрежденія вѣроятно судьбою предназначены служить основою будущему конституціонному порядку въ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно имъ суждено быть источникомъ будущему Земскому Собору. Теперь, при земскихъ учрежденіяхъ, легко созвать Соборъ Земскій: стоитъ только предписать каждому уѣздному земству избрать извѣстное число *государственныхъ гласныхъ*. Но до времени введенія въ Россіи образа правленія конституціоннаго, на время существованія современнаго порядка, на время отсутствія свободы печатнаго слова земскимъ учрежденіямъ суждено остаться политическимъ призракомъ, *безгласными* сходками гласныхъ земскихъ»...

Приблизительно того-же мнѣнія держались и умѣренные по своимъ убѣжденіямъ люди. Такъ, академикъ Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ (1866 г.): «земскія учрежденія наши важны не потому, что они есть, а потому, что они могутъ проложить путь тому, что *должно* быть».

Интересный матеріалъ для характеристики тогдашнихъ общественныхъ настроеній и ожиданій даетъ предисловіе къ книгѣ бар. А. Гакстгаузена, вышедшей въ 1864 г. подъ заглавіемъ «Конституціонное начало» въ переводѣ Кавелина и Утина. Составленная нѣмецкими профессорами Гельдомъ, Гнейстомъ, Вайтцемъ и Козегартеномъ, книга имѣла слѣдующее поясненіе причинъ ея выхода въ свѣтъ, составленное Гакстгаузеномъ: «Россія имѣла особенно въ послѣднія 10 лѣтъ великія судьбы и началà въ своихъ внутреннихъ общественныхъ отношеніяхъ неисчислимыя преобразованія, и можетъ быть слѣдуетъ ожидать еще большихъ. Кажется, вслѣдствіе этихъ преобразованій въ Россіи также возникло и распространилось мнѣніе, что прежнія условія государственнаго быта не соотвѣтствуютъ болѣе и не удовлетворяютъ новымъ, такъ разнообразно развивающимся общественнымъ отношеніямъ. Нѣкоторые признаки указываютъ на то, что

стремленіе и потокъ времени могли-бы перевести и русское государство на иныя, новыя стези. Что попытки въ этомъ направленіи будутъ сдѣланы кажется тому, кто знаетъ Россію, не невѣроятнымъ»... *), поэтому, пояснялъ дальше бар. Гакстгаузенъ, «мнѣ казалось прежде всего необходимымъ, чтобы образованнымъ государственнымъ и практическимъ людямъ предложенъ и сообщенъ былъ правильный и ясный взглядъ на существо и начало конституціонной системы при ея введеніи, дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи». Этой цѣли должна была служить его книга. Переводчики въ своемъ предисловіи указывали, что книга эта пригодна, какъ матеріалъ для соображеній относительно вѣроятнаго дальнѣйшаго хода нашей исторіи.

Мы знаемъ, что уже въ эту эпоху, несмотря на заявленія правительства о неуклонномъ слѣдованіи по пути реформъ, не существовало уже въ средѣ его полной увѣренности, что все пойдетъ такъ, какъ говорилось; но существованіе всесословнаго (по внѣшней формѣ) земства давало поводъ отвергать конституціонныя притязанія дворянства, какъ таковаго.

XVIII.

Выразителемъ дворянскихъ пожеланій по поводу введенія земскихъ учрежденій явилось московское дворянство, которое, опираясь на законъ 1831 г. о правѣ дворянскихъ ходатайствъ по общегосударственнымъ дѣламъ,

*) Интересно сравнить это предисловіе съ предисловіемъ къ „Уставной грамотѣ" Новосильцова, переизданной въ 1859 г. у Франка (на франц. яз.). „Мы думаемъ, писалъ издатель „грамоты", что мало ошибемся, считая обстоятельства благопріятными для ея воспроизведенія. Либеральное вѣяніе, проникшее въ Россію, не можетъ быть уже заглушено; освободивши одинъ классъ народа тамъ быстро придутъ къ необходимости обезпечить всю націю отъ... всевластія". Projet d'une charte constitutionelle d'Alexandre I, emp. de Russie. Paris, Librairie Franck, 1859, p. 10.

приняло въ засѣданіи дворянскаго собранія 11 янв. 1865 г. большинствомъ 270 ч. противъ 36 голосовъ слѣдующій всеподданнѣйшій адресъ *):

«Московское дворянство въ послѣднемъ собраніи не можетъ не высказать Вашему Императорскому Величеству чувствъ глубокой преданности и благодарности за Ваши мудрыя начинанія, всегда клонящіяся къ благу нашего отечества. Мы готовы, Государь, содѣйствовать Вамъ словомъ и дѣломъ на трудномъ, но великомъ пути, Вами избранномъ. Мы убѣждены, Государь, что Вы не остановитесь на этомъ пути, и что Вы пойдете впередъ, опираясь на Ваше вѣрное дворянство, на весь русскій народъ»...

«Призванному Вами, Государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено навѣки упрочить славу и крѣпость Россіи»...

«Довершите-же, Государь, основанное Вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской, для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству. Назначьте съ этой-же цѣлью, по Вашему усмотрѣнію, лучшихъ людей изъ Вашего столбового дворянства, этой твердой опоры русскаго Престола. Не считаясь на государственной службѣ, не пользуясь сопряженными съ нею наградами, безвозмездно исполняя свой долгъ изъ рода въ родъ, для пользы отечества и порядка, они по самымъ условіямъ своего государственнаго положенія будутъ призваны охранять драгоцѣнныя для народа и необходимыя для истиннаго благоустройства нравствен-

---

*) Адресъ см. у *Татищева*, т. I, стр. 525; „Вѣсть", 1865, № 4. Также „Истор. Вѣстникъ", 1880, № 3, 1; Revue de deux mondes, 1866, № 3, статья Mazade; Le vote de la noblesse de Moscou. Débats d'une adresse à l'emp. Alexandre II (1865) перев. съ русск. По поводу этого именно адреса Тютчевъ написалъ свою эпиграмму, кончающуюся словами:

„Куда вамъ въ члены англійскихъ палатъ,
„Вы просто—члены англійскаго клуба"...

ныя и политическія начала, на которыхъ зиждется государственный строй. Этимъ путемъ, Государь, Вы узнаете нужды нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ, Вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, Вы достигнете точнаго соблюденія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны»...

Московское дворянство опасалось, что послѣдовавшее тогда назначеніе великаго князя Константина Николаевича поведетъ къ льготамъ для поляковъ, только что жестоко усмиреннымъ. Намекъ на это опасеніе можно увидѣть въ словахъ адреса: «Правда будетъ доходить до Вашего престола безпрепятственно, внѣшніе и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла ни откуда проникнуть».

Только что приведенное мѣсто адреса (о представительствѣ ради истребленія крамолы) крайне характерно для многихъ дворянскихъ и позднѣйшихъ земскихъ адресовъ той эпохи.—«Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не дойдете»—замѣтилъ по этому поводу пророчески Герценъ. Ораторами въ пользу адреса выступали: Орловъ-Давыдовъ, Д. Голохвастовъ, М. Безобразовъ и др. Въ основу адреса были положены «Предложенія дворянству» (16, 110), напечатанныя въ Берлинѣ въ 1862 г. Безобразовымъ, который усиленно защищалъ привилегіи дворянства, и въ издаваемой имъ-же газетѣ «Вѣсть» былъ лидеромъ партіи крѣпостниковъ. Въ защиту дворянскихъ правъ Безобразовъ ссылался въ своихъ «Предложеніяхъ» на грамоту о вольности дворянства, на манифестъ 1801 г. и т. п. историко-юридическіе памятники, и это при разборѣ самыхъ жгучихъ политическихъ и соціальныхъ условій даннаго момента. Истинная подкладка его конституціонализма заключалась въ желаніи обезпечить политическое вліяніе дворянамъ—крупнымъ землевладѣльцамъ. Для этого онъ предлагалъ созывъ дворянскаго земскаго собора *).

*) *Венгеровъ*, Біогр. словарь, 325.

Адресу московскаго дворянства не было дано хода по чисто формальнымъ причинамъ, собраніе было закрыто, генералъ-губернаторъ Офросимовъ—уволенъ. Тѣмъ не менѣе, государь не пожелалъ оставить безъ вниманія и отвѣта заявленія московскихъ дворянъ. «Мнѣ извѣстно»,—писалъ онъ въ обнародованномъ (29 янв. 1865) рескриптѣ къ министру внутр. дѣлъ *),—«что во время своихъ совѣщаній московское губернское дворянское собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его не подлежащихъ, и коснулось вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій. Благополучно совершившіяся въ 10-лѣтнее Мое царствованіе и нынѣ по Моимъ указаніямъ еще совершающіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о Моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ предопредѣленномъ Мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія по этимъ главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія принадлежитъ исключительно Мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ Мнѣ ввѣренною. *Прошедшее* въ глазахъ всѣхъ Моихъ вѣрноподданныхъ *должно быть залогомъ будущаго.* Никому изъ нихъ не предоставлено *предупреждать* Мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій. *Ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій.* Никто не призванъ принимать на себя передо Мною ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднять Меня въ исполненіи Моихъ предначертаній, ни въ коемъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направлены. Я твердо увѣренъ, что не буду

*) Сѣверная Почта", 1865 г., 30 янв., № 24.

впредь встрѣчать никакихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго предъ престоломъ и отечествомъ Мнѣ всегда памятны и къ которому Мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ неколебимымъ. Поручаю поставить въ семъ въ извѣстность всѣхъ генералъ губернаторовъ и губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ учреждены дворянскія собранія или имѣютъ быть учреждены земскія собранія» *).

Вслѣдъ затѣмъ у дворянства было отнято принадлежавшее ему и подтвержденное въ 1831 году императоромъ Николаемъ I право «представлять высшему правительству о нуждахъ дворянства, прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постановленія»**). Это право ограничено было ходатайствами лишь о сословныхъ нуждахъ.

Этотъ же адресъ дворянства вызвалъ крайне интересное изложеніе мыслей Императора Александра II о конституціонномъ преобразованіи въ Россіи.

Въ сентябрѣ 1865 года,—сообщаетъ Татищевъ***),—въ числѣ немногихъ лицъ, принятыхъ Государемъ въ селѣ Ильинскомъ, былъ мѣстный звенигородскій уѣздный предводитель дворянства Голохвастовъ, одинъ изъ запальчивѣйшихъ ораторовъ московскаго дворянскаго собранія, говорившихъ въ пользу адреса, представленнаго московскимъ дворянствомъ на Высочайшее имя.

«Я вызвалъ тебя, какъ здѣшняго предводителя,—сказалъ ему Императоръ,—хотя Я долженъ былъ бы на тебя сердиться; но Я не сержусь и хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай и скажи, каково

---

*) *Татищевъ*, т. I, 526.

**) Ст. 135 т. IX Свода Законовъ. Право это было возстановлено Императоромъ Александромъ III Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14 апрѣля 1888 г., сообщеннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, № 7383, ст. 163 т. IX Св. Зак., по продолженію 1890 г.

***) Томъ I, стр. 533—34.

Мнѣ было знать, что ты публично, при всей залѣ, позоришь именемъ «опричниковъ» тѣхъ людей, которыхъ Я удостоилъ довѣрія»...

Д. Д. Голохвастовъ просилъ позволенія объяснить употребленное имъ выраженіе. «Говори правду, Я всегда охотно ее слышу»,—отвѣтилъ Императоръ.

Голохвастовъ увѣрялъ, что подъ словомъ «опричники» онъ разумѣлъ не дружину Іоанна Грознаго, а все, что по своимъ цѣлямъ, понятіямъ, стремленіямъ стоитъ *опричь* земщины, то-есть внѣ или въ сторонѣ отъ народа».

«Важно не слово, а дѣло,—замѣтилъ Государь.—Что значила вся эта выходка... Чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія?».

Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, Императоръ продолжалъ:

«И теперь вы, конечно увѣрены, что Я изъ мелочнаго тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, Я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы Я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но Я знаю, что сдѣлай Я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски»...

Такимъ образомъ уже въ 1865 году Императоръ Александръ II, въ принципѣ ничего не имѣя противъ конституціи, находилъ невозможнымъ осуществить ее въ Россіи. Взгляды эти, однако, не были извѣстны широкимъ кругамъ, и въ извѣстной части общества продолжала существовать надежда на «увѣнчаніе» зданія*). Интересно также, что въ вышеприведенныхъ заявленіяхъ по поводу конституціонныхъ притязаній дворянства правительство

*) Эта надежда выражалась даже въ стихотворной формѣ. Въ „Листкѣ", издававшемся кн. П. Долгорукимъ (28 іюля 1864 г.), мы находимъ слѣдующее стихотвореніе:

„Быть можетъ, время недалече,
„Когда, пріявъ свой мощный видъ,
„Какъ море заколеблясь, Вѣче
„Заговоритъ и зашумитъ".

опиралось на несомнѣнно существовавшій разладъ между сословіями, или, точнѣе, между различными слоями общества по вопросу о конституціи.

Мы видѣли, что еще раньше либерально-демократическая часть общества, опасаясь эгоистической сословной, и вмѣстѣ классовой (въ смыслѣ интересовъ крупнаго землевладѣнія) политики дворянства, высказывалась противъ «дворянскаго парламента». Такъ, напримѣръ, въ 1861—62 г. Кавелинъ, въ періодъ конституціоннаго движенія въ дворянскихъ собраніяхъ, въ брошюрѣ свой «Дворянство и освобожденіе крестьянъ» совѣтовалъ дворянамъ, вмѣсто конституціонныхъ вожделѣній, сойтись съ народомъ въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія. Въ 1865 году при открытіи земства, онъ же писалъ своимъ роднымъ*): «Отъ успѣха земскихъ учрежденій зависитъ вся наша будущность и отъ того, какъ они пойдутъ, будетъ зависѣть, готовы ли мы къ конституціи и скоро ли мы ее получимъ». Конституціонный адресъ московскихъ дворянъ онъ порицалъ, говоря: «Выходки московскаго дворянства скорѣе отдалятъ насъ отъ этой цѣли, высказывая все наше малолѣтство и пошлость. Выказывая безсильную злобу и запоздалое сожалѣніе о блаженной памяти крѣпостномъ правѣ, дворянство московское только раздражаетъ противъ себя Царя, всѣхъ людей, видящихъ далѣе своего носа, и всѣ прочія сословія. Изъ Коломны крестьяне прислали по этому случаю адресъ Государю. Пора бросить глупости и начать дѣло дѣлать, а дѣло теперь въ земскихъ учрежденіяхъ и нигдѣ больше».

Нельзя не признать, что намѣренное или ненамѣренное введеніе мѣстнаго самоуправленія ранѣе представительства общеимперскаго было довольно удачно придумано для отвлеченія общественнаго интереса отъ дѣлъ центральнаго управленія къ дѣламъ чисто мѣстнымъ. Предполага-

*) „Вѣстникъ Европы", 1886, октябрь, 758—759. Почти сочувственно отмѣтилъ и Герценъ отпоръ, данный верховной властью дворянскимъ притязаніямъ.

лось, что притязанія на участіе въ государственныхъ дѣлахъ со стороны наиболѣе сознательнаго въ политическомъ отношеніи класса населенія (дворянъ-землевладѣльцевъ) найдутъ себѣ нѣкоторое удовлетвореніе въ дѣлахъ мѣстныхъ, для чего дворянству и было обезпечено крупное вліяніе въ земствѣ. Съ другой стороны, организація мѣстнаго представительства также и отъ *другихъ* сословій (хотя и крайне несовершеннаго) давала возможность устроить противодѣйствіе болѣе широкимъ политическимъ замысламъ дворянства, какъ класса, въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Цѣль эта была достигнута. Пробужденіе общественнаго самосознанія въ городскомъ населеніи шло, несомнѣнно, не менѣе быстро, чѣмъ въ организованныхъ сословныхъ группахъ, но именно отсутствіе организаціи въ городахъ, а впослѣдствіи неудовлетворительная организація городского представительства были причиной того, что заявленія общественнаго характера со стороны городовъ были рѣже и блѣднѣе по содержанію, чѣмъ заявленія организованныхъ общественныхъ силъ, вродѣ дворянства и земства. Отмѣтимъ, что въ 1865 г. петербургская дума ходатайствовала о предоставленіи большей самостоятельности городскому самоуправленію *).

Нужно замѣтить, что въ періодъ 1863—65 гг., несмотря на реакцію, уже довольно явно обозначившуюся, въ правительственныхъ кругахъ все еще возникали предположенія о введеніи народнаго представительства для всей Россіи. Такой проектъ—въ видѣ созыва центральнаго земскаго собранія, увѣнчивающаго собою систему губернскихъ земскихъ собраній—былъ разрабатываемъ въ правительственныхъ сферахъ въ 1863 г. **); въ 1865 г. была со-

*) „Вѣстникъ Европы", 1866, т. III.

**) Осенью 1863 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ представилъ императору свой проектъ созыва «государственныхъ гласныхъ» отъ губернскихъ земскихъ собраній и думъ большихъ городовъ въ такъ называемый „Съѣздъ" при государственномъ совѣтѣ. Этотъ проектъ исходилъ изъ мыслей Валуева изложенныхъ въ его всеподдан-

ставлена о томъ же записка великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ *).

Либеральная реформа печати явилась до нѣкоторой степени отвѣтомъ на заявленіе московскаго дворянства.

Сторонники конституціи изъ дворянскихъ собраній перенесли свою агитацію въ новообразованныя земскія учрежденія. Однако, за исключеніемъ петербургскаго земства, всѣ остальныя земства остались довольно долгое время (до конца 70-хъ годовъ) чуждыми конституціоннымъ заявленіямъ. Прежде чѣмъ изложить причины общаго и частнаго характера, повліявшія на такое направленіе земствъ, отмѣтимъ эпизодъ съ петербургскимъ земствомъ.

Еще въ декабрѣ 1865 г. въ петербургское земское собраніе предсѣдателемъ А. П. Платоновымъ, который въ 1862—1863 гг. тщетно пытался подвигнуть петербургское дворянство на заявленіе конституціоннаго характера, внесено было предложеніе о необходимости ходатайствовать передъ правительствомъ о центральномъ земскомъ учрежденіи для завѣдыванія государственными земскими повинностями. Пренія собранія по этому предложенію открылись рѣчью гр. А. П. Шувалова, «который, заявляя свое полное сочувствіе общей мысли предсѣдателя, указывалъ только на преждевременность этого ходатайства и на неизбѣжность такого учрежденія, какъ слѣдствія всеобщаго же-

---

нѣйшемъ докладѣ весной 1863 г., гдѣ онъ говорилъ, что „правительству трудно будетъ постоянно отклонять просьбы“ о созывѣ представителей для участія въ управленіи и законодательствѣ. „Если же трудно ихъ отклонить окончательно, то не лучше-ли ихъ предупредить“, говорилъ онъ. По его проекту, „Съѣздъ“ обсуждалъ только тѣ дѣла, которыя передавались ему изъ государственнаго совѣта, и окончательное рѣшеніе тоже принадлежало государственному совѣту. Съѣздъ имѣлъ право только посылать шестнадцать своихъ членовъ въ то засѣданіе государственнаго совѣта, въ которомъ дѣло окончательно разсматривалось: и эти члены—для каждаго дѣла разные—имѣли право рѣшающаго голоса.

*) Подробности о проектѣ вел. кн. Константина см. въ гл. XXI. годъ 1880.

ланія и естественнаго теченія земскаго самоуправленія». Рѣчь гр. Шувалова была встрѣчена живыми знаками одобренія. Послѣ продолжительныхъ преній собраніе почти единогласно высказало сочувствіе общей мысли о необходимости центральнаго земскаго учрежденія *).

Вскорѣ затѣмъ вопросъ о центральномъ народномъ представительствѣ былъ поставленъ болѣе рѣзко и опредѣленно въ томъ же земствѣ. Поводомъ къ возбужденію этого вопроса послужилъ законъ 21 ноября 1866 г., существенно ограничившій права земскаго самообложенія. «Въ виду поступившихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ жалобъ на чрезмѣрное обложеніе земскими сборами промышленныхъ и торговыхъ предпріятій» было найдено нужнымъ предоставить земскимъ собраніямъ облагать по своему усмотрѣнію лишь недвижимыя имущества въ городахъ и уѣздахъ; съ свидѣтельствъ же на право торговли и промысловъ, съ билетовъ на торговыя и промышленныя заведенія и съ патентовъ на винокуренные заводы и заведенія для продажи питей дозволено взимать земскіе сборы лишь съ цѣнности самыхъ помѣщеній, не включая въ оцѣнку ни стоимости находящихся въ нихъ предметовъ или издѣлій, ни торговыхъ или промышленныхъ оборотовъ, и притомъ такъ, чтобы процентный сборъ съ гильдейскихъ свидѣтельствъ, винокуренныхъ заводовъ и заведеній для продажи питей не превышалъ 25%, а съ прочихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій—10% налоговъ, платимыхъ въ казну **). Подобное распоряженіе, нарушавшее земскія права, вызвало сильное неудовольствіе *многихъ* земствъ. Въ засѣданіи петербургскаго губернскаго земскаго собранія вопросъ о новомъ законѣ былъ подвергнутъ обсужденію по докладу управы, которая разсматривала, какъ отразится новый законъ на земскомъ бюджетѣ. Гласный гр. Ан. П. Шуваловъ выступилъ съ рѣзкой критикой, какъ закона, такъ и бюрократическаго способа его разработки,

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости", 1865, № 318, 319.

**) Татищевъ, т. II, 19.

и предлагалъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ обсужденіи вопросовъ, затронутыхъ этимъ закономъ, и общими силами и совмѣстнымъ трудомъ какъ административной власти, такъ и *Земства* Русскаго.

«Говорю «Земства Русскаго», пояснилъ Шуваловъ, «потому что вопросъ, разработанный отдѣльно по разнымъ губернскимъ собраніямъ, можетъ имѣть тотъ же недостатокъ, т. е. быть односторонне разработанъ». Собраніе приняло это предложеніе, причемъ, смягчая, исказило его формулировку: «совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной администраціи и Земства». Кромѣ того собраніе вошло въ пререканія съ губернаторомъ тормазившимъ его начинанія, и постановило подать въ Сенатъ жалобу на министра вн. дѣлъ, который оставилъ безъ послѣдствій 12 изъ 26 ходатайствъ петербургскаго земства.

Подобныя дѣйствія, въ виду коренного измѣненія политики правительства въ сторону реакціи, вызвали рядъ репрессій.

«Въ виду того, сказано въ Высочайшемъ повелѣніи, что петербургское губернское земское собраніе, съ самаго открытія своихъ засѣданій, дѣйствуетъ несогласно съ законами и вмѣсто того, чтобы, подобно земскимъ собраніямъ другихъ губерній, пользоваться высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о ввѣренныхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ, непрерывно обнаруживаетъ стремленіе, неточнымъ изъясненіемъ дѣлъ и неправильнымъ толкованіемъ законовъ, возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству»—постановлено: «1) закрыть и распустить петербургское губернское земское собраніе, 2) закрыть въ петербургской губерніи губернскую и уѣздныя земскія управы, 3) пріостановить въ ней дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1 янв. 1864 г. и дополнительныхъ къ нему узаконеній; 4) всѣ дѣла и суммы управъ передать въ вѣдѣніе тѣхъ установленій, которыя завѣдывали

ими до введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій и 5) внесенные въ губернское собраніе отчетъ и докладъ губернской земской управы отъ 3 янв. с. г. передать для разсмотрѣнія и законнаго постановленія 1-го департамента сената, предсѣдателя-же губернской управы считать отрѣшеннымъ, а всѣхъ другихъ членовъ управы уволенными отъ должностей.

Кромѣ того, были приняты мѣры и внѣзаконныя: гр. Ан. П. Шуваловъ *)—высланъ былъ изъ предѣловъ Россіи (въ Парижъ), предсѣдатель губернской управы Н. Ѳ. Крузе—въ Оренбургъ **), сенатору М. Любощинскому предложено было подать въ отставку за его рѣчь въ засѣданіи земскаго собранія ***).

Принятая въ янв. 1867 г. мѣра противъ петербургскаго земства была отмѣнена въ іюлѣ, но предварительно изданъ былъ законъ (13 іюня 1867 г.), согласно которому печатаніе постановленій земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраній и вообще отчетовъ объ ихъ засѣданіяхъ поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія губернскаго начальства, а также расширена власть предсѣдателей собранія до права его закрытія включительно и установлена строгая отвѣтственность для самихъ предсѣдателей за допущеніе обсужденія вопросовъ общаго характера, а постановленія собраній, противорѣчащія законамъ, признавались недѣйствительными, а слѣдовательно не подлежащими ни исполненію, ни дальнѣйшему производству. Мѣропріятія по отношенію къ петербургско-

*) Шуваловъ пытался, но тщетно, отдать свое дѣло на судъ общества при посредствѣ писемъ въ редакцію петербургскихъ и московскихъ газетъ; напечатать ихъ удалось ему лишь въ Брюсселѣ.

**) См. „Голосъ". 1876 г. № 105.

***) Изъ доклада министра юстиціи Замятнина по этому поводу имп. Александръ II, по свидѣтельству „Воспоминаній" кн. Мещерскаго, „съ изумленіемъ и досадой" узналъ, что „онъ,—самодержецъ, не имѣетъ права безъ суда увольнять судебныхъ чиновъ отъ должностей". Дѣло было прекращено, но Замятнинъ потерялъ постъ министра (16 апр. 1687 г.).

му земству, которыя трудно назвать иначе, какъ незаконнымъ и насильственнымъ его разгромомъ, а равно и законъ 21 ноября 1866 г. вызвали въ средѣ земскихъ дѣятелей неудовольствіе *), но никакихъ протестовъ заявлено не было, такъ какъ большинство находило невозможнымъ рисковать самимъ существованіемъ земства, какъ учрежденія неокрѣпшаго и не имѣющаго опредѣленнаго мѣста въ народномъ міросозерцаніи.

Дѣятельность земцевъ обратилась всецѣло на культурную работу, на арену-же политической дѣятельности они не выступали до конца 70-хъ годовъ.

Причинъ, почему конецъ 60-хъ и 70-е годы не ознаменованы были конституціонными заявленіями, было много. Главная причина заключалась въ той органической реакціи, которая произошла въ обществѣ послѣ разрѣшенія основной задачи того времени—освобожденія крестьянъ. Общественное возбужденіе начала 60-хъ годовъ разлилось широко, но не глубоко, и поэтому очень многіе быстро распростились со своимъ либерализмомъ при первомъ же серьезномъ испытаніи.

Въ первую очередь поколебался либерализмъ въ правительственныхъ сферахъ, либерализмъ оффиціальный, который не основывался на твердомъ сознаніи въ необходимости коренныхъ реформъ, но исходилъ изъ сознанія неизбѣжности весьма крупныхъ потрясеній государственнаго и общественнаго строя, въ случаѣ, если не будутъ внесены болѣе или менѣе крупныя поправки къ существующему режиму.

Верховная власть, при посредствѣ бюрократіи и въ союзѣ съ либеральной интеллигенціей, провела наиболѣе настоятельную реформу—крестьянскую. Но уже во время подготовленія реформы консервативные элементы взяли

*) Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ (т. III, стр. 178): „Всѣ знаютъ, что земство связано по рукамъ и по ногамъ новымъ узаконеніемъ, въ силу котораго предсѣдатели собраній и губернаторы получили почти неограниченную власть надъ земствомъ".

верхъ и оттѣснили отъ дѣла лицъ болѣе либеральныхъ. Голосъ общества черезъ посредство его представителей не былъ выслушанъ, и въ созданіи новаго общественнаго строя не принялъ участія элементъ наиболѣе заинтересованный—крестьянство. Бюрократія, сперва подъ предлогомъ, что консервативные круги исказятъ нужныя реформы, а затѣмъ во имя охраны политическаго строя, подавляла неуклонно всѣ проявленія свободной общественной жизни: попытки обращенія съ петиціями къ власти верховной, свободныя собранія и банкеты, мирныя демонстраціи, легальные протесты общественныхъ дѣятелей и студенчества, и въ страхѣ (не имѣвшемъ достаточныхъ основаній) предъ крестьянскимъ движеніемъ, жестоко подавляла пассивное сопротивленіе освобождаемаго крестьянства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (активнаго противодѣйствія не было нигдѣ. Но, подъ вліяніемъ общественнаго возбужденія, реформы, хотя и урѣзываемыя все болѣе и болѣе, продолжались. Сильное вліяніе на остановку общественнаго поступательнаго движенія оказало польское возстаніе, вызвавшее во многихъ кругахъ взрывъ націоналистическихъ и шовинистическихъ чувствъ. Одобривъ въ большинствѣ правительственную политику (если не по ея формѣ, то по существу) по отношенію къ Польшѣ—русское общество нашло неудобнымъ въ тотъ рѣшительный моментъ настаивать на заключеніи частичныхъ реформъ—основной политической реформой.

Воспитанное въ атмосферѣ крѣпостного права оно само, въ лицѣ даже либеральныхъ дѣятелей, испугалось неопасныхъ по своему значенію, но рѣзкихъ выраженій недовольства существующимъ политическимъ и общественнымъ строемъ, исходившихъ изъ среды разночинческой интеллигенціи.

1862-й годъ, пожары (искусно сопоставленные съ появленіемъ прокламацій), начало польскаго движенія,—все это было использовано консервативными кругами для новыхъ репрессій—противъ литературы («Современникъ», «Русское Дѣло») и ея представителей (Чернышевскаго, Пи-

сарева, Шелгунова, раньше-Михайлова и др.), противъ народнаго образованія и науки (разгромъ университета въ 1861-2 г., закрытіе свободнаго университета, ссылка пр. Павлова, выходъ въ отставку Спасовича, Костомарова, Утина, Стасюлевича, Кавелина и др., закрытіе всѣхъ воскресныхъ школъ), противъ отдѣльныхъ народностей (поляковъ, малороссовъ), противъ обществъ (II отдѣленія литературнаго фонда, шахматнаго клуба и т. п.) и т. д.

Слѣдующимъ моментомъ, когда реакція воспользовалась удачно общественнымъ настроеніемъ—былъ 1866-й годъ. 4 апр. этого года совершено было покушеніе Д. А. Каракозова на жизнь имп. Александра. Задуманное и произведенное единолично покушеніе это повлекло за собой тяжкія кары не только для Каракозова (онъ былъ повѣшенъ), но и для общества, литературы и т. д. Были прекращены «Современникъ», «Русское Слово».

Снова пострадали многіе литераторы. Московскій кружокъ (къ которому прикосновененъ былъ Каракозовъ), задававшійся совершенно мирными цѣлями устройства ассоціацій среди трудящагося люда (т. е. рабочихъ союзовъ), понесъ жестокія наказанія *). Реакціонные элементы окон чательно взяли верхъ надъ освободительными теченіями. Это нашло себѣ выраженіе и въ рескриптѣ на имя кн. Га-

*) Несомнѣнно, что покушеніе Каракозова, повлекшее за собой разгромъ московскаго кружка, застигло кружокъ тогда, когда взгляды кружка, особенно въ политическомъ вопросѣ (интересующемъ насъ по преимуществу) не были еще выяснены. Оффиціальные документы говорятъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ о цѣляхъ кружка: такъ осуждены были нѣкоторые за «выраженіе мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ царе-убійства". Ишутинъ былъ приговоренъ, „какъ основатель обществъ, дѣйствія коихъ клонились къ экономическому перевороту, съ нарушеніемъ правъ собственности и ниспроверженіемъ государственнаго устройства"... (Прибав. къ № 78 С.ПБ. сенат. вѣдом., 1866 г., 3 окт.). Т. н. каракозовцы, повидимому, были въ вопросѣ соціальномъ послѣдователями Прудона, а въ —политическомъ-революціонерами, отрицавшими русскій государственный строй. Впрочемъ, они были осуждены не за дѣянія, а за мысли и предположенія.

гарина, данномъ 13 мая 1866 г. Рескриптъ этотъ, именемъ имп. Александра II, гласилъ: ...«Я признаю своею обязанностью охранять русскій народъ отъ тѣхъ зародышей вредныхъ лжеученій, которыя современемъ могли бы поколебать общественное благоустройство, если-бы развитію ихъ не было поставлено преградъ. Событіе, вызвавшее вѣрно-подданническія заявленія (покушеніе Каракозова), вмѣстѣ съ тѣмъ послужило къ болѣе ясному обнаруженію тѣхъ путей, которыми проводились и распространялись эти пагубныя лжеученія. Изслѣдованія, производимыя слѣдственной комиссіей, *) уже указываютъ на корень зла.

Такимъ образомъ, провидѣнію благоугодно было раскрыть передъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ.

Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направлено въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія *коренныхъ началъ* общественнаго порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ началъ, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа... Но преподаваніе, соотвѣственное истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если-бы въ частной, семейной жизни проводились ученія, несогласныя съ правилами христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданническими обязанностями. Посему я имѣю твердую надежду, что видамъ моимъ по этому важному предмету бу-

---

*) Кстати сказать веденіе слѣдствія было поручено чрезвычайной комиссіи подъ предсѣдательствомъ гр. М. Н. Муравьева-*Виленскаго*.

детъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія».-.

Наступившая реакція повела къ смѣнѣ цѣлаго ряда лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія. Ушли въ отставку либеральный петербургскій генералъ-губернаторъ св. кн. Суворовъ, министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ (котораго смѣнилъ Д. Толстой съ его «классической» системой); министръ внутр. дѣлъ Валуевъ; шефъ жандармовъ, впослѣдствіи министръ юстиціи Замятнинъ, замѣненный быв. вице-директоромъ департамента полиціи Паленомъ и мн. др. Словомъ, личный составъ правительственныхъ сферъ пріобрѣлъ соотвѣтственную основному направленію политики окраску.

XIX.

Между тѣмъ, расколъ между крайними и умѣренными фракціями либерализма сталъ еще болѣе рѣзкимъ. Тогда какъ либерализмъ политическій сосредоточился въ дворянскихъ собраніяхъ, пугая и отталкивая отъ себя своимъ сословнымъ и классовымъ характеромъ—всѣхъ, обращавшихъ преимущественное вниманіе на экономическое, соціальное положеніе народа,—соціальное направленіе разночинческой интеллигенціи пошло въ сторону отрицанія вообще какихъ-бы то ни было формъ государственности, т. е. въ сторону чистой анархіи (въ научномъ смыслѣ слова). Такъ, напр., Герценъ, высказываясь за созывъ представителей народа, имѣлъ въ виду, что въ этомъ учредительномъ собраніи народъ выскажется о реформѣ землевладѣнія, объ общинѣ и федеративной организаціи общинъ, т. е. въ его взглядахъ это политическое требованіе было всецѣло подчинено основной соціальной задачѣ. Что касается Бакунина, имѣвшаго большое вліяніе на развитіе русской общественной мысли въ соціальномъ направленіи, то онъ говорилъ уже о практическихъ мѣрахъ къ проведенію въ жизнь коренного общественна-

го переустройства. Бакунинъ полагалъ, что сама государственная власть безсильна исправить экономическое положеніе народа; изъ этого онъ дѣлалъ выводъ о ея ненужности, такъ какъ благо народное можетъ быть создано лишь самимъ народомъ. Ему казалось, что путемъ историческихъ испытаній народныя массы пришли къ убѣжденію, что отъ привиллегированныхъ классовъ, отъ государства, и вообще отъ политическихъ переворотовъ ждать нечего, и что онѣ могутъ освободиться только собственными силами путемъ насильственнаго и коренного соціальнаго переворота. Въ русскомъ народѣ видѣлъ онъ три основныя характерныя убѣжденія: 1) что земля принадлежитъ народу, 2) право пользованія ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ; 3) что необходимо существующее уже (яко-бы полное и независимое) общинное самоуправленіе, слѣдствіемъ чего является рѣшительно враждебное отношеніе общины къ государству. А три затемняющія этотъ идеалъ черты были, по его мнѣнію: 1) патріархальность, 2) поглощеніе лица міромъ, 3) вѣра въ верховную власть. Разсматривая культурную дѣятельность интеллигенціи, онъ находилъ ее безплодной, и указывалъ на путь насильственныхъ дѣйствій, причемъ выражалъ убѣжденіе (совершенно не оправдавшееся), что ничего не стоитъ подвинуть къ этому крестьянъ любой деревни *).

---

*) Съ точки зрѣнія нашей работы—исторіи развитія конституціонныхъ идей въ Россіи—интересно отмѣтить отрицательное отношеніе Бакунина къ политической свободѣ. „Политическая свобода",—говорилъ онъ,—„безъ экономическаго равенства, и вообще политическая свобода, т. е. свобода *въ государствѣ*, есть ложь".

Бакунинъ отрицалъ государство даже какъ переходную ступень къ высшимъ формамъ человѣческаго общежитія, отрицая такъ называемую диктатуру пролетаріата. Единственно возможной формой борьбы онъ считалъ немедленное возстаніе рабочихъ массъ, руководимыхъ ихъ соціальными инстинктами и страстями. Цѣль возстанія разрушеніе стараго государственнаго строя, ибо „не можетъ быть революціи безъ широкаго и страстнаго разрушенія, разрушенія спасительнаго и плодо-

Его сторонники и послѣдователи въ концѣ 60-хъ годовъ высказывались за полное умственное, соціально-экономическое и политическое освобожденіе народа. Они заявляли себя атеистами и матеріалистами; полагали, что земля принадлежитъ только тѣмъ, кто ее обрабатываетъ, т. е. земледѣльческимъ общинамъ, а капиталы и всѣ орудія работы—работникамъ, т. е. рабочимъ ассоціаціямъ. Вся будущая политическая организація, по ихъ мнѣнію, должна была быть ничѣмъ другимъ, какъ свободною федераціею вольныхъ рабочихъ, какъ земледѣльческихъ, такъ фабричнозаводскихъ артелей (ассоціацій). Въ силу такого идеала, они хотѣли искорененія всякой государственности со всѣми ея церковными, политическими, военно- и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учрежденіями *). Логически доведена была эта мысль до конца С. Г. Нечаевымъ, который полагалъ, что рѣшительный моментъ близокъ, и въ качествѣ единственнаго плана выставлялъ одинъ отрицательный, неизмѣнный планъ—безпощаднаго разрушенія. «Мы прямо отказываемся, писалъ онъ, отъ выработки будущихъ жизненныхъ условій, какъ несовмѣстной съ нашей дѣятельностью» **). Разрушеніе государственности онъ понималъ, какъ уничтоженіе всѣхъ лицъ, стоящихъ на пути къ его идеалу, являясь такимъ образомъ предтечей западно-европейскихъ «дѣйствующихъ анархистовъ». Въ примѣрномъ спискѣ лицъ, подлежавшихъ уничтоженію, стояли не только имена тѣхъ, кто

творнаго, потому что именно изъ него и посредствомъ него... возникаютъ новые міры". Вторая цѣль возстанія—„организація снизу вверхъ вольнаго братскаго союза вольныхъ производительныхъ ассоціацій, общинъ и областныхъ федерацій, обнимающихъ безразлично людей всѣхъ языковъ и народностей".

*) См. газ. „Народное Дѣло". (изд. 1868—1870 г.).

**) „Пусть новое зданіе строютъ новые плотники, которыхъ вышлетъ изъ своей среды народъ, когда мы дадимъ возможность вздохнуть ему полной вольной грудью, сбросивъ съ нея тяжкій гнетъ государства".

имѣлъ прямое или косвенное вліяніе на государственную политику, но и либеральные дѣятели *).

Понятное дѣло, что между либералами, стоявшими на почвѣ существующаго государства, и людьми, отрицавшими *всякое* государство, не могло быть никакихъ союзовъ на почвѣ стремленій къ *измѣненію* въ извѣстномъ смыслѣ государственнаго строя.

Что касается земскихъ дѣятелей, то многіе изъ нихъ **), стоявшіе на славянофильской точкѣ зрѣнія о самодержавномъ царѣ вверху и самоуправляющейся мѣстно землѣ—внизу, были вполнѣ удовлетворены введеніемъ земства.

Конституціоналисты же думали объ укрѣпленіи земскаго управленія, дабы найти въ народѣ для нихъ твердую опору. Затѣмъ, въ земствѣ впервые встрѣтились на совмѣстной работѣ представители различныхъ слоевъ народа, и нужно было осмотрѣться, разобраться въ создавшемся положеніи, а процессъ этотъ шелъ далеко не вездѣ такъ быстро, какъ это произошло въ петербургскомъ земствѣ. Наконецъ, предъ земскими дѣятелями открылось, какъ многимъ казалось, поприще свободной и полезной культурной дѣятельности на благо мѣстнаго населенія. Одновременно въ научной и популярной формѣ развивались теоріи о совмѣстимости мѣстнаго самоуправленія съ любой формой правленія. Всѣ вышесказанныя причины оттянули постановку на очередь вопроса объ общей политической реформѣ до конца 70-хъ годовъ,

*) Не давая и не желая дать съ своей стороны разъясненій о желательномъ общественномъ строѣ, С. Г. Нечаевъ, однако, точно указывалъ на необходимость учредительнаго собранія для выработки новаго общественнаго строя. Такъ, напр., въ судѣ (который приговорилъ его къ 20 г. каторги) онъ неоднократно провозглашалъ: „Да здравствуетъ Земскій Соборъ". „Правител. Вѣстн.", 1873 г., № 10 (12 янв.).

**) А. И. Кошелевъ писалъ въ 1875 г.: „Народъ въ лицѣ всесословнаго земства крѣпнетъ и все болѣе и болѣе вступаетъ въ права, ему предоставленныя"... „Общая земская дума въ Россіи", стр. 11.

когда и внѣшнія и внутреннія политическія обстоятельства, и условія существованія самого земства толкнули земцевъ на возобновленіе тѣхъ заявленій, которыя слышались въ дворянскихъ собраніяхъ начала 60-хъ годовъ.

Осенью 1870 г. былъ поднесенъ государю рядъ адресовъ по поводу отказа Россіи отъ исполненія ограниченій ея правъ на побережьи Чернаго моря (введенныхъ парижскимъ трактатомъ 1856 г.). Въ числѣ адресовъ было всеподданнѣйшее письмо московской думы, представленное по почину вновь избраннаго городского головы, кн. Черкасскаго. Оно гласило: «Никто не стяжалъ такихъ правъ на благодарность народа, какъ Вы, Государь, и никому не платитъ народъ такою горячей привязанностью. Отъ Васъ принялъ онъ даръ и въ Васъ же Самихъ продолжаетъ онъ видѣть надежнѣйшаго стража усвоенныхъ ему вольностей, ставшихъ для него отнынѣ хлѣбомъ насущнымъ. Отъ Васъ однихъ ожидаетъ онъ завершенія Вашихъ благихъ начинаній и первѣе всего—простора мнѣнію и печатному слову, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніяхъ къ власти; свободы церковной, безъ которой недѣйствительна и сама проповѣдь; наконецъ, свободы вѣрующей совѣсти— этого драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ души человѣческой. Государь, дѣла внѣшнія и внутреннія связуются неразрывно. Залогъ успѣха въ области внѣшней лежитъ въ той силѣ народнаго самосознанія и самоуваженія, которую вноситъ государство во всѣ отправленія своей жизни.

Только неуклоннымъ служеніемъ началу народности укрѣпляется государственный организмъ, стягиваются съ нимъ его окраины и создается то единство, которое было неизмѣннымъ историческимъ завѣтомъ Вашихъ и нашихъ предковъ и постояннымъ знаменемъ Москвы отъ начала ея существованія».

Министръ внутреннихъ дѣлъ возвратилъ письмо московскому генералъ-губернатору, объявивъ, что не нашелъ возможнымъ представить адресъ государю, а министръ

императорскаго двора отозвался о немъ, какъ составленномъ «въ неумѣстной и неприличной формѣ» *).

Такимъ образомъ, этотъ адресъ, исходившій отъ московской думы, руководимой преимущественно славянофилами (И. Аксаковъ, Ю. Самаринъ), потерпѣлъ неудачу, хотя выражалъ лишь скромное пожеланіе свободы печати (положеніе которой ухудшилось съ 1865 г.), и свободы совѣсти. Оффиціальныя лица, подписавшія адресъ, были подвергнуты выговору, а кн. Черкасскій вынужденъ былъ покинуть должность **).

Дѣятельность земства направилась въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, оно стремилось создать себѣ твердую почву,—основаніе,—создавши мелкую земскую единицу; во-вторыхъ, объединиться на почвѣ общихъ интересовъ и достроить то недоконченное зданіе, которое было преднамѣренно оставлено недостроеннымъ Оставляя въ сторонѣ дѣйствія земствъ, направленныя къ созданію мелкой земской единицы (самоуправляющейся всесословной волости), отмѣтимъ коротко лишь попытки земствъ къ объединенію. Одно изъ первыхъ ходатайствъ о созывѣ земскихъ съѣздовъ было возбуждено Владимирскимъ губернскимъ собраніемъ, которое поставило вопросъ весьма широко: оно проектировало организовать общій съѣздъ всѣхъ земствъ, который долженъ имѣть оффиціальное значеніе, дѣйствовать по программѣ, заблаговременно составленной. Это было въ 1872 г. Правительство, которое еще въ 1867 г. не заявило себя открыто противникомъ центральнаго земскаго учрежденія, а въ 1870 г. само отдало на разсмотрѣніе земскихъ собраній вопросъ о подушной подати (результаты работы земствъ по этому поводу были, впрочемъ, положены подъ сукно ***), однако, не сочло возмож-

*) Татищевъ, т. II, 42.

**) „Русскій Архивъ", 1894, т. VI, 218 и слл., см. также собраніе сочиненій И. Аксакова.

***) Также и съѣздъ земцевъ для обсужденія вопроса о податной реформѣ вызвалъ тревогу въ правительствѣ и жандармское дознаніе. См. *А. Кошелевъ*. Наше положеніе. 1875, стр. 13.

нымъ удовлетворить ходатайства владимирскаго земства. Попытка владимирскихъ земцевъ 1872-го года *), равно какъ просьба казанскаго земства въ 1874 году о томъ, чтобы законопроекты, прежде чѣмъ судьба ихъ будетъ окончательно рѣшена, отдавались на разсмотрѣніе земскихъ собраній и, вообще, разрабатывались при дѣятельномъ участіи земскихъ представителей,—а также ходатайства—новгородскаго губернскаго собранія въ 1879 г. (о разрѣшеніи районнаго (областного) земскаго съѣзда по страховому дѣлу),—московскаго и рязанскаго земствъ—(о созывѣ представителей отъ земствъ нѣсколькихъ губерній по вопросу объ эпидеміяхъ),—воронежскаго въ 1878 г. (объ изданіи общеземскаго органа печати по соглашенію съ другими земствами, для чего необходимъ былъ съѣздъ делегатовъ отъ земствъ) и, наконецъ,—харьковскаго (объ изданіи земскаго органа печати)—всѣ эти попытки объединенія земствъ были продиктованы не скрытымъ желаніемъ ограничить верховную власть, но вполнѣ естественнымъ и законнымъ стремленіемъ объединить дѣятельность органовъ мѣстнаго самоуправленія, придать ихъ дѣятельности необходимую стройность, единовременность и согласованность, словомъ, направлены были къ единой цѣли—благу населенія. Но въ этихъ, часто безсознательныхъ, попыткахъ къ единенію земскихъ силъ скрывалась несомнѣнная опасность для бюрократическаго образа правленія, и поэтому всѣ подобныя попытки были пресѣкаемы въ самомъ началѣ.

Начавшаяся въ 1866 г. рѣшительная реакція ставила основой государственной политики по преимуществу охраненіе незыблемости основныхъ государственныхъ началъ.

---

*) Владимирское земство просило объ „учрежденіи съѣздовъ земскихъ дѣятелей, людей, заинтересованныхъ развитіемъ земскаго дѣла и посвятившихъ себя ему,—въ каждой губерніи и, кромѣ того, съѣздовъ общихъ, центральныхъ, въ столицахъ или другихъ губернскихъ городахъ по взаимному соглашенію земствъ". „Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ", 1883, стр. 28.

Во имя этого основного принципа были нарушены такъ еще недавно провозглашенные принципы. Мы уже упоминали объ инцидентѣ съ петербургскимъ земствомъ, объ ограниченіи гласности засѣданій, объ ограниченіи компетенціи земствъ и т. п. Разъясненіе правительствующаго сената отъ 16 декабря 1866 г. дало широкое толкованіе статьи 69 Положенія и губернаторамъ предоставлено было право по произволу утверждать или не утверждать лицъ, избранныхъ земскимъ собраніемъ, подъ предлогомъ ихъ неблагонадежности. 19 августа 1879 г. губернатору было предоставлено право не допускать на службу и увольнять земскихъ служащихъ, если онъ ихъ признаетъ неблагонадежными. Циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 октября 1866 г., 28 августа 1868 г., 22 октября 1870 г., и закономъ 4 іюля 1870 г. разные земскіе служащіе были подчинены соотвѣтственнымъ правительственнымъ учрежденіямъ (земскіе врачи и фармацевты—врачебнымъ управамъ и губернаторамъ, попечители училищъ—училищнымъ совѣтамъ, учителя—инспекторамъ и т. п.).

По отдѣлу народнаго образованія въ 1869 году учреждены были инспектора народныхъ училищъ, которые, по инструкціи 1871 года, получили право устранять неблагонадежныхъ, по ихъ мнѣнію, учителей и останавливать всякое рѣшеніе училищнаго совѣта. Рескриптъ 25 декабря 1873 года выражалъ опасеніе, что народная школа (находившаяся по положенію 1864 года почти въ полномъ—и не только хозяйственномъ—завѣдываніи земства) могла бы, при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращаема въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, — къ чему уже и обнаружены нѣкоторыя попытки, — отклонить его отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью которыхъ въ теченіе вѣковъ собиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія. Предводители дворянства должны были способствовать отнынѣ ближайшимъ своимъ участіемъ въ школьномъ дѣлѣ къ обезпеченію нравственнаго вліянія этихъ школъ. Положеніе о народныхъ училищахъ 1874 года дало предводите-

лямъ права предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ (впрочемъ, лишенныхъ значенія въ пользу директоровъ народныхъ училищъ). Посильныя попытки ограничить компетенцію земствъ были сдѣланы и въ другихъ областяхъ земской дѣятельности. Земскія ходатайства въ большинствѣ были оставляемы безъ удовлетворенія, а иногда даже просто безъ отвѣта со стороны подлежащей власти. Предлогомъ къ этому служило якобы обнаруживаемое въ подобныхъ ходатайствахъ превышеніе земствами ихъ компетенціи, ограниченной предѣлами губерніи и уѣзда.

Подобное отношеніе власти къ земству отразилось охлажденіемъ земскихъ дѣятелей къ своей работѣ*), съ другой стороны наталкивало ихъ на мысль о необходимости измѣненія коренныхъ условій русской жизни въ пользу свободнаго развитія самоуправленія вообще.

Тѣми же охранительными тенденціями были продиктованы мѣры противъ печати. Въ 1868 году министру внутреннихъ дѣлъ дано право запрещать розничную продажу періодическихъ изданій. Въ 1872 году право запрещенія книгъ и журналовъ было предоставлено не суду, а комитету министровъ. Въ 1873 году министру внутреннихъ дѣлъ дано было право запрещать періодическимъ изданіямъ касаться въ теченіе нѣкотораго времени (на дѣлѣ вышло—безсрочно) какихъ-либо вопросовъ государственной важности, обсужденіе которыхъ будетъ найдено неудобнымъ.

Въ 1866 г. положеніемъ комитета министровъ (№ 835)

---

*) Катковъ писалъ въ 1870 г.: „Земскія учрежденія представляютъ печальное зрѣлище. Гласные во многихъ мѣстахъ охладѣваютъ къ своему дѣлу, перестаютъ видѣть въ немъ серьезное дѣло государственнаго значенія, начинаютъ сомнѣваться въ его будущности. Они замѣчаютъ въ правительственныхъ властяхъ какое-то нерасположеніе къ этому созданію правительственной власти. Многія земскія собранія послѣдней сессіи шли вяло за малочисленностью гласныхъ; иныя вовсе не состоялись за неприбытіемъ узаконеннаго числа членовъ. *Невѣдьнскій*, „Катковъ и его время“, стр. 444—445. См. о томъ же А. *Кошелевъ* „Наше положеніе“. 1875. стр. 32—35.

была отмѣнена несмѣняемость мировыхъ посредниковъ безъ суда, а взамѣнъ того увольненіе ихъ по подозрѣнію въ неблагонадежности передано администраціи.

Цѣлымъ рядомъ «новеллъ» искажены были судебные уставы 1864 года. Прежде всего, судебные слѣдователи, дабы сдѣлать ихъ смѣняемыми по усмотрѣнію министерства, перестали получать утвержденіе, и вскорѣ, за немногими исключеніями, институтъ независимыхъ судебныхъ слѣдователей былъ уничтоженъ. Прекращено было образованіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, но главная мѣра, принятая въ 1871 году, была—изданіе положенія о производствѣ дознаній по политическимъ дѣламъ жандармами съ участіемъ прокуратуры, и о порядкѣ административной ссылки. Эта мѣра, принятая вопреки всѣмъ ожиданіямъ общества, думавшаго, что по введеніи судебныхъ уставовъ, всѣ вообще способы административной расправы будутъ уничтожены, наоборотъ, закрѣпляли и расширяли область административнаго усмотрѣнія*).

Уже изъ перечисленныхъ выше правительственныхъ мѣропріятій видно, что основной цѣлью государственной политики было въ этотъ періодъ единственно охраненіе государственнаго строя. Иного рода мѣры—въ видѣ введенія всеобщей воинской повинности (1874), новое городовое положеніе (1870 г.)—являлись продолженіемъ начатыхъ, но не завершенныхъ реформъ. Но онѣ были еще болѣе, чѣмъ прежнія реформы, искажены охранительными соображеніями: такъ, напримѣръ, городскіе избиратели, уже ограниченные въ числѣ своемъ имущественнымъ цензомъ, дѣлились еще, кромѣ того, по прусскому образцу, на 3

*) Въ февралѣ 1872 г. дворянское собраніе московской губ., по предложенію Черкасскаго и Самарина, поддержанному гр. Орловымъ-Давыдовымъ, ходатайствовало объ ограниченіи арестовъ по распоряженію жандармовъ и упраздненіи административной ссылки, и просило, чтобы арестованному дворянину было предоставлено право, по истеченіи 2 недѣль, требовать отданія его подъ судъ. *И. Аксаковъ*, собраніе сочиненій т. III.

избирательныхъ собранія: крупныхъ, среднихъ и мелкихъ плательщиковъ. Этимъ хотѣли дать преобладаніе крупной и средней буржуазіи, какъ политически-консервативному классу, надъ малоимущими слоями населенія.

Въ то время, когда земскіе дѣятели, стѣсняемые въ своей дѣятельности ненормальнымъ положеніемъ земства, постепенно приходили къ сознанію этой ненормальности, лѣвое крыло интеллигенціи раскололось на три направленія. Главная масса стояла на точкѣ зрѣнія Бакунина и его вѣры въ то, что народъ вполнѣ готовъ къ воспріятію ихъ идей, которыя и представляютъ собою именно ясное изложеніе народныхъ идеаловъ, а также въ то, что не нужно какой-либо предварительной подготовки ни въ средѣ проповѣдниковъ новаго ученія, ни въ средѣ народа. Эта преобладающая часть интеллигенціи (преимущественно молодежи) полагала, что моментъ для возвѣщенія народу ея идеаловъ насталъ. Другая часть, гораздо меньшая, слѣдовала за П. Л. Лавровымъ (Миртовымъ), авторомъ «Историческихъ писемъ», и полагала, что соціальный вопросъ— имѣетъ первостепенную важность. Единственное средство осуществить будущее эта группа видѣла въ союзѣ большинства рабочихъ въ свободную ассоціацію, въ организаціи этого союза для совокупнаго и могучаго дѣйствія, въ торжествѣ этой организаціи и въ установленіи новаго общественнаго строя на развалинахъ промышленныхъ государствъ и сословій настоящаго.

Вопросъ политическій былъ для группы всецѣло подчиненъ соціальному и въ особенности экономическому. Она полагала, что современныя государства, враждебныя рабочему движенію, должны разложиться. Группа отрицательно относилась къ якобинству. Всѣ централизаціонныя политическія программы были ей враждебны, *равно какъ* и всѣ *политическія* партіи съ ихъ *конституціонными* идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, и всякія попытки замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой, — все это

было враждебно группѣ въ своемъ основномъ строѣ и индифферентно въ своемъ проявленіи. Впрочемъ, группа обѣщала поддерживать повсюду свободу мысли, слова, союзовъ, расширеніе обученія, участіе низшихъ классовъ въ управленіи, такъ какъ это, по ея мнѣнію, безусловно помогало соціальной борьбѣ. «Перестройка русскаго общества,—заявляла группа, должна быть совершена не только съ *цѣлью* народнаго блага, не только *для* народа, но и *посредствомъ* народа»*).

Наконецъ, третья группа **) носила т. н. якобинскій характеръ, вполнѣ считалась съ существующимъ централизованнымъ государствомъ и полагала, что именно государственная власть—въ силахъ осуществить нужныя преобразованія соціальнаго характера ***). Во главѣ этой группы стоялъ П. Н. Ткачевъ. Группа полагала, что въ ближайшемъ будущемъ необходимо взять власть въ свои руки насильственнымъ путемъ, а затѣмъ уже правительственными распоряженіями декретировать съ одной стороны

*) Въ противоположность „бакунистамъ", т. н. „лавристы" вовсе не считали тотъ моментъ удобнымъ для призыва народа къ какимъ бы то ни было активнымъ, тѣмъ болѣе, чисто революціоннымъ дѣйствіямъ. Они рекомендовали молодежи готовиться къ проповѣди новыхъ соціальныхъ теорій и подготовлять народъ къ сознанію своей силы и къ завоеванію своихъ правъ.

**) Она выступила съ своей программой въ 1875 г.

***) Въ силу этого Ткачевъ отрицалъ то, къ чему стремился Бакунинъ,—необходимость немедленнаго уничтоженія государства.

„Анархія немыслима, немыслима логически",—писалъ Ткачевъ,—безъ предварительнаго установленія абсолютнаго равенства между всѣми членами общества... Но чтобы установить братство и равенство, нужно, во-первыхъ, измѣнить данныя условія общественнаго быта... Во вторыхъ, измѣнить самую природу человѣка, перевоспитать его". Осуществить это могутъ лишь революціонеры, воплощающіе въ себѣ лучшія умственныя и нравственныя силы общества, которые въ силу этого превосходства должны обладать надъ большинствомъ *властью*. „Ближайшая, непосредственная цѣль революціи захватъ власти революціонерами и превращеніе даннаго *консервативнаго* государства въ государство *революціонное*."

уничтоженіе консервативныхъ и реакціонныхъ элементовъ, а съ другой, ввести въ жизнь учрежденія, благопріятствующія развитію равенства и братства. Будучи непреклоннымъ въ борьбѣ съ консервативными и реакціонными элементами, новое правительство должно приспособляться къ данному уровню народныхъ потребностей и развитія. Чтобы не удалиться отъ этого уровня, чтобы дать жизненную силу реформамъ, оно должно окружить себя органами народнаго представительства («Народная дума») и санкціонировать ихъ волей свою реформаторскую дѣятельность. Въ то же время оно должно постоянно стремиться къ расширенію народнаго развитія. Какъ мы видимъ, группа эта вѣрила въ могущество государственной власти; впрочемъ, въ видѣ отдаленнаго идеала предполагалось развитіе общиннаго самоуправленія и постепенное ослабленіе и упраздненіе центральныхъ функцій государственной власти *).

Не входя въ изложеніе всѣхъ перипетій идейной борьбы между вышеупомянутыми тремя направленіями русской общественной мысли, замѣтимъ лишь, что первое изъ нихъ, а именно бакунистское восторжествовало надъ остальными. 1873-й годъ былъ годомъ подготовки того грандіознаго движенія молодежи «въ народъ», которое произошло вскорѣ. Учащаяся молодежь: студенты, семинаристы, гимназисты, молодыя дѣвушки отправились въ деревню (въ періодъ 1873-5 г.), чтобы проповѣдывать мужику свое ученіе. Въ нашу задачу не входитъ изложеніе этого движенія и причинъ неудачи, постигшей его, несмотря на глубокій, почти религіозный энтузіазмъ его участни-

*) Ткачевцы-якобинцы были незначительной группой. Не соглашаясь съ бунтарской программой Бакунина, они не согласны были и съ мирной подготовительной тактикой Лаврова. „Подготовлять революцію—это совсѣмъ не дѣло революціонера“, писалъ Ткачевъ. Ее подготовляютъ общія тяжелыя условія жизни народа. „Революціонеръ-же долженъ только пользоваться и извѣстнымъ образомъ комбинировать, тѣ уже готовые элементы, которые выработала исторія“... „Революціонеръ не подготовляетъ, а *дѣлаетъ* революцію“.

ковъ. Скажемъ коротко, что деревня оказалась въ подавляющемъ большинствѣ неподготовленной къ воспріятію того, что говорили ей провозвѣстники свѣтлаго будущаго *). Приходилось искать иныхъ путей, измѣнять и программу и тактику, въ зависимости отъ постигшей движеніе неудачи. Движеніе это носило характеръ мирнаго изложенія своихъ взглядовъ и отнюдь не направлено было противъ государственной власти. Въ широкомъ демократическомъ и соціальномъ движеніи этой эпохи-это былъ моментъ «юности розовой и мечтательной», о которой впослѣдствіи съ грустью вспоминали многіе, перешедшіе на путь борьбы не однимъ только словомъ. Но самый фактъ широкаго общественнаго движенія, принимая во вниманіе къ тому-же отрицательное въ принципѣ отношеніе новаго ученія къ государству вообще, вызвалъ чрезвычайную репрессію со стороны правительства **). Эта репрессія весьма суровая и примѣняемая въ самомъ неограниченномъ размѣрѣ толкнула мирныхъ, въ началѣ, дѣятелей крайняго направленія на активную борьбу сперва съ отдѣльными представителями государственнаго строя, а затѣмъ и съ нимъ самимъ, какъ таковымъ. Борьба эта выразилась въ цѣломъ рядѣ вооруженныхъ сопротивленій властямъ при задержаніи и покушеній на жизнь лицъ,

*) Есть, однако, свѣдѣнія, что были и исключенія изъ общаго правила. Такъ, напр., въ главахъ „Нови", не напечатанныхъ И. С. Тургеневымъ, рисуется картина успѣшной пропаганды Маріанны. Есть свѣдѣнія о томъ же и въ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ пропагандистовъ. О сочувствіи-же общества движенію въ народъ см. интересныя данныя въ запискѣ мин. юст. гр. Палена (много разъ переизданной).

**) Въ теченіе одного года было привлечено къ слѣдствію 770 чел., изъ нихъ 265 арестованы, 152 оставлены до суда на свободѣ, а 53 остались неразысканными. Кромѣ того многія сотни были наказаны административно. По списку 1874 г. (кромѣ привлеченныхъ къ суду) полиція исчисляла свыше 461 „неблагонадежныхъ", по списку 1876 г. свыше 375 Только по одному этому дѣлу число прикосновенныхъ къ процессу было 3800, обвиняемыхъ—770, предстало предъ судомъ—193. Въ теченіе 4-лѣтняго заключенія умерло въ тюрьмахъ до 70 чел. Было много и другихъ многолюдныхъ „процессовъ".

прикосновенныхъ къ дѣлу борьбы съ «крамолой» *). Тѣмъ не менѣе, подобная борьба не превратилась еще въ методъ, и имѣла болѣе случайный характеръ. Дѣйствовавшая въ это время (1876-79) группа **) крайняго направленія, имѣла своимъ девизомъ «Землю» и «Волю», подобно группѣ того-же названія въ 1862-3 году, причемъ идеаломъ выставлялись «Земля, какъ общее достояніе тѣхъ, кто на ней работаетъ, и Воля, какъ общее право всѣхъ

*) 21 февр. 1878 г. Вѣра Засуличъ стрѣляла въ ген. Трепова. 1 февр. убитъ въ Ростовѣ н-Д. полицейскій агентъ Никоновъ, 23 февр. въ Кіевѣ Вал. А. Осинскій съ товарищами покушались на жизнь тов. прокур. Котляревскаго. 25 мая въ Кіевѣ Попко убилъ жандарм. ротм. Гейкинга. 4 авг. въ Петербургѣ С. Кравчинскій убилъ шефа жандармовъ Мезенцова. Вооруженныя сопротивленія полиціи были оказаны: Ковальскимъ съ товарищами 3 янв. въ Одессѣ, Избицкими въ Кіевѣ (28 марта), Колѣнкиной и Малиновской въ Петербургѣ (14 окт), Чубаровымъ въ Одессѣ, Дубровинымъ въ Старой Русѣ, Сентянинымъ въ Харьковѣ и др. См. *Л. Тихомировъ.* Конституціоналисты въ эпоху 1881 г. М. 1895, стр. 29. Также у С. Татищева. „Алекс. II“, т. II, гл. о крамолѣ.

**) Здѣсь надо оговориться, что въ нашу программу не входитъ изложеніе всѣхъ теченій русской мысли 70-хъ годовъ. Пропагандистовъ, ходившихъ въ народъ, смѣнили т. н. народники-бунтари, которые ставили своей цѣлью осуществленіе назрѣвшихъ народныхъ желаніи, вмѣсто пропаганды словомъ -агитацію дѣйствіемъ, постоянныя поселенія въ народѣ и призывъ его къ активнымъ дѣйствіямъ. Въ общемъ намѣтилось среди интеллигенціи три направленія: „марксисты“, стоявшіе за дѣйствія въ средѣ, преимущественно, городского пролетаріата, „народники“—свою опору видѣли въ крестьянскихъ массахъ. Народники свою программу намѣчали такъ: „1) Переходъ всѣхъ земель частной собственности въ собственность народныхъ общинъ, каковы онѣ есть въ настоящее время; 2) самостоятельность міра или громады въ отправленіи всѣхъ общественныхъ функцій, т. е. уничтоженіе государства“. Эти чистые народники потомъ откололись въ „Черный передѣлъ“. Третьей-же группой были тѣ народники, которые, придя къ сознанію значенія политической свободы, начали борьбу за народную волю. Повторяемъ, что изложеніе соціальныхъ программъ, во всей ихъ послѣдовательности, не входитъ въ наши задачи. Мы сосредоточиваемся на развитіи вопроса политическаго.

людей самимъ распоряжаться своими дѣлами». Но, хотя въ ея программу отнюдь не входила борьба съ государствомъ и политическимъ строемъ, и политическій вопросъ всецѣло подчиненъ былъ соціальному, тѣмъ не менѣе, неуклонная и постоянная репрессія вызвала представителей этой группы на мысль о необходимости обезпечить себѣ сперва возможность легально и безпрепятственно выражать свои убѣжденія, прежде чѣмъ пытаться проводить ихъ въ жизнь.

Въ это же время произошло и объединеніе наиболѣе радикальныхъ земскихъ дѣятелей. Попытки къ открытому и законному объединенію земствъ, исходившія отнюдь не изъ желанія земцевъ ограничить верховную власть, но изъ сознанія ненормальности положенія земскаго самоуправленія, лишеннаго голоса при рѣшеніи общегосударственныхъ дѣлъ, столь важныхъ и для дѣятельности на мѣстахъ, попытки эти были отвергнуты правительствомъ, и это невольно толкнуло земцевъ на путь объединенія безъ дозволенія власти. Въ началѣ 80-хъ годовъ выяснилось, что въ 1870 г., когда на обсужденіе земствъ былъ отданъ податной вопросъ, то 40 представителей отъ 25 губерній въ теченіе 3 дней имѣли частное совѣщаніе, на которомъ установили общія основанія предстоящей работы. Съѣздъ отъ 15 губ. происходилъ также во время политехнической выставки. Въ концѣ 70-хъ годовъ начались съѣзды земскихъ дѣятелей нѣкоторыхъ губерній (въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ) съ цѣлью установить единство дѣйствій отдѣльныхъ земствъ для достиженія возможно широкой земской автономіи. На кіевскомъ съѣздѣ 1878 г. было обращено вниманіе на обостреніе взаимной борьбы крайней партіи и правительства, причемъ либералы, «предвидя *роковой* конецъ подобной борьбы и сознавая, что послѣдствіемъ подобнаго событія (царсубійства) можетъ быть реакція не только ужасная, но и роковая для дѣла свободы, рѣшились сдѣлать попытку добиться отъ правительства обѣщанія вернуться на путь либеральныхъ принци-

повъ 1861-66 г.» *). Вмѣстѣ съ тѣмъ они полагали необходимымъ, чтобы прекратилась дѣятельность крайнихъ партій, которая, по ихъ мнѣнію, только помѣшаетъ правительству вступить на путь реформъ, если оно того пожелаетъ. Въ своихъ сношеніяхъ съ представителями крайнихъ направленій земцы съ своей стороны обѣщали возбудить коллективное ходатайство предъ правительствомъ сначала: 1) о возстановленіи земскаго положенія и правилъ о печати 1865 г.; 2) объ устраненіи административной ссылки и спеціальныхъ судовъ по политическимъ дѣламъ (подъ этимъ подразумѣвалось возвращеніе къ первоначальной редакціи разд. II, кн. III устава угол. судопроизвод. и отмѣна правилъ 1871 г. «о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ» и т. д.),—и затѣмъ каковъ-бы ни былъ отвѣтъ правительства—3) о созваніи общаго земскаго представительства.

Представители крайняго направленія не согласились на условія земскихъ либераловъ. Тѣмъ не менѣе, послѣднимъ удалось привлечь на свою сторону нѣкоторые «легальные» элементы радикальнаго направленія, вмѣстѣ съ которыми они составили союзъ, получившій названіе «Лиги оппозиціонныхъ элементовъ», или просто «Лиги». Несмотря на неудачу соглашенія съ крайнимъ направленіемъ, «Лига» рѣшила, для выполненія намѣченной ею программы, вести агитацію по земствамъ разныхъ губерній и опубликовывать свѣдѣнія объ общественномъ движеніи въ Россіи. Вторая часть программы, по независѣвшимъ отъ Лиги обстоятельствамъ, не была осуществлена раньше 1881 г. Ею сдѣлана была (неудавшаяся) попытка опубликовать свѣдѣнія о студенческихъ безпорядкахъ 1878 года въ Петербургѣ, Харьковѣ и Кіевѣ, а также изложеніе «ближайшихъ задачъ земства» **). Программа

*) Сообщ. Кеннаномъ въ „Century" 1887. см. *Л. Тихомировъ*. Конституціоналисты стр. 18—20.

**) Изданныя въ Галиціи брошюры были конфискованы австрійскимъ правительствомъ.

земства излагалась Лигой такъ: «Въ настоящую минуту земство должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ учредительнаго Собранія». Вскорѣ сторонники Лиги получили законый поводъ для заявленія своихъ взглядовъ въ земскихъ собраніяхъ.

XX.

Какъ извѣстно, 1878-й годъ ознаменовался переходомъ крайней партіи къ террористической дѣятельности. Покушеніе слѣдовало за покушеніемъ. 4 авг. 1878 г. на улицѣ убитъ былъ шефъ жандармовъ Мезенцовъ *). Такое чрезвычайное событіе, какъ убійство начальника государственной полиціи среди бѣлаго дня, побудило правительство обратиться къ обществу съ призывомъ принять участіе въ борьбѣ съ «крамолой» и охранять основы общественной и государственной жизни **). Вскорѣ послѣ того, въ рѣчи своей къ представителямъ сословій, въ Москвѣ, 20 ноября 1878 г., по совѣту министра народнаго просвѣщенія гр. Д. Толстого, императоръ Александръ II сказалъ слѣдующее: «Я надѣюсь на Ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь. Да поможетъ Намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ Намъ утѣшеніе видѣть дорогое Наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь-же дорогое Вамъ, какъ и Мнѣ».

Цѣлый рядъ земствъ откликнулся на это обращеніе государя.

*) Убійство это было совершено въ видѣ мести за жестокое обращеніе съ политическими заключенными, вызвавшее такъ называемую „голодовку" въ Петропавловской крѣпости и харьковской центральной каторжной тюрьмѣ.

**) „Правительств. Вѣстникъ", 1878 г. № 186.

Земцы, являвшіеся единственными законными представителями населенія, рѣшили отъ имени населенія довести до свѣдѣнія монарха о бѣдственномъ положеніи населенія, которое страдаетъ отъ пріостановки поступательной либеральной политики правительства, и просить въ той или иной формѣ о созывѣ народныхъ представителей въ земскій соборъ. Есть свѣдѣнія, что такихъ земствъ было отъ 8 до 10, хотя точныя свѣдѣнія имѣются лишь о пяти: харьковскомъ, черниговскомъ, полтавскомъ, самарскомъ и тверскомъ. Первымъ послѣдовало заявленіе харьковскаго земства, гдѣ во главѣ движенія стоялъ профессоръ университета Е. С. Гордѣенко, который сказалъ въ земскомъ собраніи горячую рѣчь, и, вообще, былъ сторонникомъ правового государства *). Харьковское земство изъявляло готовность бороться «за общественный порядокъ, собственность, семью и вѣру», но заявляло, что «при существующемъ положеніи земскія силы не имѣютъ никакой организаціи». «Всемилостивѣйшій государь», гласилъ въ заключеніе адресъ, «дай Твоему вѣрному народу то, что Ты далъ болгарамъ».

Насколько можно судить по отрывкамъ, проникшимъ въ печать, въ такомъ-же родѣ былъ и отвѣтъ полтавскаго земства **), которое также изъявляло готовность «вырвать зло съ корнемъ и побороть пропаганду, предпринятую врагами правительства *и общества*», но подъ условіемъ организовать общественныя силы на правахъ народнаго представительства ***). Такимъ образомъ, и

*) Избранный въ 1858 г. депутатомъ отъ дворянства, онъ составилъ записку о необходимости публичнаго и гласнаго судопроизводства; въ 1859 г. составилъ докладъ о необходимости мѣстнаго самоуправленія; былъ предсѣдателемъ земской управы, городскимъ головой.

**) Авторомъ этого адреса былъ губернск. предводитель дворянства Устимовичъ.

***) Передовые дѣятели „Лиги" заявляли, впрочемъ, (въ „Ближайшихъ задачахъ земства") по этому поводу: „Мы думаемъ, что полтавское и харьковское земства стали на ложный путь. Какія конститу-

харьковцы и полтавцы выражали полную готовность бороться съ крайними направленіями, при условіи призванія ихъ въ качествѣ народныхъ представителей къ законодательной дѣятельности, и такое заявленіе ихъ вполнѣ понятно, такъ какъ оно было продиктовано классовымъ чувствомъ собственниковъ, которымъ казалось, что крайнія партіи посягаютъ на это ихъ священное право. Несомнѣнно, положеніе получалось двойственное, рискованное, и грозило неудачей ихъ свободолюбивымъ заявленіямъ, которыя носили эгоистическій характеръ.

Въ другомъ родѣ были заявленія черниговскихъ и тверскихъ земцевъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что черниговское губернское земское собраніе не успѣло *формально* *) принять адресъ, такъ какъ этому воспрепятствовалъ предсѣдатель собранія, который заявилъ, что не допуститъ чтенія и голосованія доклада комиссіи собранія по этому вопросу, и затѣмъ, въ виду того, что земцы не признали этого распоряженія законнымъ и пытались провести докладъ въ собраніи, прекратилъ засѣданія собранія при посредствѣ вооруженной силы. Докладъ комиссіи исходилъ изъ глубокихъ вѣрноподданническихъ чувствъ къ государю и безпредѣльной любви къ родинѣ. «Событія послѣдняго времени, заявляли черниговцы, достаточно ясно показали, что карательныя репрессивныя мѣры безсильны остановить потокъ вредныхъ идей, проникающихъ въ общественный организмъ и поражающихъ отдѣльныхъ его членовъ... Думать, что идеи, а въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости, значитъ игнорировать исторію развитія и распростра-

---

ціонныя блага мы посулимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душить идеи и истреблять людей, ими живущихъ".

*) Адресъ былъ принятъ въ предварительномъ публичномъ засѣданіи всѣхъ гласныхъ черниговскаго земства почти единогласно (противъ 2) и долженъ былъ быть прочитанъ авторомъ его, Петрункевичемъ, въ очередномъ засѣданіи. Въ залу засѣданія были введены жандармы.

ненія идей. Идея живетъ и распространяется, когда находитъ почву для своей жизни, и умираетъ, какъ только такой почвы нѣтъ. Положеніе русскаго общества, по нашему глубокому убѣжденію, представляетъ въ настоящую минуту всѣ условія для процвѣтанія идей, противныхъ государственному строю, противныхъ желаніямъ правительства и людей, признающихъ, что прочно и надежно лишь мирное развитіе общественныхъ учрежденій». Причины, породившія «опасный недугъ», черниговскіе земцы находили въ слѣдующихъ явленіяхъ: «1) организація среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, 2) отсутствіе свободы слова и печати, 3) отсутствіе среди русскаго общества чувства законности». Авторы доклада находили, что система гр. Д. Толстого создаетъ изъ юношества именно «матеріалъ для пропаганды анархическихъ идей», и они «съ тѣмъ большимъ ужасомъ признавали успѣхъ пропаганды, что этимъ матеріаломъ были ихъ собственныя дѣти, и они были безсильны остановить ихъ на роковомъ пути».

«Борьба съ разрушительными идеями была-бы возможна лишь въ томъ случаѣ, когда-бы общество располагало соотвѣтственными орудіями. Эти орудія: слово, печать, свобода мнѣнія и свободная наука.

Въ то время, какъ анархическія идеи распространяются и тайной печатью и устной пропагандой, общество лишено средствъ откровенно выражать свое мнѣніе *). общественнаго мнѣнія нѣтъ, ибо нѣтъ органа для его выраженія, нѣтъ печати, которая, руководясь не страхомъ административныхъ взысканій, грозящихъ ей, а имѣя въ виду интересъ общества, его мирное развитіе, его насущныя

*) Это обычный припѣвъ русскихъ либераловъ при мольбахъ о дарованіи свободы слова. Они постоянно упускали изъ виду, что въ то время, какъ они усиленно старались втиснуть свои мысли въ рамки, созданныя бюрократіей, лица крайнихъ направленій писали и печатали то, что у нихъ было на душѣ, не справляясь о легальности ихъ мыслей; съ точки зрѣнія бюрократіи, противъ которой они боролись.

потребности и возможныя опасности, пробуждала-бы чувство самодѣятельности, чувство самосохраненія и поддержанія основъ, на которыхъ зиждется государственный строй».

Далѣе указывалось, что «само земство лишено возможности имѣть не только печатный органъ для обмѣна идей по своимъ ближайшимъ потребностямъ; оно лишено даже въ собственномъ собраніи свободы выраженія мнѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности заявлять о своихъ нуждахъ правительству... Происходящая отсюда безмолвность общественныхъ учрежденій уничтожаетъ ихъ силу и значеніе, дѣлаетъ ихъ неспособными къ жизни, къ дѣйствію; и тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ ихъ отдѣльныхъ членахъ чувство гражданскихъ обязанностей, чувство гражданскаго долга»... Признавая важное значеніе реформъ крестьянской, земской и судебной, авторы доклада указывали, что искаженія этихъ реформъ почти свели къ нулю ихъ значеніе.

«Наше (земское) законное право ходатайствовать обращено въ мертвую букву, а такое отношеніе къ нашимъ представленіямъ пріучило и насъ относиться спустя рукава къ серьезнымъ земскимъ вопросамъ; это тѣмъ болѣе горько, что, лишенное печатнаго органа, земство не имѣетъ и другихъ условій для смѣшенія и обмѣна идей даже по чисто хозяйственнымъ вопросамъ. Таково положеніе русскаго общества. Не обладая чувствомъ, заставляющимъ подчиняться закону, не имѣя гарантій въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, обуздывающаго всякія личныя, несогласныя съ общественными интересами стремленія, лишенное свободы критики возникающихъ среди его идей,—русское общество представляетъ разобщенную, инертную массу, способную поглощать все, но не способную къ борьбѣ. Потому, земство Черниговской губерніи, съ невыразимымъ огорченіемъ, констатируетъ свое полное безсиліе принять какія либо практическія мѣры къ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства».

Тверское губернское земское собранiе заявляло, что оно обязано, вслѣдствiе продолжающихся преступленiй (убiйство губернатора кн. Крапоткина въ Харьковѣ), согласно призыву монарха, «возстать на борьбу съ постоянно возрастающимъ зломъ»... «Постепенно повторяющiяся политическiя преступленiя и убiйства дѣлаютъ очевиднымъ, что одной кары, поражающей преступниковъ, не достаточно для искорененiя зла: они суть только внѣшнiе признаки общихъ глубокихъ недуговъ, кроющихся въ нашемъ общественномъ организмѣ и заставляющихъ глубоко страдать каждаго честнаго и добраго гражданина русскаго, и мы считаемъ долгомъ вѣрноподданныхъ указать на источники этихъ недуговъ и на условiя, при которыхъ они крѣпнутъ и развиваются».

«Великiя реформы нынѣшняго царствованiя, призвавшiя къ новой жизни цѣлые слои общества, положили начало новому государственному строю, основой котораго должно быть просвѣщенiе; при немъ только и возможно надлежащее пользованiе высочайше дарованными правами и исполненiе обязанностей, съ этими правами сопряженныхъ».

Затѣмъ слѣдовала рѣзкая, но справедливая критика дѣятельности министерства народнаго просвѣщенiя въ области низшаго, средняго и высшаго образованiя. Адресъ указывалъ, что министерство стремится не къ расширенiю образованiя, а къ тому, чтобы всячески тормазить и задерживать просвѣщенiе, отстраняя земство отъ дѣятельнаго участiя въ этомъ дѣлѣ. Адресъ указывалъ также на «ненормальный строй среднеучебныхъ заведенiй», изъ которыхъ ежегодно выбрасывается масса молодежи. Этотъ строй создаетъ благопрiятную почву для «вредныхъ лжеученiй, влiянiю которыхъ наши дѣти впервые подпадаютъ» именно въ этихъ заведенiяхъ. Въ средѣ изгнанной изъ учебныхъ заведенiй молодежи «находятъ себѣ особое сочувствiе всякiя противуобщественныя идеи».

Что-же касается поступающихъ въ высшiя учебныя

заведенія, то они «становятся въ самыя неблагопріятныя для ихъ развитія условія, встрѣчая подозрительность и стѣсненія, при которыхъ невозможно спокойное занятіе наукой, и при которыхъ, напротивъ, развиваются недовольство и озлобленіе, неоднократно проявляющіяся въ студенческихъ волненіяхъ, сдѣлавшихся за послѣднее время обычными. Не при этихъ условіяхъ можетъ развиться въ средѣ молодежи уваженіе къ закону, столь необходимое и столь слабо въ нашемъ обществѣ развитое. Блага просвѣщенія даются не одними только учебными заведеніями, но и общественными учрежденіями, между которыми наиболѣе существенны самоуправленіе, самостоятельность личности, строго огражденной въ ея правахъ, независимый судъ и свободная печать».

Адресъ указывалъ затѣмъ на чрезвычайныя стѣсненія земства въ кругѣ его дѣятельности, ограниченіе и почти уничтоженіе его самостоятельности, на то, что «вслѣдствіе различныхъ административныхъ распоряженій значеніе суда подрывается въ корнѣ; увѣренность въ силѣ закона, охраняемаго судомъ, колеблется; судъ и законъ перестаютъ охранять личность, вполнѣ подчиненную произволу администраціи».

«Такимъ образомъ, подготовляется самая благопріятная почва для развитія и распространенія анархическихъ идей.»

«Анархическія идеи могли бы встрѣтить себѣ опаснаго врага въ печати, но и печать, какъ извѣстно, лишена возможности самостоятельно разрабатывать общественные вопросы, и, въ то время, какъ число подпольныхъ органовъ растетъ, органы легальной прессы одинъ за другимъ принуждены прекращать свое существованіе».

«Всѣ исчисленныя неблагопріятныя условія нашей общественной жизни особенно тягостно чувствуются теперь, когда русское общество пришло къ убѣжденію въ совершенной невозможности для него борьбы съ внутреннимъ зломъ, въ томъ случаѣ, если всѣ упомянутыя условія, по-

рождающія это зло, не будутъ устранены правительствомъ, имѣющимъ къ тому полную возможность. Государь императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига болгарскаго народа призналъ необходимымъ даровать этому народу истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати».

«Земство тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій народъ, съ такою полною готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему Царю Освободителю, несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя *одни* могутъ дать ему возможность выдти, по слову государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія».

Здѣсь нельзя не отмѣтить того громаднаго вліянія, которое имѣла турецкая война 1877—78 гг. на развитіе конституціонныхъ идей въ Россіи. Хищенія интендантства и всякихъ начальствъ, неурядица въ руководствѣ военными дѣйствіями, безцѣльная бойня подъ Плевной, отсутствіе какого бы то ни было контроля надъ произвольными дѣйствіями администраціи—все это, въ связи съ продолжавшимся гнетомъ внутри Россіи, заставило думать о необходимости участія представителей народа въ законодательствѣ и контролѣ надъ финансами и управленіемъ и еще больше о необходимости установленія хотя бы минимальныхъ правъ человѣка и гражданина. Многихъ оскорбляло также, что освобожденные рабы—болгары оказались болѣе достойными конституціи, чѣмъ освободители—русскіе.

Тогда же земскій гласный Д. В. распространялъ свой проектъ *) адреса государю, въ которомъ говорилъ о желанномъ счастіи «видѣть Царя и землю дружно работающими надъ благомъ Россіи», призывалъ императора Александра II возвратиться «къ прежней работѣ первыхъ

*) Проектъ приложенъ былъ къ его брошюрѣ „Земство и призывъ правительства къ борьбѣ съ революціонной пропагандой“ 1879.

лѣтъ царствованія». Накопилось много нуждъ, которыя «не могутъ быть разрѣшены безъ ближайшаго содѣйствія мѣстныхъ людей». Негодованіе автора направлено было какъ противъ «кучки безъименныхъ убійцъ», такъ и противъ «шайки казнокрадовъ».

«Земля помнитъ,—писалъ авторъ,—первое десятилѣтіе царствованія, она знаетъ, что прошедшее служитъ въ глазахъ Твоихъ вѣрныхъ подданныхъ лучшимъ залогомъ будущаго и что, вновь услышавъ Державную рѣчь: «лучше сверху, чѣмъ снизу», Россія неуклонно и быстро пойдетъ по пути своего мирнаго развитія»...

Этотъ адресъ характеренъ для воззрѣній тогдашнихъ земцевъ, хотя, въ виду цѣлаго ряда вышеприведенныхъ ходатайствъ, не имѣетъ особенно большого значенія.

Несомнѣнно, что движеніе среди земствъ приняло бы болѣе обширные размѣры, если бы не чрезвычайныя мѣры, принятыя правительствомъ подъ вліяніемъ покушенія на жизнь императора Александра II, совершеннаго Соловьевымъ (2 апрѣля 1879 г.). Предводителямъ дворянства, предсѣдательствовавшимъ въ земскихъ собраніяхъ, предписано было не допускать даже чтенія подобныхъ адресовъ въ собраніяхъ.

Расцѣнивая земское конституціонное движеніе этой эпохи съ точки зрѣнія политической зрѣлости, ясности политическаго міросозерцанія нельзя не признать, что оно далеко не стояло на высотѣ требованій, предъявлявшихся къ земцамъ современнымъ политическимъ моментомъ. Правда, они нѣсколько болѣе ясно, чѣмъ дворянскія собранія 1859—63 гг., представляли себѣ сущность и значеніе правового государства, но обнаружили чрезвычайную недальновидность и неразборчивость въ средствахъ, въ своемъ стремленіи къ политическому представительству. Они готовы были бороться съ тѣми, чья энергичная дѣятельность властно толкала ихъ на путь политическихъ заявленій; они боялись соціальнаго движенія и почти не скрывали этой боязни, готовые каждую минуту отказаться

отъ своихъ невольныхъ союзниковъ въ конституціонной компаніи. Руководители движенія уже понимали, что раз розненныя усилія среднихъ и умѣренныхъ общественныхъ группъ будутъ безсильны измѣнить общее положеніе, и чувствовали необходимость союза съ болѣе крайними (революціонными) группами. Ходъ событій заставилъ ихъ повысить и выразить яснѣе прежде очень неясныя требованія. Но масса земцевъ была, сравнительно, еще довольно реакціонна, и если стремилась къ центральному представительству, то по другимъ причинамъ, чѣмъ крайнія партіи.

Въ 1879 г. существовавшая, наиболѣе вліятельная и крупная группа крайняго направленія, «Земля и Воля» приведена была силою обстоятельствъ къ расколу. Если первоначально представители этой группы и заявляли, что они отнюдь не стремятся къ измѣненію государственнаго строя, къ политическимъ переворотамъ и т. п., если отрицательное отношеніе къ государственности вообще выражалось у нихъ лишь въ теоріи и уничтоженіе государства, какъ таковаго, рисовалось имъ естественнымъ завершеніемъ эволюціи въ отдаленномъ будущемъ, то русская дѣйствительность, которая вовсе не считалась съ мирнымъ характеромъ ихъ программы и практической дѣятельности и направляла всѣ усилія къ тому, чтобы заставить ихъ вовсе прекратить какую-бы то ни было дѣятельность въ смыслѣ ихъ идеаловъ и искоренить вообще мысль о подобныхъ соціальныхъ идеалахъ,—эта суровая дѣйствительность заставила ихъ считаться съ собой и вызвала у нихъ взрывъ негодованія и отчаянія. Прежде всего имъ пришлось оцѣнить, и высоко оцѣнить, ту атмосферу свободы мнѣнія и его выраженія, которая дается лишь правовымъ государствомъ, а также зависимость правъ человѣка и гражданина отъ соотвѣтственнаго государственнаго строя. Это пониманіе необходимости извѣстныхъ гарантій общественнаго характера выразилось уже во время большого процесса (193-хъ), когда обвиняемые требовали надъ собою суда присяжныхъ, «суда обще-

ственной совѣсти» *). По поводу убійства шефа жандармовъ Мезенцова было заявлено со стороны крайней группы, осуществившей это, что она не имѣла въ виду бороться съ монархіей и ставила лишь требованія: 1) свободы слова и печати, 2) суда присяжныхъ для политическихъ процессовъ и 3) амнистіи за прежнія политическія преступленія. Но о народномъ представительствѣ они еще не заикались. Въ 1878 г. нѣкоторые представители этого направленія въ отвѣтъ на поставленный имъ въ упоръ вопросъ, стремятся-ли они къ осуществленію представительства, заявили, что имъ не нужна конституція, и что имъ нужно лишь, чтобы на проповѣдь ихъ ученій смотрѣли сквозь пальцы и дали имъ фактическую свободу распространять ихъ идеи. Затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ пришли къ убѣжденію необходимости обезпечить «права человѣка», и создать «учрежденія, безъ которыхъ никакая дѣятельность невозможна».

Наконецъ, въ 1879 г. (17—21 іюня) произошелъ на съѣздѣ въ Липецкѣ фактическій расколъ передовой интеллигенціи на двѣ фракціи **). Одна изъ нихъ осталась при прежнихъ своихъ воззрѣніяхъ на политическій вопросъ и довольно рѣзко его отрицала. Эта фракція полагала, что изъ исторіи Западной Европы видно, что торжество конституціонныхъ идей вело лишь къ торжеству буржуазіи. Къ тому-же она не видѣла въ Россіи элементовъ необходимыхъ для фактическаго осуществленія представительнаго правленія; дворянство, молодая буржуазія, литераторы, ученые, по мнѣнію фракціи, были тѣсно связаны своими интересами съ государствомъ (которое фракція отрицала), къ тому-же были пассивны, неопытны, безпринципны. Не возставая всецѣло противъ политической дѣятельности, фракція ставила ее въ зависимость отъ распространенія своихъ идей въ народѣ. Фракція находила совершенно неправильнымъ характерный для той

*) См. стенографическій отчетъ по этому дѣлу.

**) Формально онъ послѣдовалъ позже нѣсколькими мѣсяцами.

эпохи образъ дѣйствій по отношенію къ власти, а именно стремленіе оказать на нее морально подавляющее дѣйствіе посредствомъ устраненія отдѣльныхъ личностей, прикосновенныхъ къ власти (т. е. терроръ). Во-первыхъ, результаты моральнаго воздѣйствія, хотя бы они и выразились въ созывѣ представителей и въ установленіи гарантій со стороны власти,—непрочны, во-вторыхъ, едва-ли желательно установленіе представительства, которое только укрѣпитъ положеніе буржуазіи, какъ экономическаго и политическаго класса; фракція же полагала, что необходимо и возможно (!) задержать образованіе въ Россіи этого общественнаго класса. Конституція рисовалась фракціи въ видѣ «общественнаго пирога», на который съ остервенѣніемъ набросятся «всѣ эти люди—ученые, адвокаты, литераторы, но больше всего и по преимуществу капиталисты, крупные и мелкіе эксплуататоры», въ то время какъ масса народа не воспользуется всѣмъ этимъ. Своимъ основнымъ идеаломъ фракція выставляла коренное перераспредѣленіе земельной собственности (выражая это техническимъ деревенскимъ выраженіемъ *«черный передѣлъ»*, откуда она и позаимствовала свое названіе). Другая фракція, очень вліятельная, стояла въ смыслѣ программныхъ заявленій своихъ соціальныхъ идеаловъ на той-же точкѣ зрѣнія, что и первая фракція. И эта фракція относилась отрицательно, въ окончательномъ счетѣ, къ государственности. Но въ данный моментъ вліяніе государства на экономическую жизнь страны ею переоцѣнивалось. Эта фракція находила, что государство есть крупнѣйшая въ странѣ капиталистическая сила, благодаря которой могутъ существовать капиталисты болѣе мелкіе. Она находила, что государство держится однимъ голымъ насиліемъ, и именно отъ него проистекаетъ стѣсненіе жизни отдѣльныхъ личностей, въ чемъ-бы оно не выражалось. Такимъ образомъ, вытекалъ естественный выводъ о необходимости устраненія чувствующагося гнета государства и передачи власти въ руки народа. Фракція полагала, что только *народная воля* мо-

жетъ санкціонировать общественныя формы, которыя прочны лишь тогда, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ жизнь, проходитъ предварительно черезъ сознаніе и волю народа. Народная воля, по мнѣнію фракціи, была-бы достаточно хорошо высказана и проведена учредительнымъ собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей. Учредительному собранію должна была принадлежать власть пересмотрѣть и перестроить, согласно инструкціямъ избирателей, всѣ государственныя и общественныя учрежденія. Въ политическомъ отношеніи фракція выставляла свои программныя пожеланія:

1) постоянное народное представительство, составленное какъ выше сказано и имѣющее полную власть во всѣхъ общегосударственныхъ вопросахъ.

2) Широкое областное самоуправленіе, обезпеченное выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа;

3) Самостоятельность міра, какъ экономической и административной единицы;

6) полная свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, союзовъ (ассоціацій) и избирательной агитаціи;

7) всеобщее избирательное право безъ сословныхъ и имущественныхъ ограниченій;

8) замѣна постоянной арміи территоріальной *).

---

*) Интересно сравнить эту программу съ программой Сѣвернаго Союза русскихъ рабочихъ, возникшаго въ 1878 г. и почти окончательно исчезнувшаго въ 1879 г. Сѣверный Союзъ находилъ существующій политическій и экономическіи строй крайне несправедливымъ и желалъ замѣнить его свободной народной федераціей общинъ, основанныхъ на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права. (Далѣе слѣдовали пожеланія замѣны частной поземельной собственности общиннымъ землевладѣніемъ и правильной ассоціаціонной организаціей труда, предоставляющей въ руки рабочихъ—производителей продукты и орудія производства). „Такъ какъ политическая свобода обезпечиваетъ за каждымъ человѣкомъ самостоя-

Своей обязанностью фракція считала стремиться всѣми силами къ созванію народныхъ представителей въ учредительное собраніе съ суверенными въ законодательствѣ и управленіи страной правами.

Основной задачей своей соціальной программы фракція ставила принадлежность земли народу и обобществленіе средствъ производства.

Партія «Народной Воли», выставляя своимъ идеаломъ осуществленіе воли народа, позаимствовала отсюда и свое названіе (Народная Воля). Крайне интересна эволюція взглядовъ этой фракціи, дѣятельность которой такъ ярко окрашиваетъ собой 1879—1881 годы. Начавши съ заявленій о необходимости всенароднаго перерѣшенія основныхъ вопросовъ дѣйствительности, она быстро приходитъ къ убѣжденію, что «работать въ народѣ значитъ биться, какъ рыба объ ледъ», теряетъ надежду на то, что при перерѣшеніи политическихъ и соціальныхъ вопросовъ большинство народныхъ представителей окажется единомышленнымъ съ нею въ вопросѣ соціальномъ и осуществитъ соціальное переустройство въ желательномъ для фракціи смыслѣ. Одновременно внутри фракціи происходитъ борьба между направленіемъ федералистическимъ (къ которому всецѣло примыкали чернопередѣльцы) и центра-

---

тельность его убѣжденій и дѣйствій, и такъ какъ ею прежде всего обезпечивается рѣшеніе соціальнаго вопроса, то непосредственными требованіями Союза являются: 1) свобода слова, печати, право собраній и сходокъ; 2) уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ; 3) уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ; 4) обязательное и безплатное обученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; 5) уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ, 6) право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія; 7) уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія; 8) отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого согласно доходу и наслѣдству"... Какъ мы видимъ, Сѣверный Союзъ не говоритъ достаточно ясно о народномъ представительствѣ.

листическимъ, причемъ побѣждаетъ второе. Тѣ-же условія, которыя толкнули крайнюю партію на путь политическихъ притязаній и рѣзкаго, активнаго заявленія недовольства дѣятельностью отдѣльныхъ правительственныхъ лицъ, привели фракцію къ мысли сосредоточиться преимущественно на томъ способѣ дѣйствій, который такъ характеренъ для 1879—81 г. (на террорѣ), и этимъ именно путемъ попытаться осуществить свои соціальныя задачи. Фракція поставила себѣ цѣлью попытаться взять въ свои руки власть, произвести авторитарнымъ путемъ свои соціальные идеалы, а затѣмъ уже созвать народныхъ представителей. Эволюція эта опредѣлилась не сразу и долгое время фракція продолжала выставлять программныя пожеланія соціальнаго характера, сходныя съ «Чернымъ Передѣломъ», хотя тактическая дѣятельность уже давно не соотвѣтствовала первоначальнымъ намѣреніямъ.

Въ нашу задачу не входитъ изложеніе событій 1879—81 г., которыя предполагаются до нѣкоторой степени извѣстными. Развитіе дѣятельности второй фракціи (носившей имя партіи «Народной Воли») поставило вскорѣ на очередь вопросъ о народномъ представительствѣ не только въ различныхъ слояхъ общества, но и въ правительственныхъ сферахъ. Во всякомъ случаѣ, было сознано, что дѣятельность государства, направленная не къ всестороннему развитію жизненныхъ силъ страны, а единственно къ охраненію извѣстнаго политическаго принципа, ведетъ къ послѣдствіямъ далеко неудовлетворительнымъ.

XXI.

Статсъ-секретарь П. А. Валуевъ*), назначенный 1 января 1880 года предсѣдателемъ комитета министровъ, въ виду приближенія 25-лѣтняго юбилея царствованія, находилъ, что правительственная мѣра, которая расширила

*) *Татищевъ*, т. II, 622—23.

бы общественное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, благопріятно повліяла бы на русское общество и содѣйствовала бы успокоенію умовъ, возбужденныхъ до крайности безуспѣшностью усилій правительства къ обузданію крамолы. Мысль эту онъ изложилъ Государю, напомнивъ Его Величеству о предположенномъ еще въ 1863 году созваніи общегосударственнаго земскаго собранія. Въ томъ же смыслѣ вліялъ на Августѣйшаго брата и великій князь Константинъ Николаевичъ, ссылаясь на записку о томъ же предметѣ, составленную имъ въ 1865 году*).

Императоръ Александръ II важный вопросъ этотъ отдалъ на обсужденіе Особаго Совѣщанія, къ участію въ которомъ привлекъ цесаревича, великаго князя Константина Николаевича, статсъ-секретарей Валуева и кн. Урусова, министра внутреннихъ дѣлъ Макова и шефа жандармовъ Дрентельна. Въ концѣ января совѣщаніе собиралось 4 раза; первое засѣданіе происходило у Государя, второе и третье—у ген.-адмирала, четвертое и послѣднее, къ которому былъ приглашенъ и министръ императорскаго двора гр. Адлербергъ, снова въ царскомъ кабинетѣ Зимняго дворца..

Предложенія свои отстаивали Валуевъ и великій князь Константинъ Николаевичъ; первый доказывалъ не-

*) Предложенія великаго князя Константина Николаевича состояли, въ общемъ, въ слѣдующемъ: число выборныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній и думъ въ „совѣщательное собраніе гласныхъ" должно было равняться сорока шести (46). «Совѣщательное собраніе» дѣлилось на отдѣленія и созывалось не сразу, а „по мѣрѣ надобности", на такой срокъ и для разсмотрѣнія такихъ дѣлъ, какъ это точно будетъ указано каждый разъ правительствомъ. Государственный совѣтъ долженъ передавать въ „совѣщательное собраніе" для предварительнаго разсмотрѣнія преимущественно тѣ дѣла, которыя „требовали ближайшаго соображенія съ мѣстными потребностями". Къ окончательному разрѣшенію дѣла въ совѣтѣ допускался лишь *одинъ* „гласный", а именно тотъ, который докладывалъ дѣло въ „совѣщательномъ собраніи". Проектъ этотъ былъ гораздо умѣреннѣе проекта Валуева (1863): такъ, напримѣръ, вмѣсто 180—200 „гласныхъ" предлагалось лишь 46, то же можно сказать о допущеніи лишь одного „гласнаго" и т. п.

обходимость для правительства положить конецъ пассивности благонамѣреннаго большинства населенія и создать трибуну, съ которой оно могло бы высказывать свои взгляды и тѣмъ противодѣйствовать проповѣдуемымъ ежедневно и повсюду революціоннымъ началамъ; второй ссылался на древне-русское государственное право, на вѣче, на боярскую думу, земскіе соборы до-петровскаго періода русской исторіи, а также на перенесенныя въ Сводъ законовъ постановленія о вызовѣ депутатовъ «на случай»*) и т. п. Убѣжденно высказался противъ нововведеній, противныхъ духу коренного государственнаго строя Россіи, цесаревичъ Александръ Александровичъ, находя, что созывъ представительнаго собранія ни въ какомъ случаѣ не поведетъ къ желанной цѣли и вмѣсто того, чтобы вызвать успокоеніе, еще болѣе взволнуетъ умы**). Съ мнѣніемъ наслѣдника согласились прочіе члены Совѣщанія. Въ виду приведенныхъ ими вѣскихъ доводовъ, Государь рѣшилъ все дѣло оставить безъ послѣдствій.

Однако, вскорѣ послѣ отрицательнаго рѣшенія вопроса о представительствѣ, чрезвычайныя событія вновь поставили его на очередь. 5 февраля 1880 года въ Зимнемъ дворцѣ произошелъ взрывъ динамита, заложеннаго въ подвальномъ помѣщеніи, подъ помѣщеніемъ караульныхъ солдатъ, надъ которымъ находилась столовая. Случайное опозданіе на полчаса спасло жизнь Государя, но находившіеся въ караульномъ помѣщеніи солдаты были въ значительномъ

---

*) На эту же статью свода законовъ ссылался въ 1862—3 году Платоновъ въ своей запискѣ.

**) Какъ извѣстно, цесаревичъ, а вскорѣ императоръ Александръ III всю свою жизнь держался твердо этого взгляда. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ въ концѣ 70-хъ, началѣ 80-хъ годовъ возлагали большія надежды на цесаревича, будущаго императора, такъ какъ ходили слухи о его симпатіяхъ къ земскому представительству, хотя и въ духѣ славянофиловъ (И. Аксакова). Очевидно, это были неосновательныя надежды на то, что нѣмцы называютъ „Kronprinzenliberalismus". Подобныя надежды часто возникаютъ въ обществѣ политически невоспитанномъ.

количествѣ убиты и изранены. Это событіе, особенно если его сопоставить съ покушеніями взорвать въ разныхъ мѣстахъ желѣзную дорогу на пути слѣдованія императора (осенью 1879 года), ясно показало безсиліе власти подавить дѣятельность крайней партіи, направленную противъ безопасности и жизни монарха. Это событіе произошло, несмотря на чрезвычайныя мѣры охраны, на учрежденіе во многихъ мѣстностяхъ генералъ-губернаторствъ съ самыми широкими полномочіями, данными администраціи, несмотря на то, что администрація примѣняла всѣ мѣры суровой репрессіи въ самомъ неограниченномъ количествѣ. Партія «Народной Воли», осуществившая покушеніе 5 февраля, заявляла въ прокламаціи вскорѣ послѣ этого событія о своей рѣшимости продолжать свою дѣятельность противъ представителей власти до тѣхъ поръ, пока верховная власть не предоставитъ общественное переустройство во власть всенароднаго собранія представителей съ учредительнымъ правомъ, согласно инструкціямъ отъ избирателей. Событіе 5 февраля, толкая правительство на путь усиленія борьбы съ крамолой, заставляло, однако, невольно задуматься надъ общимъ положеніемъ страны.

Послѣ взрыва 5 февраля 1879 года въ Зимнемъ дворцѣ учреждена была Верховная Распорядительная Комиссія, во главѣ которой поставленъ былъ бывшій харьковскій генералъ-губернаторъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ съ неограниченными полномочіями. Лорисъ-Меликовъ, наряду съ энергичной борьбой съ революціонерами, предлагалъ также постепенное возвращеніе къ законному порядку, возобновленіе преобразовательной дѣятельности и допущеніе общества къ предварительной разработкѣ законопроектовъ*) Такъ, въ докладѣ своемъ, въ началѣ апрѣля 1880 года, говоря о недовольствѣ, существующемъ въ обществѣ, благодаря распущенному порядку разныхъ вѣдомствъ, чрезмѣрному отягощенію бюджета, недостаткамъ духовен-

*) *Татищевъ*, т. II., стр. 641.

ства и учебнаго вѣдомства, онъ указывалъ на то, что въ обществѣ выражаются желанія учрежденія народнаго представительства либо въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада, либо на началахъ древне-русскихъ, либо призывомъ представителей земства въ составъ государственнаго совѣта.

Лорисъ-Меликовъ находилъ преобразованія въ вышесказанномъ смыслѣ несвоевременными и вредными.

«Народъ,—говорилъ онъ,—о нихъ (представительныхъ учрежденіяхъ) не думаетъ и не понялъ бы ихъ. Образованные слои, изъ которыхъ, въ томъ или другомъ видѣ, явились бы представители, находятся нынѣ въ положеніи неудовлетворенности. Всѣ жалобы, всѣ сѣтованія, всѣ разнообразныя желанія принесены были бы съ собой представителями и предъявлены правительству вмѣстѣ съ критикой на всѣ его дѣйствія въ такія минуты, когда оно не въ состояніи опровергнуть критику указаніемъ на бережливость въ издержкахъ, на внутреннее благоустройство и относительный порядокъ въ разныхъ частяхъ управленія. Самая мѣра имѣла бы видъ, вынужденный обстоятельствами, и такъ была бы понята и внутри государства, и заграницею. Я совершенно убѣжденъ, что если бы подобная мѣра входила даже, въ той или другой формѣ, въ великодушныя предначертанія Ваши, то нынѣ она была бы несвоевременна и вредна(!)...»

Тѣмъ не менѣе Лорисъ-Меликовъ признавалъ нужнымъ «благорасположенное участіе къ нуждамъ духовенства, къ заявленіямъ дворянства, къ дѣятельности земства и потребностямъ городовъ. Слѣдуетъ дать ходъ такимъ предположеніямъ, кои давно уже намѣчены Высочайшей волей и осуществленіе коихъ останавливается въ канцеляріяхъ и всякаго рода комиссіяхъ. Полезно было бы привлекать и дворянство, и земство, и города къ участію въ такихъ вопросахъ, которые близко касаются ихъ мѣстныхъ нуждъ»*).

*) *Татищевъ*, т. II, стр. 643.

Таковы были истинныя намѣренія и взгляды по вопросу о представительствѣ того государственнаго дѣятеля, чье назначеніе было встрѣчено большими надеждами и ожиданіями въ русскомъ обществѣ.

Причина ожиданій, возлагавшихся на Лорисъ-Меликова, заключалась въ томъ, что въ качествѣ временнаго харьковскаго генералъ-губернатора (апр. 1879, февр. 1880) надъ 6 губерніями, онъ одинъ дѣйствовалъ въ смыслѣ сохраненія обычнаго законнаго порядка, умиротворенія общества и укрѣпленія связи его съ правительствомъ на почвѣ взаимнаго содѣйствія. Вступивъ въ новую должность съ правами диктатора, Лорисъ-Меликовъ заявилъ, что въ *поддержкѣ общества* онъ видитъ «*главную силу*, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни». Время преимущественнаго значенія Лорисъ-Меликова получило названіе «диктатуры сердца», вслѣдствіе того, что общество получило нѣкоторыя облегченія положенія, создавшагося въ 1879 году, благодаря террористическимъ актамъ сверху и снизу.

Общественная мысль не имѣла въ этотъ періодъ достаточнаго единства. Въ то время, какъ крайняя партія продолжала указывать на необходимость исполнить ея коренное требованіе—созывъ народныхъ представителей на основаніи всеобщей подачи голосовъ, либеральная часть общества проявила большую незрѣлость своей политической мысли и неорганизованность. Это ярче всего выразилось въ неумѣніи либеральной оппозиціи столковаться между собою и съ передовой интеллигенціей. Можно, конечно, быть послѣдовательнымъ противникомъ народнаго представительства, и это понятно, но ухитряться одновременно заявлять себя сторонниками представительства, и вмѣстѣ выражать готовность искоренить передовую интеллигенцію, дѣятельность которой главнымъ образомъ питала и поддерживала либерально-оппозиціонное движеніе, это было по плечу лишь русскимъ либераламъ, которые, понимая необходимость представительства и чувствуя

свою собственную слабость для достиженія представительства, возлагали надежды на уступки бюрократіи. Въ данномъ случаѣ надежды возложены были на Лорисъ-Меликова, который ихъ не оправдалъ.

Конституціонныхъ проектовъ, около которыхъ группировались и за которые агитировали либералы въ эту эпоху, было нѣсколько. Во-первыхъ, это былъ проектъ созыва земскаго собора, желаніе реставрировать это безформенное, архаическое и отчасти случайное учрежденіе XVI-XVII вѣковъ.

Соборъ долженъ былъ выразить «мнѣніе» страны по формулѣ, высказанной И. Аксаковымъ: «Самоуправляющаяся мѣстно земля съ самодержавнымъ царемъ во главѣ—вотъ русскій политическій идеалъ» и по формулѣ Конст. Аксакова (1855 г.)—«правительству—неограниченная власть государственная, народу—сила мнѣнія» (проявляющагося въ свободѣ слова устнаго и печатнаго, а въ исключительныхъ случаяхъ,—каковымъ былъ тогдашній моментъ,—въ «мнѣніи» земскаго собора всей земли русской). Проектъ земскаго собора,—вѣнчающаго зданіе земства, этого «коренного національнаго строя»,—поддерживался славянофилами, съ А. И. Кошелевымъ во главѣ *). Второй про-

*) Еще въ 1874-5 г. А. И. Кошелевъ въ брошюрѣ „Наше положеніе", высказавши все, что думалъ о ненормальномъ положеніи Россіи, приходилъ къ выводу, что теперь „безусловно необходимо узнать отъ самой страны, что ей нужно, чего она желаетъ и какъ лучше удовлетворить и тому и другому. Какъ сама страна, особенно такая обширная какъ Россія, не можетъ лично и прямо высказываться, то она должна это исполнять черезъ своихъ представителей. А потому: *учрежденія государственнаго земскаго собранія* или *государственной земской думы стало необходимостью неотложною—неустранимою*". Стр. 143-151, и особенно 150 н. соч.

Въ томъ-же 1875 г. была имъ издана кн. „Общая земская дума Россіи" (Берлинъ), въ которой Кошелевъ доказывалъ, что „безусловно осуждать самодержавіе нельзя", что „конституціонализмъ въ Россіи безусловно невозможенъ", такъ какъ для него здѣсь нѣтъ никакихъ элементовъ: „нѣтъ ни разнородныхъ силъ, ни слѣдовательно возможности какой-либо борьбы и какого-либо уравновѣшенія" (16 с.)

ектъ этой эпохи исходилъ изъ небольшого кружка высшаго чиновничества и рекомендовалъ пополненіе государственнаго совѣта представителями отъ земствъ и городовъ. Интересно, что именно этотъ проектъ былъ проведенъ немного позже Лорисъ-Меликовымъ въ законодательномъ порядкѣ, но въ 1880 г. проектъ не имѣлъ еще большого значенія. Впрочемъ, неизвѣстно даже, должны-ли были земскіе и городскіе представители, по этому чиновничьему

По его мнѣнію, если въ Россіи „тамъ, на верху, грѣшили, то это, по большей части, происходило только *по невѣдѣнію*. Этому то *невѣдѣнію* и необходимо было помочь", (с. 40.). „Самодержавіе, чтобы быть сильнымъ, плодотворнымъ, должно имѣть, сколь возможно вѣрныя и живыя свѣдѣнія о всѣхъ частяхъ государства"... „Указанная цѣль можетъ быть достигнута только чрезъ представителей каждой мѣстности, входящей въ составъ государства,.. которые должны быть избираемы своими мѣстностями для выраженія общественнаго мнѣнія своихъ мѣстностей". „Представители должны собираться постоянно, подъ контролемъ гласности по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ и по нѣкоторымъ особенно важнымъ общимъ административнымъ дѣламъ"... (с. 22-24.). По проекту Кошелева должны были существовать выборная „Общая Земская Дума", какъ представительница всего земства, и назначаемый Государственный Совѣтъ, какъ голосъ общегосударственныхъ интересовъ, соображеній и заключеній. Оба учрежденія—равноправны и имѣютъ лишь *совѣщательный*, а не рѣшающій голосъ. (с. 42-43). Дума должна была разсматривать, обсуждать и составлять заключенія: 1) по всѣмъ дѣламъ законодательнымъ; 2) по принятію общихъ мѣръ къ успѣшнѣйшему исполненію законовъ; 3) по ежегоднымъ смѣтамъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, по способамъ уравненія существующихъ и установленія новыхъ налоговъ и по чрезвычайнымъ финансовымъ мѣрамъ; 4) по ежегоднымъ отчетамъ государственнаго контроля; 5) по разнымъ дѣламъ, вносимымъ по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ; 6) по ходатайствамъ земскихъ собраній, наконецъ, 7) по предложеніямъ, дѣлаемымъ гласными земской думы. Взаимоотношеніе государственнаго совѣта и общей земской думы послужило несомнѣнно образцомъ для „Государственной Думы" 1905 года.

Гласные въ Думу должны были избираться губернскими земскими собраніями (равно и кандидаты), а отъ неземскихъ губерній назначаться правительствомъ. Не излагая проекта во всѣхъ подробностяхъ, отмѣтимъ, что онъ не былъ конституціоннымъ, такъ какъ самодержавіе оставалось неприкосновеннымъ.

проекту 1880 г., имѣть рѣшающій голосъ въ государственномъ совѣтѣ. Оба эти проекта, стремившіеся въ сущности къ поддержанію стараго государственнаго порядка въ неизмѣнномъ видѣ, не могутъ быть названы конституціонными въ истинномъ смыслѣ слова.

Третій проектъ принадлежалъ т. н. «Земскому Союзу» и выставлялъ требованіе двухпалатной системы и федеративнаго переустройства государства.

Извѣстная уже намъ «Лига оппозиціонныхъ элементовъ» распространила свои сношенія и на сѣверныя губерніи, гдѣ въ 1880-81 г.г. даже получила большее, чѣмъ на югѣ, распространеніе и организацію, когда изъ нея образовалось «Общество Земскаго Союза и Самоуправленія», или просто *Земскій Союзъ*. Только съ августа 1881 года Союзъ сталъ издавать свой органъ «Вольное Слово», причемъ первое время въ немъ принимали участіе и другіе болѣе крайніе элементы оппозиціи. Впрочемъ, принциппіальная защита терроризма не находила себѣ мѣста въ «Вольномъ Словѣ». Мало-по-малу, однако, крайніе элементы принуждены были покинуть этотъ органъ, такъ какъ ихъ централистическія стремленія противорѣчили земскому представленію о самоуправленіи и федеративномъ единеніи областей и такъ какъ либералы не желали имѣть что-либо общее съ террористами.

Съ 15-го мая 1882 г. (№ 37) «Вольное Слово» стало оффиціальнымъ органомъ Земскаго Союза. Въ этомъ № была напечатана программа дѣйствій Союза. Въ томъ-же 1882 г. была окончательно выработана и обнародована политическая программа Союза, которая вызвала раздѣленіе мнѣній *) среди членовъ распорядительнаго органа Союза и подлежала утвержденію со стороны членовъ всего Союза. Политическая программа эта, хотя и была при-

*) Раздѣленіе мнѣній состояло въ томъ, что часть земцевъ осталась вѣрна началу единаго народнаго представительства, которое было рѣшено выставить въ 1880 г., какъ лозунгъ, объединявшій земцевъ съ радикалами и революціонерами.

нята въ 1882 г. въ окончательной формѣ, однако, выставлялась Союзомъ уже съ 1880 г., почему мы и приводимъ ее непосредственно здѣсь. Она имѣетъ большое значеніе для выясненія происхожденія современныхъ земскихъ политическихъ программъ.

Программа союза была слѣдующая: «Земскій Союзъ имѣетъ цѣлью достиженіе *политической свободы* народовъ Россіи».

«Подъ политической свободой Союзъ разумѣетъ *самоуправленіе*,

1) обусловленное признаніемъ и обезпеченіемъ за каждымъ членомъ государственнаго общежитія всей полноты правъ человѣческой и гражданской личности и

2) основанное на уравненіи тягостей общественной службы, на внутренней самостоятельности и взаимодѣятельности самоуправляющихся группъ.

Признаніе личныхъ правъ и ихъ обезпеченіе предполагаетъ:

а) отмѣну позорящихъ человѣческое достоинство наказаній;

б) уничтоженіе навсегда всякихъ мѣръ насильственнаго (не по суду) удаленія изъ общества его членовъ;

в) свободу передвиженія, избранія мѣста жительства и занятій;

г) неприкосновенность домашняго очага;

д) свобода слова, сходокъ и товариществъ;

е) свободу совѣсти и публичнаго совершенія богослуженія и религіозныхъ обрядовъ, не противныхъ общественной нравственности, безъ различія вѣроисповѣданій; обращеніе церквей изъ государственнаго учрежденія, поддерживаемаго государственной властью и содержимаго принудительными поборами, въ частныя учрежденія обществъ вѣрующихъ;

ж) полный и повсемѣстный просторъ частной предпріимчивости на пользу общую;

з) право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіемъ агентовъ власти;

и) право частнаго обвиненія должностныхъ лицъ и учрежденій;

і) охрану вышеисчисленныхъ правъ властью мѣстнаго выборнаго судьи, которому предоставляется на личное усмотрѣніе требовать, въ случаѣ надобности, содѣйствія вооруженной силы, обязанной немедленно оказывать требуемое содѣйствіе.

«Для постановки самоуправленія на незыблемомъ основаніи и согласно требованіямъ соціальной справедливости, признается необходимымъ:

I. Соединить въ совмѣстной дѣятельности на пользу общую разрозненныя сословія, посредствомъ учрежденія всесословной волости.

II. Сгруппировать общественныя силы въ постоянные союзы волостей (уѣзды), въ видахъ практическаго разрѣшенія задачъ общежитія, матеріально и нравственно неосуществимыхъ усиліями населенія одной волости.

III. Доставить возможность общественнымъ силамъ группироваться по бытовому и національному ихъ сродству и проистекающему изъ него единству интересовъ, народныхъ міровоззрѣній и стремленій къ совокупной политической жизни, посредствомъ образованія *областей*, какъ самостоятельныхъ органовъ государственнаго общежитія.

IV. Уничтожить всякій произволъ и насильственность въ движеніи и развитіи государственной жизни, посредствомъ передачи законодательной власти и контроля надъ дѣйствіями правительства въ руки народныхъ представителей»...

«Въ виду двойственнаго значенія Россійскаго государства, какъ вполнѣ самостоятельнаго политическаго организма и въ то же время, какъ союза народовъ и племенъ, историческими событіями въ прошедшемъ и общностью жизненныхъ интересовъ въ настоящемъ приведенныхъ къ общежитію и въ немъ удерживаемыхъ, но никакимъ человѣческимъ закономъ не обязанныхъ приносить въ жертву этому общежитію свою нравственную, національную

личность и матеріальное благосостояніе родной земли, необходимымъ представляется, помимо другихъ соображеній о пользѣ и справедливости, вручить верховную законодательную власть не одному, а двумъ общегосударственнымъ собраніямъ *всенародныхъ* и *областныхъ* представителей: *Государственной Думѣ* и *Союзной Думѣ*.

А. Государственная Дума составляется изъ представителей всего населенія Россіи, избираемыхъ всеобщею подачею голосовъ по округамъ, которыхъ должно быть въ каждомъ уѣздѣ не менѣе одного. Она имѣетъ назначеніе: своею законодательною дѣятельностью объединять стремленія населеній различныхъ мѣстностей къ усовершенствованію государственнаго общежитія на благо общее, примѣненіемъ къ внутреннему государственному строительству и внѣшнимъ сношеніямъ государства началъ братской взаимопомощи, соціальной справедливости и свободы.

Б. Союзная Дума составляется изъ представителей областныхъ собраній *), которые избираются гласными этихъ собраній изъ своей среды по соображенію съ численностью населенія въ каждой области и въ одинаковомъ для всѣхъ областей пропорціональномъ отношеніи. Союзная Дума, кромѣ общей съ Государственною Думой законодательной дѣятельности, имѣетъ задачею полагать преграды такимъ стремленіямъ стоящихъ у власти группъ, которыя, подъ прикрытіемъ громкаго имени всенароднаго блага, угнетаютъ жизнь отдѣльныхъ областей и націй, входящихъ органическими членами въ составъ общегосу-

*) Область управляется областнымъ собраніемъ (сеймомъ, радою), которое періодически собирается безъ созыва въ опредѣленные сроки, состоитъ изъ гласныхъ, избранныхъ непосредственно всѣмъ правоспособнымъ населеніемъ округа (т. е. взрослымъ, не лишеннымъ здраваго разума и не ограниченнымъ въ правахъ гражданства приговоромъ суда).

Программа «Земскаго Союза» проектировала самое широкое самоуправленіе волостное, уѣздное, и областное. Занимаясь вопросами исключительно общегосударственаго переустройства, мы не касаемся здѣсь мѣстнаго самоуправленія.

дарственнаго тѣла, ведутъ къ внутреннимъ раздорамъ и ослабляютъ общественную самодѣятельность, порождая правительственный деспотизмъ, въ прямой ущербъ жизненнымъ интересамъ государственнаго общежитія. Обѣ Думы, Союзная же въ особенности, имѣютъ назначеніе наблюдать за дѣйствіями правительства, вводить ихъ въ границы законности и удерживать въ этихъ границахъ»...

В. Далѣе выставлялось требованіе одновременнаго засѣданія обѣихъ Палатъ, которыя собираются безъ созыва въ опредѣленные сроки и сами вѣдаютъ внутренній распорядокъ; равнаго съ правительствомъ права почина для членовъ обѣихъ Палатъ; право запросовъ и выраженія довѣрія и недовѣрія правительству или отдѣльнымъ его членамъ; требованіе, чтобы законы, договоры, бюджетъ и смѣты чрезвычайныхъ расходовъ были разсматриваемы и утверждаемы обѣими Палатами, безъ чего вышеупомянутые акты не имѣютъ обязательной силы *).

Г. Обязанности члена Союзной Думы и министра не совмѣстимы, тогда какъ (Д) члены Государственной Думы могутъ принимать мѣста въ совѣтѣ министровъ, не слагая депутатскихъ полномочій. Принявшій отъ правительства назначеніе на какую-либо должность (кромѣ министерской для члена Госуд. Думы), титулъ, орденъ или цѣнный подарокъ—членъ Союзной или Государственной Думы признается отказавшимся отъ полномочій (Е).

Ж. Государственныя имущества находятся подъ высшимъ надзоромъ Союзной Думы, назначающей соотвѣтственнаго министра; планъ хозяйства государственныхъ

*) Финансовый законъ не можетъ быть внесенъ въ Палаты безъ предварительнаго заключенія областныхъ собраній. Эти собранія имѣютъ право требовать дополнительныхъ кредитовъ, и если на нихъ не будетъ дано согласія Государственной Думы, Союзная-же Дума будетъ согласна, то разногласіе это рѣшается въ общемъ собраніи департаментовъ Кассаціоннаго Суда. Государство имѣетъ право лишь на *косвенные* налоги, *прямые* же подлежатъ расходованію только на нужды волостей, уѣздовъ и областей.

имуществъ и бюджетъ этого управленія есть предметъ *закона*, устанавливаемаго совмѣстно съ Государственной Думой.

І. Распустить Государственную Думу Глава Государства можетъ не иначе, какъ съ открытаго на то согласія Союзной Думы и непремѣнно подъ условіемъ назначенія новыхъ выборовъ въ точно опредѣленный закономъ промежутокъ времени.

И. Распущеніе Государственной Думы влечетъ за собою возобновленіе полномочій членовъ Союзной Думы, для чего областныя собранія созываются нарочито и одновременно съ манифестомъ о распущеніи; неисполненіе же этого условія дѣлаетъ недѣйствительнымъ манифестъ Главы Государства о распущеніи Государственной Думы.

К. «На время отдыха отъ занятій обѣ думы оставляютъ изъ своей среды для наблюденія за дѣйствіями правительства и сношенія съ нимъ и областями, наблюдательныя комиссіи»...

Н. «Пересмотръ основныхъ (конституціонныхъ) государственныхъ законовъ можетъ послѣдовать только по взаимному соглашенію Думъ, выраженному соотвѣтственными постановленіями большинства *двухъ третей* голосовъ каждой. Тогда Глава Государства созываетъ *Соборъ*, составляемый изъ членовъ обѣихъ Думъ въ полномъ составѣ, усиленномъ особо для сего избранными представителями областныхъ собраній въ такомъ числѣ, чтобы номинальный составъ Союзной Думы равнялся численностью такому же составу Государственной Думы.

Соборъ постановляетъ».

Пунктъ О.—говоритъ о неприкосновенности депутатовъ, которые могутъ быть судимы лишь съ дозволенія соотвѣтственной палаты.

П. и Р. Государственная измѣна членовъ Палатъ и министровъ (для послѣднихъ превышеніе власти и злоупотребленіе ею) подлежитъ суду (по постановленію обѣихъ Думъ) Верховнаго Суда, составленнаго изъ Союзной Думы и сенаторовъ уголовнаго департамента.

Т. Вопросъ о согласіи съ основными государственными законами (вопросъ о конституціонности) всякаго принятаго Думами закона рѣшается кассаціоннымъ судомъ въ общемъ собраніи его департаментовъ.

У. Обнародованіе законовъ и лишающихъ оные силы дѣйствія рѣшеній кассаціоннаго суда принадлежитъ Главѣ Государства и для него обязательно подъ отвѣтственностью министровъ.

Такова была программа земскаго союза, изложенная нами въ подробностяхъ въ виду важности ея для оцѣнки съ исторической точки зрѣнія современныхъ земскихъ проектовъ и заявленій. Будучи поставлена на обсужденіе позже, она вызвала разногласія; но уже въ 1880 г. на съѣздѣ «Земскаго Союза», въ видѣ отклоненія отъ основъ предполагавшейся двухпалатной системы и для того, чтобы объединить свои стремленія съ требованіями передовой интеллигенціи, «рѣшена была необходимость добиться центральнаго народнаго представительства при непремѣнномъ условіи *одной* палаты и *всеобщаго* голосованія» *).

Наконецъ, существовалъ также проектъ, предлагавшій созывъ учредительнаго собранія и имѣвшій въ виду объединить либеральную оппозицію съ крайними лѣвыми группами, выставлявшими, какъ мы знаемъ, это требованіе на первый планъ.

Нельзя не замѣтить, что требованіе учредительнаго собранія выставлено было той группой земскихъ дѣятелей, которые въ 1878—9 г., разсуждая о «ближайшихъ задачахъ земства», выставляли 3 основныхъ требованія: «сво-

---

*) Это былъ съѣздъ представителей „Либеральной лиги" и земскаго „Либеральнаго комитета". Въ литературѣ не выясненъ съ надлежащей точностью этотъ моментъ въ исторіи развитія земскаго движенія. Несомнѣнно, что вышеприведенная резолюція должна была объединить правое и лѣвое крыло земцевъ. Однако, событія показали, что союзъ правыхъ и лѣвыхъ земцевъ былъ непроченъ и уже въ 1883 г. произошелъ расколъ въ Земскомъ Союзѣ по вопросу о системѣ представительства.

боду слова и печати, гарантіи личности и созывъ учредительтаго собранія» *).

Еще въ самомъ началѣ дѣятельности Лорисъ Меликова, а именно 25 марта 1880 г., ему была подана петиція для представленія государю. Петиція эта была подписана «двадцатью пятью именитыми московскими гражданами, въ томъ числѣ нѣсколькими профессорами, адвокатами, пользовавшимися извѣстностью писателями и другими представителями образованнаго класса». Петиція эта указывала, между прочимъ, на то обстоятельство, что одинъ изъ существеннѣйшихъ поводовъ къ развитію дѣятельности крайнихъ партій заключается въ «вынужденномъ молчаніи земствъ».

«Въ тотъ моментъ,—говорилось въ петиціи,—когда общество стало искать государственной дѣятельности, администрація начала воздвигать ему препятствія на этомъ пути. Если правящій механизмъ въ его существующей формѣ исключаетъ прямое участіе въ правленіи тѣхъ, для кого такое участіе составляетъ первое право и твердое желаніе, то, значитъ, этотъ механизмъ нуждается въ преобразованіи. Правительство же вмѣсто этого только усиливается разрушить учрежденія, которыя способны были бы облегчить это преобразованіе. Русское общество все болѣе и болѣе укрѣпляется въ убѣжденіи, что такое обширное государство, какъ наше, съ его сложной соціальной жизнью, не можетъ быть управляемо исключительно чиновниками. Земскія собранія съ каждымъ годомъ даютъ все большее и большее число людей, способныхъ къ политической дѣятельности, а между тѣмъ эти собранія систематически притѣсняются...»

Петиція излагала далѣе эти притѣсненія земства администраціей и продолжала:

«Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого является опасе-

*) Таково было заключеніе брошюры „Ближайшія задачи земства", вышедшей въ Австріи въ 1879 (и немедленно конфискованной), изданной на средства „Лиги".

ніе, что земскія собранія, долженствовавшія быть независимыми органами мѣстнаго самоуправленія, скоро выродятся во второстепенныя присутствія мѣстной администраціи. Эта система послѣдовательныхъ притѣсненій все-таки не можетъ подавить стремленія общества къ независимой политической дѣятельности, но только внѣдряетъ хроническое недовольство и дѣлаетъ изъ администраціи скорѣе служительницу интересамъ бюрократіи, чѣмъ интересамъ народа».

Въ заключеніе въ петиціи заявлялось, что «единственное средство вывести страну изъ ея настоящаго положенія заключается въ созваніи независимаго собранія изъ представителей земствъ и въ предложеніи этому собранію участія въ управленіи націей и въ выработкѣ необходимыхъ гарантій для правъ личности, свободы мысли и слова».

Такимъ образомъ, и эта общественная группа высказывала, въ сущности, пожеланіе созыва учредительнаго собранія, хотя и не изъ народныхъ, но лишь изъ земскихъ представителей.

XXII.

Мы уже говорили выше, что къ началу 80-хъ годовъ земскіе дѣятели силою вещей были приведены къ сознанію необходимости создать общегосударственное представительство. Это выразилось въ цѣломъ рядѣ заявленій въ земскихъ собраніяхъ.

Такъ, комиссія новгородскаго земскаго собранія въ 1880 г. заявляла: «удовлетворительное разрѣшеніе продовольственнаго вопроса, являющагося результатомъ многихъ неблагопріятныхъ условій для экономическаго быта, можетъ послѣдовать только на почвѣ общегосударственныхъ мѣропріятій, относительно которыхъ земство не имѣетъ возможности высказаться при настоящихъ условіяхъ дѣя-

тельности земскихъ учрежденій» *). Комиссія самарскаго земства заявляла по поводу причинъ экономическаго упадка быта крестьянскаго населенія: «Какая практическая польза отъ изслѣдованій нашими общественными учрежденіями народныхъ нуждъ, когда, въ силу полной *разобщенности* этихъ учрежденій, ихъ изслѣдованія не могутъ получать надлежащаго государственнаго обобщенія, а слѣдовательно и настоящей силы въ глазахъ правительства» **)... Новгородскій губернскій гласный Н. Н. Нечаевъ заявлялъ въ 1880 г.: «болѣе всего *общій строй* нашей жизни отражается на неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи всей страны, а неудовлетворительность экономическаго положенія имѣетъ послѣдствіемъ неудовлетворительность и общественной дѣятельности. Съ другой стороны эта послѣдняя лишена у насъ самыхъ существенныхъ условій, необходимыхъ для ея развитія. Свободная дѣятельность невозможна безъ обезпеченія *правъ личности*, ея *неприкосновенности*, безъ права *свободнаго обсужденія;* но этими-то правами не пользуются русскіе люди и отсутствіе этихъ правъ отражается и на общественной дѣятельности». Новгородскій гласный Н. Ѳ. Румянцевъ указывалъ, что земство не можетъ высказаться объ общихъ мѣрахъ къ развитію народнаго благосостоянія, потому что земскіе дѣятели «затрудняются» сдѣлать это. Поэтому онъ формулировалъ «наше первое и единственное желаніе — это ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобъ оно признало неприкосновенность личности,—признало, что каждый изъ насъ отвѣтственъ лишь предъ закономъ и лишь по суду. Я думаю, объ этомъ собранію ходатайствовать необходимо прежде всего, а безъ этого мы будемъ безсильны и нѣмы

---

*) Сборн. постановленій зем. собр. Новгор. губ. за 1880 г., стр. 38. Цит. по *Скалонъ*, „Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи", 1883, стр. 10—11.

**) Постановл. XVI очеред. самар. губ. земск. собр. 1880 г. стр. 486.

во всякомъ серьезномъ вопросѣ» *).

Этотъ вопросъ возникалъ и въ другихъ общественныхъ собраніяхъ. Въ очередной сессіи петербургскаго губернскаго дворянскаго собранія объ этомъ-же говорилъ г. Шакѣевъ, который заявилъ, что «администрація, очищая Россію отъ соціалистовъ, прибѣгала къ такимъ мѣрамъ, къ которымъ можетъ быть примѣнено лишь одно названіе—произволъ.... Произволъ росъ и достигъ въ недавнее время своего зенита. Нечего и доказывать, что принимавшіяся администраціей произвольныя мѣры были безусловно вредны». Дворянское собраніе, признавая незаконность административной ссылки, при громкихъ апплодисментахъ, постановило: воспользоваться правомъ, дарованнымъ дворянству 143 ст. IX т. Св. Зак., и принести всеподданнѣйшее прошеніе Его Императорскому Величеству о ненарушеніи закона, обезпечивающаго личность русскаго гражданина»**). Въ январѣ 1881 г. черниговскій губернскій земскій гласный А. П. Карпинскій предложилъ ходатайствовать «объ ограниченіи дѣйствія административной высылки въ примѣненіи ея къ общественному представительству». Онъ мотивировалъ это тѣмъ, что, «поражая соціалистовъ, какъ враговъ существующаго порядка, мѣра эта... касалась *и представителей* русскаго *общества*,... она, какъ грозный призракъ, препятствовала свободно обсуждать вопросы внутренней жизни;... предложенія проектовъ, направленныхъ къ улучшенію экономическаго быта народа смѣшивались администраціей съ соціалистическими требованіями!» ***) По предложенію гласнаго С. О. Лавро-

*) Стеногр. отчетъ XVI новгород. губ. зем. собр., 202.

**) „Недѣля" 1881 г. № 9.

***) Обсужденіе доклада не было допущено предсѣдателемъ. Журналы черниг. губ. зем. собр. очеред. сессіи 1880 г., б. въ янв. 1881. стр., 161 и 618; „Земскій Сборникъ Черниг. губ." 1881 №№ 1—4.

Поводомъ къ заявленію Карпинскаго было то, что черниг. губ. гласный И. И. Петрункевичъ, иниціаторъ адреса 1879 г., въ апр. 1879 былъ сосланъ, и хотя въ 1880 г. избранъ гласнымъ, но адми-

ва,—самарское земское собраніе (одновременно и елизаветградское уѣздчое собраніе) ходатайствовало объ отмѣнѣ правилъ 1879 г., по которымъ лица, избираемыя въ мировые судьи, представлялись на утвержденіе губернатора *).

Словомъ, земства пришли къ сознанію необходимости общаго представительства, обезпеченія правъ личности и отмѣны чрезвычайныхъ полномочій администраціи **).

Гр. Лорисъ-Меликову предстояло опредѣлить точно и ясно программу правительства. Нужно было, или стать на путь конституціонный, или подавить всѣ конституціонныя заявленія, хотя-бы для этого пришлось закрыть земства и замѣнить ихъ бюрократическими органами. И то, и другое было бы логично, каждое въ своемъ родѣ.

Но первый путь, какъ мы видѣли выше изъ доклада Лорисъ-Меликова императору, не прельщалъ его, второй же былъ явно безуменъ. Былъ избранъ третій, средній путь, не удовлетворившій ни реакціонеровъ, ни крайнюю лѣвую, ни конституціоналистовъ, путь, который привелъ къ катастрофѣ 1-го марта. Это была попытка, продолжая репрессіи противъ «крайнихъ», умиротворить «умѣренныхъ» нѣкоторыми незначительными уступками; въ заявленіяхъ гр. Лорисъ-Меликова это намѣреніе его нашло себѣ характерное выраженіе. Въ бесѣдѣ своей съ редакторами періодическихъ петербургскихъ изданій (6 сент. 1880 г.) онъ заявилъ, что его цѣль—«дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполнѣ воспользоваться тѣми правами, которыя

нистраціей не возвращенъ. Въ янв. 1881 г. 37 гласныхъ заявляли, что „коллизія законныхъ правъ двухъ государственныхъ учрежденій—земства и администраціи—въ основѣ колеблетъ въ мѣстныхъ жителяхъ ту вѣру въ законъ, которая такъ необходима для правильнаго теченія государственной жизни". Ходатайство земскаго собранія о возвращеніи Петрункевича не было удовлетворено. Ibid, стр. 516.

*) Постановл. XVI очеред. губ. самарск. земск. собр., 276. и *Скалонъ*, 21—23.

**) Г. Скалонъ насчитываетъ земскихъ заявленій 14; несомнѣнно, нѣкоторыя заявленія остались неизвѣстны.

дарованы имъ закономъ, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда на опытѣ въ томъ или другомъ отдѣлѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности окажется недостатокъ полномочій, необходимыхъ для правильнаго веденія дѣлъ и экономическаго улучшенія мѣстности... Привести къ единообразію полицію и поставить ее въ гармонію съ новыми учрежденіями, чтобы въ ней не было болѣе возможности проявляться разнымъ уклоненіямъ отъ закона, существовавшихъ доселѣ, дать провинціальнымъ учрежденіямъ большую самостоятельность въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ имъ дѣлъ, дознать желанія, нужды, состояніе населенія, обративъ при этомъ вниманіе и на его экономическое положеніе». Въ программѣ этой все было сказано въ такой формѣ, что каждый могъ понимать ее по своему; однако, по адресу конституціонныхъ заявленій и притязаній было сказано тогда-же, что Лорисъ-Меликовъ настойчиво рекомендуетъ представителямъ печати «не смущать и не волновать *напрасно* общественные умы своими мечтательными иллюзіями» *)

Однако, облегченіе земской дѣятельности и удовлетвореніе земскихъ пожеланій даже въ самой скромной формѣ должно было силою обстоятельствъ привести правительство съ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ къ необходимости такъ или иначе создать общенародное представительство; и поэтому общество въ широкомъ смыслѣ слова, умѣренные либеральные круги—встрѣтили заявленія Лорисъ-Меликова съ довѣріемъ и надеждами. Снова начались заявленія общественныхъ группъ, подобно періоду 1861—2 года, и особенно со стороны земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ этихъ заявленій правительство облегчило нѣсколько положеніе печати, учредило комиссію для пересмотра законовъ о ней, съ участіемъ ея представителей (хотя уча-

*) Органъ крайней лѣвой заявилъ, что въ рѣчи гр. Лорисъ-Меликова „мелькаетъ лисій хвостъ и стучитъ волчья пасть“. Это замѣчаніе недурно характеризуетъ уклончивую политику Лориса.

стіе это ограничилось присутствіемъ нѣсколькихъ редакторовъ въ двухчасовомъ засѣданіи), упразднило III отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи (передавши, впрочемъ, дѣла и полномочія III отдѣленія департаменту полиціи и министру внутреннихъ дѣлъ), уволило ненавистнаго всей Россіи министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода гр. Д. Толстого и, наконецъ, стало удѣлять больше вниманія земскимъ ходатайствамъ. Такія мѣропріятія, хотя въ сущности и не особенно много дававшія, но все же порывавшія до нѣкоторой степени съ традиціями внутренней политики послѣднихъ 14 лѣтъ (съ 1866 г.), вызвали сочувственныя заявленія и привѣтствія со стороны земствъ. Историкъ этого момента въ исторіи земства (г. Скалонъ) говоритъ *), что «выражая свое сочувствіе новому направленію правительственной политики, земскіе представители обнаружили большую умѣренность: полагаясь на мудрость и благонамѣренность власти, они не заявляли никакихъ требованій, воздерживались отъ всякихъ указаній на желательныя реформы. Глубокая вѣра въ прочность вновь устанавливавшагося порядка заставляла ихъ терпѣливо ожидать мѣропріятій со стороны самого правительства **)».

Вотъ именно это отношеніе земства къ коренному политическому вопросу, именно эта сравнительная бездѣятельность и излишняя довѣрчивость къ милостивому и благожелательному отношенію того или иного бюрократа, словомъ, именно эта политическая недальновидность зем-

*) Мнѣнія зем. собр., стр. 27.

**) Очень остроумно выразилъ вожделѣнія тогдашнихъ „умѣренныхъ“ поэтъ Минаевъ въ экспромтѣ, сказанномъ гр. Лорисъ-Меликову:

„Держась субординаціи
„Въ виду порядка строгаго,
„Сыны россійской націи
„Желаютъ, графъ, немногаго:
„На первый разъ хоть куцую
„Намъ дайте конституцію“...

цевъ и была причиной того, что ихъ надежды оказались тщетными, и возможная уже тогда политическая реформа не получила осуществленія.

Тверское губернское земское собраніе въ телеграммѣ своей Лорисъ-Меликову высказывало убѣжденіе, «что прискорбное прошлое не воротится, что для дорогого намъ всѣмъ отечества открывается счастливое будущее. Русскій гражданинъ, личность котораго будетъ свято охраняться закономъ, сумѣетъ постоять за достоинство Престола и за великіе интересы государства. Только такіе граждане составляютъ надежный и несокрушимый оплотъ»... Въ телеграммѣ было подчеркнуто, что въ короткое время гр. Лорисъ-Меликовъ «сумѣлъ оправдать и довѣріе государя, и многія изъ надеждъ общества, внесъ прямоту и доброжелательность въ отношенія между властью и народомъ, мудро призналъ законныя нужды и желанія общества, не дѣлая народъ отвѣтственнымъ за *безумства* отдѣльныхъ людей».

Далѣе высказывалась благодарность за то, что уже сдѣлано графомъ, и «за ту великую мысль, которая оживляетъ Русскую землю, разгоняя всѣ недоразумѣнія между властью и народомъ *)».

Тогда же послана была телеграмма новому министру народнаго просвѣщенія А. А. Сабурову **) съ выраженіемъ увѣренности «въ установленіи отнынѣ искреннихъ и доброжелательныхъ отношеній между (названнымъ) министерствомъ и земствомъ» и о довѣріи тверского земства къ будущему народной школы ***).

*) Проток. засѣд. тверск. губ. зем. собр. очеред. сессіи дек. 1880 г. (19 дек. 1880), стр. 248.

**) Изъ личныхъ объясненій съ Сабуровымъ земцы вынесли убѣжденіе, что «ходатайства земствъ по школьному дѣлу, до тѣхъ поръ оставлявшіяся безъ послѣдствій, будутъ внимательно выслушаны и приняты во вниманіе». «Земство», 1881 г., № 40, стр. 1.

***) Протоколъ засѣданій тверскаго губернского земскаго собранія очередной сессіи 1880 г. (19 декабря 1880 г.), стр. 251.

Продовольственная комиссія новгородскаго земства тогда же заявляла, что «государственныя мѣропріятія последняго времени, отразившіяся, между прочимъ, на большей свободѣ печати, даютъ надежду, что и по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ, являющимся истиннымъ представителемъ народныхъ нуждъ, будетъ предоставлено болѣе простора въ выраженіи ихъ желаній».

Предсѣдатель курской губернской управы Н. А. Полянскій, въ представленномъ губернскому собранію въ 1880 г. «обзорѣ» дѣятельности земства за 1878—80 г. указывалъ на измѣненіе отношеній правительства къ нуждамъ и заявленіямъ земства, оставлявшимся безъ вниманія 14 лѣтъ, и приглашалъ земство къ энергичной дѣятельности. «Въ настоящее переходное время правительству нужна наша помощь», говорилъ онъ, «и мы сдѣлаемъ все, чтобы помочь ему совѣтомъ, дѣломъ и нашими матеріальными средствами, прося его, съ своей стороны, помочь намъ исполнить наши предначертанія и намѣренія, и безпрепятственно, безъ колебаній, санкціонировать ихъ своимъ авторитетомъ и своею законодательной властью» *).

Земства выражали готовность притти на помощь правительству въ его законодательной работѣ.

Тульское губернское собраніе ходатайствовало о скорѣйшемъ осуществленіи податной реформы и особенно о томъ, чтобы составленныя по этому предмету предложенія во всякомъ случаѣ были переданы на предварительное обсужденіе чрезвычайныхъ губернскихъ собраній, какъ то было въ 1870 г. **).

Продовольственная комиссія самарскаго земства высказала мысль, что «самыя реформы лишь тогда вполнѣ достигнутъ своей цѣли, когда онѣ не будутъ болѣе являться продуктами только теоретическихъ выводовъ и

*) Журналы засѣданій XVI очер. курск. губерн. земск. собр., «Обзоръ», стр. 76—77.

**) Журналы XVI очередныхъ тульскихъ губернскихъ земскихъ собраній, стр. 42.

обобщеній, а при активномъ участіи въ ихъ выработкѣ и примѣненіи общественныхъ представителей, по примѣру крестьянской реформы, будутъ служить вѣрнымъ выраженіемъ народныхъ нуждъ и мыслей».

Тверское земское собраніе ходатайствовало о томъ, чтобы «Положеніе 19 февраля и послѣдовавшія узаконенія, къ нему относящіяся, въ виду крайней необходимости, указываемой ненормальнымъ ходомъ жизни, были пересмотрѣны и измѣнены, дополняя притомъ, что единственнымъ способомъ къ достиженію этой цѣли и къ успѣшному разрѣшенію вопроса представляется участіе въ обсужденіи и разрѣшеніи его представителей самихъ заинтересованныхъ лицъ и въ особенности крестьянъ, какъ огромнаго большинства населенія».

Заявленія эти о необходимости участія общественныхъ представителей въ разрѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ высказывались земствами въ 1880 г. съ весьма большой сдержанностью и осторожностью. «Земство, говоритъ по этому поводу г. Скалонъ *), вѣрило и сочувствовало правительству и какъ бы *боялось забѣгать* впередъ, обращаться къ нему съ *чрезмѣрными* просьбами».

Такъ, напр., продовольственная комиссія новгородскаго земства не признала возможнымъ разсматривать записку гласн. Нечаева въ земскомъ собраніи; авторъ ея и самъ не протестовалъ противъ этого, «такъ какъ», по его словамъ, «споръ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять (къ улучшенію экономическаго положенія), завелъ бы насъ *слишкомъ* далеко».

Записка Нечаева доказывала необходимость дальнѣйшихъ реформъ.

«Реформы эти, писалъ Нечаевъ, для того, чтобы получить надлежащую крѣпость и принести желанные плоды, должны соотвѣтствовать дѣйствительнымъ нуждамъ страны и большинства населенія. Для того, чтобы позна-

*) «Мнѣнія»..., стр. 33.

комиться съ желаніями и нуждами большинства, правительству необходимо выслушать голосъ народа, дать ему возможность и средства свободно высказываться»... «Свобода мысли и слова, немыслимая безъ личной неприкосновенности, строгое господство законности, расширеніе правъ земства и преобразованіе его въ смыслѣ болѣе истиннаго и вѣрнаго выраженія общественныхъ интересовъ и желаній, болѣе тѣсная связь между земствами отдѣльныхъ губерній—вотъ тѣ принципы, которые»—по мнѣнію гласн. Нечаева—«должны быть положены въ основу предстоящихъ реформъ».

Комиссія раздѣляла, конечно, эти скромныя сами по себѣ воззрѣнія и пожеланія, но они выходили изъ круга земской компетенціи, установленной бюрократіей, и комиссія не рѣшилась вовлекать собраніе въ обсужденіе неподлежащихъ его вѣдѣнію вопросовъ». «Въ этомъ»—замѣчаетъ г. Скалонъ,—«сказалось много *такта*, много сдержанности, и въ то же время—полное довѣріе къ правительственной власти». Намъ-же это кажется яркимъ образцомъ политической малосознательности и недальновидности, столь характерной для даннаго момента въ исторіи русскаго умѣренно-либеральнаго движенія. Земцы помнили, повидимому, объ административной расправѣ съ конституціоналистами—въ 1867 г. и 1879 г., и это, въ значительной степени, препятствовало имъ поставить рѣзко и ребромъ вопросъ о конституціи.

Подъ вліяніемъ земскихъ заявленій были предприняты нѣкоторыя мѣры, входившія въ объявленную программу гр. Лорисъ-Меликова. А именно, чтобы «дознать желанія, нужды и состояніе населенія», были назначены сенаторскія ревизіи (Ковалевскаго, Половцева, Мордвинова и Шамшина) въ губерніяхъ Казанской, Уфимской, Кіевской, Черниговской, Воронежской, Тамбовской, Саратовской и Самарской. Въ инструкціи, данной ревизующимъ сенаторамъ, вопросъ о расширеніи дѣятельности земствъ былъ поставленъ весьма ясно и опредѣленно. «Указываютъ, значилось

въ инструкцiи, какъ на причину неуспѣха дѣятельности земствъ, на недостаточность ихъ состава въ качественномъ отношенiи, на несочувствiе къ земству правительственныхъ лицъ и учрежденiй, на ограниченность ихъ круга дѣятельности, на затрудненiя, какiя встрѣчаетъ оно по предметамъ, которые требовали бы соглашенiя земствъ сосѣднихъ уѣздовъ или губернiй, на стѣсненiя въ гласности, на недостатокъ средствъ.

Степень правильности этихъ указанiй требуетъ тщательной провѣрки. Такая провѣрка, поясняла инструкцiя, можетъ установить, не зависитъ-ли недостаточность личнаго состава земствъ отъ существующаго порядка земскаго представительства и производства выборовъ; нельзя-ли расширить участiе земствъ въ рѣшенiи дѣлъ, касающихся мѣстныхъ хозяйственныхъ потребностей; можетъ ли быть изыскана удобная форма для совмѣстныхъ сужденiй земствъ разныхъ губернiй по такимъ вопросамъ, которые-бы требовали совокупныхъ мѣръ; не должна ли быть допущена большая гласность въ опубликованiи журналовъ земскихъ собранiй и тому подобное. «Особому вниманiю ревизующихъ сенаторовъ поручался вопросъ объ организацiи мелкой земской единицы—о всесословной волости.

Самые вопросы какъ бы предполагали уже утвердительные отвѣты и обѣщали удовлетворенiе насущнѣйшихъ земскихъ нуждъ и требованiй. Стали разрѣшаться областные земскiе съѣзды *). Въ концѣ (20 дек.) 1880 г. на обсужденiе земскихъ собранiй былъ переданъ вопросъ о пересмотрѣ Положенiя 1874 г. объ устройствѣ мѣстныхъ учрежденiй по крестьянскимъ дѣламъ. **)

---

*) На 5 февр. 1881 г. былъ разрѣшенъ съѣздъ представителей земствъ 6 губернiй харьковскаго ген.-губернаторства по вопросу о дифтеритѣ. На 28 февр. 1881 г. разрѣшенъ съѣздъ въ Одессѣ—представителей 7 южныхъ губ. и области войска Донского.

**) Въ своихъ отвѣтахъ земства представили цѣлую систему преобразованiя не только частно-крестьянскихъ учрежденiй, но всей

Представители всегда враждебной къ земству бюрократіи начинаютъ говорить въ новомъ тонѣ. Такъ, черниговскій губернаторъ при открытіи очередного собранія 12 янв. 1881 г., въ рѣчи своей, заявилъ, что «правительству нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, нуженъ консультативный голосъ земства по многимъ отраслямъ *государственнаго* хозяйства».

«Новое направленіе политики отразилось на всемъ ходѣ нашей внутренней жизни», писала 7 янв. 1881 г. газета «Земство». «Во всеуслышаніе стала высказываться мысль о необходимости крупныхъ реформъ, о предоставленіи обществу болѣе широкаго участія въ государственномъ управленіи, о своевременности *вѣнчанія зданія*, хотя по заявленію новаго министра внутреннихъ дѣлъ (Лорисъ-Меликова), осуществленіе мечтательныхъ иллюзій печати о привлеченіи общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи, въ видѣ-ли представительныхъ собраній европейскихъ, въ видѣ ли бывшихъ нашихъ древнихъ земскихъ соборовъ, не входитъ въ ближайшую правительственную программу, тѣмъ не менѣе, идеи эти все болѣе распространяются въ обществѣ, все болѣе крѣпнетъ надежда, что за предоставленіемъ должной силы новымъ учрежденіямъ, уже существующимъ, за приведеніемъ въ сообразность и гармонію съ послѣдними учрежденіями стараго порядка, словомъ, за упорядоченіемъ управленія мѣстнаго и весь государственный строй подвергнется преобразованію». *)

Гр. Лорисъ-Меликовъ, относившійся при вступленіи въ должность отрицательно къ общественному представительству въ дѣлахъ общегосударственнаго управленія, подъ давленіемъ общественнаго движенія, рѣшилъ сдѣлать еще одинъ робкій шагъ по пути своей зигзагообразной, колеб-

---

системы мѣстной администраціи на началахъ самоуправленія и заканчивали на этотъ разъ свои представленія просьбой, чтобы для окончательной выработки проекта административной реформы были созваны выборные отъ всѣхъ земствъ.

*) Въ томъ-же тонѣ писали „Страна“, „Порядокъ“, „Голосъ“.

лющейся, но все таки невольно шедшей къ конституціи— политики. Онъ рѣшилъ привлечь выборныхъ отъ земствъ и городовъ къ участію въ законодательной дѣятельности. Въ это время въ обществѣ усиленно дебатировались уже изложенные нами выше проекты представительства, и открыто говорилось повсюду о конституціи. Проектъ Лорисъ-Меликова воспроизводилъ планъ реформы, задуманный въ 1880 г. въ высшихъ бюрократическихъ кругахъ.

По поводу этого проекта интересно замѣтить, что, еще осенью 1880 г., А. И. Кошелевъ записалъ слѣдующія данныя о разговорѣ своемъ съ Лорисъ-Меликовымъ *): «Отъ него я узналъ много интереснаго. На созваніе земской думы онъ никакъ не надѣялся получить соизволеніе государя, но онъ имѣлъ въ виду собрать общую, довольно многочисленную комиссію изъ выборныхъ отъ земствъ, а гдѣ таковыя еще не образованы, изъ лицъ, приглашенныхъ правительствомъ. Неоднократно мы объ этомъ толковали, и если не во всемъ соглашались, то, по крайней мѣрѣ, я вынесъ изъ этихъ разговоровъ убѣжденіе, что министръ внутреннихъ дѣлъ расположенъ сдѣлать все возможное для оживленія и утвержденія земскихъ учрежденій». **)

*) Записки, А. И. Кошелева, стр. 253. Тамъ-же (на стр. 218) есть свѣдѣнія, что Лорисъ-Меликовъ еще въ 1875 г. высказывалъ Кошелеву одобреніе его брошюрѣ „Наше положеніе".

**) Извѣстный врачъ и общественный дѣятель Бѣлоголовый даетъ слѣдующую характеристику Лорисъ-Меликова: „онъ былъ умѣренный постепеновецъ, послѣдовательный либералъ, строго убѣжденный защитникъ органическаго прогресса, съ одинаковымъ несочувствіемъ относившійся ко всѣмъ явленіямъ, задерживающимъ нормальный ростъ и правильное развитіе народовъ, съ какой-бы стороны эти явленія не обнаруживались. Непоколебимо вѣруя въ прогрессъ человѣчества и въ необходимость для Россіи примкнуть къ его благамъ, онъ стоялъ за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за нестѣсняемость науки, за расширеніе и большую самостоятельность управленія и за привлеченіе выборныхъ отъ общества къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ. Дальше этого его реформаторскіе идеалы не шли". „Русс. Старина", 1889, № 9.

Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ докладъ Лорисъ-Меликова, съ которымъ онъ вошелъ 28 янв. 1881 г. къ государю.

Въ докладѣ онъ прежде всего свидѣтельствуетъ предъ государемъ, что первые шаги по предначертанному высочайшей волей пути къ возможному удовлетворенію законныхъ потребностей и нуждъ населенія принесли уже замѣтную пользу, ибо «постепенное возвращеніе государственной жизни къ правильному ея теченію удовлетворяетъ въ значительной степени внутреннимъ стремленіямъ благомыслящей части общества и укрѣпляетъ временно поколебленное довѣріе населенія къ силѣ и прочности правительственной власти въ Россіи». Общество, заявлялъ Лорисъ-Меликовъ, готово служить всѣми силами для завершенія великаго дѣла государственныхъ реформъ, предпринятыхъ съ первыхъ-же дней восшествія Е. И. В. на престолъ, и этимъ его настроеніемъ, въ видахъ прочнѣйшаго установленія порядка, необходимо воспользоваться. Для окончанія реформъ и для разрѣшенія стоящихъ на очереди вопросовъ необходимо весь тотъ матеріалъ, который имѣется въ центральныхъ вѣдомствахъ, и всѣ тѣ данныя, которыя будутъ собраны на мѣстахъ ревизующими сенаторами, подвергнуть разработкѣ; но такая разработка будетъ недостаточна безъ практическихъ указаній людей, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями. Поэтому, призваніе общества къ разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропріятій есть именно то средство, которое полезно и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолой. Существенно важнымъ и подлежащихъ зрѣлому обсужденію представляется при этомъ лишь способъ осуществленія этой мысли. Обращаясь затѣмъ къ изысканію этого способа, гр. Лорисъ-Меликовъ выражалъ увѣренность, что «для Россіи немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать всѣ основныя его

политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствія коей трудно и предвидѣть. Равнымъ образомъ, представляется далеко несвоевременнымъ и высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ Россійскаго государства предположеніе о пользѣ образованія у насъ Земской Думы или Земскаго Собора. Наше время настолько удалилось отъ періода указываемой старинной формы представительства, по измѣнившимся понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей русскаго государства и современному географическому его очертанію, что простое возсозданіе древняго представительства являлось-бы трудно осуществимымъ и во всякомъ случаѣ опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему». «При такомъ воззрѣніи на высказываемыя въ средѣ нѣкоторой части общества мнѣнія о необходимости прибѣгнуть къ представительнымъ формамъ для поддержанія порядка въ Россіи, и, признавая, что мнѣнія эти составляютъ лишь выраженіе созрѣвшей потребности служить общественному дѣлу, наиболѣе практическимъ способомъ было-бы дать законный исходъ этой потребности въ порядкѣ, уже испытанномъ по мудрымъ указаніямъ Вашего Имп. Величества, при разработкѣ крестьянской реформы; порядокъ этотъ слѣдуетъ, конечно, примѣнить къ потребностямъ и задачамъ настоящей минуты».

Въ видѣ практической мѣры графъ проектировалъ:

«1) сдѣлать нынѣ-же распоряженіе, чтобы находящіеся въ разныхъ министерствахъ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы, имѣющіе отношеніе къ перечисленнымъ министромъ внутр. дѣлъ вопросамъ, были собраны, сгруппированы по однороднымъ предметамъ и приведены въ такой порядокъ, въ какомъ, по усмотрѣнію подлежащаго министра, они могли-бы съ удобствомъ быть подвергнуты соображенію подготовительныхъ комиссій. 2) На окончаніе этихъ работъ назначить срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій. По представленіи сенаторами добытыхъ изъ ревизіи данныхъ, дополнить ими собран-

ные въ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы и установить тѣ вопросы и предположенія, которые въ теченіе осени могли-бы быть внесены въ подготовительныя комиссіи.

3) Подготовительныя комиссіи учредить изъ членовъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ съ высочайшаго соизволенія свѣдущихъ—служащихъ и неслужащихъ—лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія или народной жизни. На обязанность сихъ комиссій возложить составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны высочайшей волей.

4) Составленные подготовительными комиссіями законопроекты, предварительно внесенія установленнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ, передавать, по высочайшему повелѣнію, на обсужденіе *общей комиссіи*, учреждаемой на нижеслѣдующихъ основаніяхъ.

5) Общая комиссія, подъ предсѣдательствомъ лица, непосредственно избраннаго высочайшею властью, составляется: а) изъ назначенныхъ, по высочайшему повелѣнію, къ постоянному присутствованію въ оной лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ комиссій; б) изъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ, и в) изъ назначенныхъ особымъ порядкомъ членовъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ.

6) Отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, избирается въ составъ общей комиссіи по одному или по два члена, сообразуясь съ населеніемъ губерніи. Избраніе предоставляется губернскимъ земскимъ собраніямъ.

7) Члены отъ значительнѣйшихъ городовъ избираются городскими думами, въ столицахъ—по два, въ прочихъ городахъ—по одному.

8) Губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ

думамъ предоставляется избрать членовъ общей комиссіи какъ изъ среды гласныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города.

9) Порядокъ и условія назначенія въ общую комиссію представителей отъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуютъ, имѣютъ быть опредѣлены особо.

10) Члены подготовительныхъ комиссій, не назначенные къ постоянному участію въ занятіяхъ общей комиссіи, присутствуютъ въ ней, съ правомъ голоса, при обсужденіи тѣхъ законопроектовъ, въ составленіи коихъ они участвовали.

11) Для занятій общей комиссіи назначается опредѣленный срокъ.

12) Работы общей комиссіи имѣютъ значеніе *совѣщательное* (!) Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ и окончательнаго ихъ обсужденія. Разсмотрѣнные общею комиссіею законопроекты вносятся законнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ подлежащими министрами, съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра *).

XXIII.

Таковъ былъ проектъ, извѣстный въ обществѣ подъ громкимъ именемъ «*конституціи* Лорисъ-Меликова». Мы видимъ, что въ немъ не было ничего собственно конституціоннаго: ни въ способѣ составлять «общую комиссію», ни въ ея компетенціи. Къ бюрократическимъ учрежденіямъ прибавлялось еще одно, отчасти пополняемое выборами думъ и земствъ. Порядокъ законодательнаго почина и окончательнаго обсужденія и утвержденія законопроектовъ

*) Текстъ доклада можно найти у *Татищева*, т. II, стр. 651, въ „Энциклоп. Брокгауза“ т. 51, стр. 156 (Государственный строй. *Россія*).

оставался тотъ-же. Даже право министровъ ходатайствовать предъ государемъ объ изданіи сепаратныхъ указовъ, въ видѣ высочайше утвержденныхъ предположеній отдѣльнаго министра,—оставалось неприкосновеннымъ. Избранные (въ городахъ—двухстепенной подачей голосовъ, въ земствахъ—трехстепенной, а для нѣкоторыхъ группъ населенія—четырехстепенной подачей голосовъ) и назначенные члены общей комиссіи—были не болѣе какъ «свѣдущіе люди», которымъ предоставлялось давать необходимыя правительству разъясненія по предлагаемымъ правительствомъ вопросамъ. Но само по себѣ маловажное преобразованіе это могло, конечно, имѣть большое значеніе политическое, такъ какъ, при возможности закономѣрнаго и спокойнаго развитія, «общая комиссія» превратилась-бы въ собраніе выборныхъ представителей земствъ (распространенныхъ на всю Россію), а затѣмъ могло-бы, безъ особеннаго труда, превратиться въ законодательное собраніе съ рѣшающимъ голосомъ. Все это, конечно, могло-бы осуществиться постепенно и мирно, но для этого было-бы необходимо возстановить нормальный порядокъ въ странѣ, дать свободу печати, обезпечить права личности, возстановить, распространить и укрѣпить значеніе земства, вообще, не бояться послѣдствій измѣненія старой политики подавленія на новую политику совмѣстной съ населеніемъ работы на основѣ довѣрія. Между тѣмъ положеніе продолжало быть двойственнымъ. «Самъ Лорисъ-Меликовъ не заблуждался на счетъ недостаточности тѣхъ уступокъ, какія правительство дѣлало общественному мнѣнію» согласно его проекту; «онъ не смотрѣлъ на предложенную имъ реформу, какъ на нѣчто окончательное, видѣлъ въ ней только первый шагъ къ сближенію высшей администраціи съ представителями отъ земства. Онъ надѣялся, что взаимное довѣріе несомнѣнно послѣдуетъ отъ такого сближенія, что государь убѣдится въ той поддержкѣ, какую въ дѣлѣ успокоенія умовъ и внутренней реформы готовы оказать ему такъ глубоко преданныя престолу русскія земли».

Такъ сообщало впослѣдствіи лицо, хорошо освѣдомленное о взглядахъ и планахъ Лорисъ-Меликова *).

Есть свѣдѣнія, что имп. Александръ II разсматривалъ проектъ Лорисъ-Меликова, какъ первый шагъ къ конституціи. По прочтеніи доклада государь сказалъ Лорисъ-Меликову: «Да вѣдь это états généraux»! (Это—генеральные штаты!) **).

17-го февраля 1881 г. докладъ Лорисъ-Меликова былъ высочайше утвержденъ. Во время совѣщаній съ министрами по поводу проекта «общей комиссіи» имп. Александръ II сказалъ: «Господа! Намъ предлагаютъ не что иное, какъ собраніе нотаблей Людовика XVI. Не забывайте послѣдствій... тѣмъ не менѣе, если вы считаете это полезнымъ для страны, я не буду противиться» ***).

Свѣдѣнія объ этой фразѣ есть въ двухъ источникахъ (Леруа-Болье и Лаферта).

1-го марта 1881 г. утромъ, передъ отъѣздомъ имп. Александра II въ Михайловскій манежъ, Лорисъ-Меликовъ имѣлъ докладъ у государя, причемъ имп. Александръ II вручилъ ему одобренный проектъ правительственнаго сообщенія о созывѣ «общей комиссіи» по проекту Лорисъ-Меликова (предполагалось собрать подготовительныя комиссіи къ осени 1881 г., а общую комиссію созвать въ началѣ 1882 г. по окончаніи сессій губернскихъ земскихъ собраній) и выразилъ при этомъ желаніе, чтобы проектъ сообщенія, до его напечатанія, былъ выслушанъ въ засѣданіи совѣта министровъ 4-го марта.

---

*) См. брош. „Конституція гр. Л. М.".

**) Намекъ на французскіе генеральные штаты изъ представителей сословій (дворянства, духовенства и буржуазіи), которые въ 1789 г. провозгласили себя французскимъ учредительнымъ національнымъ собраніемъ.

***) Anat. Leroy-Beaulieu. L'empire des Tsars et les russes. t. II, 609—10 Мы упоминали уже раньше, что въ 1863 г. имп. Александръ II сказалъ Милютину (Н. А.), что, „лично онъ (императоръ) не дорожитъ абсолютною властью, но не считаетъ себя призваннымъ водворять конституціонную эру въ Россіи" An. Leroy-Beaulieu. Un homme d'etat russe, 168—169.

Такимъ образомъ, правительство готовилось вступить на путь дальнѣйшаго развитія реформъ, на путь, на который властно толкала его необходимость послѣ освобожденія крестьянъ, кореннымъ образомъ измѣнявшаго общественный русскій строй. Но переходъ отъ реакціи къ поступательному движенію былъ слишкомъ робокъ и нерѣшителенъ. Страна была потрясена и жила напряженной нервной жизнью. Нужны были мѣры рѣшительныя и опредѣленныя, политика цѣльная и единая.

Но Лорисъ-Меликовъ какъ-бы боялся открыто и явно заявить о новомъ курсѣ. Въ тиши канцелярій подготовлялся новый важный законопроектъ, а общество не было о немъ освѣдомлено: ему извѣстно было, что надежды его ни что иное, какъ «мечтательныя иллюзіи»; и въ то же время представителей этого-же общества хотѣли «призвать» къ законосовѣщательной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство неуклонно продолжало свою борьбу съ крайними направленіями, съ «крамолой». *Десятки* административно сосланныхъ были возвращены, но на ихъ мѣсто были посланы *сотни* другихъ. Не только не была дана амнистія пострадавшимъ за политическія убѣжденія, но наоборотъ, режимъ заключенныхъ въ политическихъ тюрьмахъ (т. н. «централахъ») и на каторгѣ (на р. Карѣ) былъ значительно ухудшенъ.

Смертная казнь не была отмѣнена и продолжала примѣняться: такъ, въ Кіевѣ были казнены малолѣтній Розовскій и Лозинскій, причемъ первый лишь за то, что у него нашли прокламацію Народной Воли (съ 1903 г. не наказуемый по закону поступокъ).

Непрекращающіяся гоненія на крайнія партіи ожесточали ихъ представителей. Ихъ идеалъ—созывъ представителей народа въ учредительное собраніе—оставался по прежнему безъ всякой надежды на исполненіе. У нихъ не было никакой возможности легально проповѣдовать свои соціальныя теоріи и проводитъ свои политическіе взгляды. И эта невозможность осуществлять свои идеалы ставила

предъ ними дилемму, или покориться, вырвать изъ сердца все, во что они вѣрили, чего страстно желали, или бороться не на жизнь, а на смерть *). За цѣлый годъ правленія Лорисъ-Меликова они не видѣли никакихъ признаковъ того, что положеніе измѣнится къ лучшему. И катастрофа, о которой съ 1879 г. могла предполагать вся Россія, совершилась.

1-го марта 1881 г. имп. Александръ II былъ смертельно раненъ бомбой на набережной Екатерининскаго канала.

Какъ и нужно было ожидать, убійство имп. Александра II произвело потрясающее впечатлѣніе и вызвало рядъ заявленій со стороны общества. Исполнительный Комитетъ Народной Воли обратился къ новому императору съ письмомъ (написаннымъ Львомъ Тихомировымъ), и вышедшимъ въ свѣтъ 12-го марта 1881 г. Въ письмѣ этомъ было обрисовано тяжелое положеніе Россіи, причины возникновенія недовольства и появленія крайнихъ партій, а также обстоятельства, послужившія причиной катастрофы

---

*) Лучше всего объяснялъ психологію революціонеровъ Квятковскій, осужденный на смерть по „процессу шестнадцати" въ 1880 г.,— въ своей рѣчи на судѣ. Онъ говорилъ:—„Чтобы сдѣлаться тигромъ, не надо быть имъ по природѣ. Бываютъ такія общественныя состоянія, когда агнцы становятся ими... Политическія убійства вызваны страшнымъ, жестокимъ отношеніемъ правительства къ намъ, революціонерамъ; они вызваны массою загубленныхъ молодыхъ силъ по разнымъ тюрьмамъ, въ централкахъ, на каторгѣ, они вызваны казнями десятковъ нашихъ товарищей; они вызваны исключительными, анормальными, спеціально только къ намъ, революціонерамъ, примѣняемыми законами. Только невозможность какой-бы то ни было общественной дѣятельности на пользу народа, полная невозможность пользоваться сколько нибудь свободой своихъ убѣжденій, свободой жить и дышать,—все это заставило русскую молодежь, по своимъ наклонностямъ самую гуманную, самую человѣчную, пойти на такія дѣла, которыя по самому существу своему противны природѣ человѣка"... См. отчетъ объ этомъ дѣлѣ въ соврем. печати. Та-же мысль выражена въ рѣчахъ Ширяева (по дѣлу 16-ти. 1880), Желябова и Кибальчича (по д. 1-го марта 1881 г.), Бобохова (12 мар. 1879 г.), Ал. Михайлова (по дѣлу 22-хъ въ 1882 г.) и др

1-го марта. Авторы письма видѣли возможность мирнаго исхода изъ тяжелаго положенія только въ «добровольномъ обращеніи Верховной власти къ народу». Въ этомъ случаѣ, писали они, «Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе»...

«Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой...—слѣдующія:

1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени,

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни, и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

Выборы должны быть свободны, а для этого:

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично, и пропорціонально числу жителей;

2) Никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

3) Избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь, до рѣшенія народнаго собранія, допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

в) полную свободу сходокъ,

г) полную свободу избирательныхъ программъ.

«Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь

никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ.

Таковы были основныя положенія и требованія, выраженныя въ сдержанномъ и почтительномъ тонѣ въ письмѣ Исполнительнаго Комитета къ имп. Александру III.

Моментъ былъ рѣшительный. Власть, подавлявшая безпощадно всякое проявленіе политическаго и соціальнаго недовольства, и революція, только что осуществившая возвѣщенное задолго (съ 20 авг. 1879 г.), неоднократно и неудачно повторяемое покушеніе на убійство носителя верховной власти (на этотъ разъ удавшееся),—стояли лицомъ къ лицу. Государственная власть, вооруженная всѣмъ, что ей доступно, силой чрезвычайной репрессіи, имѣвшая въ рукахъ войско, полицію, суды, всѣ средства сообщенія, но не сумѣвшая охранить царя отъ удара, направленнаго небольшой группсй людей, была поражена въ самомъ центрѣ, была поколеблена. Революція, въ лицѣ партіи Народной Воли, выставившая своимъ идеаломъ свободное выраженіе и осуществленіе воли всего народа, увлеченная репрессіей на путь кровавой самообороны, а затѣмъ перешедшая въ нападеніе при по средствѣ террора, но не опиравшаяся на широкія народныя массы, пришла 1-го марта къ логическому и фактическому окончанію своей дѣятельности. Въ этой борьбѣ, потребовавшей отъ народовольцевъ сверхчеловѣческихъ усилій, цѣлью являлось такое моральное воздѣйствіе на власть, при посредствѣ устраненія тѣхъ изъ представителей власти, которые стояли на пути къ осуществленію воли народа,—которое привело-бы власть къ необходимости призвать народныхъ представителей.

Но когда нанесенъ былъ рѣшительный ударъ, рѣшеніе вопроса зависѣло уже не столько отъ власти, не столько отъ революціонеровъ, сколько отъ народа и отъ общества. Вопросъ о народномъ представительствѣ былъ поставленъ народовольцами рѣзко и опредѣленно; онъ намѣченъ былъ къ тому времени и умѣренно-либераль-

ными земцами, хотя и не вполнѣ ясно. Рѣшать долженъ былъ народъ, но народъ безмолвствовалъ... Не то, чтобы въ немъ отсутствовало сознаніе ненормальности своего положенія и въ соціальномъ и, частью, въ политическомъ отношеніи; нѣтъ, народъ ощущалъ всю тяжесть своего положенія; крестьянство уже стояло на пути къ разоренію и вырожденію; массы рабочаго люда, пролетаріата, созданнаго народившимся и крѣпнувшимъ капитализмомъ, стонали отъ отсутствія какой-либо защиты закона отъ «патріархальной» эксплуатаціи капитала.

Но народъ стоналъ и страдалъ безсознательно. И въ тотъ моментъ, когда рѣшался вопросъ о его волѣ,—онъ безмолвствовалъ. Исторія дала великій предметный урокъ на тему: нельзя стремиться къ тому, чтобы *все* дѣлалось *для* народа, но *не* при посредствѣ народа, *не самимъ* народомъ. Нечеловѣческія усилія людей, боровшихся за народную волю безъ участія самого народа, оказались тщетными, и всѣ передовые борцы погибли на висѣлицахъ, въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ.

Но часто бывало, что тамъ, гдѣ народъ безмолвствуетъ, верхніе его слои бываютъ въ силахъ добиться представительства и участія во власти. Какъ-же отозвалось общество на такой чрезвычайный моментъ государственной жизни? Мы знаемъ, что земства въ своихъ заявленіхъ намѣтили вопросъ о народномъ представительствѣ, но въ рѣшительный моментъ, когда надо было сдѣлать переходъ къ представительству безповоротнымъ, земскіе дѣятели не оказались на высотѣ задачи.

Смерть имп. Александра II вызвала слѣдующія заявленія со стороны земства.

5-го марта, на губернскомъ земскомъ собраніи въ Самарѣ, по поводу предложенія ходатайствовать о расширеніи правъ земства въ дѣлѣ борьбы съ эпидеміями, гл. Ждановъ высказалъ, что «если ходатайствовать, то не о такихъ мелочахъ; пора прямо высказать, что желательно расширеніе правъ земства не по какому либо *отдѣльному*

предмету, входящему въ область его вѣдѣнія, а расширеніе правъ народа и участіе его, въ лицѣ своихъ представителей, въ самоуправленіи всей страны. Мы не для того только что приняли сейчасъ присягу, чтобы сейчасъ обманывать и говорить не то, что думаемъ и желаемъ». Гл. Нудатовъ предлагалъ избрать комиссію по вопросу объ эпидеміяхъ особаго рода (эпидеміи экономическаго банкротства, народнаго невѣжества) и о расширеніи общихъ правъ. Пренія были прекращены предсѣдателемъ *).

Въ самарскомъ дворянскомъ собраніи 8-го марта, уѣздн. предв. Тенняковъ заявилъ, что «необходимо подумать о будущемъ. Сегодня *они* убили одного Монарха, а завтра станутъ покушаться на жизнь другого. Необходимо обсудить тѣ мѣры, которыя должны быть приняты для предупрежденія подобныхъ ужасныхъ событій» Г. Нудатовъ заявилъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ г. Тенняковымъ насчетъ принятія предупредительныхъ мѣръ, но не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы онѣ обсуждались здѣсь, въ дворянскомъ собраніи. По его мнѣнію, «эту, въ высшей степени, трудную задачу могутъ разрѣшить только свободно избранные представители всѣхъ сословій, а не одного дворянства, которыхъ необходимо созвать для этой цѣли». (*Крики: «Правда, правда!»*) «Я уже старъ и на склонѣ дней моихъ—говорилъ далѣе г. Нудатовъ.—Я люблю мою родину и желаю ей счастья и славы. Никто не заподозритъ и не скажетъ, что я—революціонеръ. Но ради блага отечества, ради счастья дѣтей нашихъ, говорю вамъ, что смута, вотъ уже 2 года терзающая Русскую землю, можетъ быть устранена только общими усиліями всѣхъ свободно избранныхъ представителей народа. Только они, а не исключительно дворянство, могутъ обсудить и принять мѣры, которыя-бы дали миръ и спокойствіе нашей несчастной родинѣ». Слезы душили его, и онъ опустился на стулъ, оглушенный громомъ рукопле-

---

*) „Земство“ 1881 г. № 17.

сканій. Крики: «Вѣрно! Правда, правда!»—довершили общій энтузіазмъ, охватившій собраніе. Затѣмъ всталъ гр. Толстой и сказалъ: «Путь, указываемый нами—не новый и не революціонный. Онъ уже издавна практиковался на Руси. Такъ, даже самые абсолютные монархи, каковы Іоаннъ Грозный и Алексѣй Михайловичъ, и тѣ созывали земскіе соборы. Кому-же, какъ не представителямъ народа, защищать своего царя? Ужь не тѣмъ-ли, которые обманывали покойнаго?»... Здѣсь рѣчь его была прервана предсѣдателемъ. Собраніе постановило избрать комиссію для личной передачи государю адреса съ ходатайствомъ о созывѣ избранныхъ представителей народа для обсужденія и принятія мѣръ, которыя должно предпринять къ умиротворенію отечества и *искорененію* смуты *).

Въ томъ-же смыслѣ высказалось и новгородское губ. собраніе, которое «выразило полное свое сочувствіе рѣчи Н. Н. Нечаева, который предлагалъ умолять государя выслушать свободный голосъ Русской земли, чрезъ посредство истинныхъ ея представителей и дѣйствительныхъ выразителей народныхъ нуждъ, интересовъ и задушевныхъ мыслей,—и слѣдующимъ образомъ высказалось въ своемъ адресѣ: «Мы умоляемъ дозволить намъ стать щитомъ священной особы В. Величества. Мы умоляемъ даровать обществу возможность принять участіе въ борьбѣ съ *врагами русскаго народа* и повергаемъ къ стопамъ В. И. Величества просьбу выслушать свободный голосъ русскаго народа, который уже столько разъ давалъ доказательство своей безпредѣльной преданности возлюбленному царю и спасалъ отечество отъ постигавшихъ его бѣдствій» **).

Н. Н. Нечаевъ говорилъ: «Общественная мысль, пораженная безпримѣрнымъ злодѣяніемъ, теряется въ усиліяхъ найти вѣрный исходъ и объясненіе совершающагося. Общество томится желаніемъ принять активное участіе въ

*) „Земство" 1881 г. № 17.

**) Сборн. постан. зем. собр. новг. губ. за 1881 г., с. 17.

борьбѣ со страшнымъ призракомъ цареубійства, народъ жаждетъ поставить свою грудь для защиты возлюбленнаго царя. Въ такія тяжелыя минуты, когда возбуждены всѣ общественныя страсти, необходимо услышать трезвую спокойную рѣчь представителей земства...

«Мы слышимъ призывъ къ реакціи, мы слышимъ воззванія къ низменнымъ инстинктамъ массы... Находятся люди, которые даже въ такую страшную минуту не могутъ отвлечься отъ личныхъ интерессвъ и указываютъ на необходимость прекращенія дальнѣйшаго развитія великихъ принциповъ самоуправленія, законности и свободы, забывая, что именно эти начала положены покойнымъ монархомъ въ основу его великихъ преобразованій... Съ одной стороны мы слышимъ голосъ той партіи застоя, на которую должна пасть большая доля отвѣтственности за все теперь совершающееся, а *изъ подъ земли* раздается голосъ *анархіи*,—неужели-же долженъ молчать народъ, голосъ котораго одинъ только достоинъ проникнуть до царскаго слуха?» Нечаевъ доказывалъ безплодность полицейскихъ мѣръ для «борьбы со зломъ, безъ прямого участія общества». «Остается другой путь—остается только призвать общество къ дѣятельному участію въ борьбѣ со *зломъ*, и успѣшный исходъ ея тогда не можетъ подлежать сомнѣнію. Это совершенно понятно: полицейская власть имѣетъ дѣло только съ проявленіями злой воли, только съ готовыми плодами той почвы, той ужасной заразы, которая скрывается въ обществѣ и окончательно *искоренить* которую можно только при содѣйствіи всѣхъ общественныхъ силъ» *).

Тѣ-же мысли были высказаны въ таврическомъ губ. собраніи 24 апр. В. К. Винбергомъ и другими гласными, но здѣсь предложеніе о подачѣ мотивированнаго адреса было отклонено большинствомъ 15 гол. противъ 10. Винбергъ говорилъ о необходимости «высказать наше искрен-

*) „Земство“ 1881, № 18 (перепеч. изъ „Голоса“).

нее, глубокое убѣжденіе, какимъ способомъ найти мѣры къ искорененію зла»; онъ указывалъ, какъ на причины, способствующія развитію зла, на отсутствіе свободы слова, малоземелье крестьянъ и тягость лежащихъ на нихъ повинностей, а главное на отсутствіе органа, правильно выражающаго народную нужду. Только весь народъ, въ лицѣ его истинныхъ представителей, въ состояніи указать на средство спасенія Россіи... Намъ-же остается только стремиться, чтобы голосъ народа былъ выслушанъ... Будемъ достойны нашего призванія и выразимъ во всеподаннѣйшемъ адресѣ точно и ясно о выслушаніи голоса народа, въ лицѣ его избранниковъ. Отъ державной воли будетъ зависѣть, услышать или нѣтъ нашъ слабый голосъ, мы-же исполнимъ нашъ гражданскій долгъ».

По поводу предложенія Винберга, гл. Н. В. Щербань возразилъ ему, но исключительно съ внѣшней стороны: «съ самаго злосчастнаго дня 1-го марта каждый изъ насъ много передумалъ... Все накопившееся и передуманное рвется наружу. Рвутся и чувства, и мысли! Мысли эти намѣчены В. К. (Винбергомъ) въ его мнѣніи о характерѣ, который долженъ имѣть предлагаемый имъ мотивированный адресъ. Это-проведеніе къ намъ *извѣстныхъ* государственныхъ началъ. Скажу, гг., откровенно: я искренно и глубоко убѣжденъ въ необходимости этихъ государственныхъ началъ, въ ихъ пользѣ; полагаю, и не я одинъ, а *всѣ члены нашего собранія*, вмѣстѣ со всѣми спокойными и разсудительными людьми».

Но г. Щербань полагалъ, что *неумѣстно* «адресное *давленіе*, когда правительство занято *оріентированіемъ* въ борьбѣ съ *подпольною крамолою*, когда Глава его удрученъ сыновнею скорбію, въ милліонъ разъ тягчайшею нашей скорби». По мнѣнію г. Щербаня, «это было-бы политически и всячески безтактно». Онъ находилъ несвоевременнымъ и неумѣстнымъ «забѣгать впередъ, какъ-бы подгонять правительство, тѣмъ болѣе, что кредитъ (общества правительству) предвидится *недолгосрочный*: въ газетахъ

было напечатано, и опроверженія не послѣдовало, что покойный государь, за нѣсколько дней до своей мученической кончины, уже готовилъ проектъ призыва представителей земства, а тамъ, гдѣ его нѣтъ, представителей по особому законоположенію, для обсужденія вопроса объ участіи общества въ предметахъ государственнаго правленія. Смѣемъ ли мы имѣть сомнѣніе, тѣнь сомнѣнія о судьбѣ этого завѣта въ рукахъ Премника Преобразователя Россіи».(!)

Согласные съ заявленіемъ г. Щербаня о конституціонныхъ стремленіяхъ всѣхъ членовъ собранія, члены эти отвергли адресъ, лишь по соображеніямъ высказаннымъ г. Щербанемъ.

Адресы казанской думы и казанскаго земства одинаково выражали одну надежду и одни пожеланія—«завершенія» великаго дѣла обновленія государства, начатаго царемъ освободителемъ; солигаличское уѣздное собраніе выражало желаніе, чтобы новое царствованіе было продолженіемъ великихъ реформъ предшествовавшаго»; тверское губернское собраніе, въ своемъ адресѣ, указывало, что «когда бѣда поражала отечество,—въ непосредственномъ единеніи земскихъ людей и верховной власти русскій царь и народъ всегда пріобрѣтали могучую неодолимую силу!

«Царь и народъ, говорило рязанское земство,—издревле составляли едино; августѣйшій вашъ родитель еще болѣе объединилъ и оживилъ русскую землю. Соберите насъ вокругъ себя, а мы всегда готовы, по вашему велѣнію, дѣлить съ вами и труды, и опасности. Вѣрьте, Государь, нашей безграничной вамъ преданности, и враги спокойствія, блага, могущества и славы Россіи исчезнутъ съ лица земли». Черниговское дворянство, заявляя о своей глубокой преданности престолу, ходатайствовало о созывѣ представителей земли.

Подводя итогъ смыслу вышеприведенныхъ земскихъ заявленій, нельзя не видѣть сразу, что умѣренные земскіе либералы категорически и рѣзко отказываются имѣть что-

либо общее съ «анархіей», «крамолой» и т. д., словомъ, съ партіей «Народной Воли». Они говорятъ о призваніи народныхъ (чаще *земскихъ*) представителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявляютъ, что это именно необходимо не для чего другаго, какъ для борьбы съ крамолой, для «искорененія» ея. Они ничего не требуютъ, они только просятъ, и иногда даже не рѣшаются просить, ибо это было-бы «безтактно». Наконецъ, они возлагаютъ надежды на верховную власть, которая завершитъ дѣло предыдущаго царствованія. Въ своихъ разсужденіяхъ они строго держатся границъ легальности, установленныхъ для нихъ бюрократіей, и даже не осмѣливаются сказать слово, «конституція», замѣняя его «извѣстными государственными началами» и т. п. Основной моментъ, который хотимъ мы подчеркнуть въ заявленіяхъ земцевъ, это—въ иныхъ случаяхъ лицемѣрный, а въ большинствѣ—искренній отказъ либераловъ взять на себя часть отвѣтственности за событіе 1-го марта, а, вмѣстѣ, и открыто заявить о единствѣ основной цѣли съ крайней партіей—т е. о желаніи измѣненія государственнаго строя. Въ заявленіяхъ этихъ представителей крупной собственности и земельнаго владѣнія вообще слышится страхъ предъ «анархическими» стремленіями крайней партіи. Оцѣнка дѣятельности народовольцевъ—самая поверхностная. Въ своей дѣятельности, въ своихъ заявленіяхъ этого момента земцы обнаружили свою политическую недальновидность. И въ этомъ, именно, крылась причина того что рѣшительный моментъ прошелъ, и настроеніе разрѣшилось чрезвычайной реакціей. Правительство вполнѣ правильно рѣшило, что если земцы предлагаютъ созвать представителей *не для* выраженія и осуществленія *воли народа*, а для борьбы съ крамолой, то лучше ужъ остаться при старыхъ и испытанныхъ средствахъ политической репрессіи, чѣмъ испытывать новое и *сомнительное* средство, предложенное къ тому-же едва ли вполнѣ искренно. Такъ какъ общественное движеніе (въ лицѣ земствъ) было явно малосильно, то правительство, послѣ нѣкоторыхъ колебаній,

вступило на путь охраненія коренныхъ началъ государственнаго строя, и ближайшія 20 лѣтъ показали земству всю ошибочность, безполезность и даже несомнѣнный вредъ двойственной политики. Нельзя кланяться Богу и мамонѣ, а конституція несовмѣстима съ гоненіемъ на политическія и соціальныя убѣжденія.

Консервативные органы были правы, когда писали въ 1881 г. о «разбродѣ» общественномъ и политическомъ. При безсознательномъ состояніи народныхъ массъ, при отсутствіи единства въ обществѣ, должна была естественно восторжествовать старая, испытанная система. Хороша ли она была, или нѣтъ, но въ старомъ режимѣ чувствовалась послѣдовательность и организованность. И какъ всегда бываетъ въ моменты, когда происходитъ борьба различныхъ направленій, побѣдило то, на чьей сторонѣ былъ максимумъ фактической силы и организованности. Кромѣ того, въ самомъ обществѣ произошла значительная реакція. Мы видѣли, что земцы были противъ средствъ борьбы крайней партіи, но едва ли они соглашались и съ ея политической программой: созывомъ учредительнаго собранія и всеобщей подачей голосовъ. Чтобы понять точно причину реакціи 80-хъ годовъ, нужно сдѣлать подробный и тщательный анализъ общественной структуры и ея измѣненія въ 60—80-хъ годахъ. Это былъ періодъ роста буржуазіи, занятой прежде всего процессомъ накопленія. Болѣе невѣжественная, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, русская буржуазія стала охранительницей «основъ»—вѣры, семьи, собственности и государства.

Принимая во вниманіе крайне отвлеченныя, часто надуманныя формы, въ которыя отливались соціальныя теоріи русской демократической интеллигенціи, легко понять отрицательное отношеніе русской «чумазой» буржуазіи къ непонятнымъ ей и загадочно-страшнымъ освободительнымъ стремленіямъ крайнихъ партій 1860—70-хъ годовъ. Говоря объ анализѣ общественнаго строенія Россіи 60—70-хъ годовъ XIX в., мы только намѣчаемъ вопросы, которые под-

лежатъ разработкѣ. Въ данной работѣ мы изложили только политическіе проекты и программы, и вскрытіе классовой основы каждой программы принадлежитъ къ задачамъ дальнѣйшаго изслѣдованія русскихъ политическихъ и соціальныхъ теорій.

Возвращаясь къ причинамъ реакціи 80-хъ годовъ, нельзя, конечно, пройти молчаніемъ самый фактъ смерти имп. Александра II. Если за вторую половину царствованія пріостановка поступательнаго движенія вызвала охлажденіе къ особѣ государя, то нельзя все-же отрицать, что онъ, какъ глава правительства, осуществившаго крестьянскую реформу, все-же пользовался большимъ престижемъ въ широкой массѣ. «Александръ II пустилъ пращу,—сказалъ о немъ Герценъ,—и въ этомъ его историческое значеніе». И насильственное устраненіе монарха, имѣвшаго крупное историческое значеніе, немедленно-же отозвалось на политическомъ положеніи внутри страны.

Слабость общественныхъ силъ ярко проявилась въ томъ, что общество не сумѣло ничего противопоставить натиску реакціонныхъ силъ въ средѣ новаго правительства. Въ то время, какъ земцы выражались неопредѣленно и двойственно, требованія реакціи были ясны и недвусмысленны. Консервативная печать, съ Катковымъ во главѣ, требовала укрѣпленія устоевъ самодержавія, твердаго правительства и рѣзкихъ мѣръ. «Регулирующее дѣйствіе власти, которое твердый государственный порядокъ оказываетъ на умы; дисциплинируя ихъ, нигдѣ не чувствуется»—писали «Москов. Вѣдомости»;—«люди въ разбродѣ и обращаются въ стадо... Насъ предостерегаютъ отъ революціи, но надо-же сказать правду: мы уже въ революціи, искусственной и поддѣльной, но тѣмъ не менѣе въ революціи».

За укрѣпленіе самодержавія высказались и славянофилы. «Нечего себя обманывать, говорилъ 28 марта 1881 г. въ славянскомъ обществѣ И. С. Аксаковъ. «Мы подошли къ самому краю бездны. Еще шагъ въ томъ направленіи, въ которомъ съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ мы

двигались до сихъ поръ и—кровавый хаосъ». *)

Всю отвѣтственность за происшедшее славянофилы возлагали на ту часть общества, которая увлекалась идеями ложнаго западнаго либерализма, и, въ частности, на петербургскую бюрократію. «Пора домой»—заявляли они, и какъ свою политическую программу выставляли укрѣпленіе и охраненіе самодержавія при широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія. «Самоуправляющаяся мѣстно земля съ самодержавнымъ царемъ во главѣ—вотъ русскій политическій идеалъ». **)

XXIV.

Либеральные органы печати заявляли о необходимости созыва народнаго представительства. ***)

«Воля Всевышняго совершилась, — писалъ «Порядокъ», — теперь остается только смириться передъ несокрушимой Волей Провидѣнія и, не вступая съ ней въ тщетную борьбу, посвятить всѣ заботы, чтобы положить прочное основаніе для будущаго. Не о реакціи пагубной надо говорить теперь... Государь! Суровыя мѣры стѣсненія доказали свою непригодность. Спросите вашу Землю въ лицѣ излюбленныхъ людей».

«Надо, заявляла «Страна», чтобы основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли и потому лежали на ихъ отвѣтственности. А личность русскаго царя да служитъ впредь только вполнѣ симпатичнымъ символомъ нашего національнаго единства» (№ 36) ****).

---

*) И. Аксаковъ, соч., т. V, 26.

**) Ibid., 47.

***) Цитаты изъ газетъ изложены на основаніи кн. „Конституціоналисты въ эпоху 1881 г." 3-е изд., Москва, 1895, гл. IX, стр. 67. Авторъ книги, бывшій членъ Исполнительнаго Комитета, ренегатъ Л. Тихомировъ даетъ нѣкоторыя цѣнныя свѣдѣнія.

****) „Почему" -спрашивала „*Страна*",—„отвѣтственность за все, что дѣлается на Руси, за ошибки экономическія, мѣры реакціи, за ссылки въ Восточную Сибирь, должна ложиться лично на одного Вождя Русскаго народа"...

«Голосъ» (№ 36) указывалъ, съ своей стороны, на необходимость приступить къ продолженію остановленныхъ революціоннымъ движеніемъ реформъ, призывалъ къ содѣйствію общественныя силы.

Но голоса этой печати были заглушены воплями реакціонеровъ, требовавшихъ самаго безпощаднаго истребленія крамолы, причемъ подъ это понятіе подводились и конституціонныя стремленія либеральной части общества. Вопли объ обузданіи слышались въ своеобразной формѣ и изъ умѣренно либеральныхъ сферъ. Мы уже знаемъ земскія заявленія. Кромѣ того, Лорисъ-Меликову, оставшемуся на посту министра внутр. дѣлъ, поданы были 3 докладныя записки, первая — маркизомъ Вѣлёпольскимъ, вторая—проф. Б. Н. Чичеринымъ, третья—проф. Градовскимъ.

Всѣ три записки указываютъ на необходимость сохраненія и укрѣпленія самодержавія; двѣ изъ нихъ рекомендуютъ даже репрессивныя мѣры, но параллельно съ этимъ стараются доказать всю цѣлесообразность развитія началъ децентрализаціи и мѣстнаго самоуправленія, существенную пользу для самой верховной власти даже при законодательныхъ работахъ въ той или другой формѣ прислушиваться къ мнѣнію представителей общества. Вообще-же эти записки представляютъ собою остроумныя попытки перевести монарха черезъ завѣтную черту такъ, чтобы самъ онъ этого не замѣтилъ.

Записка маркиза Вѣлепольскаго отъ 6 марта 1881 г. (на франц. языкѣ) начинается указаніемъ, что внутренняя политика послѣднихъ лѣтъ, политика, состоявшая больше въ приспособленіи къ обстоятельствамъ, нежели въ проведеніи монархическихъ принциповъ, отличалась отсутствіемъ гармоніи и послѣдовательности. «Исторія всѣхъ заговоровъ,—продолжаетъ записка,—какъ старинныхъ, такъ и недавнихъ, доказываетъ, что острые припадки болѣзни, неудержимое стремленіе къ конституціоннымъ вольностямъ—проявляется, по преимуществу, въ нѣ-

которыхъ частяхъ имперіи. Въ виду этого, можно сказать, что одна изъ главнѣйшихъ опасностей лежитъ въ современной централизаціи. Эта централизація содѣйствуетъ заразѣ, перенося ея зародыши въ свободныя отъ нея провинціи. Общества мѣстностей, еще незадѣтыхъ и нетронутыхъ, въ меньшей мѣрѣ чувствуя себя политически приниженными, не въ силахъ противопоставить достаточнаго сопротивленія революціоннымъ теоріямъ господствующей національности. Такимъ образомъ, представляются одновременно двѣ необходимости: надо, во-первыхъ, остановить распространеніе этой болѣзни путемъ децентрализаціи, съ другой стороны, энергическое лѣченіе болѣзни всюду, гдѣ она выступаетъ въ остромъ видѣ... Необходимо нанести скорые и сильные удары»... (il faut frapper vite et fort). Высказываясь такимъ образомъ за территоріальное расширеніе мѣстнаго самоуправленія, т.-е., иначе говоря, за распространеніе земскихъ учрежденій на Польшу и Западный Край, записка не скрываетъ однако, что въ будущемъ, при послѣдовательномъ развитіи началъ, ею рекомендуемыхъ, придется прійти къ конституціи: «неограниченность верховной власти можно сохранить до того момента, когда различныя народности имперіи почувствуютъ солидарность и вступятъ во взаимное равновѣсіе, благодаря практикѣ свободныхъ учрежденій въ предѣлахъ соотвѣтствующихъ областей и провинцій. Только тогда онѣ способны будутъ трудиться съ успѣхомъ въ стѣнахъ центральнаго парламента надъ развитіемъ благосостоянія всей имперіи».

Записка Б. Н. Чичерина начинаетъ съ порицанія тѣхъ, кто высказывается за созваніе народнаго представительства. «Тѣ, которые вслѣдъ за катастрофой заговорили о свободныхъ учрежденіяхъ, забыли, что власти необходимо *прежде всего* показать свою энергію, доказать, что она не свернула своего знамени предъ угрозой. Монархическій порядокъ совмѣстенъ со свободными учрежденіями *лишь* тогда, когда они являются плодомъ мирнаго

развитія, спокойной инициативы самой верховной власти... Противъ организованной революціи должна стоять крѣпкая правительственная власть, организаціи можно противопоставить только организацію. Именно ея-то и нѣтъ въ нынѣшнемъ государственномъ управленіи; въ немъ нѣтъ ни единства руководящей мысли, ни единства дѣйствій... При такомъ отсутствіи системы въ высшемъ управленіи его частое обращеніе къ земству служитъ ему малымъ подспорьемъ... Никакими циркулярами о взаимномъ содѣйствіи тутъ помочь нельзя, ибо когда-же циркуляры создавали единство дѣйствія? Единство дается согласіемъ высшей администраціи, одинаковостью направленія всѣхъ министровъ, которые имѣютъ общую программу и видятъ въ ней свою собственную мысль! но у насъ это не только не требуется, но даже считается возможнымъ ввѣрить исполненіе политической мысли тѣмъ лицамъ, которыя ея не раздѣляютъ». Высказавшись такимъ образомъ за однородное министерство, записка далѣе рѣшительно отвергаетъ примѣнимость народнаго представительства къ русской жизни. Въ обществѣ развилось направленіе, которое принято называть конституціоннымъ. Это слово испугало многихъ. Понятно, что въ отпоръ этому направленію возникла партія, враждебная всякой перемѣнѣ, способной будто бы расшатать государственный строй.

Указываютъ на незрѣлость русскаго общества, на его неспособность къ представительнымъ учрежденіямъ. Если-бы дѣло шло о настоящемъ народномъ представительствѣ, то съ этимъ можно было-бы согласиться. Особенно въ настоящее время, когда *мятежная шайка* (едва-ли, впрочемъ, искренно!) поставила на своемъ знамени конституцію, верховной власти нельзя безъ ущерба для своего достоинства отвѣчать на угрозы уступками».

Но, отвергнувъ народное представительство и считая существенно необходимымъ только однородность министерства, записка Чичерина приходитъ въ заключеніе къ тому выводу, что «для образованія однороднаго и единаго

правительства нужно сближеніе съ обществомъ... Остается вопросъ, въ какой формѣ произойдетъ это обращеніе къ обществу. Правительство можетъ или вызвать экспертовъ по выбору земскихъ собраній для разсмотрѣнія отдѣльныхъ вопросовъ, или дать выборнымъ лицамъ участіе въ законодательныхъ работахъ государственнaго совѣта. Очевидно, что для полнаго переустройства администраціи послѣдній способъ предпочтительнѣе. Но если такой шагъ былъ-бы признанъ слишкомъ рѣшительнымъ, то ничто не препятствуетъ начать съ вызова экспертовъ по отдѣльнымъ вопросамъ, съ тѣмъ однако-же, чтобы имъ было предоставлено не давать заключенія по отдѣльнымъ пунктамъ канцелярскихъ проектовъ, а вырабатывать эти проекты самимъ. Но правительство должно сказать себѣ заранѣе, что цѣль его состоитъ въ ближайшемъ будущемъ въ созданіи такого законодательнаго органа, который, не стѣсняя верховной власти, давалъ бы ей возможность узнавать о положеніи страны не изъ мертвыхъ донесеній, а изъ живого обмѣна мыслей администраціи и общества. Вызовъ экспертовъ можетъ быть только шагомъ къ переустройству государственнаго совѣта. На этой формѣ можно остановиться на долгое время».

Такимъ образомъ, Чичеринъ приходилъ къ выводамъ, которые уже намѣчены были въ проектѣ Лорисъ-Меликова.

Что касается Градовскаго, то онъ рѣшительно высказывается за сохраненіе самодержавія, но столь-же рѣшительно говоритъ противъ репрессій, съ одной стороны и системы частичнаго улучшенія нашего общественнаго быта—съ другой. «Правительство», пишетъ онъ,—«должно изучить причину смутъ, прежде чѣмъ принять рѣшительный шагъ въ ту или иную сторону. Это необходимо сдѣлать теперь же, время не ждетъ, и бѣда надвигается со всѣхъ сторонъ». Съ своей стороны авторъ изъявляетъ готовность «всемѣрно помогать общему дѣлу, высказывать правду такъ, какъ онъ ее понимаетъ, но для этого»,—прибавляетъ онъ,—«нужна увѣренность, что правду эту

выслушаютъ». Смыслъ его пожеланій заключался въ необходимости созвать народныхъ представителей «для изученія причинъ смуты».

Въ виду самыхъ разнорѣчивыхъ пожеланій общественныхъ группъ, правительство оставило открытымъ вопросъ внутренней политики. Приняты были лишь самыя энергичныя мѣры противъ революціоннаго движенія, причемъ процессъ т. н. «цареубійцъ» закончился казнью пяти человѣкъ (Софьи Перовской, Желябова, Т. Михайлова Кибальчича и Рысакова).

Говорятъ, что когда Лорисъ-Меликовъ прибылъ въ Зимній дворецъ и спросилъ имп. Александра III о дальнѣйшемъ движеніи подписаннаго уже указа о совѣщательной комиссіи представителей и правительственнаго сообщенія о томъ-же, то получилъ благопріятный отвѣтъ.

Въ виду этого гр. Лорисъ-Меликовъ 6 марта 1881 г. внесъ въ государственный совѣтъ слѣдующее предложеніе:

«Вступивъ на прародительскій престолъ, имп. Александръ III обрѣлъ въ завѣщанной ему предками любви къ народному благу великую рѣшимость твердо слѣдовать по пути, предуказанному въ Бозѣ почившимъ незабвеннымъ родителемъ.

Усматривая въ нелицемѣрныхъ проявленіяхъ всенародной скорби вящщее доказательство неразрывной сердечной связи, всегда соединявшей въ Россіи государя съ его подданными и всегда проявлявшейся съ особою въ тяжкія годины испытаній силой, гос. имп. Александръ III, при указаніи на необходимость неуклоннаго преслѣдованія дерзкихъ покусителей на государственный порядокъ и общественное спокойствіе, всемилостивѣйше соизволилъ выразить, что гнусныя злодѣянія преступной горсти безумныхъ отверженцевъ русской земли не въ силахъ побороть въ его сердцѣ рѣшимости исполнить въ точности родительскій завѣтъ любви на благо ввѣренной ему Богомъ имперіи. Руководясь такимъ рѣшеніемъ, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ повелѣть принять къ

точному исполненію *изложенную выше* священную волю своего державнаго родителя, какъ достойное всей его жизни прощаніе его со своимъ народомъ. При этомъ Его Величеству благоугодно было указать министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы самый порядокъ опубликованія во всеобщее свѣдѣніе Высочайшаго по сему предмету повелѣнія былъ тотъ-же, какой предуказанъ въ Бозѣ почившимъ имп. Александромъ II».

«Воля имп. Александра II», о которой говорится въ предложеніи Лорисъ-Меликова государственному совѣту, была именно утвержденнымъ уже и предназначеннымъ къ обнародованію проектомъ о привлеченіи выборныхъ отъ земствъ и городовъ къ законосовѣщательной дѣятельности.

8-го марта было созвано особое совѣщаніе по вопросу объ исполненіи воли имп. Александра II. Засѣданіе это заслуживаетъ вниманіе историковъ, и о немъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія въ печати (въ изданныхъ послѣ смерти Лорисъ-Меликова документахъ *), въ воспоминаніяхъ кн. Мещерскаго и др.). Смыслъ этого событія былъ тотъ, что правительство продолжало оставаться въ неопредѣленномъ положеніи по отношенію къ вопросу о представительствѣ. Большинство (9 министровъ) высказалось за продолженіе и опубликованіе работъ по рѣшенному уже и утвержденному при имп. Александрѣ II вопросу. Меньшинство изъ 5 (приглашенныхъ «ad hoc») лицъ было противъ. Совѣщанія министровъ продолжались подъ руководствомъ Лорисъ-Меликова. Но власть ускользала уже изъ его рукъ. Реакціонныя сферы дѣлали свое дѣло энергично.

Нельзя не отмѣтить своеобразной попытки введенія представительства при петербургскомъ градоначальникѣ. Назначенный послѣ 1 марта градоначальникомъ, Н. Н. Барановъ очень оригинально понялъ заявленія о необходимости представительства для борьбы съ крамолой. Буквально

*) См. брошюры: „Конституція гр. Лорисъ-Меликова", „Черный передѣлъ реформъ имп. Александра II", а также ц. с. Л. Тихомирова, стр. 91.

для этой цѣли предложилъ онъ населенію Петербурга избрать 25 депутатовъ въ совѣтъ при градоначальникѣ для содѣйствія столичныхъ жителей градоначальнику въ борьбѣ съ крамолой. Избиратели должны были въ извѣстный день и часъ находиться дома, а чины столичной полиціи, обходя квартиры, собирали голоса. И все-же, кажется, результаты этого своеобразнаго голосованія вышли довольно неожиданные для Баранова. Во всякомъ случаѣ, высшая власть вполнѣ правильно поступила, прекративши эту комедію представительства. Баранова перевели губернаторомъ въ Архангельскъ. «Совѣтъ» такъ и не собрался ни разу, получивъ отъ остроумцевъ имя «бараньяго парламента».

Къ концу апрѣля настроеніе въ высшихъ сферахъ выяснилось. 27-го апрѣля еще шло совѣщаніе у Лорисъ-Меликова о его проектѣ, а утвержденный экземпляръ высочайшаго манифеста былъ уже врученъ министру юстиціи. 28 апрѣля Лорисъ-Меликовъ *), а 29-го—вся Россія узнала объ окончательномъ рѣшеніи вопроса, поставленнаго на очередь. Имп. Александръ III торжественно возвѣщалъ народу въ своемъ манифестѣ:

«Посреди великой Нашей скорби Гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину *самодержавной* власти, которую Мы призваны *утверждать* и *охранять* для блага народа отъ *всякихъ* на нее поползновеній».

Это было категорическое и не допускающее никакихъ сомнѣній заявленіе верховной власти о томъ, что *никакое* посягательство на умаленіе ея или частичную передачу ея въ руки представительства не будетъ допущено, будетъ-ли оно исходить отъ крайней партіи или изъ среды лицъ умѣреннаго направленія, будетъ ли оно обосновываться идеологически, или же исходить изъ соображеній удобства управленія. Основной вопросъ русской жизни,

*) Говорятъ, что Лорисъ-Меликовъ, услыхавъ о манифестѣ, воскликнулъ: «Это—измѣна».

такъ настойчиво подымавшійся неоднократно съ 50-хъ годовъ,—былъ рѣшенъ надолго и, по внѣшности, безповоротно.

Но общественное движеніе было еще сильно, и, не смотря на отсутствіе въ немъ единства, заставляло правительство изыскать форму, при которой можно-бы было, не измѣняя основного принципа, удовлетворить до нѣкоторой степени требованія населенія.

Естественно, что путь созыва выборныхъ представителей былъ отвергнутъ, какъ ведущій, въ концѣ концовъ, къ конституціи; но рѣзкій переходъ къ полному подавленію земства, противорѣчащаго по своимъ основамъ принципу неограниченной власти, и къ усиленію начала правительственнаго—былъ, по многимъ причинамъ, невозможенъ. Рѣшено было, поэтому, попытать третій путь, средній, который позволилъ-бы совмѣстить основной принципъ съ его противорѣчіями. Поэтому избранъ былъ лозунгъ славянофиловъ: «самоуправляющаяся мѣстно земля съ самодержавнымъ царемъ во главѣ».

Вполнѣ понятно, что послѣ крушенія своей политики и обнародованія манифеста 29 апр. 1881 г. Лорисъ-Меликову оставалось лишь выйти въ отставку *). Одновременно произошло небывалое въ средѣ русской бюрократіи событіе—выходъ въ отставку не только перваго (по значенію) министра, но и его «кабинета».

Вслѣдъ за Лорисъ-Меликовымъ покинули свои посты А. А. Абаза, Д. А. Милютинъ, позже Сабуровъ.

Вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Н. П. Игнатьевъ издалъ циркуляръ, въ которомъ излагалась правительственная программа. Въ ней высказано было осужденіе бюрократіи «за небрежное исполненіе своихъ обязанностей и равнодушіе къ общему благу», за «корыстное отношеніе къ государственному и обществен-

*) Лорисъ-Меликовъ политику правительства съ 1881 г. опредѣлялъ, какъ „тяжелую эпоху самодурства правительства и холопства подданныхъ". стр. 43. Л. Тихомировъ, н. соч.

ному достоянію» и заявлялось, что правительство будетъ «стремиться, при вѣрномъ всѣхъ служеніи и содѣйствіи, къ осуществленію на самомъ дѣлѣ того, что положено въ основу дарованныхъ имп. Александромъ II учрежденій», и что «оно приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали-бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній».

Въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія (отъ 5 мая 1881 г. за № 5562) также было выражено, что «директоры и инспекторы народныхъ школъ, какъ непосредственные агенты Министерства Народнаго Просвѣщенія, должны являться агентами заботливости правительственной, а не стѣсненія самодѣятельности общественной: сію послѣднюю они обязаны уважать и поощрять».

Земства немедленно-же откликнулись на заявленіе гр. Игнатьева. Новгородская губернская управа, войдя по предложенію губернатора въ обсужденіе циркуляра 6-мая на предметъ содѣйствія пожеланіямъ циркуляра, доложила въ дек. 1881 г. губ. собранію сущность постановленій уѣздныхъ собраній по этому поводу, и отъ себя добавляла, что необходимо «съ полною искренностью заявить правительству, что земство при настоящихъ условіяхъ своей дѣятельности не можетъ принять участіе въ борьбѣ правительства съ противообщественными элементами и въ преслѣдованіи задачъ, намѣченныхъ въ циркулярѣ», что вопросъ о содѣйствіи можетъ «получить правильное разрѣшеніе лишь при участіи въ его размотрѣніи уполномоченныхъ отъ земскихъ учрежденій, выбранныхъ земствомъ спеціально для этой цѣли».

Собраніе въ обсужденіе вопроса по существу не вошло, выразивъ увѣренность, что «правительство, строго слѣдуя началамъ манифеста 29 апр., безотлагательно установитъ правильные способы, которые обезпечатъ наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ

исполненія высочайшихъ предначертаній *)».

Кирилловское уѣздное собраніе (Новгор. губ.) приняло мнѣніе глас. Ѳ. М. Арнольда, признавъ его «вполнѣ обрисовывающимъ желанія и стремленія земства на пути искорененія неправды и хищенія». Мнѣніе это «не было разрѣшено въ печать начальникомъ губерніи».

Въ запискѣ, представленной въ Череповецкое уѣздн. собраніе, гл. Н. Ѳ. Румянцевъ, подробно разсмотрѣвъ ходъ и судьбы реформъ Александра II, приходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Созывъ выборныхъ отъ народа, въ качествѣ совѣщательнаго органа самодержавной власти государя по вопросамъ законодательнымъ, представляется намъ, какъ единственный правильный путь, которымъ нужды, страданія и желанія всей земли могли-бы достигать чистыми къ престолу; это единственный путь, устраняющій тѣ компромисы, которые погубили реформы прошлаго царствованія,—единственный путь, который способенъ дать должную гарантію законности и личной свободы вѣрноподданныхъ, единственное средство очистить государственное и общественное самоуправленіе отъ хищеній, неправды и бездѣйствія, исцѣлить общество отъ апатіи и совокупными силами всей земли разсѣять крамолу».

Собраніе согласилось съ Н. Ѳ. Румянцевымъ, но «не рѣшилось войти въ размотрѣніе вопроса по существу, ибо откровенное по этому дѣлу мнѣніе можетъ обезпокоить высшее правительство, въ послѣднее время достаточно озабоченное уже тѣмъ, чтобъ удерживать органы печати, рядомъ карательныхъ мѣръ, отъ свободнаго выраженія мнѣній, безъ чего всѣ наши разсужденія о содѣйствіи не могутъ имѣть никакихъ послѣдствій».

Положеніе печати было дѣйствительно тяжко въ 1881 г. Наравнѣ съ борьбой противъ революціонеровъ (причемъ всѣ исключительныя мѣры были кодифицированы

*) Сборн. пост. зем. собр. Новг. губ. за 1881 г., стр. 24

въ видѣ положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ 6 сент. 1881 г. *) начато было энергичное преслѣдованіе печатнаго слова. Мѣры противъ печати были также вскорѣ объединены въ видѣ «временныхъ правилъ 1882 г.»

Также и земству не было позволено разсуждать о созывѣ представителей и т. п. вопросахъ, не соотвѣтствовавшихъ правительственной программѣ и выходившихъ изъ рамокъ, установленныхъ бюрократіей для земства. Поводъ къ этому подало тверское губ. собраніе, которое въ засѣданіи 23 іюня 1881 г. пришло къ заключенію, что «никакія, какъ частныя, такъ и общія мѣропріятія и реформы не могутъ достигнуть цѣли, поставленной властью, безъ предварительнаго разсмотрѣнія этихъ реформъ выборными представителями всей Русской земли. Поэтому собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о созывѣ представителей Русской земли въ особое совѣщательное учрежденіе, при содѣйствіи котораго только и могутъ быть успѣшно выработаны и проведены въ жизнь необходимыя законодательныя мѣры».

Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ мѣстному губернатору оставить постановленіе безъ дальнѣйшаго производства, какъ выходящее изъ круга подвѣдомственныхъ земскому собранію дѣлъ и потому недѣйствительное.

Одновременно были приняты мѣры къ предотвращенію возбужденія того-же вопроса въ другихъ собраніяхъ. Открывая 9 іюля 1881 г. чрезвычайное губ. собраніе, владимирскій губернаторъ обратился къ нему съ совершенно необычной рѣчью: «я вполнѣ надѣюсь, сказалъ онъ,—что собраніе не выйдетъ изъ предѣловъ программы и предоставленныхъ ему правъ и обязанностей». Владимирское земское собраніе оправдало надежду губернатора, но другія собранія поступали иначе.

Такъ, чрезвычайное харьковское губ. собраніе, по поводу проекта преобразованія крестьянскихъ учрежденій,

*) Этотъ замѣчательный трудъ принадлежалъ перу извѣстнаго государственнаго дѣятеля В. К. Плеве

ходатайствовало, чтобы для окончательнаго рѣшенія этихъ собраній былъ созванъ особый съѣздъ, въ составъ котораго вошли-бы какъ лица правительственныя, такъ и депутаты отъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Череповецкое уѣздное земское собраніе единогласно рѣшило, что «разрѣшеніе вопросовъ, возбужденныхъ переустройствомъ мѣстныхъ управленій, не фанатическое, а основанное на дѣйствительныхъ потребностяхъ и бытовыхъ условіяхъ страны, возможно будетъ лишь тогда, ...когда представители всѣхъ земствъ получатъ возможность объединить и согласить» .....заключенія отдѣльныхъ земствъ... «Если окончаніе разработки этого вопроса будетъ возложено на бюрократическіе органы правительства, то весьма вѣроятно, что вниманіе будетъ обращено на тѣ изъ рѣшеній, которыя ближе подходятъ ко вкусамъ и взглядамъ этихъ органовъ, а не большинства земствъ» *).

Мы уже говорили о репрессіяхъ, которыми правительство стремилось остановить неугодныя ему заявленія. Нельзя не отмѣтить того, что «по указанію свыше, губернаторы, вопреки 9, 64, 76 ст. Полож. о зем. учрежд., стали собственной властью признавать заключенія земскихъ собраній недѣйствительными и не подлежащими дальнѣйшему производству», а печати было воспрещено «опубликованіе безъ разрѣшенія губернскаго начальства постановленій общественныхъ собраній подъ угрозой пріостановки изданія на 3 мѣс.» **).

Призванные 20 дек. 1880 г. высказаться о крестьянскихъ учрежденіяхъ, земства усердно проработали надъ этимъ вопросомъ и представили широкія программы преобразованія всего мѣстнаго управленія на началахъ самоуправленія, настолько широкія, что они совершенно не соотвѣтствовали видамъ правительства. Сводка земскихъ пожеланій по этому вопросу давала, до извѣстной степени, полное воспроизведеніе программы «Земскаго Союза».

*) „Земство“ 1881, № 40, 41.

**) „Земство“, 1882, № 26, с. 2.

Разница была лишь въ томъ, что офиціальные земскіе представители говорили вполнѣ опредѣленно о самоуправленіи въ волостяхъ, уѣздахъ и губерніяхъ, менѣе опредѣленно о самоуправленіи областномъ и еще менѣе ясно о самоуправленіи государственномъ. Несомнѣнно, что именно въ этомъ крылась слабость земскихъ заявленій, которыя начинали не съ того конца. Впрочемъ, созданіе мелкой земской единицы, которое укрѣпило-бы земство и дало-бы ему корни на мѣстахъ, тоже было нежелательно бюрократіи.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію исторіи призыва «земскихъ свѣдущихъ людей», мы отмѣтимъ здѣсь адресъ черниговскаго дворянства 1881 года. Черниговскіе дворяне послѣ изложенія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, благодарили имп. Александра III за довѣріе, высказанное дворянству, и спѣшили откликнуться на призывъ манифеста 29 апрѣля 1881 г.

«Союзъ верховной власти съ землею былъ и будетъ, заявляло дворянство,—главнымъ условіемъ могущества и преуспѣянія нашего отечества; мы вѣримъ, что только такой союзъ можетъ развить тѣ нравственныя силы, съ помощью которыхъ будетъ побѣждена крамола, терзающая наше отечество. Но вѣрноподданные черниговскіе дворяне считаютъ своимъ долгомъ не скрывать отъ В. И. Величества, что общія условія, въ которыхъ въ настоящее время находится наше отечество, неблагопріятны для развитія желаннаго общенія верховной власти съ землею. Вѣруя безусловно въ силу и истину самодержавной власти, черниговское дворянство убѣждено, что эта истина сдѣлается осязательнѣе и очевиднѣе для всего нашего отечества, когда ты, государь, войдешь въ непосредственное общеніе съ землею черезъ излюбленныхъ ея людей».

XXV.

Для удовлетворенія особенно сильно ощущавшейся потребности въ полученіи свѣдѣній не канцелярскимъ пу-

темъ, а отъ людей освѣдомленныхъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая этимъ суррогатомъ совѣщательнаго органа изъ представителей общества при центральномъ правительствѣ удовлетворить настойчивыя заявленія земствъ о необходимости созыва представителей народа, гр. Н. П. Игнатьевъ рѣшилъ вызвать «земскихъ свѣдущихъ людей», по своему выбору, для «составленія предположеній о способахъ пониженія выкупныхъ платежей». Кромѣ того, по тому-же вопросу, министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ уѣзднымъ земскимъ управамъ собраніе свѣдѣній, нужныхъ для разрѣшенія этого вопроса, причемъ было указано, что «главная причина, вслѣдствіе которой обращаются къ земству, состоитъ въ томъ, что необходимъ матеріалъ, собранный вполнѣ добросовѣстно и точно, безъ всякой предвзятой мысли».

Въ первый разъ были вызваны «свѣдущіе люди въ числѣ 12 чел., въ томъ числѣ и авторъ харьковскаго адреса 1879 г. проф. Гордѣенко. Осенью были вызваны 35 чел. свѣдущихъ людей (второго призыва), изъ коихъ большинство не занимало никакихъ выборныхъ должностей; одиннадцать человѣкъ пользовались болѣе или менѣе широкой извѣстностью, какъ литературные и общественные дѣятели (Колюпановъ, Е. С. Гордѣенко, Е. Марковъ, Д. Самаринъ, кн. А. Щербатовъ); былъ даже одинъ крестьянинъ. Свѣдующіе люди разсматривались не какъ техники, спеціально знакомые съ даннымъ вопросомъ, а какъ представители различныхъ группъ и слоевъ общества. Открывая второе совѣщаніе, Игнатьевъ сказалъ: «Земскіе свѣдущіе люди приглашаются для того, чтобы самые жизненные вопросы страны не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла».

Вызовъ свѣдущихъ людей не встрѣтилъ никакого сочувствія среди земскихъ дѣятелей. Наоборотъ, двѣнадцать земскихъ собраній (Херсонское, Владимирское, Новгородское, Псковское, Харьковское, Казанское, Полтав-

ское, Костромское, Петербургское, Калужское, Бессарабское и Смоленское) заявили ходатайства, чтобы къ участію въ законодательной дѣятельности земскіе люди приглашались не въ отдѣльныхъ случаяхъ и не по назначенію отъ правительства, а постоянно и по выбору земствъ. Несомнѣнно, что число ходатайствъ было-бы и больше, если-бы не предупредительныя мѣры. Такъ предсѣдатель самарскаго земскаго собранія не допустилъ чтенія проекта ходатайства, послѣ чего собраніе въ видѣ протеста разъѣхалось.

Въ новгородскомъ губернскомъ собраніи гл. Е. И. Рагозинъ вполнѣ правильно указывалъ, что «свѣдущіе люди»—вовсе не земскіе, и представляютъ собою фиктивное земское представительство, что можетъ вести только къ недоразумѣніямъ. Передача проектовъ на обсужденіе земскихъ собраній казалась ему все-же лучше, чѣмъ обсужденіе вопросовъ «свѣдущими людьми».

Смоленское собраніе 25 янв. 1882 г. ходатайствовало о томъ, «чтобы земство было призвано къ участію въ разработкѣ вопросовъ по переустройству губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій».

Ходатайство это было вызвано, между прочимъ, основаніемъ т. н. Кахановской комиссіи по вопросу о переустройствѣ мѣстнаго управленія. Сначала предполагалось, что комиссія приведетъ мѣстный строй въ соотвѣтствіе съ новыми началами русской жизни. Предсѣдателю, статсъ-секретарю Каханову предоставлялось «приглашать, по усмотрѣнію, мѣстныхъ свѣдущихъ людей».

Смоленское земство ходатайствовало также, чтобы, если правительству будетъ угодно призвать земство для выслушанія его мнѣній, то представители земства указывались каждый разъ губернскими земскими собраніями. Вызываемыя лица только въ томъ случаѣ могутъ выражать мнѣніе земства, когда они имъ на то уполномочены. Затѣмъ въ ходатайствѣ содержалась просьба, чтобы при такомъ вызовѣ свѣдущихъ людей по выбору ни одна губер-

нія не была устраняема отъ участія въ этомъ совѣщаніи*).

Петербургское губернское земское собраніе высказалось, что работы по крестьянскому вопросу могутъ быть всесторонне и успѣшно разработаны путемъ совѣщанія лицъ, избранныхъ земствами всей имперіи; собраніе было глубоко убѣждено «въ той несомнѣнной пользѣ, которую принесло бы благосостоянію петербургской губерніи привлеченіе избранныхъ самимъ земствомъ представителей къ участію въ законодательной разработкѣ» этого вопроса, «а также предоставленіе этимъ, избраннымъ земствами, лицамъ возможности обсуждать общіе вопросы земскаго хозяйства совмѣстно съ представителями другихъ земствъ имперіи». Образованіе подобнаго учрежденія, по мнѣнію собранія, принесетъ пользу. «При такомъ порядкѣ не представится затрудненій къ соглашенію противорѣчивыхъ, иногда, мнѣній отдѣльныхъ земствъ съ замѣчаніями, могущими послѣдовать отъ правительственныхъ органовъ, что можетъ доставить самодержавной власти прочныя и зрѣло обдуманныя основанія для всѣхъ необходимыхъ законодательныхъ мѣръ».

Въ очередное харьковское губернское собраніе была внесена записка 22 гласныхъ, въ которой авторы ея, дѣлая анализъ современному положенію, заявляли, что «реформированному Александромъ II обществу становится тѣсно въ экономическихъ и духовныхъ путахъ, составляющихъ наслѣдіе дореформеннаго времени. Общественная мысль требуетъ самодѣятельности, а здоровыя народныя силы, сдерживаемыя неблагопріятными условіями,—свободнаго ихъ приложенія. Общество ожидаетъ, что въ такомъ именно направленіи проведены будутъ возвѣщенныя правительствомъ преобразованія; что оно не ограничится поверхностнымъ исправленіемъ частностей, а представитъ собою измѣненіе системы, въ основѣ которой лежало недовѣріе къ обществу, и какъ слѣдствіе такого недовѣрія, по-

*) „Земство“ 1882, № 20.

дозрительная опека всѣхъ отраслей общественой жизни и тщательное устраненіе всякаго проявленія самодѣятельности... Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы результаты этой системы измѣнили свой характеръ, если, при разработкѣ плана преобразованія и послѣдовательнаго проведенія въ жизнь законодательныхъ ея подробностей, не отведено будетъ надлежащаго мѣста свободному выраженію общественнаго мнѣнія... Не наше дѣло касаться вопроса, какъ достигнуть того, чтобъ эти избранные явились дѣйствительными выразителями народной мысли,—это задача *государственная*. Мы говоримъ только, что въ довѣрчивомъ призывѣ такихъ людей и въ свободномъ обсужденіи ихъ дѣятельности заключается наилучшее обезпеченіе общественнаго содѣйствія предначертаніямъ правительства». Въ засѣданіи 18 дек., собраніе большинствомъ противъ 3 рѣшило ходатайствовать «объ установленіи взамѣнъ существующаго порядка выбора свѣдущихъ людей, такихъ основаній для выбора ихъ, которыя обезпечивали-бы возможность видѣть въ свѣдущихъ людяхъ дѣйствительныхъ представителей общества».

Подводя итоги земскимъ заявленіямъ, мы видимъ, что всего, въ той или иной формѣ, за созывъ представителей народа (чаще-земства) высказалось семнадцать изъ тридцати пяти *) земскихъ собраній. Сюда нужно добавить заявленія дворянскихъ собраній (петербургскаго и черниговскаго), городскихъ думъ (череповецкой и казанской), а также (позже) рѣчь московскаго городского головы Б. Н. Чичерина на обѣдѣ представителей городовъ во время коронаціи въ 1883 году.

Несомнѣнно, что заявленій этихъ было мало, чтобы заставить правительство пойти на уступки. Правда вопросъ о земскомъ соборѣ, по рецепту славянофиловъ, былъ возбужденъ въ высшихъ сферахъ въ началѣ 1882 г. По

*) Тогда еще было земство въ Области войска Донского.

иниціативѣ Игнатьева былъ приглашенъ П. Д. Голохвастовъ для разработки вопроса о земскомъ соборѣ. Въ высшихъ сферахъ боролись два теченія; съ одной стороны были Игнатьевъ, М. Д. Скобелевъ, Голохвастовъ, поддерживаемые въ печати И. Аксаковымъ; съ другой К. П. Побѣдоносцевъ, оказавшій уже сильное вліяніе на рѣшеніе кореннного политическаго вопроса, Д. А. Толстой, и вообще большинство высшей бюрократіи, съ своимъ идеологомъ-Катковымъ въ области печати. Одно время (въ началѣ марта 1882 г.) теченіе стоявшее за соборъ было даже сильнѣе. Хотя, съ нашей точки зрѣнія, разница между Игнатьевымъ и Толстымъ была небольшая. Первый говорилъ о довѣріи къ земству, и тѣснилъ его, а второй—ничего не говорилъ, но тѣснилъ еще болѣе и помышлялъ даже уничтожить земство. Интересно, для чего нуженъ былъ, по мнѣнію Игнатьева, соборъ? Созвать землю во время нужно для того, чтобы не дать накопляться «искрѣ непотушеннаго дѣла революціоннаго», чтобы соборъ «какъ во время оно былъ, такъ и впередъ остался естественной связью межъ царя и земли и вѣрнымъ имъ обоимъ оплотомъ ото всякихъ *записей* (!)». «Не конституція, не вторичное подражаніе Европѣ: не ограниченіе юридическое»... Просто царь долженъ *сказать* въ Москвѣ на соборѣ всякихъ чиновъ людямъ: «1) про нерушимость вовѣки власти царской, самодержавной; и что никто смутьяновъ не подкупаетъ, не подсылаетъ на царя, а что *сами собой* заводятся они отъ нехристіанскаго воспитанія да отъ непутнаго ученія, и про строгости съ ними впредь; 2) про незыблемость земли, какъ общинной отъ крестьянъ, такъ и господской или чьей-бы и отъ кого-бы то ни было; 3) про устройство ссудъ крестьянамъ подъ земли, покупаемыя лично или общиною, причемъ переселеніе станетъ вовсе почти не надобно; 4) про обязательность выкупа, про оброчныя и подушныя льготы, но которыя всѣ ни къ чему, буде не прекратить пьянства», и долженъ *посовѣтоваться*—на первомъ соборѣ о томъ, какъ прекратить пьянство, а на второмъ

«объ устройствѣ волостныхъ и уѣздныхъ порядковъ» *).

Итакъ, первый русскій земскій соборъ и «представители земли» должны были быть собраны для бесѣды о пьянствѣ! Съ *совѣщательнымъ* голосомъ!... Для начала это было недурно. Интересна въ вышеприведенномъ разсужденіи программа соціальная, какъ часть «народной политики», проводившейся Игнатьевымъ и унаслѣдованной имъ отъ Лорисъ-Меликова.

Но даже жалкимъ проектамъ Игнатьева не суждено было осуществиться. Вскорѣ политика колебаній кончилась, и Катковъ провозгласилъ: «Встаньте, правительство идетъ!»

Игнатьевъ и его якобы славянофильскія затѣи были сданы въ архивъ. Къ власти (на постъ министра внутреннихъ дѣлъ) призванъ былъ Д. А. Толстой. И возвращеніе этого человѣка къ власти само по себѣ было уже декларацiей новаго курса. Это обозначало, что всякіе опыты съ соборами и тому подобными сомнительными по результатамъ планами—прекращены; что государственная политика возвращается на старый испытанный путь. Отнынѣ основой внутренней политики становится охраненіе извѣстнаго политическаго принципа и борьба со всѣмъ, что могло-бы ему повредить, хотя-бы въ отдаленномъ будущемъ. Причина окончательнаго разрыва съ политикой опытовъ приспособленія стараго строя къ новымъ началамъ заключалась, какъ мы уже указали выше, въ томъ, что въ обществѣ не было достаточно элементовъ способныхъ настоять на осуществленіи своихъ идеаловъ. Рѣшеніе вопроса зависѣло, какъ мы упоминали, отъ земствъ. Земства-же выступили съ заявленіями, которыя содержали уже не однѣ общія идеи, какъ дворянскія заявленія 1858-63 годовъ, но опредѣленныя требованія. «Сущность земскихъ заявленій»,—свидѣтельствуетъ земскій историкъ этого момента г. Скалонъ,—«сводилась къ желанію, чтобъ обще-

*) „Русск. Вѣстникъ", 1905, II—III *П. В.*, „П. Д. Голохвастовъ о русскомъ государственномъ строеніи и земскомъ соборѣ".

ственной дѣятельности былъ открытъ болѣе широкій просторъ, чтобъ отношеніе правительства къ обществу сдѣлалось болѣе довѣрчивымъ, чтобы общественнымъ представителямъ было предоставлено участіе въ разработкѣ жизненныхъ законодательныхъ вопросовъ. Далѣе этого скромнаго желанія земскія собранія не шли»... «они не шли дальше заявленія своей преданности государю и готовности итти по тому пути, который будетъ указанъ властью». Они выказали готовность борьбы съ «крамолой», объединяя подъ этимъ полицейскимъ терминомъ всѣ фракціи русскаго освободительнаго движенія. Широкія демократическія требованія тѣхъ, кто стоялъ за осуществленіе воли народа, повидимому пугали ихъ. Земскія требованія не шли, въ общемъ, дальше представительства губернскихъ земскихъ собраній и совѣщательнаго голоса, т. е. четырехъ-степенной подачи голосовъ для народнаго представительства.

Даже самые крайніе изъ нихъ, объединенные въ «Земскій Союзъ», предпочитали политику взятія «изморомъ» бюрократіи. Интересно, какъ въ борьбѣ съ бюрократіей, не стѣснявшейся въ средствахъ для борьбы съ земскимъ движеніемъ, земцы упорно и старательно удерживались на почвѣ легальности, въ предѣлахъ отведенныхъ имъ той-же бюрократіей. Земское движеніе показало свою слабость, свою политическую незрѣлость, часто безтактность и невоспитанность. Мы не говоримъ объ исключеніяхъ, о заявленіяхъ, сдѣланныхъ съ истиннымъ гражданскимъ мужествомъ и съ полнымъ пониманіемъ смысла великой политической борьбы; но общее впечатлѣніе таково, какъ сказано выше. Однако—безсильное измѣнить политическое положеніе—земство показало, что въ немъ таятся вредныя для бюрократическаго принципа тенденціи, что въ удобный моментъ земскія собранія снова могутъ, говоря языкомъ «Московскихъ Вѣдомостей», стать «театромъ конституціонныхъ сатурналій». И это рѣшило, въ принципѣ, судьбу земствъ, какъ и вообще всего, что противо-

рѣчило бюрократическому принципу.

Прежде чѣмъ упомянуть коротко о развитіи конституціонныхъ идей въ царствованіе имп. Александра III, чѣмъ, собственно, и закончена будетъ наша задача, мы упомянемъ вкратцѣ объ эволюціи взглядовъ крайнихъ партій въ политическомъ вопросѣ. Мы видѣли уже, что въ 1879 г. значительная часть передовой интеллигенціи силою жизни была приведена къ пониманію крупнаго значенія политическихъ формъ для свободнаго развитія соціальныхъ теорій и болѣе легкаго ихъ осуществленія. Но исторія показала, что путь избранный этой фракціей, поставившей политическую дѣятельность (вопреки программнымъ заявленіямъ о преобладаніи въ ихъ міросозерцаніи элемента соціальнаго) своей главной задачей, что путь этотъ, диктаторіальный, безъ широкой поддержки массъ, не ведетъ къ успѣху. Это отсутствіе сознательности и сочувствія въ массахъ было большей причиной разгрома партіи «Народной Воли», нежели правительственныя репрессіи. Восьмидесятые годы, когда обнаружилось безсиліе средствами одной только героической личности завоевать новый, лучшій строй жизни, были годами крушенія старыхъ идеаловъ, годами разочарованій и жадныхъ поисковъ новаго слова. И можно сказать, что не одно только внѣшнее давленіе способствовало крушенію упомянутой фракціи,—внѣшняго давленія было не меньше и до того,—крушеніе это имѣло основной причиной то обстоятельство, что фракція была приведена жизнью къ сознанію неправильности, какъ своей теоріи, такъ и практики. И въ этомъ именно лежитъ причина тягостныхъ переживаній, выразившихся у однихъ въ отчаяніи, у другихъ въ апатіи и даже ренегатствѣ, у третьихъ въ безпощадной самокритикѣ и исканіи новыхъ путей.

Этотъ моментъ крайне интересенъ для насъ нарожденіемъ идеологической группы, которой удалось впослѣдви завоевать себѣ почетное мѣсто въ жизни. Новое направленіе получило въ литературѣ названіе марксизма,

и именно ортодоксальнаго марксизма. *) Происхожденіе этой идеологической группы (вначалѣ крайне малочисленной)—таково: мы знаемъ, что при расколѣ въ средѣ передовой интеллигенціи въ 1879 г. часть ея осталась вѣрна старымъ соціальнымъ идеаламъ и отвергла политическую дѣятельность, которая казалась ей «проявленіемъ буржуазныхъ инстинктовъ». Однако, жизнь, которая въ періодъ 1879—82 г. заставила фракцію эту сильно измѣнить общіе взгляды въ политическомъ вопросѣ, заставила «Чернопередѣльцевъ» также ввести политическій элементъ въ свою программу.

1882-й годъ, опредѣлившій окончательно судьбу усилій группы, стоявшей за народную волю, былъ годомъ жестокой самокритики и для группы «Чернаго передѣла». Жизнь подтвердила правильность воззрѣній второй фракціи (чернопередѣльцевъ) о значеніи сочувствія и участія массъ въ стремленіяхъ къ новому и лучшему строю жизни, но вмѣстѣ показала все значеніе государственной организаціи и политической работы *внутри* государства и *черезъ посредство* государства и преимущество этой работы надъ стремленіями къ уничтоженію государства. Теоретикъ новой, нарождавшейся группы, принадлежавшій прежде къ народникамъ, отрицавшимъ въ корнѣ политическую дѣятельность, извѣстный въ литературѣ, какъ Бельтовъ (Георгій Валентиновичъ Плехановъ) въ своей книгѣ, посвященной вопросу о должномъ соотношеніи соціальнаго и политическаго элемента въ программѣ новой группы, подвергъ анализу всѣ предшествовавшія программы. Онъ указалъ на доказанную жизнью ошибочность прежнихъ противогосударственныхъ и соціальныхъ теорій Прудона и Бакунина, но вмѣстѣ и на чрезмѣрное увлеченіе значеніемъ государственной власти, существовавшее въ средѣ только что потерявшей крушеніе «Народной Воли». Послѣдняя группа, по мнѣнію Плеханова, готова была, ради

*) Таково было названіе, обычно примѣнявшееся въ русской печати къ соціалъ-демократіи.

мнимыхъ интересовъ политической дѣятельности, итти на компромиссъ съ либерально-буржуазными группами. Такъ, напр., одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей упомянутой группы (Желябовъ) заявлялъ, что идеалъ и ближайшая цѣль ихъ дѣятельности представлялась ему не въ видѣ «исключительно освобожденія крестьянъ или даже рабочаго сословія, а въ видѣ политическаго возрожденія всего русскаго народа вообще». Словомъ, по мнѣнію Плеханова, революціонная частность заслоняла у народовольцевъ собою общую задачу. Въ отличіе отъ обѣихъ фракцій 1879—1882 г., Плехановъ ставилъ основой программы ученіе Карла Маркса, а въ основу практической дѣятельности полагалъ программу нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Онъ находилъ, что Россія вступила уже въ періодъ капиталистическаго развитія, причемъ капитализмъ породилъ свое противорѣчіе въ видѣ пролетаріата. Такимъ образомъ, были налицо всѣ данныя для того, чтобы имѣть право и возможность въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ опираться не на фикцію о прирожденныхъ соціальныхъ идеалахъ русскаго крестьянина, а на реальную почву интересовъ рабочаго класса. *)

Группа, съ Плехановымъ во главѣ, состоявшая изъ бывшихъ народниковъ, приняла имя «группы освобожденія труда», характеризуя этимъ названіемъ свою цѣль. Программа этой соціалъ-демократической группы была слѣдующая.

Передовой интеллигенціи пришлось стать во главѣ современнаго освободительнаго движенія, прямой задачей котораго должно быть созданіе свободныхъ политическихъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ, причемъ марксисты, съ своей стороны, должны стараться доставить ра-

*) Теоретическіе споры о процессѣ капитализаціи и пролетаризаціи въ Россіи были изложены Плехановымъ сперва въ книгѣ „Наши разногласія“ 1884, а частью и въ столичной легальной журнальной литературѣ.

бочему классу возможность активнаго и плодотворнаго участія въ будущей политической жизни Россіи.

Первымъ средствомъ для достиженія этой цѣли должна быть агитація въ пользу демократической конституціи, обезпечивающей:

1) Право быть избирателемъ и избираемымъ, какъ въ законодательное собраніе, такъ и въ провинціальные и общинные органы самоуправленія всякому гражданину, не приговоренному судомъ за извѣстныя, строго опредѣленныя закономъ, *позорныя* дѣйствія къ потерѣ политической правоспособности.

2) Опредѣленную закономъ денежную плату народнымъ представителямъ, позволяющую выбирать ихъ изъ бѣдныхъ классовъ населенія.

3) Неприкосновенность личности и жилища гражданъ.

4) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціацій.

5) Свободу передвиженія и занятій.

6) Полную равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племенного происхожденія.

7) Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа.

8) Пересмотръ всего гражданскаго и уголовнаго законодательства, уничтоженіе сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ человѣка.

Что касается объединенія рабочаго класса, то таковое имѣло цѣлью дѣятельность для достиженія вышеуказанной цѣли, а потомъ, по достиженіи ея, существованіе въ качествѣ обособленной политической партіи, стремящейся къ осущественію основного соціальнаго идеала.

Такова была программа новой группы, которая могла приступить къ практической дѣятельности въ широкомъ смыслѣ слова лишь черезъ 10—12 лѣтъ *). Какъ мы ви-

*) Съ 1883 по 1894 г. шла преимущественно теоретическая пропаганда въ средѣ интеллигенціи. Впрочемъ, въ Петербургѣ уже съ 1889—90 г. началась проповѣдь марксизма въ рабочемъ классѣ.

димъ, группа эта порвала безповоротно съ противогосударственными и утопическими теоріями 60—70-хъ годовъ, и готова была дѣйствовать *на* государство и *посредствомъ* государства для достиженія цѣлей и защиты интересовъ того общественнаго слоя, представителемъ идеаловъ котораго группа являлась (т. е. рабочаго класса).

Въ томъ-же 1883 г. вышелъ въ свѣтъ проектъ политической программы, преслѣдовавшей въ первую очередь интересы національно-украйнскія. Основныя цѣли той группы, которая выставляла эту программу и приняла названіе Вольнаго союза (Вільной Спілки), были слѣдующія:

I. Цѣли общегражданскія:

а) Права человѣка и гражданина,—какъ необходимое условіе личнаго достоинства и развитія.

б) Самоуправленіе,—какъ основа для движенія къ соціальной справедливости.

II. Цѣль частно-національная:

Политическая свобода,—какъ средство для возвращенія украйнской націи въ семью націй культурныхъ.

Важнѣйшей и ближайшей цѣлью союза была работа надъ преобразованіемъ Россіи на началахъ политической свободы.

Интересна своеобразная классификація правъ человѣка и гражданина въ этой программѣ:

а) Неприкосновенность тѣла для позорныхъ наказаній и смертной казни.

б) Неприкосновенность личности и жилища для полиціи безъ судебнаго позволенія.

Примѣчаніе 1. Въ случаѣ поимки кого-либо на мѣстѣ преступленія всякій можетъ арестовать виновнаго, но долженъ тотчасъ же передать его въ руки судебной власти.

Примѣчаніе 2. Никто не долженъ быть судимъ судомъ чрезвычайнымъ. Уголовный судъ, кромѣ мирового, долженъ быть судъ съ присяжными.

в) Неприкосновенность частныхъ писемъ и телеграммъ.

г) Свобода выбора мѣста жительства и занятій.

д) Неприкосновенность національности (языка) въ частной и публичной жизни.

е) Свобода совѣсти (вѣры и невѣрія) и всякаго публичнаго богослуженія и обрядовъ, не противныхъ общественному стыду.

Примѣчаніе. Изъ этой свободы вытекаетъ отмѣна государственной церкви и обращеніе всѣхъ церковныхъ учрежденій въ частныя, содержимыя единственно на счетъ желающихъ и управляемыя сообразно ихъ волѣ, безъ всякаго пособія или вмѣшательства учрежденій гражданскихъ.

ж) Свобода рѣчи, печати, театровъ и обученія.

з) Свобода сходокъ, прошеній и заявленій внѣшними знаками (рисунками, знаменами, процессіями и др.) безъ нарушенія внѣшняго порядка и безопасности въ населенныхъ мѣстахъ.

и) Свобода товариществъ и обществъ.

і) Право ношенія оружія и военныхъ упражненій безъ нарушенія внѣшняго порядка и безопасности въ населенныхъ мѣстахъ.

к) Право гражданскаго и уголовнаго иска противъ должностныхъ лицъ и учрежденій за незаконное нарушеніе интересовъ лица.

л) Право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ чиновниковъ.

м) Равенство всѣхъ въ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ.

Дополненіе. Права человѣка и гражданина не могутъ быть ни отмѣнены, ни ограничены никакимъ постановленіемъ, ни закономъ, исключая ограниченій, установляемыхъ въ законодательномъ порядкѣ на время внѣшней войны. Но и въ такомъ случаѣ никто, не принадлежащій къ арміи и флоту, не можетъ быть судимъ военнымъ судомъ.

Охрана вышеисчисленныхъ правъ должна возлагаться на обязанность мѣстныхъ мировыхъ судей, которымъ

должно быть предоставлено право, подъ личной отвѣтственностью, требовать себѣ содѣйствія вблизи стоящихъ военныхъ силъ, обязанныхъ оказывать имъ таковое содѣйствіе.»

Политическая свобода, согласно этой программѣ, должна была также выражаться, кромѣ правъ человѣка и гражданина, въ самоуправленіи мѣстномъ и государственномъ. Мѣстное самоуправленіе по проекту было: общинное (сельское и городское), волостное, уѣздное и областное. Россія дѣлилась на области «сообразно *совокупности* географическихъ, экономическихъ и этнографическихъ условій.» Программа предполагала слѣдующія области: 1. Сѣверную, 2. Озерную (Олонецкую, Петерб., Псковскую, Новгород. и Тверскую губ.), 3. Балтійскую, 4. Литовскую, 5. Польскую, 6. Бѣлорусскую, 7. Полѣсскую, 8. Кіевскую, 9. Одесскую, 10. Харьковскую, 11. Московскую, 12. Нижегородскую, 14. Пріуральскую, 15. Саратовскую, 16. Кавказскую (Закавказье съ Ставропольской губерніей—временно), 17. Западную Сибирь, 18. Восточную Сибирь; 19. Земли Казачьи (Дон., Кубан., Терск., Уральск.) должны оставаться какъ особыя области впредь до преобразованія казачьей военной службы и всего строя этихъ земель на началахъ всесословности; 20. Области Средне-азіатскія (какъ слишкомъ разнообразныя по своему населенію и недавно еще присоединенныя, должны быть управляемы на особомъ положеніи съ возможнымъ примѣненіемъ началъ самоуправленія).

Самоуправленіе должно было представляться *сходами*, или-же выбранными *собраніями*, предъ которыми должны быть отвѣтственны всѣ должностныя лица, кромѣ судей, положеніе которыхъ опредѣляется особо. (III § 2).

Всѣ лица, достигшія 21-лѣтняго возраста, должны пользоваться избирательнымъ правомъ и правомъ быть избираемыми во всякія представительныя собранія и должности общинныя, волостныя и уѣздныя; для права-же быть избраннымъ въ собранія и должности областныя и

государственныя необходимъ 25-лѣтній возрастъ.

Примѣчаніе 1. Законы объ избирательныхъ сходахъ и округахъ должны быть составлены такимъ образомъ, чтобъ выбранные могли представлять не только жителей всѣхъ мѣстностей, но и, по возможности, всѣхъ родовъ занятій, а также не только большинства, но и меньшинства.

Примѣчаніе 2. Избиратели должны имѣть право составлять для своихъ выборныхъ *наказы.*

Въ общихъ чертахъ программа сходна съ программой «Земскаго Союза», изложенной выше. «Вольный Союзъ» также предполагалъ устройство *Государственной Думы,* составленной изъ гласныхъ, избранныхъ общимъ голосованіемъ, и *Союзной Думы,* изъ гласныхъ, избранныхъ областными думами. Завѣдываніе дѣлами, общими всему россійскому государственному союзу, и общегосударственное законодательство принадлежали обѣимъ думамъ. Областныя думы могли замѣстить однихъ представителей своей области въ Союзной Думѣ—другими въ любое время, а также давать имъ инструкціи. Думы уѣздныя и областныя, а также глава государства имѣли право поднимать вопросъ о несогласіи постановленій Государственной и Союзной Думъ съ основными законами, разрѣшаемый Сенатомъ въ общемъ засѣданіи. Измѣненіе конституціи могло быть произведено лишь съ предварительнаго согласія $^2/_3$ голосовъ Государственной и Союзной Думъ и съ утвержденія *Государственнаго Собора* (§ 23). Послѣдній составлялся изъ всѣхъ членовъ Государственной и Союзной Думъ, причемъ Союзная Дума для сего случая пополнялась «нарочитыми гласными», назначенными областными думами, съ такимъ разсчетомъ, чтобы число членовъ обѣихъ думъ стало равно (§ 24). Глава государства могъ быть или безотвѣтственный наслѣдный императоръ, или избранный на срокъ Предсѣдатель всероссійскаго государственнаго союза, отвѣтственный наравнѣ съ министрами. Такимъ образомъ, вопросъ о формѣ правленія конституціоннаго государства не предрѣшался.

Интересно, что программа заявляла: «Изъ вышеизложенныхъ началъ политическаго преобразованія Россіи должно считать особенно важными: 1) права человѣка и гражданина и 2) самоуправленіе *мѣстное;* правленіе-же всею Россіей посредствомъ центральнаго представительнаго собранія, безъ признанія и обезпеченія этихъ правъ и мѣстнаго самоуправленія, должно считать такъ-же мало охраняющимъ свободу вообще и интересы Украины въ частности, какъ и теперешнее устройство Россійской Имперіи».

Согласно поставленной нами задачѣ, мы не излагаемъ здѣсь (довольно скудной) соціальной части программы союза, направленной «къ облегченію угнетающихъ теперь жителей россійской Украины общественныхъ тяжестей и къ обезпеченію каждому изъ нихъ средствъ жизни и развитія».

Проектъ этотъ, составленный виднымъ дѣятелемъ и писателемъ, профессоромъ кіевскаго, а потомъ софійскаго (болгарскаго) университета, украинскимъ націоналъ-либераломъ (въ лучшемъ смыслѣ слова), Мих. П. Драгомановымъ, несомнѣнно имѣлъ за собой нѣкоторыхъ сторонниковъ, но имѣетъ для насъ интересъ лишь историческій. Идея федерализма была наслѣдственно воспринята Драгомановымъ отъ соединенныхъ славянъ (1825 г.) и кирилло-меѳодіевскаго братства (1847). Боявшійся централистическихъ стремленій великорусской демократіи Драгомановъ внесъ въ свой проектъ цѣлый рядъ факторовъ, которые должны были воспрепятствовать центральному представительному собранію подавить автономію мѣстныхъ самоуправляющихся союзовъ; этой цѣли служили:—Союзная Дума, Сенатъ, согласіе $^2/_3$ голосовъ обѣихъ палатъ для постановки вопроса объ измѣненіи конституціи, и наконецъ Государственный Соборъ (учредительное собраніе), въ которомъ голоса представителей областей были равны голосамъ представителей народонаселенія. Нельзя не признать это нагроможденіе задерживающихъ началъ и пре-

понъ для всенароднаго представительнаго собранія—излишнимъ, и самую конституцію «Вольнаго Союза»—неуклюжей и малоподвижной. Повторяемъ, практическаго значенія проектъ этотъ не имѣлъ никакого.

XXVI.

Восьмидесятые годы (считая и первую половину девяностыхъ) наполнены дѣятельностью, направленной къ устраненію всего противорѣчащаго или могущаго противорѣчить охраненію коренного государственнаго принципа, которое стало основой государственной политики. Перечислимъ вкратцѣ главнѣйшія мѣропріятія этихъ тринадцати лѣтъ, имѣвшія цѣлью охраненіе политическаго принципа. Это были: манифестъ 29 апр. 1881 г. о неуклонномъ охраненіи самодержавія; положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ 14 авг. 1881 г.; временныя правила о евреяхъ, установившія черту осѣдлости, 1882 г.; временныя правила о печати 1882 г., создавшія современное ея положеніе; университетскій уставъ 1 авг. 1884 года, отмѣнившій уставъ 1863 г., преобразованіе военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса; правила о народныхъ библіотекахъ-читальняхъ; воспрещеніе выдачи разныхъ книгъ и журналовъ въ публичныхъ библіотекахъ; учрежденіе церковно-приходскихъ школъ; созданіе «близкой къ народу, твердой правительственной власти» въ видѣ земскихъ начальниковъ; измѣненіе судебныхъ уставовъ, въ части, касающейся суда присяжныхъ, и уничтоженіе (за немногими исключеніями) выборнаго мирового суда (1889 г.); созданіе новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ (1890 г.) и новаго городового положенія (1892 г.), и наконецъ самыя строгія преслѣдованія крайнихъ партій. Перечень этотъ, конечно, далеко не полонъ. Мы коснемся, вкратцѣ, преобразованія земскихъ учрежденій, имѣвшаго цѣлью уничтожить возможность оппозиціи правительственнымъ мѣропріятіямъ, всегда проявлявшейся въ земствѣ. Гр. Д. А. Толстой получилъ названіе «министра борьбы», и дѣй-

ствительно былъ таковымъ. Онъ стремился искоренить не только остатки партіи «Народной Воли», пришедшей въ крайній упадокъ отъ идейнаго кризиса въ своей средѣ и репрессій власти, но также и политическую тенденцію въ земствѣ. Всякія ходатайства о разрѣшеніи земскихъ съѣздовъ и объ участіи таковыхъ въ обсужденіи законопроектовъ категорически отклонялись. Былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы въ засѣданіяхъ земскихъ собраній присутствовали лица прокурорскаго надзора, на обязанности которыхъ было бы возложено останавливать возбужденіе и обсужденіе вопросовъ, закономъ не разрѣшенныхъ.

Въ 1884 г. новгородскій губернаторъ докладывалъ государю о систематической оппозиціи правительству Череповецкаго земства. Высочайше утвержденнымъ 7 іюня 1888 г. положеніемъ комитета министровъ предоставлено было министру внутреннихъ дѣлъ на три года возложить на правительственную комиссію обязанности и полномочія, входящія въ кругъ вѣдомствъ уѣздной земской управы и представительства мѣстнаго земства въ уѣздныхъ учрежденіяхъ. Члены управы были сосланы въ административномъ порядкѣ на 5 лѣтъ въ Архангельскую губернію.

Положеніе, созданное неудовлетвореніемъ самыхъ естественныхъ и самыхъ благихъ по своимъ намѣреніямъ стремленій земства, повело къ нѣкоторому упадку земскаго дѣла въ зависимости отъ охлажденія къ земскому дѣлу многихъ земскихъ дѣятелей.

Д. А. Толстой, подъ предлогомъ, что земство плохо выполняетъ возложенныя на него обязанности, заявилъ о необходимости преобразованія земскихъ учрежденій. Преобразованіе это нужно, впрочемъ, назвать по своей идеѣ и сущности уничтоженіемъ земства и замѣной его назначенными правительствомъ органами.

«Русское самодержавіе»,—писалъ Катковъ,—«не можетъ и не должно терпѣть никакой неподчиненной ему или не отъ него исходящей власти въ странѣ, никакого

государства въ государствѣ». Одинаково съ нимъ говорилъ и Д. Толстой: «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. внесло въ наше законодательство два новыя начала: исключительно выборное, на безсословномъ представительствѣ основанное, устройство мѣстныхъ по хозяйственнымъ дѣламъ установленій и полную обособленность ихъ отъ правительственныхъ органовъ управленія»... Эти начала «не имѣютъ оправданій въ нашемъ историческомъ прошломъ». Гр. Толстой отмѣчалъ, что въ земствѣ и администраціи «воспитывается тотъ духъ взаимнаго недовѣрія и противодѣйствія, который не допускаетъ возможности плодотворной совмѣстной дѣятельности администраціи и земства»; что «духъ» этотъ «сталъ обнаруживаться, съ первыхъ-же лѣтъ по введеніи земства, почти повсемѣстно, систематической съ его стороны оппозиціей правительству». Причину оппозиціи и конституціонализма земцевъ Толстой правильно видѣлъ не въ неблагонадежности отдѣльныхъ лицъ, а въ самой системѣ самоуправленія, противорѣчившей основному государственному принципу. А потому онъ предлагалъ совершенно уничтожить исполнительные земскіе органы (губернскія и уѣздныя управы) и замѣнить ихъ губернскими и уѣздными земскими присутствіями, подчиненными губернатору и пополняемыми по назначенію. Земскія собранія должны были стать совѣщательными учрежденіями, постановленія коихъ подлежали-бы утвержденію губернатора или министра внутр. дѣлъ. Земскія собранія должны были пополняться на основѣ сословнаго представительства, имѣющаго притомъ характеръ повинности.

Смерть гр. Толстого не дала ему провести его проекты, и преобразованіе земства явилось компромиссомъ между положеніемъ 1864 г. и проектомъ Толстого.

Въ нашу задачу не входитъ изложеніе сущности «реформы» 1890 г. Замѣтимъ лишь, что число гласныхъ губернскихъ земскихъ собраній по новому закону было сокращено съ 2274 до 1576, а—уѣздныхъ—съ 13329 до

10229, или въ процентахъ число первыхъ уменьшилось на 31,1%, а вторыхъ на 23,2%.

Введено представительство по сословіямъ, а именно— одно избирательное собраніе изъ дворянъ личныхъ и потомственныхъ, второе—изъ прочихъ избирателей,—кромѣ лицъ крестьянскаго сословія,—а также изъ юридическихъ лицъ.

Сельскіе избирательные съѣзды упразднены, избраніе гласныхъ отъ сельскихъ обществъ предоставлено волостнымъ сходамъ; избранные имъ кандидаты утверждаются губернаторомъ; усилено дворянское представительство, за счетъ другихъ сословій, особенно крестьянъ. По 30 губ. въ составъ уѣздныхъ собраній входитъ гласныхъ:

отъ 1-го избир. собранія	5433	или	57,1%
» 2-го » »	1273	»	13,3%
» сельскихъ обществъ	2817	»	29,6%,

При новомъ распредѣленіи, крестьяне потеряли, по 30 губ.,—2162 мѣста или 43,4% принадлежавшаго имъ числа гласныхъ (3979), а по всѣмъ 34 губ.—2190 (по новому положеніи 4167 противъ прежнихъ 5357), или 40,9%. По прежнему положенію гласныхъ отъ сельскихъ обществъ было 48% общаго числа гласныхъ (5357 изъ 13329), а по новому они составляютъ лишь около 31% (3167 на 10229). Затѣмъ устранены отъ участія въ земствѣ лица, имѣющія купеческія свидѣтельства и владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ заведеній, священно—и церковно-служители, и евреи. Въ составъ губернскихъ собраній введены всѣ уѣздные предводители дворянства, или предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ, а въ уѣздныя собранія-городскіе головы уѣздныхъ городовъ.

Но мѣры эти не уничтожили земскаго конституціонализма. Это доказало земское движеніе 1894-5 года.

Прежде чѣмъ изложить этотъ эпизодъ, чѣмъ наша задача и будетъ исчерпана, упомянемъ о политическихъ программахъ среди передовой интеллигенціи, какъ онѣ намѣчались къ концу 1894 года. Къ 1890-му году борьбу власти съ крайнимъ направленіемъ, такъ ярко окрасив-

шимъ своей дѣятельностью періодъ 1879-81 г., можно было считать поконченной. Старое народничество не только на практикѣ, но и въ теоріи понесло рядъ ударовъ. Усиливалась группа, поставившая основаніемъ своей программы интересы рабочаго класса. Борьба между народниками и марксистами переходила въ литературу. Марксизмъ дѣлалъ въ средѣ интеллигенціи широкія (хотя не всегда удачныя и крѣпкія) завоеванія.

Голодъ 1891-го года показалъ мыслящей Россіи перспективы вымиранія невѣжественнаго и голоднаго крестьянства и создалъ цѣлое движеніе въ народъ. Результатомъ было сознаніе необходимости во что бы то ни стало направить всѣ усилія на устраненіе коренныхъ причинъ, создавшихъ безпомощность и вымираніе массъ. Произошли новыя группировки въ средѣ передовой интеллигенціи.

Одной изъ такихъ новыхъ группъ была образовавшаяся въ началѣ 90-хъ годовъ партія «Народнаго права», которая задалась цѣлью объединить крайніе и умѣренные элементы оппозиціи на почвѣ общей борьбы. Ею изданъ рядъ воззваній и брошюра «Насущный вопросъ». Въ 1894 г. эта группа потерпѣла сильный уронъ. Цѣли свои опредѣляла она слѣдующимъ образомъ:

«Есть моменты въ жизни государствъ, когда одинъ вопросъ занимаетъ первенствующее мѣсто,... вопросъ, отъ рѣшенія котораго въ ту или другую сторону зависитъ будущность народа». Такимъ вопросомъ для Россіи былъ, по мнѣнію партіи, вопросъ политической свободы. Указавъ на контръ-реформы, предпринятыя въ періодъ 1881-94 г., партія заявляла, что необходимъ «рѣшительный поворотъ въ направленіи интересовъ массъ, что возможно лишь при немедленномъ участіи страны въ управленіи, т. е. при замѣнѣ современнаго строя представительными учрежденіями». Необходимо было создать силу организованнаго общественнаго мнѣнія, что партія и ставила своей задачей.

«По мнѣнію партіи, народное право равно заключаетъ въ себѣ какъ понятіе о правѣ народа на политиче-

скую свободу, такъ и понятіе о его правѣ на удовлетвореніе его матеріальныхъ нуждъ на основаніи народнаго производства. Гарантіями этого права партія считаетъ:

«Представительное правленіе на основѣ всеобщей подачи голосовъ.

Свободу вѣроисповѣданія.

Независимость суда.

Свободу печати.

Свободу сходокъ и обществъ (ассоціацій).

Неприкосновенность личности и ея человѣческихъ правъ.

Принимая во вниманіе, что Россія не есть однородное цѣлое, но весьма сложное политическое тѣло, признаніе права политическаго самоопредѣленія за всѣми національностями, входящими въ ея составъ, есть необходимое условіе политической свободы»...

Таковы были политическіе идеалы новой группы. Недостатокъ матеріаловъ препятствуетъ намъ точно оцѣнить ея значеніе.

Возможно, что именно изъ этой среды вышелъ проектъ конституціи подъ заглавіемъ «Основной государственный уставъ россійской имперіи», обнародованный въ 1894 г.

Авторы этого проекта заявляли, что «въ нашемъ отечествѣ невозможна ни дворянская, ни буржуазная, ни клерикальная (?) конституція, потому что средніе вѣка не оставили въ Россіи такихъ элементовъ, которыми на Западѣ могли держаться дворянскія и клерикальныя конституціи, а капитализмъ *еще не успѣлъ* закабалить народъ подъ владычество буржуазіи».

«Интеллигенція, какъ безкорыстная служительница народа, должна выдвинуть проектъ конституціи, основанный не на классовыхъ (!) вожделѣніяхъ, а на чистыхъ идеалахъ народнаго блага, на справедливомъ сочетаніи разнообразныхъ интересовъ, существующихъ въ государствѣ, и потребностей самаго государства, какъ цѣлаго». Проектъ этотъ авторы его считали возможнымъ и осуществимымъ

въ Россіи теперь-же: «Она (конституція) основана не на ломкѣ нашихъ государственныхъ учрежденій, а на ихъ укрѣпленіи и совершенствованіи; она не отрицаетъ, а воспринимаетъ тѣ основныя политическія понятія о Царѣ и Народѣ, которыя господствуютъ въ массахъ русскаго населенія; исходя изъ этихъ началъ, она гарантируетъ всѣ блага гражданской и политической свободы; она безусловно демократична; она даетъ громадный просторъ героическимъ усиліямъ личности, которая въ Россіи постоянно являлась и является двигателемъ прогресса, замѣняя работу чуждыхъ русской жизни корпорацій и ассоціацій; болѣе того она ограждаетъ личность отъ произвольнаго насилія самихъ представительныхъ учрежденій, какого можно (!) у насъ ожидать, судя по нравамъ существующихъ общественныхъ собраній. Твердыня, на которой зиждется наша конституція—это суды: судебная реформа 1864 г. доказала, что, при надлежащей постановкѣ, суды могутъ оградить отъ насилія и произвола права личности, гарантированныя конституціей и открывающія просторъ ея свободной дѣятельности».

Такъ рекомендовали свой проектъ авторы его, взгляды коихъ очень характерны. Изложимъ вкратцѣ основныя черты этого проекта.

«Верховная власть въ Россійской имперіи принадлежитъ императору и осуществляется имъ на точномъ основаніи постановленій Основного Государственнаго Устава, которыя могутъ быть измѣняемы имъ лишь съ согласія Земскаго Собора, представляющаго собою весь русскій народъ (§ 1). Государственныя учрежденія Россійской имперіи, при помощи которыхъ осуществляется верховная власть императора—слѣдующія: а) Палата народныхъ представителей, б) областные сеймы, в) Государственный совѣтъ, г) Совѣтъ министровъ, д) Правительствующій Сенатъ.

Каждому гражданину Россійской имперіи, достигшему совершеннолѣтія, безъ различія состоянія, пола, національности и вѣроисповѣданія, принадлежатъ слѣдующія поли-

тическія права: право избранія мѣста жительства, занятій и образа жизни; право свободнаго переселенія въ предѣлахъ имперіи и заграницу, а равно перехода въ иностранное подданство; право свободно высказывать свои мнѣнія устно, письменно и печатно и всякимъ ичымъ способомъ; право вступать въ соединенія съ другими лицами, какъ временныя, такъ и постоянныя, устраивать собранія, собесѣдованія и общества всякаго рода для достиженія совмѣстными усиліями общихъ цѣлей; право переходить изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, или не принадлежать ни къ одному изъ нихъ. (§ 4).

Права гражданъ (§ 4) подлежатъ непосредственной охранѣ судовъ.

Земскій Соборъ созывается въ слѣдующихъ случаяхъ: когда въ законодательномъ порядкѣ будетъ признано необходимымъ ввести измѣненія или дополненія въ семъ Уставѣ, или упразднить существующій областной сеймъ; когда будетъ признано въ томъ-же порядкѣ необходимымъ издать законъ, налагающій на гражданъ новыя повинности, обязанности, ограниченія и наказанія, дѣйствіе которыхъ полагается распространить на время, предшествующее изданію этого закона; когда императоръ не утвердитъ принятой палатой народныхъ представителей росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ; когда сенатъ признаетъ необходимымъ отмѣнить вошедшее въ законную силу судебное рѣшеніе и когда между государственными учрежденіями, или-же между ними и императоромъ, возникнетъ разномысліе, не могущее быть разрѣшеннымъ на основаніи Устава (§ 6.)

Земскій Соборъ созывается манифестомъ императора... Представители въ Соборъ избираются въ числѣ опредѣленномъ и въ порядкѣ, установленномъ для выборовъ въ областные сеймы. Участвовать въ голосованіи можетъ каждый гражданинъ, внесенный въ избирательные списки, независимо отъ мѣста его пребыванія во время выборовъ. Избраннымъ можетъ быть каждый, пользующійся избирательными правами, хотя-бы онъ уже состоялъ членомъ одного

изъ государственныхъ учрежденій. (§ 7).

Палата народныхъ представителей составляется изъ выбранныхъ посредствомъ всеобщаго народнаго голосованія лицъ, по одному на 300,000 населенія. Срокъ полномочій— пятилѣтній. Палата собирается 1 окт. ежегодно, причемъ сессія палаты, безъ ея согласія, не можетъ быть закрыта раньше 6 мѣс., послѣ ея открытія. При окончаніи полнаго срока полномочій сенатъ назначаетъ новые выборы между 1 августа и 1 сент., и созываетъ палату на 1 окт.. Палата можетъ быть распущена императоромъ, съ назначеніемъ новыхъ выборовъ не позже, какъ черезъ мѣсяцъ. Но вновь избранная палата, безъ согласія Земскаго Собора, не можетъ уже быть распущена (§ 11—13).

Россійская Имперія дѣлится на области, въ каждой области учреждается сеймъ *), изъ выбранныхъ *постояннымъ* населеніемъ области, посредствомъ всеобщаго голосованія лицъ, по одному на 75,000 населенія. Срокъ полномочій—3 года. Сессій въ году 2 (1 апр. и 1 сент.), Сессія сейма не можетъ быть закрыта безъ его согласія ранѣе истеченія мѣсячнаго срока. Сессія сейма закрывается распоряженіемъ совѣта министровъ. На сеймѣ присутствуетъ членъ совѣта министровъ по уполномочію совѣта.

Учрежденіе сеймовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они не существовали, принадлежитъ законодательной власти, но закрытіе ихъ не можетъ послѣдовать безъ согласія земскаго собора (§ 14—17).

Способъ составленія государственнаго совѣта оставляется прежній. Совѣтъ министровъ составляется изъ лицъ, которымъ поручено императоромъ управленіе имперіей, а именно: имперскаго канцлера, министровъ съ портфелями и безъ нихъ, генералъ-губернаторовъ и статсъ-секретаря в. кн. Финляндскаго. Отвѣтственными какъ за постановленія совѣта, такъ и за дѣйствія отдѣльныхъ его членовъ, являются всѣ члены совѣта солидарно.

---

*) Въ царствѣ Польскомъ учреждается особый сеймъ на правахъ областного.

Правительствующій сенатъ (изъ 3 департаментовъ: гражданскаго, уголовнаго и административнаго) составляется изъ сенаторовъ, назначаемыхъ императоромъ изъ лицъ судейскаго званія, представляемыхъ общимъ собраніемъ сената въ числѣ 3 кандидатовъ на каждую вакансію.

Выборы въ Земскій Соборъ, палату народныхъ представителей и областные сеймы производятся всеобщимъ и тайнымъ народнымъ голосованіемъ.

Уставы, учрежденія, положенія и другія постановленія, обязательныя для гражданъ, правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ и властей, и опредѣляющія ихъ взаимныя права и обязанности, не могутъ быть изданы иначе, какъ законодательной властью, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ, и въ особо поименованныхъ случаяхъ—не иначе какъ съ согласія Земскаго Собора. (§ 49). Каждый гражданинъ, какъ самолично, такъ и въ союзѣ съ другими, имѣетъ право предлагать палатѣ народныхъ представителей и сеймамъ проекты законовъ, а также представлять опроверженія противъ законопроектовъ, разсматриваемыхъ названными собраніями (§ 50).

Разсмотрѣнію палаты народныхъ представителей подлежатъ законопроекты, касающіеся: a) иностранныхъ сношеній, военныхъ и морскихъ силъ и обороны отечества; в) общеимперскихъ расходовъ, взносовъ изъ областныхъ доходовъ въ имперскую казну, и *косвенныхъ* налоговъ; c) государственныхъ займовъ, народнаго кредита, акціонерныхъ и другихъ обществъ, простирающихъ свою дѣятельность на всю имперію; д) монеты, мѣръ, вѣса и времени счисленія; e) путей сообщенія имѣющихъ государственное значеніе; f) почтъ, телеграфовъ и другихъ способовъ сношеній; g) государственныхъ имуществъ; h) церковнаго устройства, какъ православной, такъ и инославныхъ церквей и общинъ; i) устройства имперскаго министерства, государственныхъ департаментовъ и областныхъ органовъ правительства; к) гражданскаго, торговаго и уголовнаго правъ; l) учрежденія областныхъ сеймовъ (§ 51).

«Разсмотрѣнію областныхъ сеймовъ подлежатъ законопроекты, касающіеся: a) опредѣленія условій полученія правъ осѣдлости; b) областныхъ расходовъ и *прямыхъ* налоговъ; c) областныхъ займовъ, кредитныхъ учрежденій, акціонерныхъ и др. обществъ, имѣющихъ мѣстный характеръ; d) областныхъ и мѣстныхъ путей сообщенія, торговли, промышленности и народнаго хозяйства; e) народнаго образованія—высшаго, средняго и нисшаго, народнаго здравія и народнаго продовольствія; f) устройства областныхъ и мѣстныхъ административныхъ и полицейскихъ учрежденій; g) устройства самоуправленія сельскаго, городского, волостного, уѣзднаго, губернскаго и т. п. h) всѣхъ остальныхъ предметовъ, неподлежащихъ вѣдѣнію палаты народныхъ представителей, а изъ числа подлежащихъ ея вѣдѣнію тѣхъ и въ тѣхъ предѣлахъ, какіе будутъ предоставлены сеймамъ въ законодательномъ порядкѣ» (§ 52).

Право инціативы (законодательнаго почина) должно было принадлежать, кромѣ членовъ палаты, совѣту министровъ, правительствующему сенату и областнымъ сеймамъ, а равно и частнымъ лицамъ. Принятый законопроектъ долженъ былъ сообщаться на разсмотрѣніе государственному совѣту, а по вопросамъ судоустройства и судопроизводства-сенату (общему его собранію). Въ случаѣ согласія съ законопроектомъ государственный совѣтъ или сенатъ представляютъ его на утвержденіе императора, а въ случаяхъ *несогласія* съ проектомъ, въ цѣломъ или въ частяхъ, сообщаютъ объ этомъ собранію, принявшему проектъ. (§ 57).

Замѣчанія, сдѣланныя государственнымъ совѣтомъ и сенатомъ, заслушиваются представительнымъ собраніемъ и если имъ принимаются, то включаются въ законопроектъ, который вновь сообщается государственному совѣту или сенату, по принадлежности, и послѣдними представляется на утвержденіе императора, вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ. (§ 58).

Императору принадлежитъ право утвердить или отклонить представленный ему законопроектъ не иначе, какъ въ цѣломъ составѣ... Законопроектъ, принятый подрядъ

тремя сессіями палаты народныхъ представителей, или тремя послѣдовательно избранными областными сеймами, безъ измѣненія редакціи, долженъ быть либо утвержденъ императоромъ, либо переданъ на обсужденіе Земскаго Собора. (§ 59).

Земскій-же Соборъ разсматриваетъ и окончательно утверждаетъ государственную роспись, на которую императоръ не далъ согласія (§ 73).

Утвержденный императоромъ законъ препровождается правительствующему сенату для обнародованія во всеобщее свѣдѣніе. Если сенатъ встрѣтитъ сомнѣніе въ согласіи закона съ правилами Устава и если найдетъ, что законъ изданъ безъ соблюденія установленнаго порядка, то представляетъ объ этомъ императору, который отмѣняетъ данное утвержденіе, либо передаетъ дѣло на разрѣшеніе земскаго собора.

Отмѣтимъ еще два постановленія этого устава. § 66 гласилъ: «Никакое должностное лицо, состоящее на государственной службѣ, какъ по назначенію, такъ и по выбору, не можетъ быть уволено отъ должности, или лишено содержанія ни совѣтомъ министровъ, ни другимъ начальствомъ безъ письменнаго объясненія причинъ. Уволенному принадлежитъ право оспаривать законность своего увольненія предъ судомъ, который можетъ возстановить уволеннаго въ должности».

§ 92—93 предусматривали возможность введенія законодательнымъ порядкомъ по Высочайше утвержденному постановленію сейма или палаты, во всей-же имперіи—только палаты—положенія о чрезвычайной охранѣ срокомъ не болѣе 3 мѣсяцевъ.

Мы чувствуемъ, что проектъ этотъ, какъ измышленіе частнаго лица, не заслуживалъ-бы подробнаго изложенія, если-бы не представлялъ собою оригинальной попытки примирить земскую программу областного устройства Россіи съ существующими бюрократическими учрежденіями *).

*) Нѣкоторое сходство проектъ этотъ имѣетъ съ проектомъ Новосильцова (1819), именно въ устройствѣ областныхъ сеймовъ.

Для обузданія властныхъ стремленій всенароднаго представительнаго собранія, авторы проекта нагромоздили Пеліонъ на Оссу, поставивши рѣшенія собранія въ зависимость отъ государственнаго совѣта (изъ представителей высшей бюрократіи), отъ сената, отъ троекратнаго «veto» монарха, опять отъ сената (какъ блюстителя конституціонныхъ законовъ) и наконецъ отъ Земскаго Собора.

Подобная конституція была бы сложна, неуклюжа, малоподвижна и едва-ли-бы могла обезпечить народовластіе. Зато авторы могли-бы утѣшать себя тѣмъ, что всѣ бюрократическія учрежденія ими сохранены.

Кончина имп. Александра III и восшествіе на престолъ имп. Николая II подали земствамъ поводъ снова выступить съ конституціонными ходатайствами. Правда, въ адресахъ этого періода не были столь точно выражены пожеланія о созывѣ народнаго представительства, какъ это было въ началѣ 80-хъ годовъ. Напротивъ, тонъ адресовъ былъ еще болѣе робкій и неясный.

Всего девять земствъ (Тверское, Тульское, Уфимское, Полтавское, Саратовское, Тамбовское, Курское, Орловское и Черниговское) въ той или иной формѣ указали на невыносимость современнаго положенія и просили о допущеніи представителей земствъ къ законодательной работѣ. За подачу подобныхъ-же адресовъ высказалось большинство собраній земствъ Псковскаго, Новгородскаго и Смоленскаго, которыя отказались отъ состоявшихся уже постановленій только послѣ того, какъ выяснилось, что адресы, поданные другими земствами, приняты весьма неблагосклонно, что адресъ Тверского земства даже не принятъ государемъ *), и что на докладѣ о немъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовала Высочайшая резолюція:

«Я чрезвычайно удивленъ и недоволенъ этой неумѣ-

*) Согласно протоколу Тверского губернскаго земскаго собранія, 23 янв. 1895 г., этому собранію были сообщены отношенія тверского губернатора: за № 176 отъ 18 янв., о томъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ видно изъ его отзыва, „не счелъ себя вправѣ повергнуть

стной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія».

Нельзя, однако, не отмѣтить, что въ новгородскомъ земствѣ администраціи и предсѣдателю собранія стоило большихъ трудовъ предотвратить подачу адреса.

Этимъ земствомъ адресъ былъ принятъ послѣ тщательнаго обсужденія всѣмъ составомъ собранія, засѣданіе котораго состоялось *уже послѣ того*, какъ стало общеизвѣстнымъ, что двое изъ трехъ депутатовъ тверского земства—Родичевъ и Головачовъ—не будутъ приняты государемъ, и только въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій губернскій предводитель дворянства кн. Васильчиковъ успѣлъ добиться отмѣны постановленія о подачѣ адреса.

Адресъ тверского земства, вызвавшій неудовольствіе государя, выражалъ надежду, что, «съ высоты престола всегда будетъ услышанъ голосъ нужды народной».—«Мы уповаемъ»,—говорилъ адресъ,—«что счастіе наше будетъ рости и крѣпнуть при неуклонномъ исполненіи закона, какъ со стороны народа, такъ и со стороны представителей власти,—ибо законъ, представляющій въ Россіи выраженіе Монаршей воли, долженъ стать выше случайныхъ видовъ отдѣльныхъ представителей этой власти. Мы горячо вѣруемъ, что права отдѣльныхъ лицъ и права общественныхъ учрежденій будутъ незыблемо охраняться.

Мы ждемъ, государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только администраціи но и народа русскаго». Адресъ заканчивался словами: «Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій русскаго народа, равно преданныхъ престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силы и залогъ успѣха въ исполненіи вели-

къ стопамъ Его Величества адресъ тверского земства», и за № 182 о Высочайшей (ниже изложенной) резолюціи.

„*Адресы* земствъ 1894—5 г. и ихъ политическая программа". 1896. стр. 6. прим. Тамъ-же адресы земствъ (стр. 6—15).

кодушныхъ предначертаній Вашего Императорскаго Величества».

Итакъ, тверское земство желало лишь единенія царя съ народомъ, предоставленія общественнымъ учрежденіямъ права доводить выраженіе своей мысли до высоты престола, твердаго господства законности и уваженія къ правамъ каждаго лица и учрежденія. Но выраженное въ ясной и недвусмысленной формѣ пожеланіе это своимъ полнымъ достоинства тономъ выдѣлялось изъ ряда предшествовавшихъ заявленій подобострастнаго характера. Оно отнюдь не посягало ни явно, ни тайно на самодержавныя права монарха. Но оно было всецѣло направлено противъ всевластія бюрократіи, и это было причиной того, что бюрократія приложила всѣ старанія, чтобы истолковать тверской адресъ, какъ дерзостное политическое притязаніе, и пользуясь этимъ удержать въ своихъ рукахъ всю полноту захваченной ею власти. Мы не хотимъ, конечно, сказать, что адресы земствъ 1894—5 г. не были конституціонными по существу, но намъ хочется подчеркнуть, что самый конституціонализмъ земцевъ (въ массѣ) былъ плодомъ не притязанія на власть, но сознанія необходимости ослабить гнетъ административной опеки и оградить общество отъ случайныхъ и произвольныхъ дѣйствій крупныхъ и мелкихъ чиновныхъ лицъ *).

Приблизительно тѣ-же мысли, что и въ тверскомъ адресѣ, были высказаны въ адресахъ другихъ земствъ. Объ единеніи царя съ народомъ упоминали земства тульское, уфимское, полтавское и саратовское. Въ адресѣ тульскомъ затѣмъ говорится: «связанные съ лицомъ народа, сознавая себя живою частью великаго единаго цѣлаго и призванные къ мѣстной общественной дѣятельности, мы, люди земскіе, глубоко вѣримъ, что мѣстныя потребности могутъ быть удовлетворены лишь при посредствѣ мѣстныхъ

*) Такъ именно, и довольно правильно объясняетъ адресы и ихъ смыслъ авторъ цитированной книги: „Адресы земствъ 1894—5 г.", самъ, повидимому, земецъ.

людей, и просимъ довѣрія своего Царя, которое необходимо для плодотворнаго служенія родинѣ, *просимъ открытаго доступа голоса земства къ престолу* (курсивъ подлинника). Мы вѣримъ, что только освященное живымъ общеніемъ Царя совокупное единство работы возбудитъ новыя живыя силы».

Полтавское земство въ словахъ благодарности монарха мѣстнымъ учрежденіямъ черпаетъ надежду, что «правдивый голосъ Земства, нелицепріятно предстательствующій о нуждахъ мѣстнаго населенія, свободно восходя къ престолу, всегда будетъ милостиво и благосклонно выслушиваемъ»! Уфимское земство говоритъ: «мы пріемлемъ смѣлость думать, что голосъ нашъ о нуждахъ народныхъ, о горѣ и радостяхъ найдетъ свободный доступъ къ Вамъ, Государь, и жизнь обожающаго Васъ народа будетъ извѣстна Вамъ въ истинномъ ея свѣтѣ». Далѣе уфимскій адресъ указываетъ на необходимость господства строгой законности: «полагая черпать счастіе и благоденствіе свое въ мудрыхъ предначертаніяхъ Вашего Величества, мы вѣруемъ, что выраженія Вашей Самодержавной воли будутъ одинаково святы для всѣхъ и каждаго и что подъ благодатной ихъ сѣнью, жизнь, какъ частная, такъ и государственная будетъ обезпечена въ своемъ правильномъ теченіи». По сообщенію губернатора, въ Уфѣ, земство «рѣшилось домогаться, чтобы въ засѣданія высшихъ правительственныхъ учрежденій были допущены представители всѣхъ земствъ Россіи при сужденіи о вопросахъ, касающихся земствъ и въ частности,—объ измѣніи системы народнаго продовольствія».

Въ саратовскомъ адресѣ читаемъ: «Саратовское земство преисполнено готовности неустанно трудиться на пользу мѣстнаго населенія, уповая подъ державою Вашею быть ближайшимъ выразителемъ истинныхъ народныхъ нуждъ передъ престоломъ Вашего Величества».

Тамбовское земство, упомянувъ съ благодарностью о льготахъ по сложенію части продовольственнаго долга, съ

радостью усматриваетъ въ возстановляющемся благосостоянiи населенiя новый источникъ силы для бодраго и неуклоннаго продолженiя того великаго дѣла, начало которому было положено незабвеннымъ Царемъ-Освободителемъ, призвавшимъ общественныя силы страны къ совмѣстной работѣ съ правительствомъ и тѣмъ создавшимъ прочное между ними единенiе.—«Мы уповаемъ», говорится далѣе, «что среди глубокаго мира, упроченнаго въ Бозѣ почившимъ Августѣйшимъ Родителемъ Вашимъ, единенiе это, развиваясь и укрѣпляясь, станетъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ созиждется наша государственная будущность».

Орловскiй адресъ, повидимому, хотѣлъ выразить ту же мысль въ словахъ: «мы, земскiе люди, отъ всѣхъ сословiй земли приносимъ къ престолу, котораго мы горды сознавать себя широкимъ и стойкимъ подножiемъ, непоколебимую, неистощимую нашу вѣрность; считая представительство наше прежде всего представительствомъ нуждъ народныхъ, мы просимъ довѣрiя и одобренiя Вашего, Государь».

Чрезвычайно обстоятельный адресъ курскаго земства также усиленно останавливается на этой мысли о необходимости единенiя между царемъ и земствомъ, которое должно явиться представителемъ всѣхъ сословiй страны; въ томъ единенiи всѣхъ сословiй, о которомъ говоритъ царь въ своемъ манифестѣ, земство, призванное къ жизни державною волею дѣда молодого императора и въ основахъ своихъ всесословное, видитъ залогъ успѣха своей дѣятельности: земство «твердо уповаетъ, что его дѣятельность, подъ охраною впредь довѣрiя Вашего Императорскаго Величества, достигнетъ благопрiятныхъ условiй для своего развитiя, укрѣпится и усилится для пользы населенiя».

И въ связи съ такого рода ростомъ земства является вопросъ о предоставленiи ему непосредственнаго доступа къ царю: «земство увѣрено»,—говорится далѣе въ адресѣ,—«что Ваше Императорское Величество всегда съ милости-

вымъ вниманіемъ отнесетесь къ голосу земства и не откажете въ открытомъ доступѣ къ Вашему престолу ему, какъ выразителю *мѣстныхъ и областныхъ нуждъ и общихъ интересовъ»*. Далѣе перечисляются тѣ вопросы, разработка которыхъ должна составить содержаніе дальнѣйшаго развитія страны; при этомъ условіями ея благополучія выставляются: просвѣщеніе, гласность и единеніе власти со всѣми сословіями. Наиважнѣйшей задачей земства ставится утвержденіе всеобщей грамотности (тоже и въ Орловскомъ адресѣ); наконецъ, указывается на необходимость разрѣшенія коренныхъ вопросовъ земледѣлія и землевладѣнія—черезъ удовлетвореніе многочисленныхъ нуждъ народа.

Послѣ всѣхъ этихъ адресовъ, а также послѣ пріема государемъ депутацій 17-го января, принятъ былъ адресъ черниговскимъ земствомъ. Въ черниговскомъ адресѣ всѣ основныя пожеланія земства высказаны съ особенной опредѣленностью. Хотя уже тогда выяснилось, что земскія заявленія не соотвѣтствуютъ видамъ правительства имп. Николая II, черниговцы, какъ бы желая избѣжать происшедшаго страннаго недоразумѣнія и непониманія, постигшаго первые адресы, пытаются не только отмѣтить свои пожеланія, но и формулировать ихъ съ такою точностью, которая можетъ быть не совсѣмъ обычна въ адресѣ, но зато не допускаетъ уже никакихъ неправильныхъ толкованій.

Адресъ черниговскаго земства гласилъ: «Мы, представители мѣстныхъ нуждъ нашего населенія, никогда не преступавшіе въ своей дѣятельности Высочайше дарованныхъ намъ полномочій, умоляемъ Ваше Императорское Величество осчастливить земскія учрежденія Вашимъ Монаршимъ довѣріемъ. Потребности нашей мѣстной жизни въ последнее время чрезвычайно усложнились; вмѣстѣ съ этимъ усложнилась и наша дѣятельность. Для ея успѣха, для созданія такихъ для нея условій, при которыхъ она, возможно менѣе стѣсняемая въ своемъ проявленіи, могла бы направляться производительно для блага населенія, довѣріе

Вашего Величества намъ такъ-же необходимо и драгоцѣнно, какъ свѣтъ и воздухъ для развитія всего живого. Подъ сѣнью этого довѣрія мы будемъ жить радостной надеждой, что получимъ возможность, въ кругу нашего вѣдѣнія, самостоятельно оцѣнивать наши мѣстныя пользы и нужды, что намъ даровано будетъ право безпрепятственно возлагать исполненіе земскихъ обязанностей на лицъ, которыхъ мы считаемъ наиболѣе достойными; что дѣятельность наша въ предѣлахъ Высочайше дарованныхъ намъ правъ будетъ протекать подъ строгой охраной закона; что въ самой важной области нашей дѣятельности, въ дѣлѣ народнаго образованія, мы будемъ освобождены отъ цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій, стѣсняющихъ эту дѣятельность, и что при бóльшемъ развитіи гласности ярче выяснятся нужды и всѣ стороны нашей мѣстной жизни, заботы о которыхъ предоставляются земству. Мы осмѣливаемся ходатайствовать и о томъ, чтобы по важнѣйшимъ нуждамъ нашего земскаго вѣдѣнія намъ даровано было драгоцѣнное право, предоставленное дворянству статьей 135 т. IX Св. Законовъ, непосредственнаго обращенія къ Вашему Величеству».

Всѣ вышеупомянутыя земскія заявленія были приняты съ крайнимъ неудовольствіемъ въ тѣхъ реакціонно-бюрократическихъ сферахъ, которыя сыграли наиболѣе видную роль при рѣшеніи вопроса о народномъ представительствѣ въ 1881 г. по вступленіи на престолъ имп. Александра III. Эти сферы продолжали имѣть прежнее вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ и въ данный историческій моментъ. Это выразилось и въ манифестѣ 20 окт. 1894 г., въ которомъ говорилось о «завѣтахъ усопшаго Родителя» вступившаго на престолъ императора, это выразилось и въ отвѣтѣ депутаціямъ земствъ, дворянства, городовъ и казачьихъ войскъ 17 янв. 1895 г. Въ этотъ день имп. Николай II, отвѣчая на принесенныя поздравленія, прочелъ рѣчь слѣдующаго содержанія: «Послѣ выраженія увѣренности въ искренности заявленныхъ вѣрно-

подданническихъ чувствъ, государь сказалъ: «Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой незабвенный покойный Родитель».

Это былъ категорическій, ясный и точный отвѣтъ на всѣ заявленія о необходимости измѣненія государственнаго строя. Политическій строй объявлялся незыблемымъ и впредь, и это рѣшеніе властно предопредѣляло всю дальнѣйшую государственную политику. Это было немедленно понято и учтено передовой интеллигенціей *). Вопросъ о государственномъ переустройствѣ былъ рѣшенъ окончательно и безповоротно, насколько исторія вообще допускаетъ *безповоротныя* рѣшенія. Этимъ моментомъ мы закончимъ изложеніе развитія конституціонныхъ идей въ русскихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ политическихъ программахъ. 17 янв. 1895 г. открываетъ собою тотъ періодъ русской исторіи, который еще слишкомъ близокъ къ намъ для безпристрастной исторической оцѣнки, и къ тому-же еще далеко не законченъ.

---

*) Уже 19-го янв. 1895 г. было распространено извѣстное «Открытое письмо» по поводу 17 янв. и историческаго значенія августѣйшей рѣчи, предрѣшившей какъ правительственную политику, такъ и поведеніе подданныхъ въ ближайшій періодъ русской исторіи.

Содержаніе 1-й части.

Предисловіе. Стран.

Содержаніе 2-й части.

Стран.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь" въ Ростовѣ на Дону.

1 В. Г. Короленко—Пріемышъ . . 2 к.
2 В. І. Дмитріева—Майна-вира . 3 к.
3 Е. Н. Чириковъ—Маленькій грѣшникъ . . . . 1 к.
4 Л. Н. Андреевъ—Баргамотъ и Гараська [съ картинк.] . . . $1\frac{1}{2}$ к.
5[2] Кретцеръ—Исторія черн. сюртука . . . . 1 к.
6 Крандіевская—Для души . . . 2 к.
7 Е. Н. Чириковъ—Свинья . . . 2 к.
8[2] В. И. Немировичъ-Данченко—Старый замокъ . . . . . . 3 к.
9 А. И. Свирскій—Забракованный 2 к.
10[2] Костинъ—Ошибка . . . . . . 3 к.
11 В. І. Дмитріева—Ее всѣ знаютъ 3 к.
12 К. М. Станюковичъ—За „Щупленькаго" . . . . 2 к.
13 И. И. Митропольскій—Вода . . 2 к.
14[2] А. Серафимовичъ—Месть . 3 к.
15 Л. Мельшинъ—Искорка . . . 3 к.
16 Л. Мельшинъ—Чортовъ Яръ . 4 к.
17 Л. Н. Андреевъ—Гостинецъ . . 2 к.
18 Л. Н. Андреевъ—Петька на дачѣ 2 к.
19 В. І. Дмитріева—Мама на войнѣ 3 к.
20 Л. Андреевъ—Въ Сабуровѣ . . 2 к.
21 И. П. Бѣлоконскій—Страховка 2 к.
22 П. А. Бвашева—Мой день . . . 2 к.
23 В. Г. Короленко—Ночью [съ рис. Е. Бемъ] . . . . 5 к.
24 Н. И. Тимковскій—Среди людей 5 к.
25 С. Ф. Русова—Біографія Гарибальди [съ портр.] . . . . 4 к.
26 С. Т. Семеновъ—Отчего Парашка не выучилась грамотѣ . . 3 к.
27 Н. Н. Златовратскій—Мечтатели 4 к.
28 А. Купринъ—Ночная смѣна . . 3 к.
29 Э. Ожешко—Гедали . . . . 3 к.
30 С. Юшкевичъ— Хаимка и Іоська 2 к.
31 В. Вересаевъ—Въ пути . . . . 1 к.
32 И. Франко—Самъ виноватъ . $1\frac{1}{2}$ к.
33 И. Алексѣевъ—Изъ-за хлѣба насущнаго. „Лишній" . . . $1\frac{1}{2}$ к.
34 Серафимовичъ—Стрѣлочникъ . 3 к.
35 В. Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ 2 к.
36 И. И. Митропольскій—Отсрочка 1 к.
37 А. Яблоновскій—Удружилъ . . 1 к.
38 И. Франко—Хорошій заработокъ . . . . 1 к.
39[2] Натъ (перев. съ арм.) . . . . $1\frac{1}{2}$ к.
40 Остои—Поденщикъ . . . . 2 к.
41 Некрасовъ и Никитинъ—Избранныя стихотворенія . 4 к.
42 И. А. Бунинъ—Байбаки . . 3 к.
43 А. И. Петровскій—Не дался . . 1 к.
44 В. І. Дмитріева—Бѣлыя крылья 2 к.
45 А. Серафимовичъ—Въ бурю . 3 к.
46 А. Яблоновскій—Конокрадъ . 3 к.
47 И. Франко—На днѣ . . . 9 к.
48[2] Какъ сицилійск. крестьяне улучшили свое положеніе . . . 6 к.
49 В. И. Немировичъ-Данченко—Воскресшая пѣснь . . 5 к.
50 В. Вересаевъ—Повѣтріе 4 к.
51 И. П. Бѣлоконскій — Деревня Печальная . . 3 к.
52 В. І. Дмитріева—Волки 3 к.
53[2] Серафимовичъ—Степные люди 3 к.
54 И. Митропольскій —На плотахъ 3 к.
55 Короленко—Черкесъ (съ 2 рис.) 4 к.
56 В. Вересаевъ—Звѣзда (восточн. сказка) . . . . $1\frac{1}{2}$ к.
57 Н. Д. Телешовъ—Противъ обычая 2 к.
58 Яблоновскій—Въ консультаціи 3 к.
59 Пѣсни труда . . . 5 к.
60 Темный—Скроткинъ (изъ жизни рабочихъ) . . . . 3 к.
61 Только часъ. А. Крандіевской и др. разсказы . . . 10 к.
62 И. Бунинъ—Надъ городомъ 1 к.
63 Елпатьевскій—Отлетаетъ мой соколикъ (изъ сибирск. жизни) 2 к.
64 К. Станюковичъ—Эмигрантъ 3 к.
65 Избранныя стихотворенія С. Я. Надсона и др. поэтовъ . . . . 5 к.
66 Л. Андреевъ—Ангелочекъ . . . 3 к.
67 Л. Андреевъ—Жили-были . . 3 к.
68 Скиталецъ—Атаманъ . . . 2 к.
69 Серафимовичъ—Въ камышахъ 3 к.
70 Н. Рубакинъ—Дѣдушка Время 7 к.
71 А. Яблоновскій—Завѣтная мечта . . . . 3 к.
72 С. Елпатьевскій—Присяжнымъ засѣдателемъ . . 2 к.
73 Вересаевъ—Къ спѣху . 1 к.
74 А. Серафимовичъ—На льдинѣ 3 к.
75 Л. Мельшинъ—Маленькіе люди 4 к.
76 Е. И. Булгакова—Что за страна Японія . . 5 к.
77[2] Яковлева—Свидѣтель . . . . 8 к.
78 Н. Д. Телешовъ—Хлѣбъ-соль $1\frac{1}{2}$ к.
79[2] С. Русова—На счастливыхъ островахъ . . . . . 6 к.
80 В. Г. Короленко—Соколинецъ 7 к.
81 Е. Н. Чириковъ—Коля и Колька 2 к.
82 С. Елеонскій—Огорченіе . 3 к.
83 С. Русова—Братья Гримм . 3 к.
84 Н. Телешовъ—Нужда . . $1\frac{1}{2}$ к.
85 Избр. ст[ихотворения] Алексѣя Толстого и др. поэтовъ . . 3 к.
86[2] Молодая жизнь . . . . 7 к.
87 З. Золя—Кровь . . . . . 3 к.
88 Танъ—Елка въ Америкѣ . . 3 к.
89 Г. И. Успенскій—Вулка . . . 3 к.
90 В. Г. Короленко—Мгновеніе и Огоньки . . . . . 3 к.
91 Пѣсни мира. Сборн. стих. . 2 к.
92 В. Н.-Данченко.—Соловьиная ночь 1 к.
93 И. П. Бѣлоконскій—Страшное мѣсто . . . . $1\frac{1}{2}$ к.

Дозв. цена. Ростовъ н-Д. Типографія „Донская Рѣчь".


2007237408